

**ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 22

**Под редакцией Козлова В.В., Карпова А.В.,
Мазилова В.А., Петренко В.Ф.**

Москва, Ярославль, 2024

ББК 88.4 + 53.57
УДК 159.99

Главный редактор профессор Козлов В.В.

Методология современной психологии. Вып. 22 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2024 - 343 с.

Сборник статей представляет обзор теоретических работ по методологии психологии.

Сборник адресован психологам, студентам, аспирантам, преподавателям факультетов психологии вузов, специалистам в области психологической работы с населением.

ISSN 1234-1234

© Козлов В.В., 2024

Оглавление

Козлов В.В., Слепко Ю.Н.	6
К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЗИЛОВА	6
Бугайчук Т.В.	15
ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ)	15
Вайсман С.Е.	19
ЗВУКОТЕРАПИЯ, КАК МЕТОД РАСКРЫТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ТЕОРИИ ПСИХОСАНИТАС	19
Верещагина А.А.	26
КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ	26
Власов Н.А.	31
ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КЛИНИЧЕСКОЙ (МЕДИЦИНСКОЙ) ПСИХОЛОГИИ	31
Володичева Е.В., Дмитриева Л.Г.	39
КОМПЛЕКСНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА	39
КАК УТРАТА ВНУТРЕННЕЙ АКТИВНОСТИ	39
Габбасова А.А., Баяхметова А.С.	44
АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.	44
Габбасова А.А., Тетерина Д.Е.	54
ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	54
Дьяченко Е.Н.	62
РАЗВИТИЕ ПОЛИМОТИВАЦИОННОГО АСПЕКТА МЫШЛЕНИЯ	62
Журавлев А.Л., Китова Д.А.	70
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА	70
Евдокимова Н.В.	84
ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	84
КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ИСТОРИИ НАУК	84
Капарова З.Б.	94
ИСТОРИЯ И ОСНОВЫ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	94
Карпов А. А.	111
К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ДОКТРИН АНТРОПОПСИХИЗМА И АНИМАЛОПСИХИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	111
Карпов А.В.	119
ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В ПСИХОЛОГИИ	119
Кашапов М.М.	141
ОСОБЕННОСТИ РЕСУРСНОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНОЙ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	141
Китаева М.П.	154

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА	154
Ковалев А.В.....	163
БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОТЕРАПИИ НАРУШЕНИЯ ЗРЕНИЯ	163
Козлов В.В.....	171
ПРИНЦИП ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ	171
Козлов В.В., Власов Н.А.....	181
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. ЧАСТЬ I.....	181
Коллонтай Г.А.....	188
МЕТОД ПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-СИСТЕМАХ	188
Корнев С.А., Пантюшина С.В.	193
НОМОФОБИЯ КАК ФЕНОМЕН ОБЪЕКТИВАЦИИ СТРАХА УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА ЛИЧНОСТЬЮ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА.....	193
Корнеев С. С.	205
ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЙОГЕ.....	205
ОБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ЛИЧНОСТИ	205
Костригин А.А., Клещенко А.Д.	216
МОТИВЫ ПОВЕДЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Ю. ВОЙТОНИСА.....	216
Мазилов В.А.....	224
«ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА» И/ИЛИ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ	224
Мазилов В.А., Слепко Ю.Н.	239
ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ.....	239
Макарова К.В.	244
МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ПОНИМАНИЯ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	244
Меркульев М.Ю., Меркульева Т.А., Шаменков Д.А.....	250
ЖИВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ? ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ	250
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ПРАКТИКАХ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА	250
Меркульев М.Ю., Просекин М.Ю.	258
ОТ АНТРОПОТИПИРОВАНИЯ К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ОТ ПРОФОРИЕНТАЦИИ К ПРОФНАВИГАЦИИ	258
Миронова Т.И., Шепелева С.В. Сумнительный С.В.....	265
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТСКИХ ГРУПП С СОМАТИЧЕСКИМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ.....	265
Рожкин А.В.	272

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИМ РАБОТНИКАМ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА.....	272
Розанов И.А., Ратникова В.Ю.	278
АФФЕРЕНТНЫЙ СИНТЕЗ И ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПРИ ВОСПРИЯТИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	278
Саркисова Е.И.	287
ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	287
Синякина Е.Г.	296
РУССКОЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ КРЕСТЬЯНСТВО	296
КАК ОСНОВА НАРОДА	296
Спирин А.В., Федоришин М.И., Перевозкина Ю.М.	306
СТАТУСНО-РОЛЕВАЯ ПОДСИСТЕМА, КАК ПРЕДИКТОР ОБЩНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ.....	306
Терентьева Т. С.	312
ПОНЯТИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ, КАК ФАКТОРА ВЛИЯЮЩЕГО НА СОСТОЯНИЕ СЧАСТЬЯ	312
Токарев Я.В.	320
БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ. МЕТАНОЙЯ.	320
Толочек В.А.	329
СПОСОБНОСТИ: «ИЗМЕРЕНИЯ» ФЕНОМЕНА КАК ЕГО ЦЕЛОСТНОЕ ОПИСАНИЕ.....	329
Юмкина Е.А., Гуриева С.Д., Постанина А.В.	334
АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ «ШКАЛЫ ПРОАКТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РАБОТЫ»: АНАЛИЗ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ СВОЙСТВ	334
Список авторов	341

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЗИЛОВА

Аннотация. Статья посвящена празднованию 70-летнего юбилея выдающегося отечественного психолога, теоретика, методолога, историка и философа психологии Владимира Александровича Мазилова. Учитывая многообразие результатов многолетних исследований юбиляра, в статье дается краткая характеристика разработки им проблем психологии мышления, теории и методологии психологии, общей психологии, психологии образования, ряда других актуальных проблем психологической науки. Утверждается, что значимость результатов исследования В.А. Мазилова выходит за рамки отечественной психологии и может быть востребована в разработке проблем истории, теории и методологии современной мировой психологической науки.

Ключевые слова: В.А. Мазиллов, психология, история психологии, теория психологии, методология психологии

Annotation. The article is devoted to the celebration of the 70th anniversary of the outstanding Russian psychologist, theorist, methodologist, historian and philosopher of psychology Vladimir Alexandrovich Mazilov. Taking into account the variety of results of the jubilee's long-term research, the article gives a brief description of his development of problems of psychology of thinking, theory and methodology of psychology, general psychology, psychology of education, and a number of other topical problems of psychological science. It is argued that the significance of the results of V.A.'s research Mazilova goes beyond the framework of Russian psychology and can be in demand in the development of problems of history, theory and methodology of modern world psychological science.

Keywords: V.A. Mazilov, psychology, history of psychology, theory of psychology, methodology of psychology

В 2024 году российское психологическое сообщество празднует юбилей выдающегося отечественного психолога - историка, теоретика, методолога и философа психологической науки Владимира Александровича Мазилова. Значимость фигуры В.А. Мазилова в российской психологии неоспорима.

За многие десятилетия своего научного творчества юбиляр внес значительный вклад в решение самых разных актуальных и значимых проблем психологической науки. Конечно, для большинства психологов В.А. Мазиллов известен, прежде всего, как выдающийся отечественный методолог - автор концепции соотношения теории и метода в психологии, автор коммуникативной методологии психологической науки. Однако, необходимо специально обратить внимание, что вклад В.А. Мазилова в психологическую науку не ограничивается разработкой методологических проблем психологии. На разных этапах научного творчества им разрабатывались и продолжают решаться проблемы психологии мышления, истории отечественной и мировой психологии, психологии образования и профессионального развития психолога, проблемы компетентностного подхода в психологическом образовании и мн.др.

Сколь разнообразны научные интересы юбиляра, столь же продуктивна и его публикационная деятельность. За многие годы своей научной работы им было опубликовано около тысячи научных статей, рецензий на труды коллег, монографий, сборников материалов научных конференций и мн. др.

Недавний выход в свет коллективной монографии, посвященной юбилею В.А. Мазилова [Мастер психологии..., 2024], снимает с авторов настоящей статьи необходимость подробного описания и характеристики научного пути юбиляра и основных результатов его научно-исследовательской деятельности. В монографии читатели могут познакомиться с основными датами биографии юбиляра, оценками его научного творчества друзьями и коллегами, характеристикой многомерности его научных взглядов [Леньков, Рубцова, 2024], вкладом в разработку и решение методологических проблем психологии [Рыльская, 2024], результатами разработки проблемы предмета психологии [Бугайчук, 2024]. Что еще более важно, читатели могут познакомиться и с содержанием ряда интервью, в которых юбиляр раскрывается во всей полноте своего научного, творческого, жизненного многообразия [Мастер психологии..., 2024; Базиков, Мазил, 2016; Слепко, 2019; Слепко, Мазил, 2021].

Несмотря на сказанное, авторы все же учитывают традиционный характер настоящего издания и хотели бы представить читателю некоторые наиболее общие характеристики, отражающие основные результаты научного творчества юбиляра.

Наверное, первым крупным научным проектом В.А. Мазилова (после обязательных курсовых и дипломных работ в вузе) была разработка им проблем психологии мышления. Формально она берет начало с подготовки и защиты им в 1982 г. кандидатской диссертации на тему «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач». Защита диссертации состоялась в ведущем научно-исследовательском институте страны - Институте психологии Академии наук СССР. Выбор в качестве темы исследования проблемы, связанной с психологией мышления, был определен, по всей видимости, тем, что научным руководителем по диссертации был хорошо известный специалист в области психологии мышления Николай Павлович Ерастов. Помимо разработки проблем психологии мышления в кандидатской диссертации В.А. Мазил обращается к изучению проблем мышления в гештальтпсихологии, к проблемам психологии творческого мышления, места и роли мышления в структуре общепсихологического знания, роли мышления в профессиональной деятельности и др. Разнообразие изучаемых аспектов проблемы мышления в психологии указывает на его особое место в структуре психологического знания, на особую роль в решении как общепсихологических, так и конкретно прикладных задач.

Обращаясь к ключевому проекту научно-исследовательской деятельности В.А. Мазилова, необходимо сказать, что его реализация стала возможна благодаря многолетним исследованиям в области теории, методологии и истории психологической науки. При этом нельзя не сказать, что и более ранние исследования в области психологии мышления оказали существенное влияние

на формулирование основных положений концепции соотношения теории и метода в психологии. Здесь следует сказать о ряде существенных моментов.

Наиболее завершенный вид концепция соотношения теории и метода в психологии приобрела в докторской диссертации, которую В.А. Мазиллов защитил в 2000 г. на базе Московского педагогического государственного университета на тему «Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки». Научным консультантом по диссертации выступил академик РАО, доктор психологических наук, профессор В.Д. Шадриков; официальными оппонентами - член-корреспондент РАН, действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор А.В. Брушлинский, действительный член РАО, доктор философских наук, профессор К.А. Абульханова, а также доктор психологических наук, профессор С.Д. Смирнов. Наличие столь значительных для российской психологии фигур в качестве и научного консультанта, и оппонентов говорит о серьезном внимании психологического сообщества к выдвинутым в диссертации идеям.

Именно в рамках разработки концепции соотношения теории и метода В.А. Мазилловым были опубликованы наиболее глубокие и объемные работы по проблемам истории, теории и методологии психологической науки - «Методология психологической науки» (2003), «Стены и мосты: методология психологической науки» (2004), «Методологические проблемы психологии» (2006), «Методология психологической науки: история и современность» (2017) и мн.др.

Развитие концепции соотношения теории и метода в психологии получило и официальное признание в научном сообществе, когда в 2020 г. Российской академией наук В.А. Мазиллову была присуждена премия имени С.Л. Рубинштейна за серию научных работ по теме «Методология и история современной психологии».

На упомянутую работу, вышедшую в 2017 году («Методология психологической науки: история и современность»), стоит обратить специальное внимание по той причине, что ее автор является самым признанным методологом советской и российской психологии, апостолом методологии. Как известно, в буддизме тхеро становятся тогда, когда монах овладевает текстами «Типитаки» - канона буддизма [Козлов, 2019]. В этой логике Владимир Александрович достиг предела - он является последним и единственным энциклопедистом психологии, который в совершенстве владеет историей и современным состоянием этого направления гуманитарной науки. Как известно, последним энциклопедистом философии был Платон. Во многих смыслах Мазиллов В.А. является Платоном психологии. В квартирах, в которых он жил, основную площадь занимали книги. Но они не были элементом интерьера, как у многих, а были пространством его мышления и жизни. Не является исключением и квартира, в которой юбиляр живет сегодня.

Как известно, еще в 1982 году В.А. Мазиллов защитил кандидатскую диссертацию «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач» в Институте психологии АН СССР. Конечно, как интеллектуал высокой пробы, он мог бы выбрать для дальнейших исследований

любое направление психологии, но ограничил зону поиска в процессе решения своих мыслительных задач самым сложным предметом - методологией науки.

Психологи, которые формировались в профессиональном и личностном отношениях в 70-ые и 80-ые годы прошлого столетия, застали последнюю попытку создания «методологии психологии», единственной верной и подлинной научной психологии, основанной на марксистской философии и материалистической методологии науки. В соответствии с канонами этой теории - вся предшествующая историко-психологическая мысль - это только предыстория, подводящая к возникновению и осознанию подлинного содержания научной психологии - понимания, основанного на натуралистической, материалистической метафизике. Только такое понимание является настоящим научным знанием, все другие виды знания - это просто мнения или абсурд. Основная теза, согласно которой методы и допущения (включая эпистемологические и метафизические учения), на которых основаны естественные науки, должны и могут быть использованы в психологии, является основой научного мировоззрения.

В.А. Мазиллов всегда находился в оппозиции к одномерному пониманию психической реальности. В 1989 году Мазиллов В.А. опубликовал первую крупную статью, посвященную изучению проблемы соотношения теории и метода в психологии. Углубление над данной темой завершилось в конце 1990-х публикацией монографии «Теория и метод в психологии». В 1999 году он защитил докторскую диссертацию «Теория и метод в психологии» по специальности 19.00.01. «Общая психология, психология личности, история психологии». Руководствуясь историко-методологическим подходом, ему удалось разработать схему соотношения теории и метода в психологии. Вначале он полагал, что такое соотношение характерно лишь для ранних этапов становления психологии, но впоследствии показал, что схема универсальна и вполне адекватно отражает это отношение и на более поздних этапах.

В конце 90-ых годов Владимир Александрович поставил предельную задачу - разработку новой методологии психологии. По сути, вся дальнейшая его работа в области методологии была подчинена решению этих задач. Первым этапом в реализации этой программы явился анализ современного состояния методологии психологической науки в нашей стране и за рубежом. Работа над новой методологией психологии продолжалась Мазилловым В.А. в годы «перестройки» (1985-1990) и последующие 1990-е годы, когда методология репрессировалась и девальвировалась во многих психологических кругах, что, на наш взгляд, было связано с оппозицией к материалистической психологии и марксистско-ленинской философии.

Предварительные итоги формирования новой методологии обсуждались в работе с аналогичной по названию (Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. М, МАПН, 2007. 352 с.) обсуждаемой монографии [Мазиллов, 2007]. Во многих смыслах монография 2007 года продолжает и развивает основные положения, выдвинутые в 2007 году.

В своей монографии профессор Мазиллов придерживается позиции плюрализма и считает, что в настоящее время существует явное многообразие

подходов к разработке методологии психологии и все они имеют право на существование и выражают авторское видение методологии психологии. Одновременно Владимир Александрович имеет свое видение методологии, которое сводится к следующим тезисам.

Во-первых, научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Поскольку он явно сложнее предмета как естественных, так и гуманитарных наук, предстоит поиск адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления. Пока психология действовала, подражая естественным и герменевтическим наукам. На очереди обнаружение и верификация новых средств исследования. Осознание уникальности предмета и поиски своего пути - магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки.

Методология должна быть методологией «снизу» - методологические положения должны идти от самой психологии, от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки.

Методология должна быть на исторической основе. И в монографии методологическая традиция, заложенная в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, М.Г. Ярошевского, А.Н. Леонтьева, В.М. Аллахвердова, Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломова А.Р. Лурии, М.С. Роговина, А.Л. Журавлева, А.В. Юревича, В.Д. Шадрикова, поддерживается и продолжается юбилеем.

В.А. Мазилев не разделяет позиции, согласно которой руководством к созданию методологии психологии должны явиться положения философии и методологии науки. Как показано в тексте монографии, есть основания полагать, что положения, разработанные философией науки на материале естественных дисциплин, не учитывают своеобразия психологии и специфики ее предмета, по уровню сложности своего устройства намного превосходящие предметы естественных наук. Мазилевым В.А. показано, что, решая психологические вопросы, мы не можем абстрагироваться от трактовки предмета психологии.

Мазилев В.А. считает, что методология психологии должна быть нацеленной на интеграцию. Речь вовсе не идет о разработке какой-то единой супертеории, которая бы все объяснила, а, чтобы выстроить единую методологию – возможно много различных подходов. В работе Мазилова В.А. предлагается идея установления отношений между подходами, некоторого взаимопонимания между ними - методологический аппарат, позволяющий соотносить различные концепции и подходы через коммуникативную идею.

В своих работах в начале этого столетия мы обозначили стратегию В.А. Мазилова как шестую волну психологии – коммуникативную. Цель этой стратегии мы можем обнаружить как формирование универсальной языковой среды, наподобие языка математики или физики, в которых любая символика истолковывается однозначно независимо от парадигмы [Козлов, 2007].

Коммуникативная методология В.А. Мазилова предполагает кооперативное взаимодействие наук, школ и направлений в решении

конкретных вопросов психотерапии и других гуманитарных наук. В этом контексте абсолютно справедливо замечание В.А. Мазилова, что сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психотерапии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, т.е. предполагающей улучшение реального взаимопонимания:

- между различными направлениями в рамках научной психотерапии;
- между академической, научной психотерапией и практико-ориентированными концепциями;
- между научной психотерапией и теми ветвями психотерапии, которые не относятся к традиционной академической науке (трансперсональная, религиозная, мистическая, эзотерическая и т.п.);
- между научной психотерапией и искусством, философией, религией;
- между психотерапиями, которые опредмечивают различные уровни психической организации – персона, интерперсональное и трансперсональное [Козлов, 2007].

В монографии профессор Мазилев пишет, что декларации об интеграции выражают сознательные устремления психологов, что, безусловно, позитивно, но без предложения соответствующих механизмов, обеспечивающих интеграцию, остаются голыми призывами. Во-вторых, Мазилев обращает внимание, что интеграция как объединение (и сообщества, и научного знания) представляет собой ценность, но это весьма далекая (если вообще достижимая) перспектива. Вместе с тем, в психологии накоплен колоссальный массив информации. В современной психологии имеется богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию. Автор подчеркивает, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Методология должна предложить средства, способствующие такого рода упорядочению знания [Мазилев, 2017].

В начале этого столетия один из авторов статьи писал, что интегративная психология предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности.

Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели, - углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.

Вместо того, чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологии как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого.

Стратегия интегративной психологии - постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена [Козлов, 2007].

Следует подчеркнуть, что профессор Мазилев во многом поддерживает интегративную стратегию в методологии, которую мы разрабатывали с начала 90-ых годов прошлого столетия, но при этом двигается в перспективу развития механизмов и основ интеграции научной психологии.

Для заинтересованного читателя кратко опишем основную структуру обсуждаемой работы В.А. Мазилова.

В первой главе предпринят анализ формирования методологических основ научной психологии, которая впервые заявила о себе как самостоятельной науке в 70-х годах XIX столетия. В этой главе также дается исторический анализ становления методов научной психологии: самонаблюдения и эксперимента.

Во второй главе дается анализ методологического кризиса в психологии, обсуждаются различные подходы к его трактовке и пути выхода из сложившейся ситуации. Предлагается авторская трактовка и оценка кризиса научной психологии.

В третьей главе предпринимается анализ современного состояния методологии психологии в отечественной науке, выявляются основные направления исследований и разработок. Предлагается структура авторской концепции методологии психологии, которая включает следующие составляющие:

Когнитивная (познавательная) методология, описывающая принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативная методология, обеспечивающая соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методология психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Глава четвертая посвящена обсуждению проблем когнитивной методологии: обсуждению вопроса о парадигмальном статусе психологии и перспектив основных парадигм, представленных в современной психологической науке, а также других актуальных проблем когнитивной методологии (проблемы предмета и метода научной психологии, проблемы

факта, проблемы объяснения, обсуждается роль междисциплинарных исследований в современной психологической науке, особенности их проведения и условия эффективности).

Глава пятая содержит анализ состояния коммуникативной методологии и главной на сегодняшний день проблемы в этой области – проблемы интеграции научного психологического знания.

В шестой главе затрагиваются вопросы методологии психологической практики. Анализируются сложные отношения между психологической наукой и психологической практикой.

Седьмая глава «Психология и философия: на пути к философии психологии» анализируется взаимоотношения психологии и философии. Рассматривается отношение между научной психологией и концепциями философии науки. Ставится задача разработки философии психологии как психологического учения.

Восьмая глава «Внутренний мир человека как предмет психологической науки» раскрывает перспективы новой трактовки предмета психологии.

Последний раздел монографии «На пути к интегративной методологии психологии. Вместо заключения» намечает некоторые перспективные направления дальнейших исследований [Мазилов, 2017].

Концептуально цель методологии психологии на глубинном уровне проста - это разрешение 5 великих проблем и фактов бытия – абсурдности, тварности, никчёмности, одиночества и страдания с целью переживания (но не окончательного приобретения) смысла, бессмертия, могущества, слияния-единения, наслаждения [Козлов, 2019]. Конечно, монография Мазилова В.А. нас не приближает к разрешению этих великих проблем человеческого существования, так как не посвящена практике психологии в аспекте психотехники. С другой стороны - сделан важный шаг к более широкому толкованию предмета психологии - внутреннему миру человека. Убеждены, в следующих монографиях Владимир Александрович сделает обширный экскурс в предметную область психологии и раскроет не только ее структуру и содержание, но и опишет методологию практического научного исследования этой области, и, самое важное - изложит основные методы обоснованного научно-методологического воздействия. Как говорил наш общий друг Фетискин Николай Петрович - покажет мастерство полевого командира психологии. Но это в будущем.

Что касается настоящего - монография является важным шагом в разрешении методологических проблем, актуальных для современной психологической науки. Мазиловым В.А. предложена оригинальная авторская концепция методологии психологии, проанализирован процесс формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрена история становления методов научной психологии.

Чрезвычайно актуальным является рассмотрение основных проблем когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии.

В монографии профессора Мазилова В.А. специальному анализу подвергнуто соотношение психологии и философии, поставлена задача разработки философии психологии как ветви психологического знания, дан эскиз философии психологии.

Существенным является предложение нового понимания предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии.

Как мы уже сказали выше, вклад В.А. Мазилова в психологическую науку не ограничивается разработкой проблем истории и психологии мышления, теории, истории и методологии психологии. Заинтересованный читатель может познакомиться с интересными и глубокими идеями юбиляра в области психологии, педагогики и дидактики образования, профессиональной подготовки и развития профессионального самосознания психолога и мн.др.

Поводя же итоги этого небольшого текста, авторы желают дорогому другу крепкого здоровья и процветания, успехов и удачи во всех профессиональных, научных и житейских делах, продолжать как можно дольше удивлять и радовать нас!

Библиографический список

1. Базиков М.В., Мазилев В.А. «Человек на все времена». Интервью с В.А. Мазилевым, посвященное 80-летию со дня рождения В.В. Новикова // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 147-163.
2. Бугайчук Т.В. Борьба за предмет психологии. Рыцарю «призмы и хроноскопа» посвящается / В кн.: Мастер психологии / под ред. В.В. Козлова, Ю.Н. Слепко. Ярославль : МАПН, 2024. С. 124-134.
3. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. Москва : Психотерапия, 2007. 528 с.
4. Козлов В.В. Окончательная методология профессора Мазилова В.А. // Методология современной психологии. 2019. № 9. С. 101-109.
5. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. Москва : Институт консультирования и системных решений, 2019. 280 с.
6. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.
7. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Многомерность творческой вселенной Владимира Александровича Мазилова / В кн.: Мастер психологии / под ред. В.В. Козлова, Ю.Н. Слепко. Ярославль : МАПН, 2024. С. 91-111.
8. Мазилев В.А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
9. Мастер психологии / под ред. В.В. Козлова, Ю.Н. Слепко. Ярославль : МАПН, 2024. 348 с.
10. Рыльская Е.А. «Путеводные звезды» для исследователя сложных психологических феноменов: о методологических «находках» В.А. Мазилова / В кн.: Мастер психологии / под ред. В.В. Козлова, Ю.Н. Слепко. Ярославль : МАПН, 2024. С. 111-124.

11. Слепко Ю.Н. Владимиру Александровичу Мазилу - 65. Интервью с юбиляром // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3 (45). С. 96-106.

12. Слепко Ю.Н., Мазилу В.А. К 100-летию М.С. Роговина - интервью с учеником // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 143-158.

13. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

Бугайчук Т.В.

ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ)

Аннотация. В статье представлены рассуждения автора об интеграции научного знания при исследовании гуманитарных проблем. С опорой на научную парадигму В.А. Мазилова, доказана важность применения интегративного подхода и интеграции научного знания к определению целостного представления о конкретной проблеме и объяснении сосуществования различных подходов в пределах решения этой проблемы. В статье сделан акцент на решении проблем в области политической психологии, а именно вопросов изучения становления гражданской идентичности личности.

Abstract. The article presents the author's arguments about the integration of scientific knowledge in the study of humanitarian problems. Based on the scientific paradigm of V.A. Mazilov, the importance of using an integrative approach and integration of scientific knowledge to determine a holistic view of a specific problem and explain the coexistence of different approaches within the framework of solving this problem has been proven. The article focuses on solving problems in the field of political psychology, namely the issues of studying the formation of a person's civic identity.

Ключевые слова: интеграция, интегративный подход, гражданская идентичность, политическая психология.

Keywords: integration, integrative approach, civic identity, political psychology.

Многие ученые, занимающиеся различными междисциплинарными проблемами, которые в первую очередь касаются человека и его социальных отношений, ориентированы на их решение с учетом различных научных подходов и теорий. Именно интегративный подход к решению междисциплинарных проблем позволяет более обоснованно объяснить их причины и пути преодоления.

Интегративный подход ориентирован на целостность научного знания, на преодоление разрыва между различными науками, между наукой и практикой,

между теориями и индивидуальными научными позициями и научными исследованиями. Вместе с тем, при изучении любой достаточно крупной гуманитарной проблемы становится очевидным, что до полной ликвидации данного разрыва еще далеко. В этом плане можно в полной мере согласиться с мнением известного методолога В.А. Мазилова о том, что проблема целостности (и интеграции как пути ее решения) представляет собой одну из наиболее актуальных и глобальных проблем современного научного знания [Мазилев, 2017]. Конечно, профессор больше говорит о психологическом знании, но нам бы хотелось его идеи интеграции обратить ко всему научному знанию, касающемуся изучения человека.

Когда мы обращаемся к интегративному подходу В.А. Мазилова, то важно понимать, что он не предлагает выстроить единую методологию, а предлагает обосновать применение интеграции научного знания к изучению конкретной проблемы, объяснить сосуществование различных подходов в пределах решения этой проблемы. Как говорит ученый: «Важно выстроить отношения между подходами, добиться взаимопонимания между ними» [Мазилев, 2017].

Опираясь на методологический аппарат, позволяющий «соотнести различные концепции и подходы», можно обосновать связь наук ради решения гуманитарных проблем [Толочек, 2019]. Но В.А. Мазилев отвергает декларативный характер подхода к интеграции, так как важно обращаться к механизмам интеграции [Мазилев, 2023]. Также важно думать о перспективном результате, а не результате «здесь и сейчас». Ориентироваться на преодоление объективных и субъективных трудностей при достижении результата, и не надеяться на быстрый успех в решении проблем [Мазилев, Шадриков, Слепко, 2024]. Именно такая научная позиция нам близка, поэтому хотелось бы обратить ее к такому научному направлению как политическая психология.

Само название «политическая психология» предполагает интеграцию научного знания. Как интегративная наука – политическая психология изучает отношение и поведение людей в политической сфере [Политическая психология, 2023; Гулевич, 2021]. Как отмечают в своем учебном пособии В.В. Новиков, В.В. Козлов, Е.В. Гришин политическая психология как наука интегрирует не только научные теории, но и реальные политические и исторические ситуации, облегчающие усвоение теоретического знания, а также методы исследования политических феноменов и воздействия на них [Козлов, Новиков, Гришин, 2010].

К сожалению, мы можем констатировать, что фундаментальные методологические проблемы политической психологии возникают по причине не способности политологов и психологов интегрировать научные дисциплины и договориться, в первую очередь, о методах политической психологии. Чаще всего мы можем наблюдать ориентацию в исследованиях политических психологов в сторону собственно политологии и социологии, а не психологии. Говорить о группе собственных методов политической психологии, интегрирующих все «материнские» дисциплины не приходится, хотя тенденции последних лет в отечественной науке не могут не радовать, они позволяют говорить о положительной динамике в этом вопросе.

Например, А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова, А.С. Панфилова в исследовании феномена ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп использовали методику оценки имплицитных политических установок, которая была разработана на основе теста IAT (Implicit Association Test) и адаптирована к русскоговорящей выборке респондентов. Данная методика создана специально для исследований в области политической психологии [Лебедев, Гордякова, Панфилова, 2023].

Можно привести еще один пример исследования Т. П. Мильчарек, Н. А. Мильчарек, В. А. Маренко, Е. А. Богза, А. П. Гришкина. Ученые предложили модель политического сознания на основе сочетания экзистенциального и психосемантического подходов, для ее изучения был специально разработан психодиагностический опросник «Культурный код». Результаты исследования подтверждают релевантность разработанного авторского психодиагностического инструментария, ориентированного на построение теоретических конструктов и когнитивных моделей [Мильчарек и др., 2023].

Мы в своих психолого-политических исследованиях гражданской идентичности личности также обращаемся к интегративному подходу [Бугайчук, 2023]. Гражданская идентичность трактуется нами как политический концепт, который характеризуется как осознанный процесс тождественности человека с определенным гражданским обществом в конкретном социально-культурном контексте, как принятие ценностей этого общества, как активное позитивное влияние на его развитие и как индикатор политической стабильности гражданского общества [Бугайчук, Коряковцева, 2023]. В процессе формирования гражданского общества одновременно социализируются и демократизируются и само общество, и государство, и отдельные граждане, и отношения между ними. Условием такого развития является субъект-субъектное взаимодействие всех членов гражданского общества – человека, общества и государства. В зависимости от сформированности гражданской идентичности у молодого поколения: осознание роли в развитии гражданского общества, разделение ценностей государственности, активное гражданское участие молодого поколения в построении гражданского общества, участие во взаимодействии общества и власти в форме тесного сотрудничества, реального и конструктивного влияния на управленческие решения всех уровней власти, можно судить в целом о стабильности гражданского общества. Применение интегративного подхода к изучению становления гражданской идентичности заключается в осмыслении этого процесса как интегративного явления с позиций трансдисциплинарности с учетом интегративных основ его формирования. При этом личность рассматривается как интегративное явление, которая, интегрируясь в гражданское общество, становится его частью, оказывая влияние на его формирование и развитие. Сегодня личность и ее гражданское самосознание развивается в условиях социокультурной трансформации в России, где социокультурная трансформация – есть интегративная среда для развития гражданской идентичности современного молодого поколения, следовательно, формировать гражданскую идентичность эффективнее с помощью социальных технологий объединения и на основе

трансдисциплинарности (по Пиаже) посредством построения интегративных структур становления гражданской идентичности с привлечение результатов научных исследований в сферах политологии, социологии, философии, психологии, педагогической практики и методики.

Закономерным для процесса формирования общероссийской гражданской идентичности является и использование отечественного опыта многонационального государства, исторических, культурных, социальных, политических, экономических и конфессиональных особенностей России. Процесс формирования должен строиться с опорой на единую общественно-государственную систему, направленную на формирование всех компонентов структуры гражданской идентичности. Данный процесс носит интегративный характер и становится фактором преодоления фрагментарности, конкуренции теорий и основой для преемственности как динамических процессов формирования гражданской идентичности, так и системного взаимодействия субъектов. Такое понимание формирования гражданственности позволяет уйти от излишне индивидуализированного общества, двойственности и противоречивости в восприятии гражданской идентичности, а обратиться к истинным механизмам интеграции теорий, подходов, дисциплин в рамках изучения гражданской идентичности личности.

Таким образом, представления об изменчивости (транзитивности) и неопределенности социокультурной реальности являются общей проблемой исследований гуманитарно-общественных наук [Piaget, 1972]. Вслед за В.А. Мазиловым, мы придерживаемся точки зрения, что, только синтезировав научное знание, мы достигнем понимания того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее структурных компонентов, например, гражданской идентичности, процессе ее социализации и политизации как его составной части. Общие подходы к исследованию новых черт социокультурной картины мира, не только приближают нас к большей адекватности наших представлений и мироориентаций, не только открывают новые познавательные и практические возможности, но и порождают новые противоречия и проблемы, которые сегодня необходимо решать сообща. Очевидно, что личность и политика неотделимы друг от друга. Сложная реальность современного социокультурного мира по-разному понимается, осваивается и проблематизируется личностью на поступательных этапах её гражданского, образовательного и профессионального становления в различных контекстах её со-бытия. Интегративный подход важен как при изучении особенностей развития личности и общества, так и в познании социокультурной реальности.

Библиографический список

1. Бугайчук Т.В. Интегративный подход к концепту «гражданская идентичность» // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием. Под ред. В.А. Мазилова. Ярославль, 2023. С. 102-105.

2. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Новые тенденции в исследовании общероссийской гражданской идентичности // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2023. С. 61-63.
3. Гулевич О.А. Политическая психология: направления исследований // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 5-8.
4. Козлов, В. В. Политическая психология : учебное пособие для вузов / В. В. Козлов ; Международная академия психологических наук, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Кировский филиал. – Москва : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2010. – 456 с. – ISBN 978-5-91371-028-4.
5. Лебедев А.Н., Гордякова О.В., Панфилова А.С. Феномен ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп и методика оценки имплицитных политических установок // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 4. С. 88–103.
6. Мазилев В.А. Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке / Научные подходы в современной отечественной психологии: коллективная монография. Москва: ИПРАН 2023. С. 273-289.
7. Мазилев В.А. Методология психологической науки: История и современность: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
8. Мазилев В.А., Шадриков В.Д., Слепко Ю.Н. Интеграция в психологии: опыт исследования естественной интеграции // Методология современной психологии. 2024. № 21. С. 242-260.
9. Мильчарек Т.П., Мильчарек Н.А., Маренко В.А., Богза Е.А., Гришкина А.П. Когнитивное моделирование спектров современного политического сознания россиян // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2023. № 2. С. 6-17.
10. Политическая психология: хрестоматия / составитель Е.Б. Шестопад. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс. 2023. 368 с.
11. Толочек В.А. О методологии психологической науки, методологах, ученых (отзыв на монографию В.А. Мазилова) // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (107). С. 232-237.
12. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships//Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. Paris: OECD, 1972. Pp.127-139.

Вайсман С.Е.

ЗВУКОТЕРАПИЯ, КАК МЕТОД РАСКРЫТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ТЕОРИИ ПСИХОСАНИТАС

Аннотация

Звукотерапия является эффективным интегративным методом работы с человеком в кризисной ситуации, а также в качестве профилактики физических и психологических заболеваний. В данной статье представлены теоретические

обоснования и практические рекомендации практикующим психологам для применения метода в своей работе.

Sound therapy is an effective integrative method of working with a person in a crisis situation, as well as a prevention of physical and psychological diseases. This article presents theoretical justifications and practical recommendations for practicing psychologists to apply the method in their work.

Ключевые слова

Психосанитас, психология личности, интегративная психология, кризис, звукотерапия.

Psychosanitas, personality psychology, integrative psychology, crisis, sound therapy.

Теория психосанитас, которую автор сформулировал в 2019 году в работе «Психосанитас. Психология нового человека на примере семейной психотерапии», говорит о формировании представления человека о себе, основываясь на его сильных сторонах личности. Качества, которые человек определяет как сильные, приводящие к успеху, являются опорой для дальнейшего развития личности. Далеко не всегда, особенно в состоянии кризиса или сложной жизненной ситуации, человек может адекватно оценивать свое актуальное состояние из точки здоровья. Чтобы помочь человеку войти в ресурсное состояние, мы разработали несколько практических методов в рамках интегративной психологии. Один из таких высоко эффективных методов является звукотерапия. Уникальная практика, которую сложно обозначить как метод одного направления практической психологии, поскольку она является соединением различных направлений психологии. Голос, это творческое проявление себя и звукотерапию можно отнести к арт-терапии. В процессе занятия участники входят в измененное состояние сознания и перед звучанием ведущий дает настройку, отчего звукотерапию можно отнести к трансперсональной психологии. В практике звучания в теле происходят свои процессы, которые влияют на общее состояние и результат, поэтому звукотерапия, это телесно-ориентированная психотерапия.

На самом деле, не так важно к чему относится эта практика, но она удивительным, самым экологичным образом дает великолепные терапевтические результаты. Голос человека является его индивидуальной характеристикой, такой же, как внешность или черты характера. Каждый голос по-своему уникален и наполнен теми состояниями, которые человек переживает в данный конкретный момент времени. Мы используем голос не только в качестве инструмента передачи информации, но и для окрашивания этой информации эмоциями, отношением к слушателю, в качестве самовыражения и т.д. Произнося в пространство слова, мы вербализуем свои мысли, отношения, состояния, желания. Все это считается пространством и принимается к исполнению. В силе голоса есть сила нашего духа, полет нашей души, наши устремления и мечты.

Но вместе с тем, в голосе можно услышать наши страхи, комплексы, неуверенность, слабость и сомнения.

Если говорить об оздоровительных возможностях звукотерапии, то можно начать с психофизиологии. Как при пении, так и при звучании отдельных звуков (Тонинг), гласных и некоторых согласных, в организме человека происходят восстановительные процессы, которые можно смело называть целительными. Этот термин ввела в употребление Лорел Элизабет Кейс, впервые упомянув его в своей работе «Тонирование». Тонингом можно назвать первую речь древних людей, их сигнальную систему, доставшуюся от животных предков. Но как разработанная методика врачевания при помощи человеческого голоса тонинг появился в начале 60-х гг. благодаря Лорел Кейс. В своей работе Кейс так описывает эту терапевтическую систему: «Тонинг — древний метод врачевания недугов... Цель его заключается в том, чтобы восстановить изначально присущую человеку гармоническую структуру».

На идее Кейс многие последователи проводили свои исследования и значительно расширили как теоретически, так и практически метод тонинга.

С тех пор как Лорел Кейс заново открыла возможности тонинга, многие исследователи успели в свою очередь изучить и описать этот феномен. Значительно расширилась и практика применения голоса в медицинских целях.

Лэ Мэгги Гарфилд пишет в своей работе «Звукотерапия»: «В основе тонинга лежит способность гласных звуков воздействовать на частоту колебаний в каждой клетке, каждой молекуле человеческого организма».

Дон Кэмпбелл в книге «Рокот безмолвия» тоже затрагивает тему тонинга: «Тон — это доступный слуху звук, обладающий длительностью, достаточной для его распознавания. Техника тонинга основана на сознательном удлинении звука при помощи дыхания и голоса».

Рэндел Маклеллан в своей работе «Исцеляющие силы музыки» пишет: «Человек в течение продолжительного времени производит звуки произвольной высоты и окраски с целью вызывать резонанс в тех участках организма, куда направлен голос. Это и называется "тонингом"».

«Тонинг высвобождает мощный поток природной энергии и позволяет ему свободно течь сквозь ваше тело», — пишет Стивен Халперн в книге «Настройка человеческого инструмента».

Тонинг никак не связан с человеческой речью, поскольку это звуки, которые сами по себе не наделены конкретным смыслом, как по отдельности, так и сочетании друг с другом. В тонинге отсутствует текст, обязательная последовательность звучания, строгое выдерживание высоты и глубины звука. Тонинг — не песнопение в прямом смысле этого слова, хотя в некоторых отдельных случаях это может походить на мелодичное и даже смысловое звучание. Пропевание магических заклинаний или буддийских мантр не является тонингом, поскольку там есть, пусть и не всегда логически выстроенный или осмысленный текст.

На физическом уровне в организме происходят следующие процессы: при звучании человек вдыхает большое количества кислорода, улучшается кровообращение всего организма, снижается артериальное давление, нормализуется сердцебиение. Звучание благотворно влияет на голосовые связки, стимулируются вибрациями миндалина и многочисленные лимфоузлы, что

значительно повышает местный иммунитет. Улучшение кровоснабжения головного мозга ведет к активизации его деятельности, повышает интенсивность работы, улучшается память и внимание. Любое звучание, как и пение очень полезно при заболеваниях легких, так как не только заменяет дыхательную гимнастику, но и способствует развитию грудной клетки, правильному дыханию. На гормональном уровне выделяются эндорфины, которые благотворно воздействующими на все системы организма без исключения.

Профессор С.В. Шушарджан указывал, что звук в процессе пения или тонирования уходит во внешнее пространство не более, чем на 20%, остальная часть звуковой волны поглощается внутренними органами, приводя их в состояние вибрации. В процессе пения зарегистрированы вибрации всех органов человека, причем максимальная амплитуда колебаний у каждого органа была на своей частоте. Было выявлено, что при высоком звукоизвлечении реагируют следующие органы:

«А» – средняя часть мозга

«Э» – нижняя часть мозга

«И» – верхняя часть мозга

При низком звукоизвлечении:

«О» – легкие, печень

«У» – сердце, почки, желудок

Звук «И» помогает при насморке, «О» и «У» лечат горло, «А» помогает при кашле, «Е» очищает тело от разного рода шлаков. Поскольку каждый орган человека имеет свою частоту вибраций, то экспериментируя звучанием можно положительно влиять не только на отдельный орган, но и на весь организм. Конечно, вычислить во время звучания необходимую для оздоровления определенного органа частоту, невозможно. Поэтому, единственным критерием попадания звука в нужную область являются личные ощущения человека с оценкой – приятно-неприятно. Ниже будет описана практика проведения сеанса звукотерапии, но здесь важно отметить, что в процессе звучания человек самостоятельно определяет высоту и частоту извлекаемого звука и в любой момент может его изменить.

Из вышеописанного следует, что занятие звукотерапией благотворно влияет на весь организм человека и можно с уверенностью говорить о целительных свойствах голоса.

Кроме положительного влияния звука на организм на физическом уровне, звукотерапия помогает излечивать и психодуховные, кризисные и болезненные эмоционально состояния. Занятия проходят в группе от трех человек, минимум. Конечно, звучать можно и индивидуально, но групповая динамика и общий настрой более эффективно влияет на конечный результат терапии. В группе участники раскрывают силу своего голоса, учатся регулировать и использовать в целительных целях вибрации голоса, в групповой динамике помогают себе и другим войти в желаемое душевное состояние. Благодаря внутренним вибрациям на психологическом уровне уходит тревога, лишнее напряжение и страхи. Входя в трансовое состояние, человек переключает свое внимание с беспокоящих его проблем на предлагаемую ведущим группы тренером

настройку на каждый отдельный звук. Это дает положительное подкрепление оставшихся надежд, опору на те качества и состояния, которые остаются неизменными, не смотря на кризисное состояние человека. Через несколько занятий отступают депрессивные настроения, уходит хандра и апатия, появляется тяга к деятельности и укрепляется стремление к положительным изменениям в жизни.

Завершая теоретическую часть можно обобщить положительное влияние звукотерапии на физическое и психическое здоровье человека:

Что можно получить в результате работы в группе звукотерапии:

- Смягчение зажимов и телесных блоков;
- Расширение своих голосовых возможностей;
- Устранение страха выступления перед аудиторией, принятие звучание своего голоса;
- Улучшение кровообращения и обогащение всех органов кислородом;
- Развитие креативного мышления и творческих способностей;
- Умение легко и свободно входить в состояние расширенного состояния сознания;
- Избавление от тревог, психологического напряжения, помощь в лечении панических атак;
- Восстановление здоровья после пагубного влияния стресса и эмоционального выгорания;
- Неповторимое удовольствие от процесса и общения с замечательными людьми.

Интегративный метод, который мы используем на занятиях, позволяет учитывать индивидуальный запрос каждого участника группы.

Занятия происходят следующим образом: перед звучанием участники собираются в круг и в зависимости от количества человек в течение часа-полтора обсуждают вопросы, которые их сейчас волнуют, с чем они пришли на группу, что хотят разобрать в процессе звукотерапии. Ведущий регулирует процесс обсуждения, позволяет каждому участнику высказаться и когда все проговорили, он формулирует общий запрос, тему, которую в разных контекстах обсуждало большинство участников. Опираясь на теорию психосанитас, ведущий группы предлагает участникам взглянуть на сформулированный запрос с позиции ресурса, положительных эмоций, руководства к действию. После технического перерыва, в котором участники готовятся к процессу звучания, все встают в круг лицом в центр круга. Расстояние между участниками такое, что они не касаются друг друга, каждый стоит в свободной расслабленной позе, и в тоже время, достаточно плотно, на минимальном расстоянии друг от друга. Участники закрывают глаза и ведущий говорит настройку для каждого звука. Есть несколько стандартных настроек, которые мы сформулировали в течение нескольких лет проведения практики звукотерапии. Но когда ведущий опытный специалист, прошедший обучение по курсу психосанитас, он может давать настройку, которую сочинил в процессе обсуждения по теме запроса группы. Важно, чтобы в настройке отражалась тема обсуждения, а также варианты ее решения или закрепления.

Стандартная практика звукотерапии включает в себя звучание последовательно четырех звуков, в основном гласных, по 4-6 минут каждый. Ведущий объявляет какой звук будет следующий и проговаривает настройку для этого звука. По завершению звучания ведущий предлагает участникам сесть на стул или пол, если позволяют условия, то лечь на пол в позу эмбриона и завершить звучание уже в тишине. Вибрации, которые в теле еще остаются некоторое время, затихают и ведущий объявляет о завершении упражнения. Все участники садятся в круг и проговаривают свое состояние после звучания. Завершающий шеренг имеет наибольшее значение, поскольку в нем участники, проговаривая свое состояние фиксируют те изменения, которые с ними уже сейчас произошли. Вся практика занимает по времени около 45 минут, но по своей наполненности, глубине работы может сравниться с холотропной сессией, которая длится 2,5-3 часа.

Некоторые правила проведения звукотерапии:

1. Участники стоят в круге и им запрещается из него выходить. В случае, если человеку по каким-то причинам тяжело стоять, то он может сесть на пол или заранее подготовленный стул, но оставаться в круге до завершения процесса;

2. Участники надевают на глаза маски или закрывают глаза и держат их закрытыми весь процесс звучания, пока ведущий не объявит о завершении и не предложит всем открыть глаза;

3. Применяется принцип связного дыхания, т.е. между вдохом и выдохом, выдохом и вдохом нет паузы. Набирается полный выдох воздуха и медленный выдох осуществляется со звуком. Как только звучание прекратилось, воздух закончился, то без паузы, сразу же человек делает глубокий вдох, наполняет максимально легкие и сразу же происходит медленный выдох;

4. Звучание проходит с такой громкостью, чтобы каждый участник слышал свой голос. Звук издается на ровном, расслабленном выдохе без какого-либо напряжения. Крики, громкое пение, сдавленные звуки приводят к першению в горле и напряжению в теле. Если такое отмечается, то это сигнал к тому, что тело напряжено и сейчас необходимо максимально расслабиться в процессе звучания;

5. Тело в процессе звучания расслаблено, может каким-то образом двигаться, разворачиваться, качаться, но ноги остаются на месте не позволяя выходить из круга;

6. Звучание допускается только указанного ведущим звука, без искажений и импровизации с другими звуками. Можно смеяться, плакать, кашлять, чихать, но категорически запрещается разговаривать, прикасаться к людям, издавать другие звуки;

7. В процессе можно экспериментировать со звуком, меняя высоту и громкость звучания. В каждом отдельном выдохе можно звучать выше-ниже, тише-громче, в зависимости от того, что сейчас проживает участник.

Какие будут звучать звуки и в какой последовательности, ведущий выбирает самостоятельно в зависимости от общего запроса и групповой динамики. Но первым звуком, который является общей настройкой как самого

человека, так и всей группы является «А». Именно этот звук, как нота «Ля» в настройке музыкального инструмента и всего оркестра, помогает всем участникам со-настроиться на свои внутренние процессы.

По завершению звучания последнего звука, ведущий предлагает завершить практику звучанием в тишине. Участники садятся на стулья или ложатся на пол в позу эмбриона, поджав колени к животу, и в тишине происходит интеграция полученного опыта. Те звуки, вибрации, телесные ощущения, которые остались в теле, успокаиваются, утихают, некоторые участники в этот момент засыпают. На завершающую стадию интеграции процесса отводится 7-10 минут. Затем ведущий объявляет практику звучания оконченной, предлагается глубоко вдохнуть, а на медленном спокойном выдохе открыть глаза и садиться в круг для завершающего шеренга.

Практика звукотерапии может быть использована как самостоятельный процесс, например, в психодинамической регулярной группе. Так же эта практика может быть частью тренинга, причем абсолютно на любую тему. Мы используем звукотерапию как интегративную практику тех процессов, которые проходят на наших мероприятиях по самым различным темам. В настройке звучать те темы, которые были актуальны для участников на протяжении всего тренинга.

Ограничений для участия в практике звукотерапии, практически, нет. Не допускаются во избежание ухудшения состояния только люди с психиатрическими диагнозами в стадии обострения. Использовать звукотерапию можно не только в качестве самопознания и самосовершенствования здоровых людей, но и в работе с кризисными состояниями личности, в реабилитации химической зависимости, другими клиническими случаями. Звукотерапия усиливает эффект работы других методов, помогает человеку осознать свои чувства, телесные ощущения, желания, дает заряд энергии, расслабляет, снимает внутреннее напряжение, помогает осознать свои сильные стороны и ресурсные состояния. В различных форматах может применяться в работе с детьми.

Библиографический список

1. Вайсман С.Е. Психосанитас - психология нового человека. Человеческий фактор, серия Социальный психолог, выпуск №2(36) 2018г., стр.5-12, г.Ярославль, 2018г.
2. Вайсман С.Е. Психосанитас. Психология нового человека на примере семейной психотерапии/ Под ред. проф. В.В. Козлова. – Москва: МАПН, 2019. – 337 с.
3. Голдмен Д. Целительные звуки: Издательство: София, 2003г.-224с
4. Киз Л. Э. Тонирование: творческая сила голоса 1973 г.- 120с
5. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью: Методическое пособие. М.: Институт психотерапии, 2007
6. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный

университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.

7. Мазиллов, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазиллов ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.

8. Милютин Е.В., Вайсман С.Е. Типология и особенности кризисов: Вестник интегративной психологии. /Выпуск 11: ООО «Аверс Плюс», Ярославль, 2013

9. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

10. Шушарджан С.В. Руководство по музыкотерапии. – М., Медицина, 2005. – 478с

Верещагина А.А.

КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических государствах. Анализируются факторы формирования коллективной идентичности и механизмы внутригрупповой и межгрупповой интеграции. Особое внимание уделяется взаимосвязи языка и этнической идентичности. Подробно описаны модели «этнической интеграции» политического сообщества.

Ключевые слова: этническая идентичность, конфликт идентичностей, социализация индивида, язык, этноэгоизм, социальная группа

Annotation. The article examines the problem of ethnic identity from the point of view of the peculiarities of the situation of non-titular population groups in multi-ethnic states. Factors in the formation of collective identity and mechanisms of intragroup and intergroup integration are analyzed. Particular attention is paid to the relationship between language and ethnic identity. The models of “ethnic integration” of the political community are described in detail.

Keywords: ethnic identity, conflict of identities, socialization of the individual, language, ethno-egoism, social group

Изменение социально-психологического состояния различных социальных и этнических групп является характерной особенностью современного мира. Это изменение проявляется в бурном росте этнического самосознания, в возрождении титульных наций, развитии отношений в различных этнических группах, которое иногда сопровождается столкновением экономических, религиозных, культурных интересов. Поэтому попытка рассмотреть проблематику этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических

государствах, на наш взгляд, является актуальной для современной психологии. В социально-психологических исследованиях современное мировое сообщество нередко предстает расколотым на организованные по этническим признакам группы, члены которых объединены общей для них историей, религией и культурой, а также солидарным чувством принадлежности к «своей» общности. Обыденное представление квалифицирует нынешнее состояние взаимодействия этих исторически сложившихся общностей с их устоявшейся культурной, политической или религиозной идентичностью как обнаруживающее серьезный конфликтный потенциал. Особенно это касается случаев, когда крупные по численности этнические общности вынуждены сосуществовать в режиме одного государства, и соответствующее политическое сообщество, национальные приоритеты которого закономерно задаются главенствующей в нем этнической группой, оказывается, по существу, разделенным на этническое большинство (титульная нация) и этнические меньшинства (нетитульные народы и мигранты). И здесь мы можем наблюдать конфликт идентичностей. Не только в социально-психологическом, но и в социально-политическом аспекте возникающие в таких смешанных сообществах проблемы взаимосвязаны с несовпадающими коллективными идентичностями титульного и нетитульного населения. Титульные инфраструктуры стремятся к гомогенному, солидарному обществу сограждан и ориентированы на формирование единой, общей для всех членов сообщества надэтнической (национальной) идентичности, обеспечивающей примат гражданства над этничностью. В отличие от этого, нетитульные инфраструктуры претендуют на сохранение идентичности этнических групп как особых общностей, поддерживающих свои этноспецифические групповые традиции, этническую солидарность и преемственность. Возможный в ситуации полиэтничности государства конфликт параллельно действующих идентичностей является - в зависимости от степени их принципиальной совместимости и интенсивности противостояния - серьезным вызовом для сообщества как такового и его членов. Ведь речь идет не столько о противостоянии отдельных представлений или интересов (элит), сколько о конфронтации совокупных систем базовых ценностей и основанных на них групповых идеалов, убеждений и ориентаций, которыми определяется практика мышления и поведения групп и индивидов. Вопрос этничности/национальности в данном контексте предстает как дилемма приоритетов в восприятии различными этногруппами заданных рамок доминирующего общественно-политического и социокультурного устройства и сохранения ими специфичной субкультуры, в том числе политической и религиозной. Коллективная идентичность этногруппы определяется как относительно устойчивый в своей основе набор специфических признаков или символов, характеризующих индивидуальность и самобытность данной группы и обеспечивающих ее конституирование и функционирование как общности, отличной от других этногрупп. Коллективная этническая идентичность детерминируется через различные критерии, приписываемые этногруппе в качестве имманентных (идентификационных) признаков: самоназвание; собственная территория; исторические традиции; своеобразие материальной и духовной культуры,

включая язык и религию; определенные устойчивые стереотипы поведения, сознания и менталитета членов группы и т.д. что На основе относительно стабильной и упорядоченной системы освоенных в процессе развития общих ориентаций и ценностей, присущих данной этнической группе, выстраивается механизм внутригрупповой интеграции общности и ее дифференциации по отношению к сопоставимым коллективным образованиям, чем обеспечивается необходимый уровень этнической лояльности и солидарности членов группы. И это обстоятельство имеет решающее значение. Ключевым фактором социализации индивида, становления его индивидуальной идентичности и ценностного восприятия окружающей действительности является идентификация по этническим признакам - действительным или же только воображаемым. Независимо от того, выступает ли этническая идентичность как объективная или субъективная реальность, этноидентификация создает ощущение межпоколенной и исторической преемственности. Этническая идентичность индивида представляет собой, в таком понимании, чувство принадлежности индивидуума к определенной общности и подчинение ее нормативно-ценностной системе, которыми в значительной степени определяется и регламентируется поведение индивида на уровне его внутригрупповых и внегрупповых коммуникаций.

Языковая проблема стала хроническим заболеванием большинства постсоветских государств. В обобщенном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа: так, по данным этносоциологических исследований в 70-е гг. XX века две трети русских определяли свою этническую идентичность по языку. Язык действительно является одним из важнейших этно-дифференцирующих признаков. Но в последние десятилетия исследователи многих стран все больше внимания уделяют тому неоспоримому факту, что в некоторых исторических ситуациях этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциации. Проблема этнической идентичности полимодальна, и нам представляется оправданным определить в рамках данной статьи некоторые социальные, исторические, психологические аспекты её контекста.

Взаимосвязь языка и этнической идентичности является одной из основных проблем психологического изучения и социального сознания. Язык издавна рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности поскольку именно язык занимает одно из ведущих мест в составе этноса. Принадлежность к той или иной этнической общности в современной социальной психологии изучается с позиций двух концепций: с точки зрения теории социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера [Сушков,52] и с точки зрения модели двух измерений идентичности Дж. Берри. Г. Тэшфел и Дж. Тернер сформулировали общий психологический принцип, согласно которому специфика групповой категоризации состоит в том, что групповая идентификация (или осознание принадлежности к группе) неразрывно связана с другим когнитивным процессом — дифференциацией (или оценочным

сравнением) категоризируемых групп. А социальная идентичность в самом общем смысле – это результат процесса сравнения своей группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономию. Опираясь на теорию социальной идентичности, Г. Джайлс с соавторами исследуют роль языка в межэтнических отношениях и разрабатывают концепцию этнолингвистической жизнеспособности. В рамках этой концепции анализируются статус языка, его демографические характеристики, оказываемая ему институциональная поддержка и другие факторы, влияющие на сохранение группой собственного языка как жизнеспособного средства коммуникации. Чем выше реальная или воспринимаемая этнолингвистическая жизнеспособность группы, тем в большей степени индивиды стремятся с ней идентифицироваться. Члены этнической группы могут иметь как сильную, так и слабую идентификацию и со своей группой, и с группой доминантного большинства. Сильная идентификация только с собственной группой в полиэтнической среде может быть связана с тенденцией к сепаратизму, ориентацией на отдельное развитие групп.

Существует несколько моделей «этнической интеграции» политического сообщества. В зависимости от превалирования в государстве той или иной стратегии регулирования положения этноменьшинств выделяют три основные институциональные модели осуществления этнической интеграции политических сообществ [Бекназар-Юзбашев,2]. Во-первых, это модель империи, в которой специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтнизации этничности. Во-вторых, это модель национального государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической «политической нации». И, в-третьих, это модель мультинационального государства, в рамках которой межэтническая интеграция реализуется через признание этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизацию государства.

Рост этнической идентичности титульных этносов независимых постсоветских государств, как показывает объективная реальность, ведет к этноэгоизму, чему способствует намеренная или непреднамеренная политизированность некоторых социально значимых вопросов, например, вопроса о сущности языковой политики государства. Равноправие как общегосударственная категория для каждого гражданина уходит в небытие, уступая место «исключительности» титульной нации. Резко обостряется восприятие дискриминации «нетитульных» народов, проживающих много десятилетий и даже столетий на территории ставшего независимым государства. Увеличивается культурная дистанция с «титульным этносом», то есть параметр этнической принадлежности становится наиважнейшим в определении социального статуса личности, происходит трансформация этнического самосознания, ведущая к гипертрофированному восприятию собственной этнической группы, к абсолютной убежденности в превосходстве собственной этнической группы над «чужими». Это ведет к насилию над «чужими», к

этнической нетерпимости, к агрессивной наступательности в решении социальных вопросов, к этническому доминированию одной национальной группы над другими. Этноэгоизм на языковом уровне приводит порою к казусам, когда ревнители национального языка предлагают перевод интернациональных лексем, терминологических единиц и международной лексики на национальный язык.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто живет в условиях непосредственного контакта с культурой, сильно отличающейся по своим этническим признакам, она осознается более четко. Язык, как самый сильный этнодифференцирующий признак, становится в условиях непосредственного контакта генетически неродственных культур жизненно важной проблемой. Отдельная личность или группы (семья, например или семейные анклавы) стремятся к моноэтнической идентичности, соблюдая традиции и многовековые нравственные установки, диктуемые этнопринадлежностью. Этническая идентичность сопровождается позитивными эмоциями: чувством гордости за свой народ, его достоинство, высокий патриотизм, уникальную культуру, за его ценности и морально-нравственные нормы, за его принципы. Позитивная этническая идентичность не отрицает своеобразия этнической идентичности и иных народов и культур, порождая межэтническую толерантность. Однако в полиэтничном сообществе, коими являются все постсоветские государства и часть Европы, как показывает объективная действительность, часто возникают межэтнические столкновения, причиной которых становится акцентированная гиперидентичность одного этноса и подавление этнической идентичности иных народов, их духовных ценностей, культур, языка (примеров можно привести много: горящие православные церкви в мусульманских странах или кощунственные карикатуры мусульманского пророка Мухаммада (мир Ему и благословение) и т.д. Этноэгоизм и гиперидентичность опасны тяжелыми последствиями. Они ведут к дестабилизации межэтнического взаимодействия внутри государства, к национальному или религиозному фанатизму, к политическим кризисам, к национальной напряженности в обществе.

Теоретико-методологический анализ западноевропейских, американских и российских концепций идентичности ставит, на наш взгляд, проблему влияния трактовки идентичности на характер социально-политического выбора, глубинные мотивации социального поведения индивида и группы, соединяющие зафиксированную в оценках и подходах к общественным явлениям память о прошлом и новый опыт. Однако здесь возникает вопрос о текучести критериев идентификации в пространстве культуры, которые меняются в ходе социокультурного развития.

Библиографический список

1. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика [Текст]: учебное пособие. – М.: Лабиринт, 2022. - С.336. – 132 с.
2. Проблемы теории текста [Текст]: реферативный сборник; гл.ред. Ф.М.Березин // Хартман П. Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста: реферат. сб.: пер. с нем. В.С. Страховой - М.: АН СССР, 1978. – 189 с. – С.168-185.

3. Бекназар-Юзбашев, Т.Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах [Электронный ресурс]: статья / Бекназар-Юзбашев Т.Б. / Режим доступа: <http://contrtv.ru/common/1818>, свободный (дата обращения 12.04.2024).

4. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.

5. Козлов, В. В. Управление конфликтом / В. В. Козлов, А. А. Козлова ; В. В. Козлов, А. А. Козлова. – [М.] : Эксмо, 2004. – (Бизнес-тренинг). – ISBN 5-94692-412-5.

6. Сушков, И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера[Текст]: // Психологический журнал, 1993, том 14.- № 3.

7. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

Власов Н.А.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КЛИНИЧЕСКОЙ (МЕДИЦИНСКОЙ) ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема периодизации истории клинической (медицинской) психологии и предлагаются пути ее решения. Утверждается, что проблема периодизации развития психологического знания является одной из основных проблем истории психологии. Отмечается, что даже относительно истории психологии в целом нет единства мнений в вопросе о том, какие этапы и на каких основаниях следует выделять при анализе этого процесса. Автором предложены три типа периодизации истории клинической психологии: история клинической психологии как история изменений представлений о психической норме/патологии и лечении, как история эволюции медико-психологической диагностики, как институциональная история. В заключении делается вывод о том, что достаточно сложно представить единую периодизацию истории клинической (медицинской) психологии, так как ее создание затрудняется различными критериями, на основании которых она может быть осуществлена; поэтому следует не столько пытаться уложить разноуровневую и многогранную историю этой дисциплины в одно-единственное русло, сколько создавать различные, пусть и не всегда совпадающие между собой, но более точные и корректные с точки зрения оснований, периодизации.

Ключевые слова: история клинической психологии, история медицинской психологии, периодизация.

Abstract. The article considers the problem of periodization of the history of clinical (medical) psychology and suggests ways to solve it. It is argued that the

problem of periodization of the development of psychological knowledge is one of the main problems of the history of psychology. It is noted that even with regard to the history of psychology as a whole, there is no consensus on the question of which stages and on what grounds should be distinguished when analyzing this process. The author suggests three types of periodization of the history of clinical psychology: the history of clinical psychology as a history of changes in ideas about mental norm/pathology and treatment, as a history of the evolution of medical and psychological diagnostics, as an institutional history. In conclusion, it is concluded that it is quite difficult to imagine a single periodization of the history of clinical (medical) psychology, since its creation is complicated by various criteria on the basis of which it can be carried out; therefore, it is necessary not so much to try to put the multi-level and multifaceted history of this discipline in a single channel, as to create various, albeit not always coincident, but more accurate and correct from the point of view of the bases, periodizations.

Keywords: the history of clinical psychology, the history of medical psychology, periodization.

Введение. Для большинства историков составление периодизации развития интересующего их предмета является профессионально значимым делом; можно сказать, что историописание без периодизации будет обедненным. В этом смысле история психологии не является исключением.

Так, в известной работе А.Н. Ждан «История психологии от Античности до наших дней» [2] автор выделяет два основных периода развития психологии (развитие психологии в рамках философии и развитие психологии как самостоятельной дисциплины), которые состоят из девяти этапов (XI в. до н.э. – V в.; V – VIII вв.; XIV – XVI вв.; XVII – середина XIX в.; нач. XIX – 60-е гг. XIX в.; 60-е гг. XIX – конец XIX в.; 10-е гг. – сер. 30-х гг. XX в.; конец 30-х – 50-е гг. XX в.; 60-е гг. XX в. – конец XX в.). Несколько иную периодизацию предлагают Т.Д. Марцинковская и А.В. Юревич в своей «Истории психологии» [7]: донаучный (до VI – VI вв. до н.э.), философский (VI – VI вв. до н.э. – конец XVIII – начало XIX в.) этапы, ассоцианистическая психология (конец XVIII – начало XIX – середина XIX в.), экспериментальная психология (середина XIX – начало XX в.), методологический кризис и разделение психологии на отдельные школы (10 – 30-е годы XX в.), этап дальнейшего развития психологических школ (40 – 60-е годы XX века) и этап современной психологии (60-е годы – конец XX в.).

Не отстают в вопросах периодизации и ученые, разрабатывающие историю отдельных разделов психологии. Б.Д. Парыгин выделяет в истории отечественной социальной психологии четыре этапа: с конца XIX века – начала XX века и до 1920-х годов; социальная психология 1920 – 1930-х годов; «перерыв» в развитии отечественной социальной психологии со второй половины 1930-х и до конца 1950-х; возрождение этой отрасли науки с конца 1950-х годов и ее современное состояние [8]. М.И. Дьяченко, С.Л. Кандыбович и А.Г. Караяни в работе «История отечественной военной психологии» предлагают следующую периодизацию этой дисциплины: этап зарождения научной военной психологии в России (конец XIX – 30-е гг. XX в.), военная

психология в годы Великой Отечественной войны (1941 –1945 гг.), этап становления современной отечественной военной психологии (50 – 90-е гг. XX в.) и современное развитие военно-психологической теории и практики (90-е гг. XX в. – настоящее время) [1]. Наконец, Т.Д. Марцинковская, описывая историю возрастной психологии, выделяет четыре этапа ее развития: в Античности, Средневековье и в эпоху Возрождения; идеи возрастной психологии в философских теориях сознания; развитие возрастной психологии в первые десятилетия XX века; развитие возрастной психологии в русле основных психологических школ XX века [6].

Однако как обстоит дело с периодизацией развития клинической (медицинской) психологии? Ученые, разрабатывающие данную тему, предлагают выделять два больших периода, эпохи – донаучную и научную.

Донаучная эпоха в истории клинической психологии, как правило, делится учеными на те же этапы, что и социально-политическая история или история психологии: медико-психологические представления Востока (Индия, Китай, Вавилон), Античности (Греция и Рим), Средневековья (Европа и арабские страны), Нового времени (Европа) [4, 9-11].

Научная эпоха развития клинической психологии различными авторами видится по-разному. Дж. Райзман разделяет 4 основных этапа, названных им «поколениями»: первое (1890-1909), второе (1910-1939), третье (1940-1969) и четвертое (1970-1979) [10]. Н. Сандберг, А. Уайнбергер, Дж. Таплин выделяют пять этапов: раннего развития (1890-1920), консолидации (1920-1950), бурного развития (1950-1970), проявления противоречивых тенденций развития и усиления специализации (1970-1990), современности (1900-н.в.) [9]. А.Б. Холмогорова выделяет шесть этапов развития научной клинической психологии: зарождение (конец XIX века), становление, доминирование психодиагностики (начало XX века), развитие клинической психологии на Западе, стагнация в СССР (1920-1930-ые годы), расширение предмета и задач клинической психологии, поворот к консультированию и психотерапии (1940-1950-ые годы), становление клинической психологии как самостоятельной профессии (1960-1970-ые годы), рост влияния клинической психологии, усиление интегративных процессов (1980-н.в.) [5]. Как можно заметить, периодизации отличаются друг от друга, что вызвано различными используемыми в них критериями для разграничения этапов развития клинической психологии. Полифония мнений, отсутствие единогласия в данном вопросе говорит о наличии соответствующей проблемы.

В самом общем виде решение этой проблемы может быть следующим: периодизация истории клинической (медицинской) психологии должна быть проведена на различных основаниях, определяемых ее предметом. Так как единое определение предмета истории данной дисциплины отсутствует, то можно предложить следующие его варианты, опираясь на позиции Дж. Рейзмана, А.Б. Холмогоровой и Г.В. Залевского [3, 5, 11]: история клинической психологии как история изменений представлений о психической норме/патологии и лечении, как история эволюции медико-психологической диагностики, как институциональная история.

Периодизация истории клинической психологии как истории изменений представлений о психической норме/патологии и лечении.

Особенностью такого подхода является то, что каждый из исторических этапов, начавшись в определенное время и определив его характер, не заканчивается – следующий период как бы «наслаивается» на него. Исходя из этих соображений, мы предлагаем периодизацию истории развития клинической психологии, состоящую из четырех основных этапов:

- биологического, пришедшегося на конец XIX века, в рамках которого нарушения психики рассматривались как результат патологии головного мозга (вызванной различными факторами – наследственным, биохимическим, морфологическим и др.), а лечение представляло собой физическое воздействие на организм больного;

- психоаналитического, длившегося в «активной фазе» с начала до середины XX века, психопатология в русле которого понималась как результат интрапсихического конфликта и воздействия полученных в детстве психических травм, лечение состояло в укреплении эго, повышении осознанности и проработке травматического материала;

- этапа интенсивного роста количества клинико-психологических подходов, доминировавшего примерно с середины XX века до начала 1970-ых годов, когда возникли основные направления современной психотерапии: поведенческая (патология как результат «неправильного научения», лечение как переучивание), когнитивная (патология как результат искажений процесса обработки информации и дисфункциональных убеждений, лечение как изменение восприятия и мышления), гуманистическая (патология как недостаток безусловного принятия и ограничения личностного роста, лечение как развитие способности удовлетворять свои потребности в близости и саморазвитии), экзистенциальная (патология как результат отказа от контакта с данностями бытия и «жизни ради других», лечение как процесс развития аутентичности и осознанности своего подлинного существования), системно-стратегическая (патология как результат интра- и интерпсихических системных процессов поддержания гомеостаза, лечение как изменение моделей поведения и «правил игры» в семье);

- интегративного этапа, длящегося начиная с 1970-х годов и по настоящее время, сочетающего в себе элементы предыдущих периодов и интегративных тенденций трех основных видов: сближение «западной» (рационалистической, «лого-центричной») и «восточной» (духовной) психотерапии; сближение психотерапии и некоторых западных философских учений второй половины XX века; конвергенция различных течений психотерапии. Примерами первого типа интеграции может служить появление трансперсонального направления (холотропная терапия С. Грофа, процессуально-ориентированная психология А. Минделла) и когнитивно-поведенческой терапии 3 волны (схемная терапия Дж. Янга, диалектическая бихевиоральная терапия М. Линехан). Сближение психотерапии и некоторых западных философских учений

второй половины XX века может быть проиллюстрировано возникновением конструктивистского подхода в терапии (ориентированная на решение краткосрочная терапия С. де Шейзера и И.К. Берг, нарративная терапия М. Уайта и Д. Эпстона), на зарождение и становление которого оказало заметное влияние интеграция аналитической, конструктивистской и постмодернистской направлений философии. В процессе же конвергенции различных течений психотерапии возникли нейролингвистическое программирование (Р. Бэндлер, Дж. Гриндер), метод десенсибилизации и переработки движениями глаз (Ф. Шапиро), окончательно оформилось сближение когнитивного и поведенческого подходов. В это же время формируются и биопсихосоциальные модели психических расстройств, в рамках которых психопатология рассматривается как результат действия биологических, психологических и социальных факторов, а лечение понимается как сочетанное использование медикаментозных средств, методов психологической и социальной помощи.

Периодизации истории клинической психологии как истории эволюции медико-психологической диагностики. Особенность такого подхода также заключается в том, что каждый из исторических этапов, начавшись в определенное время, не завершается, а как бы дополняется последующим; кроме того, выделенные периоды могут «наслаиваться» друг на друга. Исходя из этого, можно предложить следующую периодизацию истории клинической психологии:

- этап зарождения клинико-психологической диагностики (1890-ые годы) – в этот период для диагностики психических отклонений используются как традиционный для психиатрии феноменологический подход (сочетание беседы и наблюдения), так и экспериментально-психологические методики, направленные на изучение внимания, восприятия, памяти, мышления;

- этап становления тестологии (активная фаза продолжалась 1900-1930 гг.) – в этот период происходит зарождение и развитие метода тестирования, направленного, в первую очередь, на оценку уровня интеллекта (например, «Шкала умственного развития Бине – Симона», «Шкала Векслера»); тесты такого рода находят свое применение в психиатрии при определении факта наличия и степени умственной отсталости;

- этап становления проективных методов (доминировали в 1920-1930-ых годах) – в этот период под влиянием психоанализа создаются и начинают внедряться в клиническую практику методы непрямого исследования личности и психологических особенностей больных (например, «Тест Роршаха», «Тематический апперцептивный тест», «Цветовой тест Люшера»);

- этап становления методов стандартизированного исследования личности (активная фаза пришлась на 1940-1960-ые годы) – в этот период возникают наиболее значимые личностные опросники, отличающиеся

высокой степенью формализованности (например, «ММРІ», «6-факторный личностный опросник»);

- этап практической интеграции психодиагностических методов (1960-ые годы – н.в.) – в этот период происходит интеграция различных разработанных ранее методов и методик в практической деятельности клинических психологов; даже в СССР, с учетом давнишней критики зарубежных тестов и личностных опросников, в эти годы происходит апробация «ММРІ» и «Цветового теста Люшера», что говорит о существовании общемировой тенденции к конвергенции различных теоретико-методологических подходов в рамках клиники.

Периодизация истории клинической психологии как институциональной истории. Особенностью такого подхода является то, что история рассматривается через «социальную» оптику, и включает анализ таких фактов как основание научных журналов по клинической психологии, открытие соответствующих клиник и программ подготовки специалистов, организация профессиональных сообществ. В соответствии с этими соображениями, история зарубежной медицинской психологии может быть разделена на следующие этапы:

- этап зарождения клинической психологии (1890-1910) – в этот период происходит институциональное оформление этой отрасли психологии, открываются первые психологические клиники и начинается выпуск профессиональных периодических изданий: в 1896 году в Пенсильвании (США) по инициативе Л. Уитмера открывается первая психологическая клиника, в 1906 и 1907 годах начинается выпуск первых медико-психологических журналов («Абнормальная психология» и «Психологическая клиника» соответственно), в 1908 году З. Фрейд с соратниками организует Венское психоаналитическое общество;

- этап начального развития клинической психологии (1911-1930) – происходит дальнейшее институциональное оформление медицинской психологии: в 1919 психоаналитик А. Адлер открывает первую консультацию для детей в Вене (Австрия), в том же году Американская психологическая ассоциация (АПА) создает в своем составе секцию клинической психологии, в 1924 году основана Американская ортопсихиатрическая ассоциация, занимающаяся изучением и лечением пограничных состояний, в том же году выходят рекомендации по подготовке клинических психологов АПА, в 1927 году открывается Гарвардская психологическая клиника;

- этап становления клинической психологии как самостоятельной дисциплины (1931-1950) – в этот период медицинская психология завершает свое институциональное оформление в качестве самостоятельной дисциплины, так как помимо открытия клиник, издания журналов, и образования научных секций появляются полноценные программы по подготовке специалистов в данной области: в 1931 году в АПА создается комитет для разработки программы подготовки клинических психологов, по результатам работы которого пятью годами

позже Колумбийский университет запускает трёхлетний образовательный курс по этой специальности, в 1938 году начинает издаваться журнал «Консультативная психология», в годы Второй мировой войны около 1710 человек служили в качестве психологов в американской армии [10], после окончания которой возник «социальный заказ» со стороны государства на реабилитацию ее участников, и в 1946 году управление по делам ветеранов, Национальный институт психического здоровья и Минздрав США инициировали массовую подготовку медицинских психологов, стандарт обучения которых был окончательно утвержден на Боулдеровской конференции в 1949 году и уже к концу десятилетия около 42 американских вузов готовили специалистов этого профиля;

- этап укрепления позиций клинической психологии (1951-1970) – на этом этапе, доказав свою социальную ценность, медицинская психология продолжила укреплять свои научные и практические позиции: в 1953 году АПА публикует свод этических норм работы медицинского психолога и одной из первых специализированных руководств, в 1957-1960 годах из 3074 присужденных степеней доктора философии (PhD) 1047 было присуждено по клинической психологии [10], в 1968 году в Университете Иллиноиса начинают присуждать степень доктора по клинической психологии (PsyD), а годом позже в АПА насчитывается порядка 29 отделений, включающих в себя отделения психологического гипноза, психофармакологии и психотерапии, к 1970 году клиническая психология наиболее интенсивно на Западе развивается именно в США – для сравнения в этой стране насчитывается около 12000 клинических психологов, в то время как Великобритании их 345, во Франции порядка 300 [11];

- этап доминирования клинической психологии (1971-н.в.) – в этот период медицинская психология начинает доминировать не только в области практики, но и науки: в 1980 году 44% процента членов АПА связали себя именно с этим видом деятельности [11], в 1989 году клинические психологи получили право заниматься частной практикой, а в 1990-ые годы в ряде европейских стран за ними было закреплена возможность выписывать своим клиентам легкие психотропные препараты.

Заключение. Как было показано выше, проблема периодизации развития психологического знания является одной из основных проблем истории психологии, даже относительно истории психологии в целом нет единства мнений в вопросе о том, какие этапы и на каких основаниях следует выделять при анализе этого процесса.

Довольно сложно представить единую периодизацию истории клинической (медицинской) психологии, так как ее создание затрудняется различными критериями, на основании которых она может быть осуществлена. Поэтому, на наш взгляд, следует не столько пытаться уложить разноуровневую и многогранную историю этой дисциплины в одно-единственное русло, сколько создавать различные, пусть и не всегда совпадающие между собой, но более

точные и корректные с точки зрения оснований, периодизации. И в этом смысле предложенные нами три типа периодизации истории клинической психологии (история клинической психологии как история изменений представлений о психической норме/патологии и лечении; как история эволюции медико-психологической диагностики; как институциональная история) представляются способными решить, совокупно, вынесенную в заголовок данной статьи проблему.

Список литературы

1. Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г. История отечественной военной психологии. М.: Проспект, 2021. 488 с.
2. Ждан А.Н. История психологии от Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2024. 510 с.
3. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. История клинической психологии. М.: Юрайт, 2023. 180 с.
4. Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. СПб.: Питер, 2004. 1166 с.
5. Клиническая психология: в 4 т. Т.1. Общая патопсихология / под ред. А.Б. Холмогоровой. М.: Академия, 2013. 457 с.
6. Марцинковская Т.Д. История возрастной психологии. М.: Академический проект; Трикста, 2010. 312 с.
7. Марцинковская Т.Д., Юревич А.В. История психологии. М.: Академический проект; Трикста, 2011. 521 с.
8. Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003. 616 с.
9. Сандберг Н., Уайнбергер А., Таплин Дж. Клиническая психология. Теория, практика, исследования. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 383 с.
10. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.
11. Reisman J.M. A history of Clinical Psychology. New York: Taylor & Francis, 1991. 424 p.
12. Zilboorg G. A history of medical psychology. New York: W. W. Norton and company, 1967. 544 p.

Володичева Е.В., Дмитриева Л.Г.

КОМПЛЕКСНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА КАК УТРАТА ВНУТРЕННЕЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация: в данной статье рассмотрена проблема комплексной психологической травматизации (КПТСР) через парадигму остановленной внутренней активности, предложены варианты психотерапевтической работы по ее восстановлению, опирающиеся на создание продуктивного способа контакта с другими людьми.

Abstract: this article considers the problem of complex psychological traumatization (CPTSD) through the paradigm of stopped inner activity, and offers options for psychotherapeutic work to restore it, relying on the creation of a productive way of contact with other people.

Ключевые слова: комплексная психологическая травма, КПТСР, активность, внутренняя активность, незавершённое действие.

Keywords: complex psychological trauma, CPTSD, activity, internal activity, unfinished action.

Проблема успешной самоактуализации и органичного предъявления себя в отношениях с социумом является одним из практически-ориентированных вопросов психологии в настоящее время. При этом одним из важных условий аутентичного проявления своей индивидуальности можно определить внутреннюю активность личности.

Внутренняя или психическая активность образуется в процессе рефлексии эмоциональной, мотивационной, целенаправленной, инструментальной стороны планируемой деятельности [Петровский, 1996]. Говоря иначе, если под внешней активностью понимается сама деятельность, направленная на удовлетворение потребности, как акт самопредъявления индивида миру, то под внутренней активностью раскрывается процесс оформления влечения в потребность в эмоционально-мотивационной сфере [Цит. по Дубов, 2012]. «В соотношении с деятельностью, активность субъекта определяется как динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения, как свойство ее собственного движения» - писал отечественный психолог В. А. Петровский. В этом понимании у автора прослеживается одно из первых описаний активности субъекта с акцентом на выделение внутренней составляющей данного процесса. Мотивы и чувства человека, по мнению В.А. Петровского, выступают направляющими для последующей деятельности. К. А. Абульханова-Славская так же раскрывает феномен активности не только через деятельную сторону ее осуществления, но и через внутреннюю составляющую - личностную интерпретацию человеком своего способа жизни, его представления о своем месте и способе взаимодействия с обществом [Абульханова, 1999]. Некоторые авторы даже в целом оставляют за активностью элемент лишь внутреннего, психического движения, отделяя ее от внешней реализация: «будем понимать активность, как внутреннюю деятельность, произвольно детерминирующую, регулирующую деятельность внешнюю, происходящую не рефлекторно, не реактивно на стимуляцию внешней среды» [Цит. по Дубов, 2012]. Нам же кажется правильным выделить в феномене активности как внутренний процесс, ведущий

к осознанию и оформлению своих отдельных импульсов, так и внешний, связанный с непосредственным формированием на их основе конкретной деятельности. Поэтому, говоря о внутренней активности, мы подразумеваем то, как осознается, созревает и растет из нерасчлененных побуждений любая человеческая потребность во внутреннем поле субъекта.

В связи с этим очевидно, что с одной стороны, внутренняя активность позволяет представить человека как сценариста своих действий, который успешно реализует свою идентичность исходя из индивидуальных потребностей. С другой стороны, осознание своих потребностей неизбежно подталкивает человека к соизмерению их с потребностями среды. «Величие человека, его активность, проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, бытию... Активность — типичный для данной личности, обобщенный, ценностный способ отражения, выражения и осуществления жизненных потребностей» - писал Рубинштейн [С.Л.Рубинштейн 1976, с. 343].

При этом очевидно, что далеко не все люди успешно организуют процесс взаимодействия с социумом и, как следствие, имеют проблемы с реализацией своих потребностей в нем. Здесь становится интересно – какие условия становятся препятствием для роста внутренней активности, какие обстоятельства приводят к ее коллапсу?

Н. А. Бернштейн не упускал из виду тот факт, что целенаправленная деятельность организма практически всегда подразумевает преодоление сопротивления среды, связанное с энергозатратами. Активность, по Бернштейну, это прежде всего реализация модели потребного будущего через взаимодействие со средой: «субъект как бы порывает с предшествующей ситуацией, находя себя измененным в новой ситуации деятельности» [Цит. по Дубов, 2012, с. 78]. В свою очередь инспиратор гештальт-терапии Фриц Перлз, сфокусировав свое научное внимание на том, что будучи не изолированным от мира, человек, с одной стороны, побуждается контактировать с другими людьми имеющимися у него потребностями, а с другой стороны удовлетворение его потребностей часто сопровождается значительным напряжением, так как требует преодоления различного сопротивления, связанного с социумом (страх наказания, социальные табу, внешние препятствия и тд.) [Perls F., 1969]. Когда внешнее влияние на человека настолько велико, что превосходит ресурсы его совладания, его внутренняя активность и творческое приспособление к среде может нарушаться. Так, ребенок перед лицом грозного родителя формирует реакцию отступления и закрытости (бегства), которая в этот момент будет адекватной формой ответа, разворачивающейся из его внутренней активной потребности по защите себя. Но если со временем человек будет стремиться повторить этот «ответ» в ситуации, когда он уже не сталкивается ни с кем из угрожающих ему взрослых, то это означает, что он механически воспроизводит реакцию из прошлого, не осознавая происходящее и свои потребности в полной мере. Иными словами, он утратил внутреннюю активность: способность оценивать свои чувства, потребности и варианты их удовлетворения. Он утратил способность осуществлять творческое приспособление в настоящей ситуации:

то, что было творческим в определенный момент, сейчас больше не является таковым [Робин, 2007].

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что внутренняя активность, как способ личности по организации, регуляции, и реализации собственных желаний, утрачивается людьми в ситуациях незавершенного переживания комплексной психологической травмы. Саму комплексную травму здесь мы понимаем, как остановленную внутреннюю и внешнюю активность. Сущность этой остановки заключается в том, что в момент переживания субъективно неблагоприятной ситуации часть психических реакций бывают заторможены, что формирует эффект «незавершенных действий» и создает значительное напряжение. Впервые принцип «незавершенных ситуаций» был описан в 1927 г. Б.В. Зейгарник [Зейгарник, 2007, с.416]. «Многочисленные эксперименты в области «незавершенных ситуаций» были проведены далее в рамках исследования проблем мотивации школой гештальт-психологов. Согласно базовой теории, описанной как эффект Зейгарник, «незавершённое действие стремится к завершению». Можно предполагать, что начатое в прошлом и не финишировавшее действие будет реактивироваться при последующих ситуациях» [Петрова, 2019]. «Если мы находимся в ситуации контакта, и эта ситуация контакта по той или другой причине была прервана, и удовлетворение не было достигнуто, то при определенных условиях эта ситуация может зафиксироваться в виде незавершенной ситуации» - пишет современный классик гештальт-терапии Жан-Мари Робин [Робин, 2007].

В целом под термином «комплексная травма» понимается клинический синдром, возникающий в результате множественных травматических событий, которые, как правило, происходят на ранних этапах жизненного пути в контексте близких межличностных отношений и носят повторяющийся, пролонгированный характер. Например, сексуальное и физическое насилие (безнадзорность, жестокое обращение), эмоциональное насилие (пренебрежение потребностями и отвержение, нарушения привязанности) [Farlame, 1990; Herman, 1992; Ford, 2017; Падун, 2021].

При этом феноменом блокировки психической энергии после комплексной травмы - сохранение в психике «незавершенного действия» - будут замороженные эмоции страха, гнева, боли, печали и остановленные последующие действия по защите себя в отношениях к близким людям. Такой взгляд на комплексную травму в настоящее время считается общепринятым в гештальт-подходе, в психодраме, в поведенческой терапии и в других направлениях практической психологии [Петрова, 2019]. Гештальт-подход рассматривает травматический опыт как фиксацию «незавершенных действий» (и последующую блокировку части спонтанности и блокировку энергии) [Перлз, 1999].

Основатель и директор Мюнхенского института травматерапии Вилли Буттоло отмечает, что психологически травмированные люди выстраивают свои контакты так, что они «свое «Я» не могут выпятить вперед, заходят в диалог с позиции «я слабый» и занимают подчиняющуюся модель поведения. Так происходит, потому что идентичность человека не может переработать и

привести в соответствие с имеющимися навыками случившееся травматическое переживание. Психика не в состоянии обеспечить адекватную и осознанную реакцию на новый опыт, и поэтому замещает ее автоматическим, примитивным ответом – остановкой возбуждения и эмоциональной изоляцией. Происходит прерывание собственных переживаний и снижение саморефлексии – это создает коллапс личности, в котором становится невозможным как конструктивное созревание внутренней активности в ответ на тяжелую ситуацию, так и ее последующая направленность на среду [Butollo, 2014].

Психика, поддерживая блокировку части активности, с одной стороны ограничивает диапазон выборов в области самовыражения и эмоционального ответа, с другой стороны, защищает организм от действия, которые могут повторно привести к травме. Активность, доступная человеку до травмы, становится не доступна – такими выводами делится отечественный гештальт-терапевт Е. Петрова после многолетней работы с людьми, пережившими травму. Свобода и гибкость эмоциональной сферы травмированного человека значительно снижается, что отчетливо ограничивает его внутреннюю активность [Петрова, 2023].

Аналогично специалист в области кризисной психотерапии и гештальт-терапевт И.А. Погодин пишет о том, что не само по себе негативное событие формирует психологическую травму, к ней приводит блокирование возможности ее переживания. «С позиции гештальт-подхода психическая травма — это феномен границы контакта в поле организм/среда, являющийся следствием блокирования естественного течения процесса переживания, проявляющийся в разрушении или деформации self» [Погодин, 2009].

Таким образом, важным **направлением работы в терапии** комплексной психологической травмы, становится восстановление остановленной внутренней активности личности. Опираясь на идею образования внутренней активности по средствам рефлексии эмоциональной и мотивационной сфер, чья работа должна быть направлена на подбор цели и инструментов для успешной реализации, мы предлагаем следующую психотерапевтическую модель работы для восстановления внутренней активности:

- развитие эмоциональной сферы (способствование осознанию своих переживаний)
- развитие мотивационной сферы (способствование осознанию своих потребностей).

При этом основными задачами психотерапевтической работы, направленными на «оживление» внутренней активности после комплексной травмы, будут:

1. Осознание остановленных чувств по поводу «незавершенного действия», составляющих основу комплексной психологической травмы.
2. Осознание нереализованной потребности по поводу «незавершенного действия» в момент комплексной психологической травмы.
3. Поиск цели для их успешной реализации.
4. Поиск инструментов для их успешной реализации (прогнозирование способа проживания и вида отреагирования на травму).

При этом важной составляющей нашей модели является точка зрения, согласно которой формирование этих задач должно быть реализовано в рамках специального психотерапевтически-экзистенциального диалога, в процессе которого человек с комплексной травмой научается быть собой в контакте с другими людьми, удовлетворять свои потребности и исцеляться самостоятельно. Именно в психотерапевтическом пространстве, в контексте субъект-субъективного взаимодействия, можно сформировать у пострадавшего навык говорить о своих чувствах, понимать свои потребности и запрашивать поддержку. Учитывая, что основное нарушение людей, переживших комплексную травму – это неумение говорить о себе и слепое подчинение другому, то обучая такому диалогу, мы возвращаем ему возможность восстановить спонтанность всех психических процессов: добиться живости, экспрессивности, гибкости в проживании своих чувств, развернуть остановленные импульсы в действия.

Таким образом, под комплексной психологической травмой мы понимаем повторяющиеся и пролонгированные во времени нарушения контакта со значимыми людьми, в которых регулярно происходила остановка внутренней психической активности, блокирующей осознание эмоционального, целевого и инструментального потенциала актуализированной потребности. В свою очередь, опираясь на принципы психотерапевтического диалога мы предлагаем модель восстановления внутренней активности через возвращение спонтанности эмоционально-мотивационной сфере, сопровождаемое поисками цели и способа отреагирования травматических переживаний.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды [Текст] / Абульханова К.А. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. — 224 с. (Серия «Психологи Отечества»).
2. Введение в психологию / под ред. проф. А. В. Петровского [Текст] / под ред. проф. А. В. Петровского // Учебник. - М., 1996.
3. Дубов, И. Г. Социально - психологические аспекты активности [Текст] / И. Г. Дубов. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 535 с.
4. Жан-Мари Робин "Гештальт-терапия" [Электронный ресурс] /Жан-Мари Робин // Изд.: Институт общегуманитарных исследований, 2007 г. - Режим доступа: https://www.psychol-ok.ru/lib/robine_j-m/gt/gt_03.html (дата обращения 01.04.2024).
5. Зейгарник Б.В. Психология личности: норма и патология [Текст]/ Зейгарник Б.В. - М.: МПСИ. 2007.
6. Падун М.А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации [Электронный ресурс] / Падун М.А. - Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 3. С. 69—87. Режим доступа: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290306> COMPLEX PTSD: PSYCHOTHERAPY (дата обращения 28.03.2024).

7. Перлз Ф. Теория гештальт терапии [Текст]/ Перлз Ф. - М.: Институт психотерапии, М., 1999.
8. Петрова Е.Ю. Замороженная жизнь. Работа с последствиями психологической травмы. [Электронный ресурс] / Петрова Е.Н. - СПб, 2019. - Режим доступа: https://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_7397.pdf (дата обращения 28.03.2024).
9. Петрова Е.Ю. О психотерапевтической работе с последствиями физической травмы в перспективе гештальт подхода [Электронный ресурс] / Петрова Е.Н. - Дайджест научных публикаций Антологии российской психотерапии и психологии, 2023. - Режим доступа: <https://psy.su/feed/10765/> (дата обращения 01.04.2024).
10. Погодин И.А. Гештальт-терапия в работе с психической травмой: диалогово-феноменологическая модель [Электронный ресурс] / Погодин И.А. // Консультативная психология и психотерапия, 2009. Том 17. № 4. С. 75–97. - Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2009_n4/Pogodin (дата обращения 01.04.2024).
11. Butollo Willi, Karl Regina. Dialogische Traumatherapie: Manual zur Behandlung der Posttraumatischen Belastungsstörung / Willi Butollo; Regina Karl// Stuttgart: Klett-Cotta, 2014. DOI:nbn:de:101:1-201412089516.
12. Farlane Mc. A.C. Vulnerability to posttraumatic stress disorder. In: Wolf M.E. (eds.) Posttraumatic Stress Disorder: Etiology, Phenomenology and Treatment. Washington, DC, American Psychiatric Press. 1990, p.2.
13. Ford J.D. Complex trauma and complex posttraumatic stress disorder // APA handbooks in psychology. APA handbook of trauma psychology: Foundations in knowledge / Ed. S.N. Gold. Washington, DC: American Psychological Association, 2017. P. 281—305. DOI:10.1037/0000019-015 16.
14. Herman J.L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma // Journal of Traumatic Stress. 1992. Vol. 5. № 3. P. 377—391. DOI:10.1007/BF00977235.
15. Perls F. Ego, Hunger and Aggression: A Revision of Freud's Theory and Method. N.Y.: Random House, 1969.

Габбасова А.А., Баяхметова А.С.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Аннотация: в статье рассматривается проблема жестокого обращения(насилия) над детьми в семье. Рассматриваются виды, причины, последствия, диагностика и профилактика насилия над детьми, также приводятся статистические данные насилия в Казахстане.

Annotation: The article deals with the problem of child abuse in the family. The types, causes, consequences, diagnosis and prevention of child abuse are considered, and statistical data on violence in Kazakhstan are also provided.

Ключевые слова: семья, травма, насилие в семье, насилие над детьми, причины, последствия, психическое состояние.

Keywords: family, trauma, domestic violence, child abuse, causes, consequences, mental state.

Семья играет основополагающую роль в жизни человека, предоставляя ему любовь, поддержку и ощущение безопасности. В семье человек получает эмоциональную поддержку, развивает навыки коммуникации, учится быть терпимым и принимать других. Воспитание, полученное в семье, является ключевым для формирования индивидуальности, ценностей, моральных норм и навыков. Обратная сторона этой роли то, что семья может выступить площадкой для формирования комплексов, страхов, получения психологической травмы в результате жестокого обращения по отношению к несовершеннолетним.

В последние годы громкие случаи семейно-бытового насилия в нашей стране широко освещаются в СМИ, в том числе случаи применения насильственных действий по отношению к несовершеннолетним. Несовершенства системы правосудия, патриархальные взгляды и ценности, провоцирующие насилие по отношению к женщинам и детям, все это в совокупности негативно влияет на ситуацию в обществе и способствует росту количества преступлений по причине бытовых разногласий, в связи с этим возникает актуальность более глубокого изучения и освещения данной темы в казахстанском обществе.

Согласно статистическим данным, в нашей стране остро стоит проблема жестокого обращения над детьми в семье. Общее количество преступлений против половой неприкосновенности детей за три года составило 2 472 случая. В 2023 году в нашей стране от домашнего насилия погибло 69 женщин и 7 детей. Поступило более 99 тысяч заявлений, связанных с домашним насилием [1]. В настоящее время более 9 тысяч семей считаются неблагополучными согласно данным правоохранительных органов, где воспитывается более 12 тысяч детей [2].

Эти данные свидетельствуют о необходимости создания профилактических мер и четкого алгоритма оказания психологической, юридической, медицинской, реабилитационной помощи детям – жертвам жестокого обращения в семье.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет насилие как преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное на себя или иное лицо или группу лиц, которое влечет или, с большой вероятностью, может повлечь нанесение телесных повреждений, психологической травмы, смерть, отклонения в развитии или другой ущерб [3].

Существуют различные критерии для определения видов насилия, которое происходит в отношении детей. Как правило, в международных исследованиях

применяется классификация насилия, основанная на видах агрессивных действий в отношении пострадавшего: физическое, психологическое (эмоциональное) и сексуальное насилие. К насилию также относится дискриминация по любому признаку, которая проявляется в предвзятом отношении и различных действиях. По характеру проявления выделяют отдельные, однократные насильственные действия и систематическое, регулярно повторяющееся насилие – буллинг. Для различения относительно новой, но получившей широкое распространение формы насилия, осуществляемой в виртуальном пространстве, используется термин «кибербуллинг». В соответствии с доминирующей во многих случаях насилия (в любых его видах) гендерной составляющей выделяют гендерное насилие [4].

Насилие по отношению к детям признано одной из основных проблем в области соблюдения прав человека. Уже известно и доказано, что жестокое обращение с детьми имеет физические и психологические последствия для их здоровья, оказывает крайне негативное влияние на развитие, социальную адаптацию и просто лишает детей детства и отрочества, принося в юность психологические и другие травмы. В связи с этим и появился термин “синдром жестокого обращения с детьми”. В англоязычной терминологии для обозначения этого явления давно устоялось такое понятие, как Child Abuse and Neglect (CAN).

Длительное отсутствие у нас такого же интегрального понятия, которое бы охватывало весь спектр плохого и «неправильного» обращения с ребенком, по мнению некоторых авторов [Каган, 1997], обусловлено низкой чувствительностью к этим проблемам, нераспознаваемостью этого явления в обществе, терпимостью нашего общества к насилию.

Исследователи (Aber, Zigler, 1981; Cicchetti, Carlson, 1989; Giovannoni, 1989, 1992; Giovannoni, Vecerra, 1979; McGee, Wolfe, 1991; Straus, Gelles, 1986; Zuravin, 1991 приводят ряд причин, затрудняющих понимание и точное описание феномена жестокого обращения (синдрома CAN). Наиболее важные из них, с нашей точки зрения, мы приводим ниже: а) отсутствие в обществе четкого представления о том, где проходит граница между приемлемыми и неприемлемыми (или опасными) формами воздействия родителей на детей; б) отсутствие разработанных критериев определения потенциальной опасности воздействия на ребенка или его вредных последствий. И тот факт, что значение случившегося с ребенком существенно меняется в зависимости от его возраста, пола, отношения к тому, кто произвел действие, этнических и культурных традиций и контекстуальных факторов. Также присутствует неясность относительно того, на чем должно основываться определение жестокого обращения – на действиях взрослых, их личностных особенностях, на последствиях такого обращения для ребенка, на особенностях среды или на комбинациях этих факторов [5, с 17-18].

Различают следующие основные формы жестокого обращения и пренебрежения детьми:

- физическое насилие
- сексуальное насилие или развращение

- психическое (эмоциональное) насилие
- пренебрежение (моральная жестокость)

Жестокое обращение чаще всего имеет место дома, но может происходить и в других условиях, например, в школах и детских домах. Жестокому обращению во всех его основных формах могут подвергаться дети любого возраста. Несколько позже, при вступлении несовершеннолетних в детско-подростковые группы в образовательных учреждениях или вне них, может начинаться травля (буллинг). К подросткам относится возможность быть подвергнутыми насилию в молодежной среде или со стороны полового партнера.

Более конкретные рамки определения насилия в разных странах зависят от существующих в них культуральных норм. Профилактика насилия в значительной степени связана с изменением этих нормативных границ и толерантности общества к тем или иным видам насилия, например, телесным наказаниям или домашнему насилию в целом. Нередко жертв обвиняют в пережитом ими насилии; девочки страдают от насилия чаще, чем мальчики, что позволяет говорить о гендерном насилии. Нормы общества по отношению к насилию могут считаться фактором риска или фактором защиты, в зависимости от их конкретного характера.

Факторы риска, кроме того, могут рассматриваться на разных уровнях – от индивидуальных до общественных. Для их анализа удобно использовать экологическую модель Ури Бронфенбреннера, предложенную в конце 1970-х годов прошлого века [6, с. 421].

Рис. 1. Насилие и его влияние на здоровье (ВОЗ, 2002)

Взаимодействие между факторами, находящимися на разных уровнях, не менее важно, чем влияние факторов в пределах одного уровня [7, с 17]

<p>На уровне индивида к факторам риска относятся биологические характеристики и данные биографии, такие, как пол, возраст, образование, наличие инвалидности, отставание в умственном и когнитивном развитии, психические нарушения, злоупотребление алкоголем, наркотическая зависимость и пережитые ранее эпизоды агрессии или жестокого обращения.</p>	<p>На уровне ближайшего окружения факторами риска являются недостаток эмоциональных привязанностей, плохое выполнение родителями своих обязанностей, нарушение функций семьи и ее распад, присоединение к группе сверстников с антиобщественным поведением, присутствие при актах насилия в отношении родной или</p>
--	---

	приемной матери, а также ранний или принудительный брак.
<p>На уровне сообщества факторы риска включают особенности сложившейся обстановки, например, в школах, в жилых районах, которые повышают риск насилия. Это бедность, безработица, высокая плотность населения, низкая социальная сплоченность, наличие временно проживающих лиц, небезопасная физическая среда, высокий уровень преступности и существование местной сети распространения наркотиков. Сюда же относится отсутствие эффективной помощи жертвам насилия.</p>	<p>На уровне общества в целом факторы риска – наличие правовых и социальных норм, формирующих такое общественное мнение, которое провоцирует насилие или признает это явление нормальным. В перечень этих факторов могут входить политические меры в области здравоохранения, экономики, образования и социального развития, поддерживающие экономическое, гендерное или социальное неравенство; отсутствующая или ненадлежащая социальная защита; социальная уязвимость, обусловленная конфликтами или их последствиями, а также стихийными бедствиями; слабое руководство и низкий уровень охраны правопорядка.</p>

Попытка выстроить терминологию и классификацию механизмов психологического насилия применительно к детско-родительским отношениям предпринята А. Б. Орловым. Его определение звучит так: «Психологическое (поведенческое, интеллектуальное, эмоциональное и проч.) насилие — преднамеренное манипулирование взрослыми ребенком как объектом, игнорирование его субъектных характеристик (свободы, достоинства, прав и т.п.), либо разрушающее отношения привязанности между взрослыми и ребенком, либо, напротив, фиксирующее эти отношения и приводящее к различным деформациям и нарушениям психического (поведенческого, интеллектуального, эмоционального, волевого, коммуникативного, личностного) развития» [8, с 183]. По мнению А. Б. Орлова, спектр психологического насилия включает:

«а) психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, чрезмерная критика, ложь, изоляция, запреты на поведение и переживание, негативное оценивание, фрустрация основных нужд и потребностей ребенка и т.п.);

б) психологические эффекты (утрата доверия к себе и миру, диффузная самоидентичность, полезависимый когнитивный стиль, внешний локус контроля, беспокойство, тревожность, нарушения сна и аппетита, депрессия, агрессивность, уступчивость, угодливость, плохая успеваемость, коммуникативная некомпетентность, низкая самооценка, склонность к

уединению, суицидальные наклонности, задержки физического и психического развития» и т.д.;

«в) психологические взаимодействия (доминантность, эффективность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность, непринятие со стороны родителей и субординированность, бесчувственность, ригидность, безответственность, неуверенность, беспомощность, самоуничтожение со стороны детей)» [9, с 184]. Большое достоинство предложенной концепции — в последовательно психологическом характере всех ее элементов. Недостатком ее является не соотнесённость понятий «насилие» с понятиями «травмирование» и «манипуляция», поскольку в авторскую классификацию попали и феномены неманипулятивного насилия, и явления, которые можно отнести к незлонамеренному травмированию (неумышленному вреду) в перечне психологических воздействия.

Между тем модель поведения, усвоенная в детстве, воспроизводится в других социальных институтах: школе, армии, государстве в целом. Поэтому остановить насилие возможно, только преодолев жестокость по отношению к беззащитным детям.

Насилие над детьми в семье может иметь различные механизмы возникновения. Рассмотрим некоторые из них:

1. Цикличность: Насилие в семье часто имеет цикличную природу и может повторяться из поколения в поколение. Дети, выросшие в семьях с насилием, могут в свою очередь стать насильниками или жертвами насилия в будущем.

2. Моделирование: Дети могут повторять насильственное поведение, которое наблюдают у своих родителей. Они постепенно воспринимают насилие как норму в отношениях и повторяют его, когда становятся взрослыми.

3. Социальная изоляция: Насилие может возникать в изолированных семейных условиях, где жертва лишена поддержки и доступа к помощи извне. Это позволяет насильнику сохранить контроль и власть над жертвой.

4. Негативные взаимоотношения: Насилие часто возникает в семейных отношениях, где преобладают негативные эмоции, конфликты и стрессы. Это может включать финансовые проблемы, наркоманию, алкоголизм или депрессию супругов.

Насилие над детьми в семье может проявляться в различных формах, и рассмотрение этих механизмов поможет нам лучше понять проблему и предотвратить ее [10].

Установлено, что существует несколько факторов риска, способствующих жестокому обращению с детьми. Не все они присущи каждой социально-культурной среде, и перечисленные ниже факторы лишь общим образом отражают причины жестокого обращения с детьми. Важно помнить, что ребенок является жертвой и никак не виновником жестокого обращения.

Фактор риска	Особенности
Ребенок	- возраст ребенка: до четырех лет или подростковый возраст; - рождение ребенка вопреки желанию родителей или несоответствие их ожиданиям от ребенка;

	<ul style="list-style-type: none"> - наличие особых потребностей, внешних физических отклонений, постоянный плач; - наличие интеллектуальных или неврологических нарушений; - гомосексуальная, бисексуальная или трансгендерная принадлежность с точки зрения самого ребенка или окружающих.
Родители или воспитатели	<ul style="list-style-type: none"> - недостаток эмоциональной близости с новорожденным; - отсутствие привычки заботиться о ребенке; - опыт пережитого жестокого обращения в детстве; - незнание особенностей развития ребенка или завышенные ожидания; - злоупотребление алкоголем или употребление психоактивных веществ, включая во время беременности; - низкая самооценка; неконтролируемое импульсивное поведение; наличие психических или неврологических нарушений; противоправное поведение; финансовые трудности.
Взаимоотношения (в семье, среди друзей)	<ul style="list-style-type: none"> - конфликты в семье или насилие между другими членами семьи; - социальная изоляция или отсутствие поддержки; - отсутствие помощи в воспитании ребенка со стороны родственников.
Социальное окружение	<ul style="list-style-type: none"> - гендерное и социальное неравенство; - отсутствие подходящего жилья или услуг поддержки

Большую роль в формировании установок на «нормализацию» насилия в семье играет воспитание. Изначальное определение женщины ниже мужчины, культивирование ценностей послушания и спокойствия, подчинения и неполноценности женщины без мужчины, а также обесценивание эмоций в случае насилия – эти факторы создают основу для семейно-бытового насилия.

Особое место среди факторов занимают, методы воспитания родителей, прибегающей к “репрессивной педагогике”, имеющие тяжелые последствия для психики и физического состояния детей. И распространенное мнение о том, что воспитание детей – это внутрисемейное дело, в которое никто не имеет права вмешиваться, это затрудняет деятельность представителей правоохранительных органов и социальных служб, пытающихся оказать помощь пострадавшим.

Семьи, где сосредоточены несколько из этих факторов, наиболее подвержены риску жестокого обращения по отношению к детям.

Мы провели теоретический обзор понятия насилия, жестокого обращение с детьми. Следующим шагом хотим ознакомить с комплексным

мультидисциплинарным подходом к диагностике домашнего насилия, который позволяет эффективно выявить и оценить последствия насилия, а также разработать соответствующие меры помощи и поддержки для жертв и их семей.

В 2017 году Всемирная организация здравоохранения разработала программу «INSPIRE: семь стратегий по ликвидации насилия в отношении детей [INSPIRE: seven strategies for ending violence against children]», которая доказала свою эффективность в снижении случаев насилия над детьми. Учитывая растущую статистику в нашей стране, данную программу можно использовать в реализации профилактики насилия и в нашей стране.

Комплекс INSPIRE объединяет следующие стратегии, образуя всеобъемлющий механизм для ликвидации насилия в отношении детей [11].

Стратегия	Подходы
Принятие и обеспечение соблюдения нормативных актов	<ul style="list-style-type: none"> - Родителям, учителям и другим воспитателям запрещается применять жестокие методы наказания детей, а нарушители подлежат уголовной ответственности. - Принимаются законы для предотвращения злоупотребления алкоголем и ограничивающие доступ молодежи к огнестрельному и другому оружию.
Нормы и ценности	<ul style="list-style-type: none"> - Отказ от дискриминации и вредных гендерных и социальных норм. - Поощрение свидетелей вмешиваться в случаях насилия.
Создание безопасной среды	<ul style="list-style-type: none"> - Ориентирование на зоны с повышенным риском для сокращения уровня насилия - Борьба с распространением насилия - Улучшение среды обитания для сокращения насилия
Поддержка родителей и воспитателей	<ul style="list-style-type: none"> - Проведение визитов на дом. - Работа в группах и на уровне местных сообществ. - Внедрение комплексных программ
Ответные меры и оказание поддержки	<ul style="list-style-type: none"> - Консультирование и медицинская помощь - Проведение скрининга с необходимыми вмешательствами. - Программы воспитательной работы с малолетними правонарушителями в рамках уголовного правосудия. - Организация патронатного воспитания с привлечением социальных служб для обучения и формирования жизненных навыков.
Обучение и формирование жизненных навыков	<ul style="list-style-type: none"> - Внедрение программ для повышения числа детей, посещающих дошкольные, начальные и средние образовательные учреждения - Создание безопасной и благоприятной среды в школах. - Повышение уровня знаний детей о сексуальном насилии и способах защиты от него

	- Программы для подростков по профилактике насилия со стороны полового партнера.
--	--

В данной работе предпринята попытка рассмотрения темы жестокого обращения над детьми в казахстанском обществе и предложена система «INSPIRE: семь стратегий по ликвидации насилия в отношении детей», которую можно использовать в рамках создания профилактических мер по предотвращению жестокого обращения над детьми. Защита детей и подростков от жестокости, предупреждение преступлений против них является чрезвычайно важной, социально значимой и актуальной задачей, решение которой носит междисциплинарный характер. В связи с чем важно помнить о межведомственном взаимодействии и создании возможностей получения доступной квалифицированной помощи жертвам. В деятельность по пресечению насилия должны вовлекаться работники правоохранительной системы, органов опеки и попечительства, представители социальной и педагогической сфер, сотрудники медицинской и психологической служб.

Подводя итоги, следует отметить, что семейно-бытовое насилие порождает множество причин, и зачастую такие семьи попадая в порочный круг насилия, не в состоянии самостоятельно справиться с данной проблемой. Жестокое отношение к детям это лишь следствие, необходимо работать с первопричиной. Именно искоренение первопричин является важным этапом в сокращении случаев насилия.

Традиционный казахстанский менталитет постепенно становится неподходящим по форме к современному миру и то, что считалось обыкновенным явлением раньше, на сегодняшний день приносит множество проблем. Тем не менее, набирающая в последние годы свои обороты, работа над искоренением насилия в семейно-бытовой и других сферах дает надежду на то, что ситуацию еще можно изменить в лучшую сторону. В Национальном докладе о противодействии семейно-бытовому насилию в республике Казахстан (2021г.) указаны результаты экспертных и глубинных интервью, в которых сообщается, что что в обществе уже есть предпосылки для формирования нетерпимости к семейно-бытовому насилию. Люди стали воспринимать это как серьезную проблему, решение которой зависит от взаимодействия государства, НПО и общества в целом.

Мы убеждены, что важно освещать эту тему, важно распространять информацию о том, что в результате жестокого обращения с ребенком со стороны близких ему людей, ребенок получает множество психологических проблем, которые в дальнейшем могут оказывать серьезное влияние на различные сферы жизни его жизни. Помимо вреда для физического и душевного здоровья, перенесённое ребёнком насилие со стороны близких существенно влияет на то, как этот ребёнок в дальнейшем будет выстраивать отношения с окружающими людьми и, прежде всего, со своими детьми. Возникающий таким образом цикл насилия проявляется на разных уровнях: и в актуальных

отношениях между ребёнком и родителем, и в отношениях между поколениями, это влияет и на общество и государство в целом.

Сегодня назрела необходимость решать проблему домашнего насилия на уровне социально-значимых государственных задач, на основе комплексного подхода путем совершенствования законодательства и проведения эффективных профилактических мер, создавая атмосферу нетерпимости и общественного порицания любого проявления семейно-бытового насилия [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. <https://kazpravda.kz/n/v-2023-godu-ot-domashnego-nasiliya-pogiblo-69-kazahstanskih-zhenshchin-i-7-detey/>
2. Сколько детей стали жертвами сексуального насилия в Казахстане https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-detey-stali-jertvami-seksualnogo-nasiliya-kazahstane-499993/
3. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. ВОЗ, 2003. http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2017).
4. Информационно-методическое пособие для руководителей и педагогических работников образовательных организаций / 2-ое дополненное издание / Л. А. Глазырина, М. А. Костенко, Е. В. Лопуга; под ред. Т. А. Епояна – Барнаул, 2017. – XX с.
5. И.А. Алексеева И.Г. Новосельский. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь 4-е издание, Москва 2020г. (стр. 17-18)
6. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: монография). Под ред. Дозорцевой Е.Г., Семья Г.В. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022.– 421 с.)
7. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: монография. Под ред. Дозорцевой Е.Г., Семья Г.В. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 17 с.)
8. Орлов А. Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. 2000, №2-3. — С. 183
9. Орлов А. Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. 2000, №2-3. — С. 184
10. Виды, признаки, формы жестокого обращения с детьми. «Нормативно-правовые документы и другие материалы для органов опеки и попечительства, учреждений и организаций, работающих с семьей и детьми», Томск, 2009
11. Семь стратегий по ликвидации насилия в отношении детей <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/207717/9789244565353-rus.pdf>
12. Национальный доклад о противодействии семейно-бытовому насилию в республике казахстан, 2021год

Габбасова А.А., Тетерина Д.Е.

ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу основных подходов к пониманию феномена жизнестойкости в отечественной и западной психологии, обобщаются основные направления исследований феномена.

Ключевые слова: жизнестойкость, стресс, теоретические концепции.

Annotation. The article analyzes the main approaches to understanding the phenomenon of resilience in Russian and Western psychology, summarizes the main directions of research on the phenomenon.

Keywords: resilience, stress, theoretical concepts.

Современный мир очень прогрессивен, в различных областях жизни непрерывно происходят изменения, оказывающие большое влияние на психологическое состояние человека. И способность личности эффективно преодолевать различные жизненные ситуации сохраняя при этом оптимальный уровень адаптации является важной и необходимой. В связи с чем становится актуальным вопрос противостояния стрессам и укрепления жизнестойкости личности.

Прикладной аспект жизнестойкости обусловлен той ролью, которую эта личностная переменная играет в успешном противостоянии личности стрессовым ситуациям, прежде всего в профессиональной деятельности. По данным исследований, жизнестойкость оказывается ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности [9].

В психологической науке по сей день нет единого видения сущности понятия жизнестойкость, поскольку значение его схоже с различными терминами, в разное время вводимыми в понятийный аппарат психологической науки и философии: «жизнеспособность» (Б.Г. Ананьев), «мужество творить» (Р. Мэй), «укорененность в бытии» (М. Хайдеггер), «трансценденция» (С.Л. Рубинштейн), «зрелость» (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Г. Олпорт) [14].

Отечественный психолог Д. А. Леонтьев перевел с английского языка понятие «hardiness» введенное С. Мадди, и С. Кобейса – как жизнестойкость – широкое понятие, охватывающее многообразные стратегии, способы, психологические феномены, представляя собой многокомпонентный фактор, способствующий поддержанию психического, социального и физического благополучия [3, с. 39-40].

Творческий коллектив (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Мандрикова, Е.Н. Осин, А.В. Плотникова) обратил внимание на проблему влияния жизнестойкости и личностного выбора. Исследование, проводившееся на группе экзистенциальных психологов, позволило экспериментально доказать, что «в ситуации личностного выбора жизнестойкость выступает фактором, определяющим готовность выбирать новую, непривычную ситуацию, ситуацию

неопределенности в противовес равнодушному, безличному выбору или выбору привычной и знакомой ситуации» [11, с. 53]. Данное исследование позволило авторам переосмыслить роль жизнестойкости, которая, по их мнению, не сводится к буферной роли в стрессовой ситуации, а представляет собой «один из ключевых параметров индивидуальной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции, одну из опорных переменных личностного потенциала» [11, с. 53].

В настоящее время изучение жизнестойкости выступает целью многих исследований в области психологии. Знание изменений представлений о данном феномене, а также результаты современных исследований необходимы для определения актуальных направлений психологических исследований. Феномен жизнестойкости рассматривается в различных философских подходах, особенно философии стоицизма и экзистенциальной философии, а также в психотерапевтических и психологических направлениях [18].

По мнению Коржиковой, И. В понятие «жизнестойкость» включает в себя эмоционально насыщенное слово «жизнь» и психологически актуальное свойство «стойкость» [17, с. 415-418].

Стойкость включает в себя адаптацию к травмирующему событию и устойчивость в совладании с травмой. Стойкость дает возможность человеку сохранять целостность и равновесие в травматичной ситуации, успешно и эффективно решать задачи развития. К термину «стойкость» близок термин «резилиенс», который активно применялся в работах Джорджа Бонанно и понимался как некая отражательная способность человека, помогающая ему в поддержании здорового уровня физического и психического функционирования. «Рост понимается как человеческая способность использовать травматичное и причиняющее боль событие в качестве источника роста и развития. Человек может учиться придавать осмысленность произошедшей ситуации, стремиться быть полезным, поддерживать других или более полно и ярко ощущать свое существование» [7, с. 218].

Психологическая устойчивость — это качество личности, аспектами которого являются стойкость, сопротивляемость и уравновешенность. Это качество позволяет человеку сопротивляться неблагоприятному давлению обстоятельств, противостоять жизненным трудностям, сохранять работоспособность и здоровье в разных испытаниях. Психологическую устойчивость личности связывают как со способностью сохранять относительно постоянный уровень активности и хорошего настроения, так и с проявлением таких личностных качеств, как отзывчивость, избегание упрощенности в ценностях, стремлениях и целях, наличие разносторонних интересов [7, с. 218].

Несмотря на имеющиеся на сегодняшний день многочисленные теоретические и эмпирические знания по исследованию жизнестойкости, на современном этапе изучения данной темы наиболее актуальной остается проблема поддержания и повышения жизнестойкости в повседневных и трудных жизненных ситуациях.

Большую роль в изучении данного феномена сыграли Сьюзен Кобейса и Сальваторе Мадди, (Kobasa, 1979; Maddi, Kobasa 1984), введенное ими понятие жизнестойкости, находится на пересечении теоретических исследований экзистенциальной психологии и прикладной области психологии стресса и способами совладания с ним.

Анализируя жизнестойкость как систему убеждений человека, С. Мадди предложил свою концепцию жизнестойкости [8, с. 6]. Рис.1.

Конструкт жизнестойкости С. Мадди	
Первый компонент	– вовлеченность – это убежденность человека, в том, что вовлеченность в реальную действительность дает ему возможность найти в ней интересное и важное для себя.
Второй компонент	– контроль – это убеждение человека в том, что на результат того, что происходит в реальности, может повлиять только борьба как выбор собственной стратегии деятельности в конкретной ситуации.
Третий компонент	принятие риска – это убежденность человека в том, что всё, что с ним происходит, необходимо для его развития, поскольку дает ему опыт как положительный, так и отрицательный. «Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности, обедняющим жизнь личности»

В теоретическом отношении понятие жизнестойкости вписывается в систему понятий экзистенциальной теории личности (Kobasa, Maddi, 1977; Мадди, 2005), личность выступая операционализацией введенного экзистенциальным философом П. Тиллихом (1995) п о н я т и я «отвага быть». Эта экзистенциальная отвага предполагает готовность «действовать вопреки» — вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки ощущению (М. Хайдеггер). Именно жизнестойкость позволяет человеку выносить неустранимую тревогу, сопровождающую выбор будущего (неизвестности), а не прошлого (неизменности) в ситуации экзистенциальной дилеммы 2005; Kobasa, Maddi, 1977). [9, с. 4].

Именно концепция жизнестойкости позволяет соотнести исследования в области психологии стресса с экзистенциальными представлениями об онтологической тревоге и способах совладания с ней, предлагая практически эффективный, основанный на экзистенциальных воззрениях ответ на одну из наиболее актуальных проблем конца XX века (Maddi, 1998 b, 2002, 2004 a).

Наш теоретический обзор мы делали, опираясь на работу Пилипенко Т. С. [16], автор сделала обзор степени разработанности проблемы изучения жизнестойкости в 2023 году. По ее данным общепризнанными теоретическими и эмпирическими в изучении проблемы жизнестойкости человека являются исследования С. Мадди, С. Кобейса [22]. В дальнейшем в зарубежной психологии жизнестойкость исследовали как процесс (О. Ghimbulut, А. Оpre, К.

Нома, и др.) [20, 21] и как состояние (К.Е. White и др.) [23], делая акцент исследований жизнестойкости на взаимосвязи с индивидуальными характеристиками (К.Ж. Eschleman, N.A. Bowling, G.M. Alarcon) [19].

В работах отечественных психологов жизнестойкость исследуется как личностный ресурс (А.А. Земскова, М.А. Одинцова, С.Л. Рубинштейн, Р.И. Стецишин) [15, с. 293], как черта личности (Д.А. Леонтьев) [8] и ее интегральная характеристика (А.А. Земскова, Н.А. Кравцова, Т.В. Наливайко, А.Н. Фоминова) [4, с. 94–105.], как системное свойство личности, связанное с определенными навыками и установками (С.А. Богомаз, М.А. Одинцова) [2, с.24–27.], и убеждениями (Е.Т. Конюхова, Т.В. Конюхова, М.В. Логинова) [6, с. 110–114.], как общая способность адаптирующейся личности (Л.А. Александрова) [1, с. 83–84.], как проявление интегральной индивидуальности (Т.В. Наливайко, А.Н. Фоминова) [13, с. 30], как внутриличностный ресурс с позиции психологической безопасности (И.С. Морозова) [12, с. 40–46.] и др. Вместе с тем следует признать, что на современном этапе исследований данной категории недостаточно полно изучены личностные характеристики, способствующие жизнестойкости субъекта [16].

По мнению Р. Tillich жизнестойкость можно рассматривать с точки зрения концепции «мужество быть» (to courage to be). Человек утверждает свое бытие, не смотря на события, которые могут этому противоречить.

У R. May иной взгляд на данный феномен, он рассматривает данный феномен с точки зрения Концепции «мужество творить» (to courage to create). Самоутверждение бытия угрозам вопреки угрозам небытия.

Представитель экзистенциальной психологии Е. Fromm – связывает жизнестойкость с понятием жизнеспособности – активность любви, направленности.

А. Vandura предлагает посмотреть на жизнестойкость с точки зрения концепции самоэффективности (от англ. self- efficacy), где самоэффективность – это убеждение человека в собственной способности эффективно (успешно) действовать в той или иной ситуации, в определенных условиях, вера в успех этих действий [3].

Концепция салютогенеза А. Antonovsky, предполагающая, что стресс может провоцировать новые адаптивные реакции, по его мнению, важен взгляд человека на ситуацию (понятие – чувство когерентности (связанности, согласованности)).

Согласно теории самоопределения R. Ryan, Е. Deci., которые рассматривают жизнестойкость через призму активности людей, которые нацелены на развитие, склонны организовывать и направлять свою деятельность, совершенствуют умения, развивают способности.

По S. Maddi, S. Kobasa - Устойчивость, выносливость (от англ. Hardiness). Паттерн структуры установок и навыков, позволяющий преодолеть трудности и превратить их из потенциально травмирующего фактора в возможности, активно противостоять им, использовать их для личностного роста и продолжить развитие на более высокой ступени чем предполагалось. Система убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Включает три сравнительно автономных

аттитюда – вовлеченность (commitment), контроль (control), принятие риска (challenge).

А. La Greca считает, что Жизнестойкость ведущая способность человека совладания со стрессом.

В исследованиях I. Solcava, J. Sykora, P. Tomanek получены данные, что высокие показатели жизнестойкости и низкий уровень тревожности снижают физические реакции в ответ на стресс – факторы. По их мнению, жизнестойкость может влиять на ресурсы.

С. Carver, M. Scheier предлагают свою концепция диспозиционного оптимизма. По ней, люди совершают усилия, направленные на преодоление трудностей для достижения поставленных целей, лишь до тех пор, пока их ожидания будущих успехов достаточно благоприятны; когда же у людей возникают серьезные сомнения в достижении успешного результата, они склонны оставлять попытки

Ряд авторов считают, что компоненты жизнестойкости развиваются в детстве и отчасти в подростковом возрасте, хотя их можно развивать и позднее. Их развитие решающим образом зависит от отношений родителей с ребенком. В частности, для развития компонента участия принципиально важно принятие и поддержка, любовь и одобрение со стороны родителей. Для развития компонента контроля важна поддержка инициативы ребенка, его стремления справляться с задачами все возрастающей сложности на грани своих возможностей. Для развития принятия риска важно богатство впечатлений, изменчивость и неоднородность среды. [10, с. 6].

Отдельно рассмотрим авторов, которые не были включены в обзор, но внесшие значимый вклад в понимание жизнестойкого человека, это философы и психологи экзистенциального направления, вместе с тем уже в философии иррационалистов представлен один из компонентов жизнестойкости человека, который связан с «волей». По мнению А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, «воля» является основой всего сущего в мире. А. Шопенгауэр утверждал, что воля к жизни является для человека жизненным импульсом, корнем всякого явления, именно с помощью воли можно познать мир, проникнуть в сущность мира в себе. По Ф. Ницше, воля к власти является критерием и фундаментом жизнестойкости, определяя любое поведение человека [16].

В. Франкл рассматривает жизнестойкость через понятие «Упрямство духа» - способности любого человека преодолевать любую ситуацию жизни, встать над ней, сформировать отношение. В своей книге «Человек в поисках смысла» В. Франкл писал о том, что «человек может сохранить остатки духовной свободы и независимости мышления. Даже в условиях крайнего психического и физического напряжения человек обладает достаточной силой воли и свободой выбора, чтобы соткать из тонких нитей своей изломанной жизни прочную картину смысла и ответственности» [6, с. 62]. Поэтому мы видим, что, чем выше уровень жизнестойкости человека, чем больше раскрыта для него система представлений о себе, о мире, об отношениях с этим миром, и тем легче ему преодолеть вызовы жизни и найти пути к восстановлению эмоционального и психологического равновесия.

В рамках экзистенциальной психологии каждая личность воспринимается как неповторимая, уникальная и подлинная. Эта психологическая направленность не ограничивает человека, заставляя его оставаться в настоящем, а, наоборот, поощряет его рост и изменения. Наше представление о себе рассматривается как глубокий и многогранный процесс, который охватывает не только осознание своей индивидуальности, но и осознание своего места в мире, смысла своего существования и отношений с окружающими. Для современной жизни — это представление играет ключевую роль в формировании личной идентичности, психологического благополучия и успешной адаптации к изменяющимся условиям.

Задавая себе вопросы о том — «А кто я?», «Чего я в действительности хочу?», мы задумываемся о наших ценностях, приоритетах и истинных желаниях, и начинаем настоящий процесс самоисследования. А. Маслоу писал: «И нет другого выхода, кроме как вернуться внутрь, к себе как носителю ценностей» [11, с. 23]. Согласно его подходу ценности, выступают целеуказателями человека в его повседневной жизни. Человек может не только обнаружить ценности внутри себя, но и отчасти создать или выбрать их самостоятельно.

А. Маслоу говорит о том, что поиск своей идентичности, по сути, означает поиск своих собственных, внутренних аутентичных ценностей. Такой поиск может происходить посредством взгляда внутрь себя в поисках своей реальной сущностной природы, то есть самости. Он определяет самость как внутреннюю «сердцевину» человека, которая проявляется в форме естественных склонностей, пристрастий и внутренних убеждений. Найти эту «сердцевину» в себе, по сути, означает прийти к своей аутентичной самости, то есть обрести способность услышать свои внутренние «голоса-импульсы» и осознать свои истинные желания [12, с. 232].

Рассматривая все эти аспекты жизнестойкости, мы видим, как они связаны и с нашей самореализацией, поскольку влияют на наше понимание себя, наших целей и наших взаимодействий с окружающим миром. Позитивное представление о себе, основанное на уверенности в себе и осознании своих сильных сторон, может стимулировать нас к самореализации, поскольку мы верим в свою способность достичь поставленных целей. То, как мы видим мир вокруг себя, влияет на то, какие цели мы ставим и как мы их преследуем. Если мы видим мир как место, полное возможностей для реализации наших мечтаний, мы скорее всего будем стремиться к самореализации. Наши отношения с миром, включая взаимодействия с другими людьми и окружающей средой, также влияют на нашу способность к самореализации. Здоровые и поддерживающие отношения могут стать источником поддержки и мотивации для нас, что способствует достижению наших целей. Напротив, конфликты и негативные взаимодействия могут затруднить нашу способность к самореализации. Таким образом, каждый из этих компонентов влияет на наше стремление к самореализации и наш путь к достижению личных и профессиональных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

С течением времени менялись представления о возможностях человека, его связи с природой, об отношениях с Богом, ценности его выборов, различных стремлений. И в процессе этих изменений феномен жизнестойкости представляется важным фактором в преодолении стресса, сохранении психического благополучия и физического здоровья.

В психологической науке существуют различные подходы к пониманию жизнестойкости, определяя ее как способность, внутреннюю меру, выносливость, адаптацию, жизнеспособность, совладающее поведение, черту личности.

Наибольшее влияние на ранние представления о жизнестойкости оказала философия стоицизма, подчеркивающая необходимость стоического отношения к происходящим событиям, которые не зависят от человека, а также экзистенциальная философия, изучающая вопросы свободы, выбора, мужества, ответственности человека

В данной статье сделана попытка обобщения теоретического воззрения зарубежных и отечественных авторов, изучающих феномен жизнестойкости.

Проведенный анализ литературы показывает необходимость расширения системы S. Maddi при изучении жизнестойкости, необходимо учитывать различные психологические феномены и соматические факторы, важно выявлять новые взаимосвязи данного феномена с различными психологическими аспектами личности, психологическими феноменами, социальными компонентами, физиологическими системами, изучаемыми в области психологии развития, психологии совладающего поведения, экзистенциальной психологии.

Разнообразие подходов к определению данного феномена и результаты проведенных исследований показывают широту возможностей дальнейших эмпирических исследований по проблемам жизнестойкости личности, обогащает теоретические знания о структуре данного феномена и дает возможность использовать их в практической психологической деятельности.

Литература:

1. Александрова, Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире [Текст] / Л. А. Александрова // Известия ТРТУ. – 2005. – № 7. – С. 83–84.
2. Богомаз, С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья [Текст] / С. А. Богомаз // Материалы научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». – 2008. – Т. 2. – С. 24–27.
3. Гаранина, М.М. Актуальность исследования жизнестойкости матерей детей в условиях паллиативной помощи / М.М. Гаранина, Д.Г. Пирогов //Всероссийский конгресс с международным участием "Психоневрология: Век XIX – Век XXI", посвященный 115-летию ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.М.

- Бехтерева" Минздрава России и 165-летию со дня рождения В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, 12–13 мая 2022 года. — Санкт-Петербург: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, 2022. — С. 39-40.
4. Земскова, А. А. Жизнестойкость, как интегральная характеристика личности, у курсантов МЧС России [Текст] / А. А. Земскова, Н. А. Кравцова // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2019. – № 3. – С. 94–105.
 5. Земскова, А. А. Жизнестойкость как ресурс преодоления стрессогенных ситуаций экстремальной профессиональной деятельности [Текст] / А. А. Земскова // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы формирование культуры безопасности жизнедеятельности: приоритеты, проблемы, решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 сентября 2018 года – С. 228–232.
 6. Конюхова, Т. В. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства [Текст] / Т. В. Конюхова, Е. Т. Конюхова // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. – № 6. С. 110–114.
 7. Коржикова, И. В. Феномен жизнестойкости / И. В. Коржикова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 20 (467). — С. 218.
 8. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. – С. 6.
 9. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006 — 63 с. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. – С. 3-4.
 10. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006 — 63 с. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. – С. 6.
 11. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. – С. 53.
 12. Морозова, И. С. Жизнестойкость в аспекте психологической безопасности личности [Текст] / И. С. Морозова, Е. А. Медовикова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. – 2021. – С. 40–46.
 13. Наливайко, Т. В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Наливайко Татьяна Викторовна. – Ярославль, 2006. – С. 30.
 14. Никитина Е.В. «ФЕНОМЕН ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ».
 15. Одинцова, М. А. Психология жизнестойкости [Текст] / М. А. Одинцова. – М.: Флинта, 2015. – С. 293.

16. Пилипенко Т. С. Диссертация «САМОПРИНЯТИЕ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СУБЪЕКТА, 2023 г».
17. Феномен жизнестойкости / И. В. Коржилова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 20 (467). — С. 415-418.
18. Eschleman, K. J. A Meta-Analytic Examination of Hardiness. *International Journal of Stress Management* / K. J. Eschleman, N. A. Bowling, G. M. Alarcon. — 2010. — № 17. — pp. 277–307.
19. Ghimbulut, O. Assessing Resilience Using Mixed Methods: Youth Resilience Measure / O. Ghimbulut, A. Opre // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. — 2013. — № 78. — pp. 310–314.
20. Нона, К. The effect of social support on resilience [Электронный ресурс] / К. Нона // *ProQuest Dissertations and Theses*, 2012. — P. 51. — Режим доступа: <http://search.proquest.com/docview/1038969704?accountid=35419> (дата обращения 22.03.2021).
21. Maddi, S. The Hardy Executive: Health under Stress / S. Maddi, S. Kobasa // *Homewood (IL): Dow Jones-Irwin*, 1984. — P. 131.
22. White, K. E. An examination of locus of control, family dynamics, and resilience: How do they impact traumatic outcome? [Электронный ресурс] / К. Е. White // *ProQuest Dissertations and Theses*, 2009. — P. 127. — Режим доступа: <http://search.proquest.com/DocView/304848211?accountid=35419> (дата обращения 21.01.2021).]

Дьяченко Е.Н.

РАЗВИТИЕ ПОЛИМОТИВАЦИОННОГО АСПЕКТА МЫШЛЕНИЯ

Аннотация.

В статье исследуется проблема мотивации, как одного из главнейших условий для развертывания мыслительной деятельности по решению творческих задач. Актуализирована проблема чрезмерного использования компьютеров, телефонов, планшетов и других устройств в цифровизированной среде. Данная характеристика современности создает проблему как в системном мышлении, так и в аналитическом, снижая мотивационные качества личности, приводящие к деградации общества, что является угрожающим фактором современности. В статье рассматривается аналитическая концепция пространственной модели «Пирамида Мышления» как интегративной модели коучинга в контексте творческого процесса формирования полимотивационного аспекта мышления, организующей смыслы, внешнюю и внутреннюю реальность, то есть ментальную репрезентацию жизненного пространства в самом широком смысле. Исследовательской задачей является соотнесение открытий по изучению сознания и мозга с программами Института Психологии Творчества П.М.Пискарева по раскрытию мыслительной деятельности по решению задач в полимотивировании личности.

Annotation.

The article examines the problem of motivation as one of the most important conditions for the deployment of mental activity to solve creative problems. The problem of excessive use of computers, phones, tablets and other devices in a digital environment has been updated. This characteristic of modernity creates a problem both in systems thinking and in analytical thinking, reducing the motivational qualities of the individual, leading to the degradation of society, which is a threatening factor of our time. The article examines the analytical concept of the spatial model “Pyramid of Thinking” as an integrative model of coaching in the context of the creative process of forming the multimotivational aspect of thinking, organizing meanings, external and internal reality, that is, the mental representation of living space in the broadest sense. The research task is to correlate discoveries in the study of consciousness and the brain with the programs of the Institute of Psychology of Creativity P.M. Piskarev to reveal mental activity in solving problems in the multimotivation of the individual.

Ключевые слова: Парадигмальный анализ, Пирамида Мышления, мышление, мотивация.

Key words: Paradigm analysis, Pyramid of Thought, thinking, motivation.

В эпоху метамодерна при глобальных изменениях во всех сферах общественной жизни в результате цифровизации общества происходит размывание социальных ценностей, усложняется личностный выбор и самоопределение человека в социуме, возникает проблема кризисной идентичности. Современное общество ставит перед образовательными учреждениями задачи подготовки будущих специалистов в соответствии требований современной эпохи, мотивированных на изучении различных учебных дисциплин, обладающих обширными знаниями и способностями к саморазвитию. Мотивация – одно из главнейших условий для развертывания мыслительной деятельности по решению творческих задач, при этом она может быть различной. Многие психологи обращались к вопросу о конкретных формах взаимосвязей между процессуальными, в том числе операционными, аспектами мышления и его мотивационными механизмами (К. Дункер, 1935; С.Л. Рубинштейн, 1957; П.Я. Гальперин, 1974; А.Н. Леонтьев, 1965; Я.А. Пономарев, 1976; К.А. Абульханова-Славская, 1960; А.М. Матюшкин, 1960; Н.Л. Элиава, 1966; О.К. Тихомиров, 1976; Ю.Н. Кулюткин, 1972; Г.С. Сухобская, 1972; Д.Б. Богдавленская, 1975 и др.), однако, данная проблема еще далека от разрешения.

С.Л. Рубинштейн описывает мышление как деятельность, рассматривающее личное отношение субъекта к задачам, которые он разрешает, где выступает закономерность процессуальности течения мышления и, что не маловажно, личностно-мотивационный план [16]. Сегодня важность момента состоит в том, что радикально меняется сама окружающая среда человека: компьютеризация, цифротизация, роботизация, технологизация и т.д., а культура нашего сознания осталась прежней. Многие философы, ученые, писатели пытаются представить будущее, которое нас ждет, в связи с переходом от цивилизации текстов, обеспечивающих системное мышление к клиповой цивилизации, избыточно наполненной хаотичной, клиповой информацией, где страдает аналитическое мышление при отсутствии системности, глубины

понимания в результате разрушения процессуальности «хэштегового» восприятия максимально укороченных и упрощенных текстов. Общение было для человека жизненно необходимо, поскольку «другие люди являлись для нас, по факту, единственным источником информации в этом очень непростом и сложно организованном мире» [14]. В современном мире также изменился формат межличностных отношений. Пандемия, возможность дистанционной работы, поиск ответов для решений задач посредством интернета снизили до минимума необходимость людей в непосредственном общении, выстраивания доверительных отношений [7]. Есть иллюзия, что у нас прекрасный разум, и если мы его как следует напряжем, то обязательно создадим что-нибудь великое. По-настоящему гениальное способен создать наш мозг, опирающийся на интегративные составляющие трех типов мотивации – социальной, внешней и внутренней, конкурирующих между собой и опирающихся на базовые инстинкты: первый – это инстинкт самосохранения, второй – это половой и третий – это иерархический. Остается ли первый инстинкт самосохранения (страх) потенциально ресурсным мотивирующим чувством? Да, потенциально ресурсное мотивирующее чувство. Можно отметить тенденцию потери страха, что в процессе обучения присутствует и уменьшает мотивы-стимулы, приводит к мотивационной незрелости учебной деятельности. Второй инстинкт – половой, обеспечивающий самосохранение биологического вида, продолжение рода – также сильно видоизменен культурой постмодерна, проявляется «половым инстинктом», «сексуальной потребностью», проявляя доминанты «чайлд фри» с гедонизмом отдельно взятой особи и девольвированный отсутствием запретного плода тривиально доступного секса. Как мы указывали выше, иерархический инстинкт, формирующийся в результате социальных взаимоотношений, на котором всегда прежде держалось общество, перестал быть мотиватором для большинства людей, раньше социальная коммуникация представляла собой сложную игру, которая вынуждала человеческие мозги тренироваться. Таким образом, человечество не испытывает дефицита в реализации желаний. Мозг же эволюционно устроен таким образом, чтобы генерировать и удовлетворять наши базовые потребности. Исследователи данного явления бьют тревогу, так как отрицательные последствия цифротизации человека отрицательно скажутся на образовании, экономике и развитии общества. Клиповое мышление порождает цифровое слабоумие [7], [15].

Мозг, как и любую мышцу, можно и необходимо тренировать. Мыслительная деятельность по решению задач полимотивирована, характеризуется множеством иерархически выстроенных мотивов, соответственно связывание задач с целой группой мотивов. О.К. Тихомиров, обобщив исследования отечественных психологов, утверждает, что недостаточно аналитически выделить один мотив решения задачи, необходимо обогатить мотивацию дополнительными фактами и деятельность становится полимотивированной [16]. Для того чтобы развивать мышление, нужно знать, как работает наш мозг необходим особый метод в связи с тем, что открытого доступа к работе мозга нет, исследователи мыслят о мышлении, проводят

анализ с помощью самоосознания или метапозиции наблюдателя. В 1997 г. нейрофизиолог Г. Шульман пытался выявить то место в нашем мозгу, которое отвечает за наше осознанное мышление [18]. Им была выявлена целая структура «пассивного мышления», состоящая из десятка областей. Его результаты не были сразу признаны научным сообществом. Однако в 2001 г. М. Рейчел продолжил развитие открытия Г.Шульмана и сформулировал теорию «пассивного мышления», которая получила название «дефолт-система мозга» (ДСМ), которая отвечает за организацию воспринимаемой информации и за коммуникацию с другими людьми и за решения в итоге. Выяснилось, что именно относящиеся к ДСМ мозговые структуры (являющиеся, по сути, нашим подсознанием) отвечают за то, как мы организуем воспринимаемый нами мир, как мы строим свои отношения с другими людьми и какие решения в конечном счете принимаем [19]. Ранее было представление, что мозг имеет локальные участки, отвечающие за те или иные его функции (за ориентацию в пространстве, за зрение и т.д.). Сегодня известно, что мозг работает в трех режимах (имеет три состояния): первое – это осуществление ориентации (сеть определения значений), второе – это потребление информации, решение задач (центральная исполнительная сеть). Данный режим не многозадачный, концентрация на многозадачности здесь невозможна и, наконец, самое важное, третье – это переработка информации, перезагрузка системы, это мозг «думающий ни о чем», когда поступившая информация от первого и второго режима дает возможность третьему режиму просчитать все ситуации и найти решение проблемы. Это инсайты, озарения, творческие, нестандартные решения. Тут, кстати, возможно проявить многозадачность и мощная система подкинет идеи. Что улучшает режим работы первой системы мозга? Это медитация и осознанность внимательное присутствие в точке «здесь и сейчас», что приводит к анализу, обдумыванию происходящего, когда сознание захватывается предметно-манипулятивной, интеллектуальной или творческой задачей. Медитация как интеллектуализированный гиперстимуляционный метод вхождения в измененное состояние сознания или как синтез монотонии и депривации. Архисенсорное восприятие как среда психического за пределами привычного перцептивного и интеллектуального структурирования, реальным ДАО, в котором потенциально все. Качество социального общения улучшает 2-й режим мозга. Если расширить круг общения до Универсума и описать взаимодействие с информацией как общения с Вселенским разумом, то опыт этого порядка может вызвать прилив сил, воодушевление и подъем энергии [5], [6]. Мозг, осуществляющий ориентацию (сеть определения значений). Цифровая гигиена улучшает 3-й режим мозга (думать ни о чем), когда происходит перезагрузка дефолт системы.

Для того, чтобы что-то понять и сформулировать для себя новую мысль, недостаточно ее просто “подумать”. Нужно думать ее так, чтобы многократно возбуждались нервные клетки, имеющие отношение к предмету вашего размышления. В то же время психотехнологии, развивающие более высокую мотивационную включенность в процесс мыслительной деятельности личности, проявляющуюся в преимущественном выборе ими сложных заданий,

в поиске различных путей решения в случае интеллектуальных затруднений, позитивном отношении к осуществляемой мыслительной деятельности [3]. Однозначно одно, что раскрытие трех типов мышления в цифровом мире это ноогенное средство самоуправления, управление другими, оказывает непосредственное влияние на культуру и качество проживания с возможностью оставаться на высших уровнях проживания со стимулом к развитию, эволюции в метамформате позволяет человеку метамодерна осваивать новые быстро меняющиеся технологии, менять профессии и выбирать срок своей жизни.

Как можно добиться того, чтобы мозг думал эффективно, как управлять процессом? Нам на помощь приходит наука, раскрывающая механизм работы мозга. Так, суть открытия Лауреата Нобелевской премии Э. Канделя состоит в выяснении того что процессы мышления и памяти приводят к анатомическим изменениям связей между нейронами. Оказалось, что в случае кратковременного и редкого взаимодействия нейронов друг с другом их контакт ограничивается лишь химической реакцией на уровне нейромедиаторов (особого вещества). Но если нейрон возбуждается сильно и регулярно, то он не просто атакует своего соседа нейромедиаторами, но еще и отрацивает дополнительные синаптические «шипики» – своего рода присоски. Эти «шипики» позволяют нейрону увеличить зону контакта с предпочтительным соседом, которого он вовлечет таким образом в их совместную реакцию. В результате данное нервное возбуждение как бы замыкается в этой цепи и не может из нее вырваться. То есть наш мозг вовсе не стремится к созданию новых мыслей (новых цепей и связей), но лишь к повторению тех, что уже в нем закрепились [4]. Именно поэтому, например, нам так трудно менять свое мнение.

НейроГештальт — профессиональная программа Института Психологии Творчества Павла Пискарева, включает программы 4-х школ коучинга, активирующих данные режимы работы мозга. НейроПластика и психосоматический коучинг; НейроГрафика и эстетический коучинг; НейроДизайн и аналитический коучинг; НейроНавтика и экзистенциальный коучинг. Основная задача института – заставить мозг выйти из порочного круга «мысленной жвачки», стереотипного мышления для раскрытия способностей и создания новых связей, то есть новых мыслей [9].

Если мы активно потребляем нужную и полезную информацию, фильтруем поступление извне хаотичную, то формируем новые прочные связи между нейронами в нашем мозгу для решения необходимой задачи. Чтобы закрепление связей произошло, необходимы или очень сильные впечатления или многократное сосредоточенное повторение. Работа «от руки» школы НейроГрафики благоприятно влияет на психику и увеличивает эффективность деятельности. Школа НейроДизайн предлагает практики НейроДизайн, такие как теория Парадигмального анализа, которая содержит в себе 172 экрана гуманитарного знания интегрирующая в единую систему представлений: блоки творчества, коммуникации, бизнеса, личного развития, социо- культурной политики. Такая интеграция позволяет организовать, упростить сложность

комплекса задач и процессов управления, наладить систему общего понимания, согласования системы аргументации и принятия решений [10].

Пирамида Развития П.М. Пискарева как интеллектуальная модель, показанная на рис 1., организует пространство смыслов в универсальную иерархическую структуру, которая находит отражение во множестве гуманитарных и естественно научных областей знания. Когда мы принимаем какие-то решения в жизни для того, чтобы воплотить их в миру, требуются оригинальные способы мышления. Пирамида Мышления - это инструмент на основе системной иерархии смыслов, который привносит структуру и эффективность в принятие решений [11], [12].

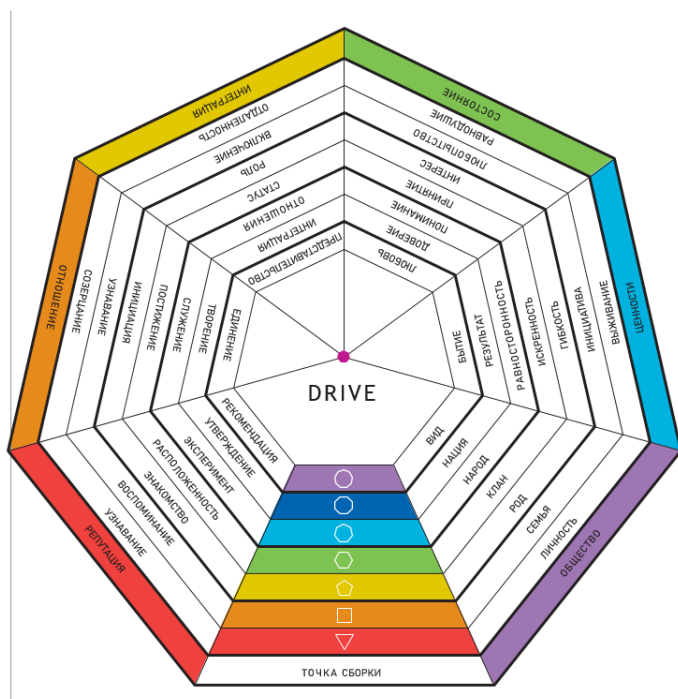

Рис. 1. Пирамида Развития П.М. Пискарева.

Пирамида Развития как уникальный трехмерный прибор представляет собой семигранную семиуровневую пирамиду (рис. 1), а как модель выражена еще и как структура и набор таблиц, включающая на текущий момент 40 граней, которые описывают реальность.

Отметим, что мы в рамках данной статьи не говорим о полной структуре, о пространственных взаимоотношениях модели, их качествах и свойствах. Содержание представлено только в рамках общего описания инструмента. Конкретное содержание, набор понятий представляет собой логос (слово, смысл, разум, закон).

Пирамида восстанавливает взаимоотношение понятий и позволяет увидеть, как устроено сознание человека, как сознание согласовано с опытом, как человек делает свой выбор, как человек принимает решения. Это инструмент для развития мышления. Базовая модель, представленная на основе антропологического принципа семи уровней. Семь уровней являются достаточно объективными, потому что мы все семиуровневые существа по той

простой причине, что у нас у каждого существует эндокринная система, которая является управляющей системой нашего организма. Автор приводит примеры подобных структур из различных контекстов [9]. Известна теория психологического и физического (мышечного) панциря Вильгельма Райха. пирамида потребностей А. Маслоу, пирамида нейробиологических уровней Р. Дилтса [1], [8], [15].

Кроме того, она является практическим инструментом в области эффективного мышления, позволяющим быстро и алгоритмично находить решения в целевой сфере и формировать достаточно эффективные стратегии мышления. Реализация принципа вертикального развития Пирамиды Мышления напрямую связана с наличием и функционированием постурального рефлекса, рефлекса вставания, распрямления спины. П.М. Пискарев выделяет три режима жизни человека в соответствии с тремя группами фундаментальных доминантных рефлексов: первый – питательный, феминный, горизонтальный, второй – компульсивный, или ритмический, и третий – вертикальный, маскулинный, героический, проводя аналогии со структурой и режимами функционирования имажинэра Ж. Дюрана [2]. В основе такого разделения лежат соответствующие группы физиологических рефлексов человека, открытых и впервые описанных В.М. Бехтеревым, и их рабочий принцип – доминанта – сформулирован А.А. Ухтомским.

Для полноценного освоения пирамиды необходимо освоить все семь уровней. А.П.М.Пискарев подчеркивает, что сущность восхождение как траектория вертикального развития может проявляться и фактически имеет место в различных сферах человеческой жизни. Пирамида Мышления соотносится с Рамками Парадигмального Анализа. Пирамида Мышления и теория Парадигмального анализа – отражение логоса, всей системы возможностей мозга для принятия решений, которая существует в структурном виде. С одной стороны, сложность материала, который подан в методике, высока. С другой стороны, метод, с помощью которого можно мыслить с опорой на технологии, заложенные в нем, изложен максимально просто, понятно и ясно.

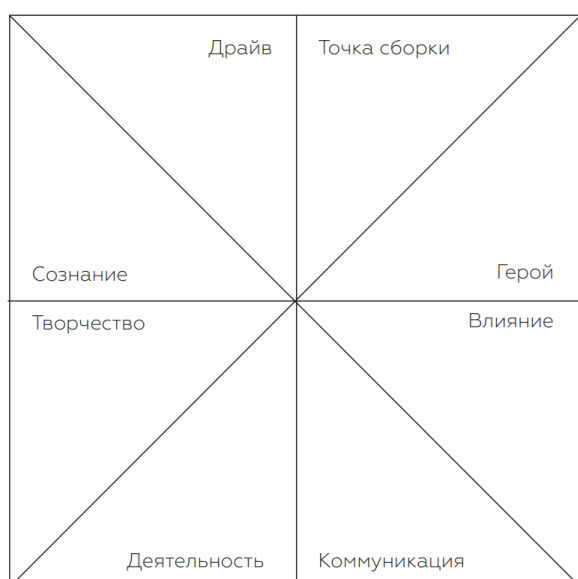

Рис.2. Соотношение Пирамида Развития П.М. Пискарева и Рамок Парадигмального анализа.

Наиболее характерной чертой ноотехники ИПТ Пирамида Мышления и Парадигмальный анализ является то, что она может быть использована не только в консультировании психологом, но использоваться в бизнес процессах, в личной жизни каждым для психологической самопомощи. «Пирамида развития» представляет способ, которым человек организует смыслы, внешнюю и внутреннюю реальность, то есть ментальную репрезентацию жизненного пространства в самом широком смысле. Мы утверждаем, что концепт «Пирамида развития» ИПТ – интегративная модель жизненного пространства человека, методология «выстраивания» его идентичности. Алгоритмы работы способствуют усилению концентрации, снижению тревожного состояния и улучшению памяти, положительно влияют не только на психологическое состояние, но и на эффективность мышления.

Итак, методологический анализ подходов к изучению практик ИПТ показывает, что необходимо интегрировать и синтезировать разнообразие подходов, позволяет методология и теория культурно-исторической психологии. Современная наука дает новое понимание роли сознания в достижении жизненных целей, что делает личность счастливой и признанной. Как индивид относится к окружению? К семье, к работе, к выстраивает функциональную модель мира, что улучшает самочувствие человека через инсайты и оценки несоответствий жизненных ситуаций. Это связано с определенными успехами в изучении мозга, механизмов его работы. Психотерапевты и консультанты используют данные открытия, осмысливают теоретический и практический аспект исследований и, развивая объемное мышление, стимулируют интегративный подход к жизни в целом.

Программы Института Психологии Творчества П.Пискарева в полной мере отвечают требованиям цифровой эпохи, наполненной колоссальным объемом поступающей в наше сознание информации, когда мы сталкиваемся с проблемой её восприятия, интерпретации и усваивания. Технологии ИПТ по раскрытию мышления личности, предотвращают выгорание, способствуют полимотивации личности, с успехом используются в психотерапии, коучинге, педагогике, наставничестве и консультировании, активируют процесс включения человека в культуру, помогая в создании сложной карты реальности в пространстве культуры человечества.

Литература

1. Дилтс Р. // [Электронный источник]- Режим доступа: <https://ipyramid.metamodern.ru/theory/>.https://www.koob.ru/dilts_robert/
2. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: АкадемическийПроект; Трикста, 2010. — 564 с.
3. Дьяченко Е. Н. Творческий процесс как самокоучинг. // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. по матер. XLII междунар. науч.-практ. конф. № 1(40). – Новосибирск: СибАК, 2021

4. Кандель Э. Р. Расстроенная психика. Что рассказывает о нас необычный мозг / Пер. с англ. З. Мамедьяров; Corpus, 2020, 352 с.
5. Козлов В. В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. М., 2007, с. 528
6. Козлов В.В. Дао трансформации. М.: МАПН, 1998, с. 189
7. Курпатов А.В. «Строить интеллектуальные модели нас научила жизнь в стае». –Режим доступа: <http://2035.media/2017/11/10/> (дата обращения: 28.01.2020).
8. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтера, А.А. Пузырей. М., 1982., с. 117.
9. Пискарёв П.М., Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дисс. ...доктор псих. наук:19.00.01/Автор Павел Михайлович.- Я., 2019, с. 461
10. Пискарёв П.М., Пирамида Мышления. Логико-философский подход – Гангут –2023, 446 с.
11. Пискарёв П.М. Гора Меру – мифический образ Пирамиды Развития. – [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6uWUxKkkEUU> (дата обращения: 14.04.2024)
12. Пискарёв П.М. Восхождение Героя. – [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AhlEFjnJcfQ> (дата обращения: 14.04.2024)
13. Райх В. Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков (перевод с немецкого; под общей ред. А.В. Россохина). М.: Республика, 1999, 462 с.
14. Рубинштейн С.Л. О мышлении путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. – М., 1958, 145 с.
15. Савельев С.В. Церебральный сортинг /– Веди– 2023, 256 с.
16. Тихомиров О.К. Психология мышления / О.К. Тихомиров. – М., 1984 , 270 с.
17. Райх В. Анализ личности – М.: Ювента, 1999, 333 с.
18. Gordon Shulman-
Scholar].<https://independent.academia.edu/GordonShulman>
19. Raichle Marcus E., Mintun Mark A. BRAIN WORK AND BRAIN IMAGING // Annual Review of Neuroscience. — 2006, p. 449-476. — ISSN 0147-006X. — doi:10.1146/annurev.neuro.29.051605.112819.].

Журавлев А.Л., Китова Д.А.

**ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОБЫДЕННОГО
СОЗНАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА**

Аннотация. В работе представлены возможности цифрового исследования интереса населения к массовым социальным явлениям. Цель – показать возможности изучения психологических закономерностей проявления массового сознания в интернет-пространстве. Обработка результатов

осуществлена путем обращения к праксиметрическим методам психологии, предполагающим анализ результатов уже совершенных действий. В статье предлагается анализ основных когнитивных и аффективных компонентов обыденного сознания интернет-пользователей.

Ключевые слова: вычислительный подход, потребность в информации, поисковые запросы, пользователи социальной сети, пользователи поисковых систем, когнитивный анализ, эмоциональная тональность.

Annotation. The paper presents the possibilities of digital research of the population's interest in mass social phenomena. The goal is to show the possibilities of studying the psychological patterns of manifestation of mass consciousness in the Internet space. The results were processed by turning to praxismetric methods of psychology, which involve analyzing the results of actions already taken. The article offers an analysis of the main cognitive and affective components of the everyday consciousness of Internet users.

Key words: computational approach, need for information, search queries, social network users, search engine users, cognitive analysis, emotional tone.

Актуальность обращения к вычислительному подходу в психологии. По состоянию на 1 января 2019 года в мире насчитывалось примерно 4,1 млрд интернет-пользователей, а в 2021 году численность пользователей достигла 4,95 млрд человек [Статистика интернета ..., 2022]¹. Интенсивное развитие информационных технологий приводит к необходимости обработки непрерывно растущих потоков информации. По прогнозам International Data Corporation (IDC) количество данных на планете будет удваиваться каждые два года, а объем данных, созданных в течение следующих трех лет, будет больше, чем объем данных, произведенных за последние 30 лет [Количество данных ..., 2020]. При этом интернет выступает своеобразным отражением (зеркалом) не только психологических характеристик пользователей, но и их действий, связей и отношений в процессе виртуального взаимодействия, что и стало основанием для обращения к вычислительному подходу анализа данных.

Теоретическое обоснование использования вычислительного подхода к изучению обыденного сознания. Уровень знаний, порождаемый индивидуальным и групповым опытом, накопленный многими поколениями и усвоенный в процессе социализации личности, повседневно используется человеком в целях адаптации к объективной реальности. Такого рода *обыденное сознание*, отражая общественное бытие сквозь призму повседневности и практического опыта людей, способно выражать психологическое состояние человека и общества в целом, в том числе, в интернете.

В силу своей *социальной значимости* анализ обыденного сознания находит отражение в работах многих представителей социогуманитарных наук (Б. А. Грушин, Т. А. Кузьмин, В. А. Штофф, В. Ж. Келле и др.). Исследователи отмечают его (сознания) ведущую особенность, связанную с тем, что обыденное сознание носит *дотеоретический* характер и включает в себе как логически

¹ Данные за 2022год еще не представлены.

выверенные, проверенные временем и личным опытом знания, так и в значительной степени ошибочные, иногда даже наполненные предрассудками и заблуждениями, ложные воззрения. Наличие такого рода *противоречий* в картине мира не всегда воспринимается человеком на логическом уровне, поскольку они (противоречия) относятся к разным сторонам жизнедеятельности, потребность в сопоставлении которых зачастую отсутствует (Н.Л. Мухелишвили, Ю.А. Шрейдер).

Но даже *осознаваемые* искажения могут не подвергаться критической оценке в силу того, что они нередко носят широкий характер, содержат в себе, кроме познавательного отношения к миру, еще и соционормативное наполнение, позволяя чувствовать свою *принадлежность* к определенной группе (С.Ю. Мохова). Так, в работе «Психология обыденного сознания» Е.В. Улыбина отмечает, что в условиях повседневной жизнедеятельности люди часто действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинувшись влиянию эмоциональных реакций или различных условий, например, состоящих в стремлении сохранить единство с группой, не менять устоявшегося мнения, воспроизводить в своем поведении стратегии, выработанные в ходе продолжительной социальной эволюции, следуя традициям, сохраняющимся тысячелетиями [Улыбина, 2001]. На социальные представления, которые зависят от принадлежности к определенной социальной группе и детерминируют не критичное, и, в некотором смысле, нерациональное восприятие окружающей действительности указывал и С. Московичи, отмечая, что они (представления) способствуют *групповому единству*, позволяют подтверждать истинность и значимость принятых мнений и могут выступать как некий культурный компонент, неотъемлемая характеристика любого национального типа сознания (Н.П. Андрюшкова).

Отечественными исследователями широко разрабатываются *личностные* компоненты обыденного сознания и инкорпорированность индивидуального сознания в *общественные процессы*: индивидуальная реальность и собственное понимание этой реальности считаются «само собой разумеющимися для обычного человека» [Донцов, Баксанский, 1998, с.77], а общественное сознание и общественные идеи, взгляды и настроения – это ни что иное как «формирующиеся в процессе развития общества идеи и взгляды конкретных людей, живущих и действующих в определенных *исторических условиях*» [Ломов, 1976, с. 69]. Не осталась без внимания и вероятность *обратного влияния*, в частности, связанного с тем, что общественное сознание передает индивидуальному сознанию определенные нормы и правила, обычаи и традиции, которые отличают одно общество от другого (К.А.Абульханова-Славская). Эти рассуждения можно дополнить мнением С. Лурье о важнейших динамических особенностях обыденного сознания. Он отмечал, что внесение в индивидуальное сознание *новых качеств* очень сложный и трудоемкий процесс (С.В. Лурье).

Таким образом, в качестве *обобщения* можно отметить, что обыденное сознание носит *проблемный* характер, что находит свое подтверждение в результатах многочисленных эмпирических исследований. Так, в работе Р.Н.

Щербакова рассматривается соотношение научного и обыденного знания через анализ соотношения школьных знаний по естественным наукам и *здорового смысла* учащихся. Результаты позволили выявить эффект «сопротивления здорового смысла» усвоению многих проблем естественных наук, в частности физики. Автор отмечает, что «понятия и законы ее (физики – авт.) часто находятся в явном несогласии со здравым смыслом, иногда принимают форму парадоксов и не столь уж очевидны, как повседневные знания, что, разумеется, создает дополнительные трудности в их понимании» [Щербаков, 1993, с. 54].

Сам предмет *конкретного* эмпирического исследования обыденного сознания может быть представлен и в *более узком* аспекте – через исследование *образа, интереса, отношений, эмоциональных состояний* и т.д.

Так, традиционно *образ* в психологической литературе рассматривается как феномен *целостного восприятия* объективных явлений внешнего мира (без их дробления на отдельные элементы), тождественный совокупности представлений человека. Например, с целью выполнявшегося исследования о Петре I, были избраны основные теоретические *концепты* образа. Так, образ включает в себя не только рациональные, но и иррациональные компоненты, которые можно рассматривать как неотрефлексированное, целостное отношение субъекта к себе и окружающему миру. Из данного положения следует, что образ можно рассматривать как интегральный продукт познавательной сферы личности, частично *осознаваемый*, но континуально *не рефлекслируемый*. При этом образ не только определяет избирательную деятельность когнитивной сферы человека в целом, но и содержит в себе личностно значимую (также не всегда осознаваемую) информацию. С функциональной точки зрения, и в соответствии с присущими ей закономерностями, образ упорядочивает многообразие отдельных явлений и может выступать как *смыслообразующая* категория, содержательные и структурные элементы которой могут оставаться за пределами «фокуса сознания» [Психологический словарь..., 1983].

Обращение к феномену *отношени*, (например, *к пандемии*) обусловлено его характерными особенностями, которые позволяют получить разнообразный спектр информации посредством *эмпирического* анализа. Так, отношения формируются в процессе социального развития человека и изменяются в зависимости от конкретных *социальных условий*, выражают мировоззренческие *установки* личности, имеют *субъективный* (уникальный) характер, оказывают воздействие на реальное *поведение* и *деятельность*, позволяют оценить значимость *внешних* воздействий, а их содержательные компоненты самоорганизуются в *иерархическую* систему.

Следует отдельно остановиться на *эмоциональной сфере* личности и ее коллективных проявлениях, которые находят свое отражение в каждом из проведенных исследований.

Во-первых, эмоции являются одним из основных механизмов *внутренней регуляции* психической деятельности и поведения личности в повседневной практике, возникают в случаях, когда человек одновременно *осознает* наличие некой угрозы и невозможность ее избежать. Такая ситуация обеспечивает

пристрастность психического отражения через выделение цели в плане образа окружающего мира и включает когнитивные процессы *реагирования*, необходимые для оптимизации неудобной ситуации.

Во-вторых, эмоции сопровождают многие общественные процессы, закономерно проявляясь на уровне *социального взаимодействия*, и имеют социальный (вне личностный) смысл. В частности, эмоции служат для передачи другим *информации* о возникающих психологических состояниях (выступают формой социального реагирования); могут формироваться на основе оценки действий *других* людей (через анализ воспринимаемой от других людей информации); способны *настраивать*/перенастраивать отношения между людьми. Для примера, в историко-психологических исследованиях часто разрабатывают проблему механизмов сохранения и передачи *исторической памяти*. В зарубежной литературе можно отметить работы Б. Римэ и В. Кристоф [Rime, Christophe, 1997], которые выявили, что публично передаваемое эмоционально окрашенное событие значительно *закрепляет* «следы памяти».

Для анализа *поисковых запросов* наиболее объясняющей является теория *познавательных потребностей* или *интересов* личности. Известно, что интересы людей определяют *направление* их деятельности, формируют *мотивы* жизнедеятельности и социального поведения: «Категория интереса выработана в истории социальной мысли для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий, которые неизбежно должны пройти через сознание людей» [Здравомыслов, 1986, с. 19]. Обращение к феномену сознания переводит анализируемую категорию в область интересов психологического сообщества, которое рассматривает интерес как *объективно обусловленную* направленность сознания, или как *осознанную потребность* (Р. Е. Гукасян и С. Н. Кожевников). Таким образом, под интересом нами понимается избирательная направленность личности на изучение/познание определенных предметов и явлений окружающей действительности.

Теоретическими основаниями многих проведенных эмпирических исследований (потребности в психологических знаниях или интереса к информации о коронавирусе) выступили положения об интересе личности как *психологическом феномене*. В самом обобщенном виде теоретические позиции можно свести к следующему: интересы функционируют на основе ведущих потребностей человека, определяют характер его социальной активности, характеризуются осознанностью, направленностью на конкретные объекты и различаются по уровню устойчивости. Основание обращения к данным положениям связано с тем, что эмоции, чувства и переживания оказывают влияние на *когнитивный выбор* информации: концентрация внимания происходит лишь на той информации, которая вызывает интерес или представляется важной для каждого конкретного человека.

Таким образом, характер представленных *психологических паттернов* создает возможность изучения массовых психологических феноменов на *индивидуальном* и *коллективном* уровнях. Для объединения представленных позиций в *целостный* исследовательский конструкт их (явления) можно рассматривать в рамках классических фундаментальных теорий о связи между

познавательными (когнитивными) и *эмоциональными* (аффективными) компонентами, которые нашли свое отражение в разных теоретических представлениях, например: о системном подходе в психологии (Б.Ф. Ломов), эмоциональных конструктах отношений (Б.Г. Ананьев), смысловой регуляции мыслительной деятельности (О.К. Тихомиров). Основным смыслом представленных концепций состоит в том, что эмоции и чувства (переживания в целом) нарушают равнозначность ориентиров (критериев) в ситуации когнитивного выбора и вызывают концентрацию лишь на некоторых из них.

Теоретико-методологические основания вычислительного подхода к анализу обыденного сознания. Необходимость исследования «цифровых следов», т. е. уже совершенных пользователями действий, потребовало обращения к праксиметрическим методам психологического анализа и опоры на уже известные в науке и доказавшие свою валидность психологические концепции (изложены выше). Практиметрические методы давно нашли свое отражение в психологических исследованиях и известны также как методы «анализа продуктов деятельности» или «архивный метод». Использование данного метода создает возможность для мониторинга *социальных процессов* и получения *оперативных знаний*, способных помочь в осознании происходящих в современной социальной среде психологических процессов. Предполагается, что в условиях *непринужденного* общения среди пользователей *неизбежно* будут проявлять себя психологические особенности оценки текущих социальных явлений.

В психологической науке, в зависимости от рассматриваемого проблемного поля, исследователи выделяют различные единицы для анализа конкретных психологических компонентов, представленных в структуре изучаемого явления. Так, Д.В. Лубовский отмечал, что «осознанное выделение единицы анализа – признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории» [Лубовский, 2007, с. 34]. В соответствии с данным положением в качестве единиц анализа в психологических исследованиях выступают психические состояния или процессы, поведение или деятельность, эмоциональный фон или социальные установки, – этот ряд можно продолжить. Такого рода «методологическое дробление» можно производить и в рамках конкретных (единичных, цельных) феноменов таких, как память, мышление, отношение, деятельность и т.д., через выделение составных психологических элементов, которые сами по себе не дают представления ни о самом явлении, как целостном психологическом феномене, ни о его функциональных особенностях или специфике развития [Сухова, Зубенко, 2012], но помогают более глубоко осознать его природу – сущность, структуру, содержание, системное соотношение элементов и их иерархическую соподчиненность, динамику развития и т.д.

В соответствии с первым подходом в современной научной литературе анализ феномена «обыденное сознание» связан с выделением в его структуре цельных (неделимых) содержательных элементов, таких как знания, взгляды, убеждения, отношения, ценности, цели жизнедеятельности (там же), которые

указывают на главные и относительно устойчивые характеристики отношения человека к миру: самому себе, другим людям, обществу в целом и своему месту в нем. При обращении к вычислительному подходу в психологии задачей анализа становится раскрытие психологических образований, включенных в структуру обыденного сознания, пригодных для их последующего измерения (например, методом шкалирования). Такой подход полезен как для организации количественной оценки и обобщения эмпирических данных, так и их последующего качественного анализа.

Достаточно широко используемым *методологическим подходом* к изучению обыденного сознания выступает обращение к языковой парадигме научного анализа. К примеру, В. А. Шкуратов определяет обыденное сознание как поле чистой вербальности, отмечая, что язык выступает основным «местом хранения и воспроизводства» обыденного сознания [Шкуратов, 1997, с. 131]. Частным случаем таких исследований выступает обращение к продуктам коммуникационного обмена в социальных сетях, с выделением как рационально-логического, так и эмоционально-аффективного уровней текстовых сообщений [Журавлев, Китова, 2023].

Для обнаружения и учета психологических единиц анализа нами избран принцип перехода от многообразия текстового материала к абстрактным психологическим категориям, представленным в содержании текстов (1), и выделения смысловых категорий (2). В частности, в рамках эмпирического исследования, может быть поставлена задача *разграничения* индивидуально-личностных и социально-психологических аспектов проблемы, возрастных или гендерных особенностей, акцентуации на конкретных высказываниях пользователей и их экспертной оценке – в соответствии с уже известными научными фактами.

Изложенный выше теоретико-методологический подход к анализу обыденного сознания лег в основу проводимых в течение последних 3-х лет исследований. *Целью* анализа стало выявление структурных, содержательных, эмоциональных, процессуальных и ряда других особенностей обыденного сознания в интернете. *Объектом* исследования выступили пользователи *социальных сетей* (ВКонтакте, Одноклассники), а его *предметом* – сообщения, непосредственно содержащиеся в контексте высказываний (или запросов) изучаемые явления, такие как: «коронавирус», «пандемия», «самоизоляция», «вакцинация» и т.д. Предполагалось, что высказывания пользователей, отражающие особенности обыденного сознания в рамках изучаемых социальных явлений, могут стать основанием для их психологического анализа через обращение к методам количественной (цифровой анализ) и качественной (контент-анализа и экспертным заключениям) интерпретации [подробнее о методах см.: Психологические исследования в интернет ..., 2020, с. 52-69, 277-294].

Специфической особенностью *методического* подхода также выступило обращение к содержательному и количественному рассмотрению текстов посредством использования *автоматизированных систем* анализа *коротких сообщений* [подробнее см.: Психологические исследования в интернет ..., 2020,

с. 52-69], которые дополнительно позволяют проводить анализ *эмоционального фона* высказываний (подробнее – там же). Методы интеллектуального анализа данных применяются в самых разных областях, где существуют большие объемы данных для идентификации *неявной (недостаточно формализованной) информации*. В зависимости от типа обнаружения знаний, алгоритмы интеллектуального анализа данных можно разделить на неконтролируемые и контролируемые. Первый это - отношения в структуре данных, а второй нуждается в предварительной классификации данных для объяснения этих отношений.

В свою очередь, для каждого типа функции интеллектуального анализа данных доступны многочисленные методы их анализа. Примеры некоторых широко используемых алгоритмов интеллектуального анализа данных включают в себя: алгоритмы k-средних для кластеризации, правила ассоциации для ассоциации, линейную и логистическую регрессию для регрессии и деревья решений для классификации. Выбор метода интеллектуального анализа данных зависит от характера и цели исследования и специфических особенностей «цифровой» базы данных.

Автоматизированный анализ текстовых сообщений в социальных сетях (уровень междисциплинарных исследований). Традиционные методы частотного и контент-анализа используются в психологических исследованиях для изучения сравнительно *небольших* объемов текста. В рамках обширного интернет-исследования предлагается обращение к использованию *автоматизированного контент-анализа* текстовой информации посредством применения *алгоритмических* методов и методов *машинного обучения* (нейронных сетей²). Такой подход позволяет изучить *большие текстовые массивы информации*³, не подлежащие ручной обработке (в силу своего чрезмерного объема). В исследовании была задействована авторская Автоматизированная система анализа текста. Сообщения извлекались из *открытых источников* в Интернете в соответствии с Федеральным законом (ФЗ) о персональных данных.

Схема автоматизированного анализа текстов предполагает разбиение текстов на токены, их простейший морфологический анализ и арифметический подсчет, что позволяет впоследствии произвести группирование ключевых слов в *смысловые категории*, в основе такого группирования лежит принцип логического (экспертного) анализа содержательных (понятийных и смысловых) единиц (слов или сообщений в целом).

24 нрав* 0.02879519354213368	128 люд* -0.11781376830185764
19 музык* 0.06471923655933803	106 человек* -0.13646802996759708
14 повлия* 0.17840999205197608	71 жизн* -0.09777432700826062
12 перевернул* 0.23540934175252914	43 мнен* -0.3270434064879304
12 книг* 0.15618375688791275	36 мир* -0.07783215865492821
10 друз* 0.08271960318088531	34 прав* -0.1057412165819722

² Нейронные сети в обыденном общении часто определяются как искусственный интеллект

³ Экспериментальным путем выявлено, что для обеспечения достоверности полученных результатов в рамках одного исследования должно быть обработано не менее 1 000 сообщений. Объем информации по своему максимуму не имеет каких-либо ограничений.

9 труд* 0.1632139626890421	33 мысл* -0.047952342312783
8 любов* 0.1616856101900339	31 врем* -0.04402379741271337
8 прочита* 0.15353688225150108	30 отношен* -0.06293480570117632
7 видит* 0.09187031164765358	26 обществ* -0.12856125860260084
а) слова с положительным эмоциональным фоном	б) слова с отрицательным эмоциональным фоном

Рис. 1. Результаты автоматизированного частотного и эмоционального анализа слов

В качестве *результата автоматизированного анализа* могут использоваться следующие значения для каждой искомой сущности (слов и синтаксических конструкций): число упоминаний; число положительных упоминаний; число отрицательных упоминаний; средняя эмоциональная интенсивность положительных упоминаний; средняя эмоциональная интенсивность отрицательных упоминаний; общая средняя эмоциональная интенсивность. Примеры визуального представления результатов автоматизированного частотного и эмоционального анализа текстов представлены на рисунке 1. Первые числа на рисунке указывают на частоту повторяемости слова в общем объеме слов в текстах, затем показана основная лексическая часть слова, заключительные цифры отражают эмоциональную насыщенность слов в числовом промежутке от -1 (максимальное негативное значение слов) до +1 (максимальное положительное значение слов).

Эмоциональный фон слов чаще рассматривается с разделением шкалы (от -1 до +1) на 20 позиций (длина шага числовых значений шкалы составляет 0,1). Эмоциональный фон слов, значение которых меньше десятой доли числового ряда (0,03... или 0,009... и т. д.) рассматривался нами как *нейтральный* в силу малой его выраженности/интенсивности. К данной (нейтральной) позиции отнесены и слова, имеющие значение эмоционального фона, равное нулю. Отсутствующие в сообщениях респондентов числовые значения игнорировались (к примеру, если в рассматриваемых сообщениях не обнаружены высказывания с выраженным позитивным фоном – в качестве примера можно обратить внимание на анализ отношения пользователей к деньгам, где положительные фоны не представлены вообще). Таким образом, шкала с разбивкой на 20 позиций по факту может содержать, в зависимости от характера эмоционального фона сообщений, меньшее количество позиций (к примеру, 8 или 11). В силу исследовательской рациональности эмоциональные фоны могут быть представлены 5 позициями (очень хорошо; хорошо; нейтрально; плохо; очень плохо) или же сгруппированы в три базовые позиции - негативное, нейтральное и позитивное отношение. Последняя позиция представляется важной для общей фоновой оценки эмоциональных состояний (как более позитивных или наоборот).

Эмпирические подходы и приемы анализа цифровой информации. Среди методов исследования можно выделить частотный и эмоциональный анализы слов и сообщений, контент-анализ, экспертную оценку, содержательный и смысловой анализ данных, структурирование и классификацию данных,

математико-статистические методы обработки эмпирических данных (исключение из текстов стоп-слов и кластеризация).

В рамках когнитивного анализа произведен *статистический* анализ слов в сообщениях с целью исключения *стоп-слов*, т.е. слов, не несущих большой информативной нагрузки. Статистический анализ производится посредством выявления сопряженности с корпусным *датасетом русского языка RuTweetCorp*, который разработан для анализа коротких текстов [Рубцова, 2012]. Для выявления сопряженности использованы *точный метод Фишера и распределение Бернулли*. В ходе исследования также произведен *частотный анализ* слов с использованием программы *PyMorphy2* [Korobov, 2015].

Для анализа эмоционального фона сообщений использована нейросеть – *модель FastText*. Сеть обучается методом максимального правдоподобия и является устойчивой к изменениям окончаний [подробнее см.: Демидова, 2022]. Оценка *эмоциональной тональности* слов произведена с использованием *модели Dostoevsky* на *датасете RuSentiment* [подробнее о тональности см.: Двойникова, Карпов, 2020].

На стадии разработки находятся программы автоматизированного статистического анализа связей между независимыми переменными в текстах. Далее в статье представлены основные подходы к использованию эмпирических методов, приемов и технологий для анализа поисковых *запросов* (1) и сообщений в *социальных сетях* (2).

Перспективный план использования вычислительного подхода в психологии. На современном этапе развития информационных технологий наиболее эксплуатируемыми являются методы сбора и интеллектуальной обработки больших данных (Big Data), машинного обучения (Machine Learning), интеллектуального анализа данных (Data Mining). Если обратиться к современным технологиям и определить цель машинного обучения (Machine Learning) как автоматизацию сложных, слабо формализуемых задач в социальной психологии, исследовательская задача может быть направлена на выявление социально-психологических факторов, оказывающих воздействие на сознание людей в их повседневной жизни (и наоборот, на изучение характеристик личности и группы, которые могут оказывать влияние на социальные достижения общества). Первая позиция состоит в том, чтобы исследовательский инструментарий был направлен на изучение закономерностей взаимной изменчивости общества и человека, т.е. на обнаружение связей и зависимостей между социально-экономическим состоянием общества и психологическими факторами. Вторая позиция соотносится с вопросом о том, в каком направлении будет целесообразнее дополнять траекторию движения представленных кривых (рис. 2). По всей видимости, сбор исторического материала и его автоматизированный метаанализ дадут больше информации, чем прогнозирование и длительное ожидание воплощения выдвинутых прогнозов. Третья позиция связана с необходимостью выявления полного цикла перехода общества из одного состояния в другое (по критерию стабильность / переменны), что позволит

говорить об опережающем управлении общественными процессами [подробнее см.: О насущных проблемах..., 2019; Журавлев, Китова, 2019].

Рис. 2. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены (2012–2019 гг.)

Преимущества и ограничения вычислительного подхода в психологии. Обобщая материал о возможностях применения цифровых технологий в психологических исследованиях, развитие которых частично квалифицируется как «смена парадигм» эмпирического анализа, можно выделить целый ряд их преимуществ:

- создание условий для оперативного ответа на вызовы урбанизации и глобализации на уровне человека, социальных групп и общества, а также анализа связанных с этим рисков и возможностей отслеживания «критических точек» и «точек роста»;
- удовлетворение потребности современного общества в значительном повышении эффективности использования существующих и формирующихся цифровых информационных баз;
- возможность расширить научный инструментарий и усилить позиции психологов среди представителей смежных социогуманитарных наук;
- удешевление условной единицы научной продукции: возможность производить большие объемы эмпирических данных и предоставлять больше научной информации за меньший объем затрачиваемого времени;
- повышение возможностей создания проектных междисциплинарных команд для изучения экономических и политических процессов в обществе и мире;
- возрастание возможности использования психологического знания в системах государственного управления, например, посредством создания электронных систем мониторинга общественных настроений и др.;
- привлечение дополнительных ресурсов к развитию цифровой социальной среды (экономической, правовой, политической), не имеющей территориальных ограничений;

– создание востребованных обществом и государством психологических разработок (программных продуктов) для анализа и моделирования психологических свойств и состояний личности, коллективов и больших социальных групп;

– использование дополнительных возможностей в образовательном пространстве как для подготовки психологических кадров, так и для повышения квалификации специалистов из смежных отраслей знания и саморазвития каждого заинтересованного специалиста.

К числу достоинств работы с большими объемами информации относится также возможность автоматизированного анализа крупных информационных источников (например, *библиотечного фонда* Российской Федерации), беспрепятственное взаимодействие исследователей с информационной системой, возможность категоризации тем анализа на основе заданных экспертами критериев и др.

Все представленные позиции, безусловно, относятся к преимуществам использования цифровых технологий. Вместе с тем важно отметить и *проблемы*, связанные с ними.

Наличие большого объема информации и возрастающие ее накопления требует разработки современных систем автоматизированного анализа больших массивов текстовой информации, что не может быть осуществлено в короткие *сроки*. Как видим, проблема анализа «больших данных» (Big Data) заложена не столько в самом их объеме, сколько в несовершенстве соответствующего научно-аналитического инструментария, пригодного для работы с ними. Стоит также отметить, что данные становятся все сложнее и разнообразнее, могут отличаться друг от друга по структуре (быть структурированными, неструктурированными, квазиструктурированными), по-разному индексироваться в различных электронных базах. Самостоятельным вопросом выступает и *задача эффективного выбора* программных сред и систем, необходимых для проведения конкретных научных исследований, связанная с многообразием программного обеспечения и информационных систем, различными подходами к их классификации, разрозненностью каталогов, неструктурированными описаниями и т. д.

В рамках социогуманитарных проектов сложность представляет и *междисциплинарный* подход к исследованию проблемы, различия в понятийно-терминологическом аппарате научных отраслей и необходимость обращаться к ресурсам информационных и технических наук, что не является задачей психологов и требует иной базовой подготовки.

В процессе работы в интернет-пространстве возникают проблемы и более *частного* плана. Во-первых, текстовые массивы, извлеченные на основе конкретных *ключевых слов*, не могут дать исчерпывающие сведения обо всех текстах данной тематики, поскольку ключевое слово имеет совокупность синонимов, которые зачастую нереально учесть в отдельно взятом исследовании. Во-вторых, если поиск данных по ключевому слову опирается только на *названия публикаций*, из поля зрения неминуемо выпадают статьи нужной тематики, но не содержащие в своем названии соответствующего слова

(например, статьи о денежном поведении могут содержаться в текстах по финансам, банкам, инвестициям, бизнесе и т.д.). В-третьих, результаты подобных поисков ограничены *базой данных*, которую использовал исследователь: другие материалы, в том числе архивные, неоцифрованные, не будут представлены в программе анализа. Наконец, в исследования могут быть включены только публикации на *русском языке*, хотя важная информация представлена на различных языках мира. Таким образом, необходимо признать наличие значительных ограничений, которые сужают возможности исследовательского поиска и научного анализа информации.

Выводы. Несмотря на то, что некоторые представленные разработки пока имеют только предварительную версию, по нашему мнению, потенциальные возможности их применения в различных видах социогуманитарных исследований очень высоки, как высок и научный потенциал конкретных исследований, выполненных с их помощью. Есть уверенность, что представленные теоретические позиции, содержание методологического подхода и включенные в него методы анализа будут непрерывно совершенствоваться как в психологии, так и в других отраслях социогуманитарных наук.

Относительно конкретной проблемы распространения коронавирусной инфекции, сформулированной выше, можно заключить, что интерес к пандемии порождается прежде всего чувством опасности и подчиняет себе когнитивные) и аффективные сферы личности. Как следствие, уровень интереса пользователей поисковых систем к коронавирусной инфекции отличается эмоциональной насыщенностью, неравномерен в различных странах и детерминируется интенсивностью распространения пандемии в регионе проживания.

Литература

1. Апреликова Н.Р., Китова Д.А. Отношение пользователей социальных сетей к знаниям по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 99–128.
2. Двойникова А.А., Карпов А.А. Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных // Информационно-управляющие системы. 2020. № 4 (107). С. 20–30.
3. Демидова О.А. Метод максимального правдоподобия. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (дата обращения 28.03.2022).
4. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 75–90.
5. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические факторы экономического развития российского общества в условиях цифровых технологий // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 6–42.
6. Журавлев А. Л., Китова Д.А. Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований //

- Психологическое знание: стадии исследовательского процесса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 249–282.
7. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. Политиздат, 1986.
 8. Количество данных в мире удваивается каждые два года. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html> (дата обращения 20.04.2022).
 9. Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 64–93.
 10. Лубовский Д.В. Введение в методологические основы психологии. М.: Изд-ва МОДЭК, МПСИ, 2007.
 11. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан / Отчет по итогам массового социологического исследования. М., 2019.
 12. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
 13. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.
 14. Рубцова Ю. Автоматическое построение и анализ корпуса коротких текстов (постов микроблогов) для задачи разработки и тренировки тонового классификатора // Инженерия знаний и технологии семантического веба. 2012. Т. 1. С. 109–116.
 15. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год — цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html> (дата обращения 20.01.2022)
 16. Сухова Е. И., Зубенко Н. Ю. Проблема выделения единиц анализа мировоззрения личности в психологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 141–146.
 17. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
 18. Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
 19. Щербаков Р.Н. Здравый смысл учащегося и научные знания // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 53–62.
 20. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // Communications in Computer and Information Science. 2015. Vol. 542. P. 330-342.
 21. Rime B., Christophe V. How Individual Emotional Episodes Feed Collective Memory // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 131–146.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ИСТОРИИ НАУК

Аннотация: в данной статье раскрывается понятие «креативное мышление» в рамках отечественной и зарубежной психологической науки. Выделены основные научные направления, которые занимались вопросами исследования креативного мышления. Раскрыта сущность понятий «креативность», «креативное мышление», а также отсутствие в настоящее время единого и четко сформулированного определения понятий могут быть рассмотрены в качестве обоснования целесообразности исследования данного вопроса.

Ключевые слова: креативное мышление, креативность, творческое мышление, творческие способности, творчество, концепция.

Abstract: this article reveals the concept of "creative thinking" within the framework of domestic and foreign psychological science. The main scientific directions that dealt with the research of creative thinking are highlighted. The essence of the concepts of "creativity" and "creative thinking" is revealed, as well as the current lack of a single and clearly formulated definition of concepts can be considered as a justification for the expediency of studying this issue.

Keywords: creative thinking, creativity, creative thinking, creativity, creativity, concept.

Введение

В современном обществе существует потребность в личностях, которые обладают креативным мышлением, о чем свидетельствует большое количество вакансий на ведущих сайтах по подбору кадров и из высказываний в СМИ топовых работодателей. Сейчас очевидно, что современное эффективное общество основано не только на знаниях, но и на креативном мышлении людей, составляющих государство. В связи неопределенностью и изменчивостью мира, когда стандартные шаблоны мышления и поведения не работают, а значимые решения необходимо принимать, на помощь приходит креативное мышление. Креативное мышление выступает центральным элементом деятельности человека при решении новых проблем и гибкой подстройке к изменениям среды.

Так же в практической и теоретической деятельности человек сталкивается с задачами или фактами, для которых в его мышлении нет подходящих методов и понятий. Случается, что задачи, с которыми человек столкнулся, не могут быть решены с помощью уже известных человечеству методов.

Чтобы адаптироваться в современном обществе и ориентироваться в огромном потоке постоянно меняющейся информации, необходимо самостоятельно и творчески мыслить.

В креативном мышлении задействованы многие когнитивные и некогнитивные процессы, которые определяются знаниями, умениями, навыками, потребностями, мотивами, эмоциями, смысловыми образованиями и личностными характеристиками, при этом функционирование осуществляется в особом режиме, в котором интуиция оттесняет логику, бессознательное оттесняет сознание.

Понятие креативность с точки зрения науки можно рассматривать как сложное, многоплановое, неоднородное явление, что обуславливает его многообразие в теоретических и экспериментальных направлениях изучения. С момента начала изучения творческих способностей и по сегодняшний день имеется обширная детальная картина феноменологии креативности.

Такие «великие умы» как З. Фрейд, К. Роджерс, Дж. Гилфорд, Э. Торренс, Р. Стернберг, Т. Амабайл, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская А.М. Матюшкин, С. Л. Рубинштейн, А. Маслоу, Б. М. Теплов, В.Ф. Вишнякова, Р. Мэй, Ф. Баррон, Д. Харрингтон и др. занимались изучением креативности. Но, несмотря на такую широкую изученность понятий «креативность», «креативное мышление», на данный момент так и нет чёткого сформулированного определения понятий, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях.

Таким образом, выявлена необходимость в прояснении понятий «креативности» и «креативного мышления», которые отражают саму загадочную сущность человека.

Целью исследования в данной статье является определение теоретических подходов к исследованию креативного мышления в истории наук.

На основании поставленной цели выделены следующие исследовательские **задачи**:

- провести анализ психологической литературы по вопросам изучения креативного мышления;
- раскрыть сущность понятий «креативность», «креативное мышление»;
- выделить основные научные направления, которые занимались вопросами исследования креативного мышления.

Для достижения поставленных цели и задач был использован и **теоретический метод** исследования: анализ психологической литературы. Такой метод исследования хорошо отражает представления исследователей об этом феномене и о возможностях определенных методов, процедур и средств его оценки.

Острые дискуссии, в том числе из-за многозначности понятий «креативность» и «креативное мышление» существуют и по сегодняшний день.

Креативными называют способности и другие качества личности, личность в целом, процессы и деятельность, проблемы и результаты их решения, продукты.

В нашей стране вопрос об определении креативности дополнительно усложнен использованием двух терминов и их производных: креативность (калька иноязычных слов «creativity», «Kreativität», «La créativité», «creatividad» и др.) и творчество, которые могут выступать и как синонимичные, и как различающиеся понятия в зависимости от контекста и/или взглядов исследователя.

Люди с развитым креативным мышлением умеют отойти от шаблонов и знают, что у проблемы может быть больше одного решения.

Креативное мышление не противопоставляет интеллект и воображение, логику и творчество, а сочетает в себе и то и другое.

В результате многолетних обсуждений теорий и моделей креативности в последние годы в качестве отправной точки выбрано следующее обобщенное определение, выделенное Т. Любартом: «креативность – это способность создавать новые идеи, действия или продукты, соответствующие социокультурному контексту, в котором они находятся» [Любарт, 2009, с.11].

Так же по результатам проведенного анализа психологической литературы были выделены понятия «креативного мышления» и «креативности» с точки зрения таких авторов как Дж. Гилфорд, Э.П. Торренс, А. Маслоу и К. Роджерс, С. Медник, И.Я. Лернер, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, Я.А. Пономарев.

Эти исследования, посвященные изучению креативности, можно разделить на две области:

1. Первая из них составляют исследования, базирующиеся на концепции креативности как универсальной познавательной творческой способности. Представители «познавательного» направления исследуют взаимосвязи между креативностью, интеллектом, когнитивными способностями и реальными достижениями. Наиболее яркими представителями данного направления являются: Дж. Гилфорд, С. Тэйлор, Э. Торренс, А.Я. Пономарев, С. Медник. В их работах представлено, в основном, влияние интеллектуальных познавательных характеристик на способность продуцировать новые идеи.
2. Другое направление изучает креативность с позиции своеобразия личностных особенностей креативов. Многие экспериментальные исследования посвящены созданию «портрета творческой личности», выявлению присущих ей характеристик, определению личностных, мотивационных и социокультурных коррелятов креативности.

Дж. Гилфорд определял креативное мышление как способность генерировать много разнообразных идей и решений на основе одной и той же проблемы, так как креативное мышление подразумевает гибкость, оригинальность умозаключений и способность видеть множество путей для решения поставленных задач [Гилфорд, 1965, с.433-456]. Идеи Дж. Гилфорда нашли отражение в исследованиях Э.П. Торренса, который на основе изучения креативности и анализа содержания.

Э.П. Торренс креативное мышление определял, как способность генерировать новые идеи, создавать нестандартные решения и приходить к оригинальным выводам, подчеркивая важность развития гибкости мышления и способности к переосмыслению проблем и ситуаций [Torrance, 1988, с.43-75].

В этот же период активно изучали связи между личностными качествами человека, его мотивацией и креативностью А. Маслоу и К. Роджерс. В их работах креативность рассматривалась как деятельность, способствующая самореализации личности и принятию ею себя [Маслоу, 1997; Rogers, 2004].

В трудах по отечественной психологии креативное мышление чаще всего соотносят с понятием «творческое мышление».

В 60-х гг. XX в. данный тип мышления означал связь между интеллектом и успешностью решения проблемных ситуаций. Зарубежными учеными было

доказано, что данная связь напрямую зависит от возможности разными способами использовать информацию в задачах в максимально сжатые сроки.

Так И.Я. Лернер даёт определение творческому мышлению как своеобразному продукту мыслительной деятельности [Лернер, 1982, с.6].

С. Медник рассматривает креативность как процесс переконструирования элементов в новые комбинации, согласно поставленной задаче, требованиям ситуации и некоторым специальным требованиям. Суть творчества по Меднику заключается в способности преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза и в широте поля ассоциаций [Mednich, 1969, с.220-232].

Д.Б. Богоявленская считает, что творческие способности – это ничем не стимулированная активность головного мозга, которая проявляется в желании выйти за пределы своей зоны комфорта. Креативный тип личности присущ всем новаторам, независимо от рода деятельности: летчикам-испытателям, художникам, музыкантам, рабочим-изобретателям [Богоявленская, 1981, с.22].

В.Н. Дружинин определяет творческое мышление как мышление, которое имеет непосредственную связь с проанализированным знанием определённой области. К этому он относит воображение, фантазию, порождение гипотез и прочее [Дружинин, 1996, с.253].

Творческое мышление – мышление созидующее, дающее принципиально новое решение проблемы, приводящее к новым идеям и открытиям. Суть творческого мышления сводится, по Я.А. Пономареву, к интеллектуальной активности и чувственности (сензитивности) к побочным продуктам своей деятельности. Творческое мышление возникает в процессе осуществления и связано с порождением «побочного продукта», который и является творческим результатом.

Выделяя признаки творческого мышления, все исследователи подчеркивают его бессознательность, неконтролируемость волей и разумом, а также измененность состояния сознания. Вторым признаком творческого мышления – спонтанность, внезапность творческого акта от внешних ситуативных причин.

Таким образом, главная особенность творческого мышления связана со спецификой протекания процесса в целостной психике как системе, порождающей активность индивида [Пономарев, 1990, с.159].

И зарубежные, и отечественные исследователи говорят о креативном или творческом виде мышления как о теоретически обоснованном, имеющем свои характерные отличия, которые базируются не только на позиции количественной меры, но и качественной стороны события.

Анализ данных работ вышеперечисленных ученых и исследователей, позволил сформулировать определение креативного мышления и представить его сущность как способность человека генерировать новые идеи, концепции или решения, которые ранее не существовали. Это процесс включает комбинирование, модификацию и переосмысление существующей информации, а также способность видеть процессы и явления с нестандартной точки зрения.

Таким образом, результаты теоретического анализа психологической литературы позволили выделить несколько показателей креативного мышления, характеризующих его сущность, среди которых:

- новизна и оригинальность, предполагающие создание чего-то нового, чего раньше не существовало, это может быть новая идея, концепция, продукт или способ решения проблемы;
- гибкость и расширение границ, развивающие способность рассматривать вопросы с разных точек зрения: креативные люди могут игнорировать традиционные рамки и искать альтернативные пути решения задач;
- сочетание различных идей, включающих умения объединять различные теории и концепции, что приводит к созданию уникальных и инновационных комбинаций;
- толерантность к риску, определяющая готовность к неудаче, в ситуациях, где есть необходимость применить что-то новое;
- воображение и фантазия, связанные с развитой способностью представлять себе несуществующие вещи и на этой основе предлагать новые идеи и концепции;
- ассоциативное мышление, позволяющее видеть связи и отношения между отдельными непохожими вещами, предметами, событиями, фактами, явлениями и на их основе создавать неожиданные идеи.

Стоит также выделить этапы развития креативного мышления:

1. Пробуждение.
2. Имитация.
3. Связи.
4. Трансформация.

Пробуждение креативности происходит в дошкольном и младшем школьном возрасте. Это неспецифичный спонтанный процесс.

Второй этап наступает в пубертатный период и характеризуется акцентом на оригинальное творчество.

Пик развития креативности происходит с младших классов и до окончания переходного возраста. Чрезвычайно важно, чтобы ребёнок на этих этапах имел поддержку взрослых.

Еще одним важным показателем креативного мышления является способность к инновациям: креативные люди стремятся придумывать новые способы решения задач, создавать оригинальные произведения и вносить изменения в существующие процессы, их цель – не просто следовать утвержденным шаблонам, а создавать что-то уникальное и ценное.

В современном информационном обществе, которое характеризуется быстрыми изменениями и разнообразием идей, креативное мышление выходит на первый план как ключевая компетенция, необходимая для успешной адаптации и развития в быстро изменяющемся мире. В частности, необходимость развития креативного мышления с раннего возраста обусловлена тем, что его положительное влияние на эффективность усвоения знаний и формирование навыков будут способствовать успешной трудовой деятельности в будущем.

Подводя итог вышесказанному, определяем творческое мышление как вид мышления, связанный с созданием относительно нового знания, а также с публикацией с помощью него продуктивных идей и товаров. В современном российском обществе развитие творческого и креативного видов мышления дает каждому индивиду по-настоящему грандиозные способности.

Данные виды мышления важны для тех личностей, которые берут на себя ответственность за революционные изменения в жизни окружающих их людей. Так, современным людям из сферы бизнеса креативное мышление помогает следовать совершенно новым путем, что является для них перспективными действиями.

В те моменты, когда определенная ниша в сфере бизнеса наполняется большим количеством конкурентов, они, используя возможности креативного вида мышления, вносят новые идеи, которые и выделяют их в итоге в общей массе остальных бизнесменов.

Всем известно, что в бизнесе существует такое понятие, как «кто первый – тот, соответственно и выиграл». Современным писателям данный вид умственного акта помогает придумывать новые, своеобразные сюжеты, от которых трудно порой отвести свой взгляд. Профессиональные психологи с помощью данного вида мышления открывают для себя передовые возможности работы с пациентами, удовлетворяя наиболее полно их запросы. Также не без помощи креативного мышления любой индивид может осуществить любую поставленную перед ним цель, подходя к решению определенных задач с помощью определенного творческого подхода, который выгодно отличается на фоне его оппонентов.

Следует понимать, что творчество и креативность – это два различных понятия. Так, определенный вид творчества – это, в любом случае, создание некоего продукта. Креативность является генерацией совершенно неизученных в раннем периоде идей. Таким образом, творческий мыслительный акт создает некие абстрактные видения и осуществляет их в различных эпизодах или предметах, а креативное мышление имеет возможность получать доступ к изобретательскому искусству и различным открытиям в области всех наук. Что же касается слияния данных типов мышления, то оно дает возможность получать наиболее скорые результаты в любой сфере деятельности человека. Соответственно, существует одновременное развитие как творческого, так и креативного видов мышления.

Основной целью формирования у человека креативного вида мышления является обратная сторона сложившихся у субъекта стереотипов. Примером может служить прогулка к нашему дому не одним и тем же путем, а желанием пройти непроторенной дорожкой, отыскивая каждый день все новые варианты.

Таким образом, для формирования у нас креативного вида мышления следует находиться в неизведанных личности местах, изучая принципиально новые вещи, которые не были известны до определенного момента. Также для формирования у субъекта креативности соответствуют изменения в графике и разнообразии меню человека.

Разнообразие теоретических подходов к изучению творчества и креативности обусловило необходимость в их классификации. Чаще всего в литературе упоминается классификация подходов к изучению творчества и творческого мышления, основанная на историческом принципе. Так, согласно О.К. Тихомирову, можно выделить [Тихомиров, 1975, с.118-120]:

- ассоцианистский,
- психоаналитический,
- когнитивный и др. подходы.

Другие классификации отражают представления исследователей о предмете психологии творчества, об уровнях и методах анализа творческой деятельности и творческих способностей и пр. Так, Р. Стернберг и Т. Любарт выделяют семь подходов [Sternberg, 1999; Lubart, 1999]:

- мистический,
- психоаналитический,
- прагматический,
- психометрический,
- когнитивный,
- социально-личностный,
- системный.

Классификация, предложенная Дж. Плакером и Дж. Рензулли, включает пять подходов к изучению креативности и творчества [Plucker, 1999; Renzulli, 1999]:

- психометрический,
- экспериментальный,
- биографический,
- историометрический,
- биометрический.

Р. Мэйер считает, что основные подходы к изучению креативности во многом обуславливаются ответами на пять (упомянутых выше) основных вопросов. В соответствии с возможными ответами на эти вопросы он выделяет шесть основных подходов к ее изучению [Mayer, 1999, с. 449-461]:

- психометрический,
- экспериментальный,
- биографический,
- биологический,
- компьютерный,
- контекстуальный.

Г. Гарднер дифференцирует четыре иерархических уровня анализа креативности [Gardner, 1994, с.143-158]: субперсональный; персональный; экстраперсональный; мультиперсональный.

Однако этот подход описывает уровни анализа креативности главным образом в рамках когнитивной парадигмы. Для более подробного описания исследований креативности и творчества лучше использовать уровневую классификацию подходов: каждый уровень определяет масштабность анализа этих психологических категорий и те позиции, с которых он осуществляется. В

предложенной классификации отражены не только уровни изучения творчества, но и конкретные предметы исследования. В соответствии с этими положениями нами были выделены следующие основные подходы к изучению творчества и креативности.

1. Психофизиологический (биометрический) подход, в рамках которого предметом исследования являются биологические и психофизиологические предпосылки творческих процессов и креативности.
2. Когнитивно-эмоциональный подход, направленный на изучение когнитивных и эмоциональных аспектов креативности и творческой деятельности.
3. Личностный подход, ориентированный на исследование особенностей и черт творческой личности.
4. Экономико-прагматический подход, в рамках которого изучаются особенности процесса творчества и его продуктов в конкретных социально-экономических условиях.
5. Системный подход, предполагающий исследование креативности и творчества человека в единстве и взаимосвязях с его социокультурным окружением, экономической реальностью, а так же проблемной областью, в рамках которой осуществляется его творческая деятельность.

Практически все подходы к изучению креативности и творческого мышления характеризуются широким использованием психометрических методов.

Выводы

Отсутствие общей крупной теории при многообразии выявленных новых закономерностях и факторах указывает на трудность этой темы. Хотя исследования креативности активно ведутся вот уже несколько десятилетий, накопленные данные не столько проясняют, сколько запутывают понимание этого явления. Достаточно сказать, что еще сорок лет назад было дано более 60 определений креативности, а к настоящему моменту их уже невозможно сосчитать.

Приведенный анализ основных подходов к исследованию творчества и креативности человека показывает, что большинство из них изучает эти психологические категории лишь на одном уровне. Вместе с тем в настоящее время назрела настоятельная необходимость их многоуровневого анализа. Такой анализ может быть осуществлен в рамках системного подхода, позволяющего исследовать не только личностные, но и социальные, культурные, экономические и другие детерминанты творческой активности человека. Появление этого подхода во многом обусловлено повышением уровня анализа указанных психологических категорий.

Кроме описанных подходов к исследованию креативности и творчества существует довольно много других направлений в их изучении. Многие из них ярко и глубоко представлены в отечественных разработках данной области знаний. Далее, уже вне рамок приведенной выше уровневой классификации, мы дадим краткое описание отечественных исследований в указанной области.

Проведенное теоретическое исследование показало, что, несмотря на то, что авторы определяют креативность по-разному, общим является представление о ней как о комплексе интеллектуальных и личностных особенностей индивида, заключающихся в умении находить решения в нестандартных ситуациях, нацеленности на открытие нового и глубокое осознание своего опыта. Креативно мыслящие люди высоко ценятся в бизнесе. Блестяще, когда профессионал не только придумал и воплотил идею, но сумел и качественно превзойти придуманное конкурентами. Нестандартные решения, таким образом, ориентируются на определённые цели конкретного бизнеса.

Таким образом, развитие креативного мышления – увлекательное и полезное дело. Неординарно мыслящие творческие люди привлекательны, к ним тянутся окружающие и желают с ними общаться. Регулярно применяя технологии креативного мышления, можно быстро заметить первые положительные изменения. Обретённые на этом творческом пути навыки пригодятся и в рабочей деятельности, и в личной жизни.

Литература

1. Богоявленская, Д. Б. Пути к творчеству / Д. Б. Богоявленская. - Москва: Знание, 1981. - 95 с.
2. Вяткин, Л. Г., Тарский, Ю. И. Психолого-педагогические основы развития творческого потенциала обучаемых / Л. Г. Вяткин, Ю. И. Тарский. - Саратов: Лига, 1994. - 195 с.
3. Гилфорд, Д. П. Структурная модель интеллекта // Психология мышления / Д. П. Гилфорд. - Москва: Прогресс, 1965. - 630 с.
4. Гилфорд, Д. П. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Д. П. Гилфорд. - Москва: Прогресс, 1965. - 630 с.
5. Дружинин, В. Н. Психодиагностика общих способностей / В. Н. Дружинин. - Москва: Академия, 1996. - 180 с.
6. Козлов, В. В. Личность, творчество, самореализация / В. В. Козлов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 3-11.
7. Козлов, В. В. Психология творчества : свет, сумерки и темная ночь души / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. – (Международная академия). – ISBN 978-5-902396-06-2.
8. Краткий психологический словарь / общ. ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. - Москва: Политиздат, 1985. - 431 с.
9. Креативность как ключевая компетентность педагога / М. М. Кашапов, В. В. Козлов, В. И. Панов [и др.]. – Ярославль : ООО "Издательско-полиграфический комплекс "Индиго", 2013. – 392 с. – ISBN 978-5-91722-159-5. – EDN VUOLRB.
10. Лернер, И. Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории: Пособие для учителей / И.Я. Лернер. - Москва: Просвещение, 1982. - 191 с.
11. Лук, А. Н. Психология творчества / А. Н. Лук. - Москва: Наука, 1978. - 128 с.

12. Любарт, Т. Психология креативности / Т. Любарт. - Москва: «Когито-Центр», 2009. - 300 с.
13. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу. - Санкт-Петербург: Евразия, 1997. - 430 с.
14. Маслоу, А. Г. Самоактуализация // Психология личности: тесты / А. Г. Маслоу. - Москва: Ваклер, 1982. - 234 с.
15. Немов, Р. С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Р. С. Немов. - Москва: Юрайт-Издат; Москва, 2009. - 115 с.
16. Общая психология; под ред. А. В. Петровского. - Москва: Просвещение, 1986. - 464 с.
17. Одаренные дети / пер. с англ.; общ. ред. Г. В. Бурменская, В. М. Слущкий. - Москва: Прогресс, 1991. - 376 с.
18. Пономарев, Я. А., Семенов, И. Н., Степанов, С. Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, - Москва: Наука, 1990. - 222 с.
19. Психологический словарь / общ. ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков. - Москва: Педагогика-Пресс, 1999. - 440 с.
20. Тихомиров, О. К. Психологические исследования творческой деятельности / О. К. Тихомиров. - Москва: Наука, 1975. - 253 с.
21. Томилова, И. И. Формирование креативности у старших школьников в воспитательно-образовательном процессе гимназии / И. И. Томилова. - Кемерово: Кемеров. гос. ун-т., 2002. - 23 с.
22. Трик, Х. Е. Креативность как процесс / Х. Е. Трик. - Москва: Наука, 1987. - 87 с.
23. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадигмы исследования / М. А. Холодная. - Томск: Барс, 1997. - 392 с.
24. Хрестоматия по общей психологии; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. - Москва: Издательство МГУ, 2002. - 400 с.
25. Barron F.X. Creative Process and Creative Person. N. Y., 1969. 212 p.
26. Gardner H. The creators' patterns // Dimensions of creativity / M.A. Boden (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1994b, pp. 143-158.
27. Guilford J.P. Intellectual Factors in Productive Thinking // Exploration in Creativity. N.Y., 1967. 96 p.
28. Mayer R. Fifty years of creativity research // Handbook of creativity / R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999, pp. 449-461.
29. Mednich S. A. The associative basis of the creative process // Psychol. Review. 1969. № 2. P. 220-232.
30. Plucker JA., Renzulli J.S. Psychometric approaches to the study of human creativity// Handbook of creativity / R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999, pp. 35-62.
31. Rogers E.M. Innovation, Theory of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2004a, pp. 7540-7543.
32. Sternberg J.R., Lubart T.I. The concept of creativity: prospects and paradigms // Handbook of creativity / R. J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999, pp. 3-16.

33. Torrance E.P. The Nature of Creativity as Manifest in the Testing // The Nature of Creativity. Cambridge: Camb. Press, 1988. P. 43-75.
34. Torrance E.P. The Torrance Test of Creativity Thinking. L., 1974. 243 p.

Капарова З.Б.

ИСТОРИЯ И ОСНОВЫ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Аннотация В статье рассмотрена история развития психосоматики, которая является частью в структуре медицинской психологии и медицины. Психосоматика (греч. psyche — душа, soma — тело) занимается изучением влияния психологических факторов на возникновение и последующую динамику соматических заболеваний. Развитие психосоматики, как направления и отдельной науки стало возможным в процессе развития отечественной и зарубежной медицинской (клинической) психологии.

Ключевые слова: история развития, клиническая психология, медицинская психология, психосоматика, психоэмоциональное состояние, психофизиологическое состояние.

Abstract The article describes the history of the development of psychosomatics, which is part of the structure of medical psychology and medicine. Psychosomatics (Greek. Psyche — the soul, soma — the body) is studying the influence of psychological factors on the occurrence and subsequent dynamics of somatic diseases. The development of psychosomatics as a direction and a separate science became possible in the process of development of domestic and foreign medical (clinical) psychology.

Keywords: history of development, clinical psychology, medical psychology, psychosomatic medicine, psychoemotional state, psychophysiological state, fundamentals of psychophysiology

По данным экспертов ВОЗ, половина всех заболеваний являются психосоматическими, и больные нуждаются не столько в лекарствах, сколько в психотерапии и относятся к группе психосоматических больных [Малкина Пых, 2005: 12]. Проблема психосоматических нарушений и заболеваний, является актуальной как для современной медицины, так и для психологии. Данная статья посвящена изучению исторического контекста психосоматики и раскрытию психо-патофизиологии соматических расстройств, что позволяет найти - где охватывается множество культур и эпох, в которых человечество искало объяснения для своих физических и психологических состояний. Основные определения клинической психологии в отечественной и зарубежной науке психосоматика (греч. psyche — душа, soma — тело) — направление в медицине и психологии, занимающееся изучением влияния психологических (преимущественно психогенных) факторов на возникновение и последующую динамику соматических заболеваний. Вопросы коррекции

психоэмоционального и психофизиологического состояния и оказание психологической помощи в кризисных жизненных ситуациях, в экстремальных условиях жизни или при выполнении профессиональных задач в экстремальных профессиях, занимают внимание современных теоретиков и практиков. Оказание психологической помощи требуется людям, связанным с военной службой, космическими, арктическими и антарктическими исследованиями, и других профессий, связанных с риском для жизни, длительной вынужденной социальной депривацией. Внутренние конфликты, невротические типы реакций или психореактивные связи обуславливают картину развившегося заболевания. Психосоматические состояния, традиционно рассматриваются либо, как психоцентрические, возникшие вследствие острого и хронического психического стресса или вследствие особенностей личности, либо соматоцентрические — обусловленные комплексом психотравмирующих событий, связанных с соматическим заболеванием [Малкина-Пых, 2005: 12]. Психосоматическое направление является не только медицинской дисциплиной, а представляет целостный подход, учитывающий многообразие причин, приведших к болезни.

Психосоматическая проблематика стала предметом научного познания ещё в античности, когда у истоков научной медицины стояли две школы, отражающие два подхода к трактовке общей концепции болезни: первая — гиппократическая школа Косса; вторая — школа первых анатомов Книдоса. Первая трактовала болезнь как расстройство отношений между субъектом и действительностью (динамическая, гуморально-духовная, «психосоматическая» концепция); вторая рассматривала болезнь как поражение какой-то материальной структуры (механическая, органная ориентация). Исходные формулы оценки болезни и больного при этом различны. В первом случае — «человек болен», во втором — «у человека есть болезнь».

Медицина ранних периодов, потерявшая связь с представлением о человеке, как организованной сущности с материальным, ментальным, духовным проявлением, рассматривающая человека, как набор органов и систем, не в силах разглядеть глубинные причины болезни, и пытается бороться с внешними ее проявлениями. Поэтому в истории развития философии и медицинской науки психосоматические заболевания и пути их лечения продолжают привлекать внимание исследователей, клинических психологов, психиатров, врачей. Специалисты объединили полученные знания в науке как клиническую психологию, которая перекликается с названием «медицинская психология».

В зарубежных литературных источниках и научных кругах, более принят термин «клиническая психология». Некоторые авторы, считают клиническую психологию частью медицинской психологии, отражающей клинические вопросы [Малкина-Пых, 2005; Алёхин, 2009].

Отечественная медицинская психология в 20–30-х гг. XX века включала в себя: клинический психоанализ, дифференциальную тестологическую патопсихологию, этнологическую патопсихологию, гештальт-патопсихологию. В связи с открытиями в XIX в. в области анатомии, микробиологии, нейрофизиологии, утверждением принципа клеточной патологии Вирхова, в

котором модель болезни основывалась на патологии органа, органное направление взяло верх.

Нарастающая 25 «технизация» медицины надолго заслонила от врачей психологические стороны заболевания больного, в практике медицинской помощи психосоматические влияния стали серьёзно приниматься лишь в последние десятилетия. Отечественная медицина при изучении болезней исходит из признания единства соматического и психического, организма и личности во всей сложности их соотношений. М. Я. Мудров, С. П. Боткин, Г. А. Захарьин и другие подчёркивали необходимость учёта личностных особенностей больных как в диагностике, так и терапии заболеваний. Проблеме психосоматических соотношений уделяли много внимания и такие исследователи, как К. М. Быков и И. Т. Курцин (1960), Ф. В. Бассин (1970, 1972), Д. Н. Исаев (1996) и другие.

Материалистическое и реалистическое направление медицинской (клинической) психологии в России стало её отличительной чертой, особенностью и привело к развитию экспериментальной психологии в СССР. Это стало возможным за счет привлечения в клинику душевных и неврологических заболеваний экспериментальных методов диагностики из психологии. Первые экспериментально-психологические лаборатории в России были открыты при психиатрических клиниках — В. М. Бехтерева в Казани (1885), затем в Петербурге; С. С. Корсакова в Москве (1886). Клинический подход и применение новых методов послужили развитию новых направлений, таких как патопсихология и нейропсихология [Бехтерев, 1911]. Б.В.Зейгарник считала основоположником патопсихологического направления и родоначальником патопсихологии и нейропсихологии в России, В. М. Бехтерева [Золотова, 2007]. Развитие отечественной патопсихологии отличалось прочными естественнонаучными традициями, сформированными на принципах работ И. М. Сеченова о рефлексах головного мозга» и происходило в силу сложившихся социокультурных и идейных влияний, параллельно зарубежной, почти не соприкасаясь.

Тесная связь психического и телесного была интересна со времен Гиппократ и Аристотеля, которые считали, что баланс между телом и душой является основой здоровья. Эти идеи были воплощены в понятии "психосома", объединяющем духовные и физические аспекты человеческого бытия.

Взаимосвязь между умом и телом всегда привлекала внимание мыслителей и учёных, причём разные культуры придавали этой связи различное значение. Уже в древности в различных культурах существовали представления о том, что психическое состояние человека может влиять на его физическое здоровье. Древнегреческие философы, такие как Гиппократ, считали, что баланс между телом и душой является основой здоровья. Эти идеи были воплощены в понятии "психосома", объединяющем духовные и физические аспекты человеческого бытия. В период средневековья религиозные и культурные верования играли значительную роль в понимании здоровья и болезни. В этот период физические недуги часто объяснялись как наказание за грехи или воздействие демонов.

Однако, некоторые учёные и философы, такие как Авиценна, сохраняли интерес к идее о взаимосвязи между психическими и физическими процессами.

В эпоху Просвещения и Возрождения интерес к психосоматике возрос в связи с развитием научного мышления. Учёные начали исследовать физиологические механизмы, через которые психические факторы могут влиять на организм. В работах учёных XVIII и XIX веков, таких как Франц Антон Месмер и Шарль Ричер, можно найти первые попытки объяснить психосоматические явления с помощью научных концепций.

В период средневековья религиозные и культурные верования играли значительную роль в понимании здоровья и болезни. В этот период физические недуги часто объяснялись как наказание за грехи или воздействие демонов. Однако, некоторые учёные и философы, такие как Авиценна, сохраняли интерес к идее о взаимосвязи между психическими и физическими процессами. В эпоху Просвещения и Возрождения интерес к психосоматике возрос в связи с развитием научного мышления.

Учёные начали исследовать физиологические механизмы, через которые психические факторы могут влиять на организм. Немецкий врач Хайнрот в 1818 г. ввел впервые термин «психосоматический». В 1822 г. немецкий психиатр М. Якоби ввел понятие «соматопсихический» в противовес к «психосоматическому», выражая сущность психических нарушений, связанных с соматическими расстройствами. Лишь сто лет спустя термин «психосоматический» прижился в медицине. Психосоматическая медицина была определена как «прикладной психоанализ в медицине». Венские психоаналитики Дойч и его коллеги Фландерс Данбар, Франц Александер к концу 50-х годов опубликовали около 5000 статей о соматической медицине в США. Продолжили развивать это направление, известные аналитики Адлер, Сонди. В России при разработке метода экспериментального невроза ученые школы И. П. Павлова наиболее близко приблизились к психосоматике [Малкина-Пых, 2005: 12].

В работах учёных XVIII и XIX веков, таких как Франц Антон Месмер и Шарль Ричер, можно найти первые попытки объяснить психосоматические явления с помощью научных концепций.

В то же время зарубежная клиническая психология развивалась под влиянием идей различных направлений буржуазной психологии — бихевиоризма, психоанализа, гуманистической и экзистенциальной психологии. В 1879 г. Вундтом впервые открыта экспериментально-психологическая лаборатория, затем при крупных психиатрических клиниках — Э. Крепелина в Германии (1879), П. Жане во Франции (1890). Эмиль Крепелин и Зигмунд Фрейд, которые являлись медиками, дали сильнейший толчок развитию международной клинической психологии. Известны имена Роджерса, Олпорта, Маслоу, развивавшие теоретические значимые идеи, в которых основной акцент ставится не на эксперименте, а на измерении и корреляции отдельных особенностей, черт личности [Малкина-Пых, 2005:13].

Еще в эпоху античности, когда впервые возникают материалистические представления о психических процессах и их нарушениях, в рамках философии

и медицины уже формируются этико-деонтологические аспекты, затрагивающие взаимоотношения врача и больного и провозглашается принцип «лечить не болезнь, но больного». Свойство человека эмоционально, а то и болезненно реагировать на стрессовые жизненные ситуации, что во многом зависит от индивидуальных особенностей личности, лежит в основе психосоматического заболевания. Реакция на эмоциональное переживание, может сопровождаться функциональными изменениями и патологическими нарушениями в органах.

Значительный прогресс в изучении психосоматики произошёл в конце XIX и начале XX веков, когда психоанализ Зигмунда Фрейда и его последователей подчеркнул роль подсознания и эмоциональных конфликтов в формировании физических симптомов. Работы Карла Юнга также внесли вклад в понимание психосоматических аспектов человеческой психики.

Фрейд, австрийский психоаналитик, считается основоположником психоанализа. Он предложил концепцию бессознательного, в котором хранятся подавленные и неосознанные желания и конфликты. Фрейд утверждал, что эти подавленные эмоции могут проявляться в форме физических симптомов, таких как неврозы и соматические расстройства.

Фрейд также разработал концепцию психосоматических болезней, таких как истерия и неврозы. Он утверждал, что эмоциональные конфликты, подавленные в подсознании, могут проявляться в физических симптомах, таких как боли, параличи и даже болезни органов.

Карл Юнг, швейцарский психиатр и ученик Фрейда, расширил понятие бессознательного, внёс вклад в понимание архетипов и коллективного бессознательного. Он также исследовал влияние психических состояний на физическое здоровье, подчеркивая важность психологической гармонии для общего благополучия.

Юнг выделял роль символов и мифов в психическом здоровье, считая, что их изучение может помочь в понимании внутренних конфликтов и нахождении целостности личности. Он также придавал значение психосоматическим аспектам личности, утверждая, что разрешение внутренних противоречий может привести к физическому и психическому исцелению.

Фрейд и Юнг оказали огромное влияние на развитие понимания психосоматики. Их исследования помогли выявить сложные взаимосвязи между эмоциями, психическими состояниями и физическим здоровьем. Идеи Фрейда о бессознательном и психосоматических расстройствах оказались революционными для психиатрии и психологии, в то время как работы Юнга расширили понятие психосоматического здоровья, включая аспекты коллективного бессознательного и символического мышления.

В 1970-х и 1980-х гг. основная задача исследований в области клинической психологии заключалась в том, чтобы изучить варианты искажений, связанных с переработкой информации. Клиническая психология изучает такие вопросы, как: – психологические особенности больных с пограничными формами нервно-психических расстройств (наиболее чувствительные и ранимые больные), являющиеся объектом деятельности врача любой специальности.

Термин «клиническая психология» происходит от греческого «kline» – «постель», «больничная койка». Исходя из такого понимания, клинической психологией часто называют любое психологическое знание, полученное в условиях клиники (либо связанное с медициной, медицинским учреждением), или теми методами, которые 7 применяют в клинике (медицине). В современной психологии очень часто термины «клиническая» и «медицинская» используются как синонимы. Стоит отметить, что существует традиция медиков обозначать эту область знаний медицинской психологией, а психологов – клиническими психологами.

В международном руководстве по клинической психологии под общей редакцией М. Перре и У. Бауманна приводится следующее определение: «Клиническая психология – это частная психологическая дисциплина, предметом которой являются психические расстройства и психические аспекты соматических расстройств (болезней). Она включает следующие разделы: этиологию (анализ условий возникновения расстройств), классификацию, диагностику, эпидемиологию, интервенцию (профилактику, психотерапию, реабилитацию), охрану здоровья, оценку результатов». В англоязычных странах помимо термина «клиническая психология» в качестве синонима используется понятие «патологическая психология» (Abnormal Psychology). В. Шрамль определяет клиническую психологию следующим образом: «Клиническая психология – это применение знаний, техник и методов основных психологических специальностей, а также смежных с ними дисциплин, таких как глубинная психология, социология и социальная педагогика в широком клиническом поле: от консультационных бюро и специализированных воспитательных учреждений до больниц».

Кроме клинической психологии, во многих университетах, в основном западных, преподаётся и медицинская психология. Включать дисциплина может разное: 1) применение достижений психологии в медицинской практике (психологические аспекты взаимоотношений больного с врачом); 2) психологические аспекты профилактики и здоровьесбережения; 3) психические компоненты и факторы соматических расстройств и пр.

В отечественной науке медицинская психология сейчас чаще всего рассматривается как чрезвычайно ёмкая отрасль психологического знания, включающая в себя огромное множество отраслей, среди которых клиническая психология, психология отношений в системе «больной – медицинский персонал», патопсихология, нейропсихология, психосоматика, психофармакология, психопрофилактика и психогигиена.

Таким образом, под клинической психологией понимается отрасль научного знания, объединяющая психологию и медицину. Пользуясь основными методами, принципами и категориями психологической науки, клиническая психология также опирается на знания и заимствует приёмы медицинских наук (Г. В. Старшенбаум, 2015). Клиническая психология, как уже отмечалось выше, является комплексной наукой, охватывающей сложный, многоаспектный предмет познания. Дробление предмета клинической психологии позволяет

выделить внутри данной науки целый ряд отраслей. Разные научные школы смотрят на эту проблему по-разному.

Так, в традиционных научных школах США, к клинической психологии относят: 1) психотерапию; 2) психодиагностику; 3) консультативную психологию; 4) психогигиену; 5) психологическую реабилитацию; 6) ряд областей дефектологии, которые в России традиционно относят к вопросам специальной психологии; 7) психосоматику. В ряде стран Европы в число задач клинической психологии входят психодиагностика, психологическая реабилитация больных различных нозологических групп, психотерапия, психокоррекция, контроль эффективности психокоррекции и психотерапии.

В отечественной научной традиции клиническую психологию принято рассматривать в большей степени как одну из базовых, теоретико-ориентированных отраслей психологии, не относя к ней психотерапию, традиционно причисляемую к отраслям медицинской науки и практики, психокоррекцию и пр. Так, К. К. Платонов относил клиническую психологию к отраслям медицинской психологии. В медицинскую психологию он включал также психогигиену и психопрофилактику. А структуру непосредственно клинической психологии, по мнению К. К. Платонова, составляют нейропсихология, патопсихология, психология пограничных состояний, а также психосоматические и соматопсихические расстройства.

В медицинской клинической психологии выделяют два направления психотерапии: медицинское и психологическое. Можно говорить о медицинской модели психотерапии, как комплексного лечебного вербального и невербального воздействия на эмоции, суждения, самосознание человека, облегчающего симптомы заболевания. К немедицинской психотерапии можно отнести такие психотерапевтические методы, как исследование психологических проблем пациента и помощь в их решении; улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья; обучение эффективным способам межличностного взаимодействия, гармоничного общения с людьми. Важным является участие пациента в процессе психотерапии и психокоррекции: развитие самосознания, стремление к личностному росту, реализации творческого потенциала, стремление к оптимальной реализации, успеху. С развитием новых методов, возможно гармонизирующее воздействие на телесные реакции организма, вызванные стрессом. С помощью обучения методам биологической обратной связи (БОС) можно оказывать лечебное воздействие на такие патологические состояния, как бронхиальная астма, гипервентиляционный синдром, гипотония, панические атаки, страх, депрессия, боль; синдром хронической усталости и психоэмоционального выгорания в профессии [С. И. Сороко, В. В. Трубачев, 2010: 66].

Главная цель всякого психотерапевтического воздействия заключается в том, чтобы помочь пациентам внести необходимые изменения в свою жизнь [Александров, 1997; Годфруа, 1992; Карвасарский, 1999; Рудестам, 1997; Куз, 2017]. Психологическая модель может использовать те же методы, но направлена на развитие личности пациента и ее успешное функционирование в изменяющихся условиях окружающей среды. Определение здоровья в

Декларации Всемирной Организации Здравоохранения звучит, как «...не отсутствие болезни или физического недостатка, а состояние физического, умственного и социального благополучия». Так и психотерапия направлена на поддержание общей гармонии личности в широком смысле слова. В Декларации по психотерапии, принятой Европейской ассоциацией психотерапии в Страсбурге в 1990 году закреплена сфера её деятельности [МалкинаПых, 2005:10].

К вопросу о психосоматике

Термин «психосоматика» (душа и тело) обозначает научное направление в медицинской психологии и медицине, устанавливающее взаимоотношения между психикой и телесными функциями, исследует, как психологические переживания влияют на функции организма и могут вызвать те или иные нарушения. Психосоматика является междисциплинарным научным направлением: в рамках медицины, физиологии, психологии, социологии. Как структурная составляющая психологии она исследует поведенческие реакции, связанные с заболеваниями, психологические механизмы, воздействующие на физиологические функции; как раздел психотерапии она ищет способы изменения деструктивных способов эмоционального реагирования и поведения. Причины психосоматического нарушения многофакторны. Заболевание возникает при взаимодействии, как физических, так и психосоциальных факторов. Был определен интегральный психосоматический подход в теории возникновения болезни. Факторы, влияющие на возникновение психосоматических расстройств, определяют методы их психотерапии, которых существует на данный момент около полутысячи [Kadzin, 1994]. Психотерапевтические подходы имеют различные концепции: телесноориентированные, когнитивные, личностно-ориентированные; директивные, недирективные.

Психоаналитические концепции были заложены З. Фрейдом. Вытесненные из сознания социально неприемлемые инстинкты (агрессивные, сексуальные) прорываются, принимая ту или иную символическую форму [Бройтигам, Кристиан, 1999]. Существуют также следующие теории: конверсионная модель, согласно которой ущемленные эмоции порождают конверсионные симптомы; теория десоматизации и ресоматизации Шура [Schur, 1966], модель отказа от веры в будущее Энгеля и Шмале [Малкина-Пых, 2005] концепция потери объекта Фрайбергера [Freyberger, Veep и др., 1995]; концепция двухфазной защиты, или двухфазного вытеснения Митчерлиха [Mitscherlich, 1992], теория специфического психодинамического конфликта Александера [Alexander, 1950].

Физические паттерны защиты в условиях жесткого выживания в дикой среде обитания, сменились на новые, психологические защитные реакции, когда проявления активной агрессии и телесных реакций на изменяющиеся условия окружающей среды должны сдерживаться. Успешность функционирования зависит от психических возможностей человека. Эмоции человека часто подавляются, и могут стать причиной мышечных напряжений (зажимов), вегетативных реакций (сердцебиения, повышения артериального давления,

гормональных нарушений) и способствовать запуску разрушительных процессов в организме. В настоящее время к психосоматическим заболеваниям и расстройствам относят конверсионные расстройства (истерические параличи и парестезии, психогенная слепота и глухота, рвота, болевые феномены). Демонстративность проявления симптомов, которые имеют символический характер, являются попыткой решения невротического конфликта. Функциональные синдромы с преобладанием нечетких жалоб со стороны сердечно-сосудистой, пищеварительной, дыхательной систем, мочеполовой или двигательного аппарата не сопровождаются органическими изменениями. Александер описал их как проявления органических неврозов, как следствие эмоционального напряжения. Психосоматозы имеют в основе первичную телесную реакцию на конфликтное переживание. Соответствующая предрасположенность может влиять на выбор органа [Александер, 2002; Малкина-Пых, 2005].

Термин «психосоматика» (душа и тело) обозначает научное направление в медицинской психологии и медицине, устанавливающее взаимоотношения между психикой и телесными функциями, исследует, как психологические переживания влияют на функции организма и могут вызвать те или иные нарушения.

Большое количество теорий и моделей возникновения психосоматических заболеваний послужило причиной и необходимостью их классификации. К ним относятся характерологические направления и типологии личности. Еще врачи древности Гиппократ, Гален описали людей с разными видами темпераментов — сангвиников, холериков, меланхоликов и флегматиков. В современных теориях также предпочитается характерологическое направление, которое развивали Уильям Шелдон, Флендерс Данбар, Эрнст Кречмер [Dunbar, 1947, Кречмер, 2003, Малкина-Пых, 2005]. Было предложено деление людей на определенные типы «личностей риска», так Rosenman и Friedman [Friedman M., Rosenman R.H, 1959] выделили лиц (типа А) с поведением, приводящим к угрозе развития инфаркта миокарда. Также описания типов личности встречаются в исследованиях многих авторов [Dunbar, 1947; Irvine, Garner, и др.1991; Siegman, Smith, 1994; Кречмер, 2003].

Основателем современной психосоматики считается Франц Александер, который впервые в 1950 г. предложил теорию, согласно которой симптомы вегетативного невроза являются не попыткой выражения подавленного чувства, а чисто физиологическим проявлением определенных эмоциональных состояний, возникновения напряжения при отсутствии действия, сбрасывающего напряжение вовне. При постоянно возникающей ситуации обратимые функциональные симптомы ведут к необратимым изменениям в органах. В результате изучения большого контингента больных с функциональными 115 нарушениями без патологических органических изменений авторами предложены теории возникновения психосоматических нарушений: медицинская антропология В. Вайцеккера, биопсихосоциальная модель Икскуля и Везиака, интегративная модель здоровья, болезни и

болезненного состояния по Вайнеру [Weizsacker, 1949; Wiener, 1977; Малкина-Пых, 2005].

Большую популярность приобрела концепция алекситимии — неспособности к распознаванию собственных эмоций, невозможности выразить, описать словами собственные переживания, эмоции и чувства. Алекситимия рассматривается, как присущая некоторым индивидам особенность, предрасполагающая к психосоматическим заболеваниям [Nemiah, Sifneos, 1970; Dirks, Robinson и др., 1981; Metaisky и др., 1991; Kauhanen, Kaplan и др., 1994; Freyberger, Been и др., 1995].

Также популярна теория стресса, включающая в себя ряд экспериментальнопсихологических, клинко-физиологических, биохимических и цитологических исследований последствий эмоционального стресса. Влияние экстремальных и хронических стрессовых ситуаций на восприимчивость и особенности развития, течения и терапии психосоматических заболеваний [Селье, 1979; Малкина-Пых, 2005]. Нейрофизиологическое направление, устанавливающее связи между отдельными психофизиологическими процессами, причины патопсихологических состояний на нейрофизическом уровне, объясняет возникновение психосоматических расстройств с нарушенными кортиковисцеральными связями [Анохин, 1975].

Психоэндокринное и психоиммунное направления исследований эмоционального реагирования установило, что высокий уровень личностной и ситуативной тревожности связан с нарушением нейрогуморальной регуляции. Согласно концепции враждебности, такие негативные эмоции и чувства, как гнев и враждебность могут стать одной из причин тяжелых соматических заболеваний [Siegman, Smith, 1974]. Косенков Н. И. (1997, 2000) описал теорию нарушения функциональной асимметрии мозга, как этиологический фактор психосоматической патологии [Малкина-Пых, 2005: 10].

Перечисленные выше основные концепции психосоматической патологии сходятся в одном: социальная дезадаптация — является основной причиной возникновения психосоматических расстройств, что было освещено в работах, Бройтигама и др. (1999); Плоцца и др. (1996).

Теория совладания личности с трудными жизненными ситуациями возникла в психологии во второй половине XX в., как теория копинг была предложена американским психологом Абрахамом Маслоу. «Копинг» (от англ. to cope — справиться, совладать) — это когнитивные и поведенческие попытки справиться с определенными возникшими внешними ситуациями и внутренними требованиями. Копинг-поведение — форма поведения, отражающая готовность индивида решать жизненные проблемы, которые оцениваются человеком как напряжение или как неразрешимые. При выборе активных действий повышается вероятность человека победить стрессовую ситуацию. Формирование умения преодоления связано с «Я-концепцией», интернальным локусом контроля, эмпатией, способностью к межличностным связям. Совладающее поведение реализуется применением различных копинг-стратегий: избегание, разрешение, поиск поддержки на основе ресурсов личности и среды [Maslow, Frager, 1987] По Averill во время действия стрессора, личностью оценивается ситуация и

определяется её тип, как угрожающий или благоприятный. С этого момента формируется механизм защиты. Лазарус рассматривал эту защиту как способность личности осуществлять контроль над неблагоприятными ситуациями [Averill, 1982; Lazarus, 1991]. Механизмы защиты и совладания сложно разграничить. Считается, что психологическая защита представляет собой отказ личности от решения проблемы и поиск ею комфортного состояния, без предпринимаемых конкретных действий. Способы совладающего поведения подразумевают проявление конструктивной активности, проживание события, не уклоняясь от неприятностей. Психология совладания, является предметом изучения механизмов эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями [Либин, 1998].

Способы совладания зависят от индивидуально-психологических особенностей, от степени самоактуализации личности — чем выше уровень развития личности человека, тем успешнее он справляется с возникшими трудностями. Проблема поведения личности в экстремальных ситуациях изучалась отечественными авторами [Аршавский, Ротенберг, 1976; Фромм, 1992]. Некоторые работы посвящены изучению личности и жизненного пути, а также терапии супружеских конфликтов [Кочарян, 1994; Анцыферова, 1995]. За рубежом изучение психологии поведения в трудных ситуациях ведется в разных направлениях. Лазарус и Фолкмен выдвигают роль когнитивных конструктов, которые обуславливают способы реагирования на жизненные трудности. Коста и Маккрей выделяют значение влияния личностных качеств, на предпочтение индивидом стратегий поведения. Лер и Томэ анализируют сами трудные ситуации, и предлагают в зависимости от их содержания выбирать стили реагирования [Lazarus, Folkman, 1984; Costa, McCrae, 1992, Малкина-Пых, 2005].

Лазарус выделяет два типа реагирования на проблемную ситуацию: проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы и субъектно-ориентированный стиль, направленный на эмоциональное реагирование [Lazarus, Folkman, 1984]. Первый связан с созданием плана разрешения ситуации и его выполнением. При субъектно-ориентированном стиле реагирования не предпринимаются конкретные действия, проявляется попытка не думать о проблеме или вовлечь других в свои переживания. Также появляются деструктивные желания забыться во сне, утопить проблемы в алкоголе или заесть эмоциональные переживания вкусеньким. Данные формы поведения сопровождаются инфантильной оценкой происходящего. Английский психолог Д. Роджер в своем опроснике измерения coping styles выделяет четыре фактора — рациональное и эмоциональное реагирование, отстраненность и избегание [Rogers, Jarvis, 1992].

Многие авторы описывали стратегии поведения в конфликте, где особую роль играют темперамент и характерологические черты личности. Стратегия избегания связана с чувствительностью к несовпадению ожидаемого и полученного результата [Rusalov, 1989], с негативным отношением к себе и низким уровнем самоуправления [Пантелеев, 2003]. В. М. Русалов отмечал, что

стратегию сотрудничества предпочитают люди, характеризующиеся высокой предметной эргичностью, низкими показателями эмоциональности, внутренним локусом контроля и позитивным отношением к себе и другим [Rotter, 1969]. Для стратегии соперничества характерны высокий уровень эмоциональности в коммуникативной сфере и экстернальный локус контроля, 117 выраженное ожидание негативного отношения со стороны окружающих. Стратегия приспособления отличается самыми низкими показателями предметной и коммуникативной активности. Деиндивидуализация, «простота», недифференцированность «Я» образа [Малкина-Пых, 2005:25]. также способствует с большей долей вероятности реагирования на экстремальные, и кризисные ситуации соматическими и психическими расстройствами.

Авторы по-разному оценивают рассматривают значение ситуации в возникновении заболевания: как толчка к заболеванию до признания ее определяющей роли [Коржова, 2002]. Всеми авторами признаётся, что анализ личностных характеристик во взаимодействии со стрессовыми событиями, является одной из тенденций развития современной психологии [McFarlan , 1987; Соупе, 1987].

Адаптация, в отличие от простого приспособления, понимается как активное взаимодействие человека с социальной средой с целью достижения его оптимальных уровней по принципу гомеостаза и отличающегося относительной стабильностью. Проблема адаптации тесно связана с проблемой здоровья и стратегиями поведения в различных формах адаптации. На адаптационные возможности на разных уровнях бытия влияют качество жизни человека, его ощущение, восприятие, переживание и оценка собственной жизни и отношение к ней. Успешное разрешение проблемной жизненной ситуации зависит от адекватности оценки происходящего. Неадекватная и субъективная оценка неприятного события вызывает тяжелые последствия перенесенного стресса. Стили реагирования являются промежуточным звеном между стрессом и его последствиями в виде, тревожности, дискомфорта, соматических расстройств, сопутствующих защитному поведению. Успешность выбранного стиля реагирования зависит от адекватной оценки события, как угрожающего или нет [Либин, 1998; Либина, 2008]. Для совладающего стиля поведения характерны состояния душевного подъема и радости от успешного решения проблемы. Рациональная компетентность: предметная, коммуникативная направленность и рациональная саморегуляция представлены А. В. Либиной как формы совладающего поведения, а важность позитивной роли эмоций подчеркнула введением понятия эмоциональной компетентности [Либин, 1998; Либина, 2008].

Развивая теории развития личности и стили поведения, исследователи выделили структурные компоненты индивидуальности человека. Базовые характеристики: первая и вторая сигнальная система, свойства нервной системы и темперамент. Функциональные компоненты: «фокусинг» (focusing) при изучении психических процессов или «orientation» «attitude» при анализе личности, обозначающий особенности организации поведения и деятельности личности, в отечественной психологии соответственно «установка» и

«направленность личности» [Анохин, 1975; Rusalov, 1989; Малкина-Пых, 2005]. Классификация направленности личности по Неймарк: направленность на себя, на других и на дело.

Способность личности осуществлять оптимальную координацию между эмоциями и целенаправленным поведением, адекватная интегральная оценка человеком своего взаимодействия со средой, учет внешних и внутренних факторов, воздействующих на индивидуума в данной ситуации [Либин, 1998; Либина, 2008]. В. Н. Мясичев, внесший огромный вклад в развитие отечественной медицинской психологии, ввел концепцию психологии отношений, рассматривая личность как систему отношений.

Отношения — это сознательная, основанная на опыте избирательная связь человека с различными сторонами жизни, которая выражается в действиях, реакциях и переживаниях. Отношения выступают движущей силой личности, характеризуя степень интереса, силу эмоций, желаний, потребностей. Учение о психологических механизмах возникновения психосоматических расстройств, основанное на концепции психологии отношения, выявляет взаимосвязи неблагоприятной ситуации и личности больного, которая сформировалась в конкретной социально-бытовой среде [Вассерман, 1990; Карвасрский, 1999].

Синтез теорий возникновения психосоматических расстройств, адаптационных процессов личности к возникающим проблемным, кризисным и экстремальным условиям и типы психологического и эмоционального реагирования на психологические и соматические, ситуативные стрессовые факторы определяют методы и техники психологической помощи и психотерапевтического воздействия.

Основной задачей современной психосоматики является развитие и становление новых технологий, методов психологической помощи при психосоматических расстройствах. Также все более актуальным становятся вопросы оптимизации психоэмоционального и психофизиологического состояния, повышения адаптивных ресурсов организма в экстремальных условиях жизни. Исследование и развитие новых телесноориентированных методик с использованием информационных технологий, а также хорошо зарекомендовавших себя в лечении и профилактике психосоматических расстройств, не достаточно широко применяется в практике медицинской психологии и медицине. Требуется популяризация и дальнейшее научное обоснование применения данных новых методов для широких масс, в том числе, с использованием телемедицины. С развитием новой, сравнительно молодой науки — психосоматики, появляется возможность для сохранения здоровья большой численности населения. Психосоматические заболевания имеют большой вес среди медицинских диагнозов, поэтому развитие данного направления в структуре медицинской психологии, как и вопросов психопрофилактики, становится насущной проблемой. Как известно, заболевание легче предупредить, чем лечить, а коррекция психоэмоционального состояния на этапе донологического (предболезненного) состояния позволит во многих случаях избежать заболевания. Психосоматика, раскрывая причины

заболевания, являет многообразие методов и техник, позволяющих работать с человеком применяя целостный (холистический) подход.

В области психологической науки наблюдаются серьезные перемены, призывающие специалистов под другим углом рассматривать причины возникновения эмоциональных проблем и иначе подходить к их решению. Это говорит о вероятности создания новых методов оказания помощи тем, кто приходит в терапию.

Список литературы

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. /Пер. с англ. С. Могилевского. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 352 с. (Серия «Психология без границ»).
2. Алёхин А. Н. О предмете медицинской психологии. Исторический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 100. С. 87–96.
3. Анохин П. К Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. 447 с.
4. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, пре образование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–19.
5. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, психотерапия и их лечебное воздействие // Вест. знания. вып. 4. СПб., 1911. 364 с.
6. Бройтигам В., Кристиан П. Психосоматическая медицина: Кратк. учебн. / Пер с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенка; Предисл. В. Г. Остроглазова. М.: ГЭОТАР Медицина, 1999. 376 с.
7. Вассерман Л. И. О психологической диагностике типов отношения к болезни. В кн.: Психологическая диагностика отношения к болезни при нервнопсихической и соматической патологии, 1990. С. 8–16.
8. Волков В. Т. Личность пациента и болезнь. Томск. 1995, 328 с 119
9. Вольпе Д. Анализ индивидуальной динамики заболеваний при лечении депрессии // Эволюция психотерапии. Москва: НФ «Класс». 1998. Т. 2. С. 330–345.
10. Годфруа Ж. Что такое психология. Том 1. Пер. с франц. М.: Мир, 1992. 496 с.
11. Дюбуа П. Психоневрозы и их психическое лечение. СПб., 1912. 358 с.
12. Золотова Н. В. Научное наследие и жизненный путь Б. В. Зейгарник // Методология и история психологии. 2007. Том 2. № 2. С. 135–146.
13. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СанктПетербург: Питер, 1999. 752 с. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, изд-во «Союз», 2002. 334 с.

14. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
15. Кочарян Г. С., Кочарян А. С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. Монография. М.: Медицина, 1994. 224 с.
16. Кречмер Э. Строение тела и характера. Пер. с нем. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
17. Куэ Э. Сознательное самовнушение как путь к господству над собой: Методы, техники, практика. Амрита, Свет, 2017. 128 с.
18. Любан-Плоцца Б. Психосоматический больной на приеме у врача. СПб, 1996. 256 с.
19. Либин А. В. Стиль человека. Психологический анализ. М.: Смысл, 1998. 310 с.
20. Либина А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008. 400 с.
21. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 992 с.
22. Пантилеев, С. Р. Самоотношение. Психология самосознания : хрестоматия. Самара : Бахрах-М, 2003. 35 с.
23. Рудестам Кьелл Эрик. Групповая психотерапия. Психокоррекц. группы: теория и практика. Пер. с англ. Л. А. Петровской. 2-е изд. М. : Прогресс: Универс, 1993. 367 с.
24. Селье Г. Стресс без дистресса. Москва: Прогресс, 1979. 126 с.
25. Сороко С. И., Трубачев В. В. Нейрофизиологические и психофизиологические основы адаптивного биоуправления. СПб.: Политехника-сервис, 2010. 607 с.
26. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
27. Alexander, F. Analysis of the Therapeutic Factors in Psychoanalytic Treatment. *Psychoanalytic Quarterly*, 1950. Vol. 19. P. 482–500.
28. Averill J. R. Anger and aggression: an essay on emotion. New-York, SpringerVerlag, 1982. 125 p.
29. Cannon W. B. Bodily changes in pain, hunger, fear and rage. Appleton: NewYork, 1929. 334 p.
30. Costa P., McCrae F. Multiple uses for longitudinal personality data // *European Journal of Personality*. 1992. Vol. 6. P. 85–102. Coyne J. Personality and health in 1980th. *Psychosomatic medicine revisited?* // *J. Pers.*, 1987. Vol. 55 P. 254–268.
31. Dirks J. F., Robinson S. K., Dirks D. L. Alexithymia and the psychomaintenance of bronchial asthma // *Psychother. Psychosom.* 1981. Vol. 36. P. 63–71.
32. Dunbar F. Mind and body: Psychosomatic medicine. Random, New York, 1947. 235 p.

33. Freyberger H. J., Been P., Christodoulou G., Sensky T., Theorell T., Wise T. N. Diagnostic criteria for use in psychosomatic research // *Psychother Psychosom.* 1995. Vol. 6. P. 8–31. 120
34. Fineman S. *Unemployment: Personal & Social Consequence.* London: Tavistok, 1987. 325 p. Friedman M., Rosenman R. H. Association of specific overt behavior pattern with blood and cardiovascular findings // *J. Amer. Med. Ass.* 1959. Vol. 169. P. 26–42.
35. Irvine J., Garner D. M., Craig H. M., Logan A. G. Prevalence of Type A behavior in untreated hypertensive individuals // *Hypertension.* 1991. Vol. 18. P. 72–78.
36. Jacobson E. *Progressive relaxation.* 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 493 p.
37. Kadzin A. Methodology, design, and evaluation in psychotherapy research // *Handbook of psychotherapy and behavior change,* NY: Wiley, 1994. P 19–71
38. Kamiya J. Conscious control of brain wave // *Psychol.Today.* 1968. Vol. 1. P. 56–60.
39. Kauhanen J., Kaplan G. A., Cohen R. D. et al. Alexithymia may influence the diagnosis of coronary heart disease. *Psychosom Med,* 1994. Vol. 56. 237–244.
40. Lazarus A. A. (Ed.), *Multimodal Behavioral therapy,* New York: Springer, 1976. Vol. 130. p. 196–215. Lazarus, A. A. Tailoring the therapeutic relationship, or being an authentic chameleon. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training.* 1991. Vol. 30(3). P. 404–407.
41. Lazarus R., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping.* 1984. 456 p. McFarlane A. C. Life events and psychiatric disorder: The role of natural disaster // *British Journal of Psychiatry.* 1987. Vol 151. P. 362–367
42. Maslow A., Frager R. *Motivation and personality.* New York : Harper and Row, 1987. 260 p.
43. Mitscherlich A. *Society Without the Father: A Contribution to Social Psychology.* 1992. 329 p.
44. Rogers D., Jarvis G., Najarian, B. Detachment and Coping: The Construction and Validation of a New Scale for Measuring Coping Strategies. *Personality and Individual Differences.* 1993. Vol. 15. P. 619–626.
45. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied.* 1966. Vol, 80. P. 1–28.
46. Rusalov V. M. Motor and communicative aspects of human temperament: a new questionnaire of the structure of temperament. 1989. T. 10. C. 817–827.
47. Schur M. *The id and the regulatory principles of mental functioning,* International Universities Press, 1966. P. 256–287.
48. Siegman A. W., Smith T. W. *Anger, hostility and the heart.* Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 97–115.

49. Wiener, H. Ulcerative colitis. In: *Psychobiology and Human Disease* / H. Wiener. Elsevier, New York, 1977. Vol. 5. P. 406-424.

50. Weizsacker V. von Psychosomatische Medizin. *Verb. Dtsch. Ges. Inn. Med.*, 1949. P. 55-73

Карпов А. А.

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ДОКТРИН АНТРОПОПСИХИЗМА И АНИМАЛОПСИХИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Представлены материалы, направленные на решение задачи, состоящей в формулировке новых научных взглядов в отношении филогенетической эволюции психики и поведения представителей живой природы, не входящих в состав царства животных. Сформулированы положения о необходимости раскрытия принципов классического структурно-уровневого и метасистемного подходов в отношении этой проблематики. Показано, что их применение содействует преодолению доктрин антропопсихизма и анималопсихизма в сторону исследования психики и поведения представителей «неживотных» организмов: бактерий, архей, растений и др. С этих позиций обоснованы представления о целесообразности установления теоретико-методологических основ новых эволюционно-психологических направлений – биомикропсихизма и фитопсихизма.

Ключевые слова: эволюция психики, филогенез, структурно-уровневый подход, метасистемный подход, антропопсихизм, анималопсихизм, фитопсихизм, биомикропсихизм.

Abstract. The paper presents materials aimed at solving the problem of formulating new scientific views on the phylogenetic evolution of the psyche and behavior of representatives of living nature that are not part of the animal kingdom. The provisions on the need to disclose the principles of the classical structural-level and metasystem approaches in relation to this issue are formulated. It is shown that their use contributes to overcoming the doctrines of anthropopsychism and animalopsychism towards the study of the psyche and behavior of representatives of “non-animal” organisms: bacteria, archaea, plants, etc. From these positions, the ideas of the reasonability to establish the theoretical and methodological foundations of new evolutionary psychological directions – biomicropsychism and phytopsychism – are substantiated.

Key words: evolution of the psyche, phylogeny, structural-level approach, metasystem approach, anthropopsychism, animalopsychism, phytopsychism, biomicropsychism

Современное состояние проблемы эволюции психики очевидным образом обуславливает наличие необходимости в формулировке новых научных взглядов, которые по своему содержанию учитывали бы современное понимание предмета эволюционной психологии и смежных с ней дисциплин (сравнительной психологии, зоопсихологии, этологии и др.).

Установленные и описанные в цикле наших предыдущих работ [Карпов А. А., 2021а; Карпов А. А., 2021б; Карпов А. А., 2021в] закономерности и представленные на их основе главные положения *структурно-уровневого*

подхода, являются, по большому счету, во-первых, попыткой обобщения существующих к настоящему моменту несистематизированных взглядов в отношении изучаемой широчайшей проблематики а, во-вторых (и, полагаем, это главное), поиском направлений, благодаря которым будет преодолена доминирующая в современных работах *аналитическая* стадия изучения предмета исследований – эволюции психики в филогенезе. Иными словами, находящаяся на очевидно *претеоретической* фазе, проблема установления закономерностей организации эволюции психики нуждается, на наш взгляд, в переходе на новые – прогрессивные этапы. Отсюда не менее очевидно следует и то, что эта – аналитическая стадия рано или поздно, но вполне объективно должна быть дополнена, а затем и преобразована в иную – более совершенную в теоретическом отношении стадию – *системную*. Конечно, такая трансформация является задачей общего и, по существу, стратегического характера и она представляет собой, по всей видимости, единую перспективу развития данной проблемы [Карпов А. А., 2021в].

Вследствие этого, складываются определенные и вполне очевидные предпосылки для реализации перехода к «системоцентрической» парадигме разработки проблемы эволюции психики, что должно выступить необходимым средством для перевода этой проблемы на собственно концептуальную – теоретическую стадию ее развития. Одновременно с этим, важно учитывать, что системный подход в данном случае должен быть реализован не только и даже не столько в его традиционных – «классических» вариантах, а в его более современных и совершенных в эвристическом отношении разновидностях. Вследствие этого, полагаем, наиболее общим методологическим средством раскрытия основных особенностей является *метасистемный подход*. Подчеркнем также, что он уже был неоднократно реализован по отношению к целому ряду значимых предметов исследования – проблемы деятельности, сознания, индивидуальных качеств личности, мотивационной сферы личности в учебной деятельности, метакогнитивной регуляции управленческой деятельности [Карпов А. А., 2018; Карпов А. В., 2018; Карпов А. В., 2015; Карпов А. В., 2011; Карпова Е. В., 2006; Системогенез ..., 2017] и др. Он при этом дал весьма позитивные результаты, что позволяет прогнозировать его конструктивность и в отношении основных задач данного исследования. Именно в нем как раз и содержатся наиболее общие и, в то же время, специфицированные представления об общей стратегии организации ее исследования. Такой стратегией выступает гносеологический вариант данного подхода, предполагающий реализацию по отношению к предмету исследования вполне определенной исследовательской процедуры, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Он включает в себя ряд основных *гносеологических планов (этапов)*: метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный [Карпов А. В., 2018; Карпов А. В., 2015; Карпов А. В., 2011]. Реализация указанных этапов позволяет раскрыть предмет изучения (в данном случае – эволюцию психики в филогенезе) в полной совокупности его объективно основных

закономерностей – соответственно, онтологических, структурных, функциональных, генетических и интегративных, что в значительной степени содействует разработке целостных представлений о его содержании и принципах организации. Такая организация выступает в качестве комплексной стратегии исследования эволюции психики; она составляет основу всего ее исследования. Вследствие этого, полагаем, общее решение проблемы эволюции форм психики должно быть не только связано с основными принципами системной формы организации, но и, по всей видимости, базироваться на них. Отметим также, что в большинстве работ, включающих метасистемный подход в качестве концептуальной основы исследования, его процедура традиционно начинается именно с этого гносеологического плана (этапа). Таким образом, относительно центральной проблемы исследования была установлена и раскрыта структурно-уровневая организация филогенетической эволюции психики. Так, в работах [Карпов А. А., 2021а; Карпов А. А., 2021б; Карпов А. А., 2021в; Карпов А. А., 2023] было показано, что она организована на основе *структурно-уровневого* принципа и образует целостную иерархию, включающую семь основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный, а также два дополнительных, впервые эксплицированных уровня – гиперсистемный и субэлементный. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что эволюция психики не представляется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучалась преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов (по существу, – этапов, всесторонне описанных в работе [Карпов А. А., 2021в]), а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. Предложенное в работе решение проблемы структурно-уровневой организации филогенетической эволюции психики полностью соответствует тем представлениям, которые сложились к настоящему времени относительно универсального общесистемного критерия дифференциации основных уровней организации сложных и сверхсложных систем. Данный критерий включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации. В то же время, как было указано выше, высокая специфичность предмета исследования обуславливает экспликацию двух дополнительных уровней, образованных, соответственно, сверху и снизу представленной иерархии: субэлементного и гиперсистемного [Карпов А. А., 2021в; Карпов А. А., 2023]. Последний значительным образом расширяет «сферу действия» объекта исследования и предполагает включение в него не только представители царства животных (*Animalia*), но и максимально широкий диапазон видов живой природы. В связи с этим, акцент должен быть сделан именно на тех организмах, которые расположены за пределами этого таксона: бактериях (*Bacteria*), археях (*Archaea*), растениях (*Plantae*) и грибах (*Fungi*,

или *Mycota; Dykarya*). В наших предыдущих работах (главным образом, в [Карпов А. А., 2023]) были представлены и обоснованы положения о том, что их роль в формировании психического крайне велика, а формы поведения и варианты организации психики являются высоко диверсифицированными и многообразными.

Вместе с тем, одной из главных и, возможно, определяющих линий исследования эволюции психики в филогенезе и, в особенности, широчайшего диапазона «неживотных» организмов, является анализ уже сложившихся, а также формулировка новых доктринальных позиций в контексте рассмотрения психики и поведения как атрибута тех или иных видов живой природы. В силу этих причин, полагаем, следует вновь обратиться к оценке взглядов на *атрибутивность* свойства психики применительно к тем или иным объектам среды и описанию тенденций их постепенной смены в истории развития эволюционной и сравнительной психологии, зоопсихологии, этологии и других родственных областях.

Общеизвестно, что сложилось несколько подобных взглядов и отдельных авторских подходов, описывающих психику в качестве атрибута широкой совокупности материальных объектов живой и неживой природы. Более того, они сменяли друг друга по мере накопления знаний в психологии, биологии и иных науках, объектами которых выступает человек и/или другие представители живой природы. Кроме того, несомненно, эта тема не могла не отразиться и на формировании некоторых философских и философско-научных представлений. В ряде наших работ [Карпов А. А., 2021в; Карпов А. А., 2023] был высказан тезис о *полипредметном* и *полиобъектном* характере эволюционной психологии, что, решающим образом, определяет необходимость исследования всех без исключения представителей вначале царства животных, включая, разумеется, и человека, а в дальнейшем, и представителей других крупных таксономических групп, расположенных «за пределами» царства животных.

Необходимо особо подчеркнуть, что в этой связи, с еще большей остротой эксплицируется необходимость практически повсеместного применения «правила экономии» (канона Ллойда-Моргана) в исследованиях психики и поведения. Оно, как известно, гласит: «...то или иное действие ни в коем случае нельзя интерпретировать как результат проявления какой-либо высшей психической функции, если его можно объяснить на основе наличия у животного способности, занимающей более низкую ступень на психологической шкале» (цит. по [Morgan, 1908]). По всей видимости, сама по себе тонкая грань между человеком и «*non-human animals*» в отношении закономерностей психики и поведения допускает исследовательский уклон в сторону *антропоморфизма* и даже – *антропоцентризма*, описания паттернов поведения животных, а также особенностей их психической организации не просто и даже не столько в терминах психологии человека, но даже и с окончательными заключениями относительно наличия таковых у «*non-human animals*». Зачастую, конечно, это обусловлено некоторыми издержками в научно-исследовательской практике, вызванными особенностями

взаимодействия человека и, например, домашних животных, придания их поведенческим характеристикам исключительно «очеловечивающий» (антропоморфизирующий) характер. Отсюда проистекает масса «поразительных» и «уникальных» результатов исследований, значительная часть из которых является, к сожалению, следствием субъективизма их авторов, а правило К. Ллойда-Моргана следует, разумеется, рассматривать в качестве проявления механицистической научной ориентации в сравнительной психологии, зоопсихологии и смежных с ними отраслях.

В контексте постановки и рассмотрения вопроса об антропоморфизме, антропоцентризме, важности и необходимости взаимодополняющего изучения психики и поведения животных и человека, со всей очевидностью возникают и проблемы более широкого плана, касающиеся главным образом обозначенного видными представителями этологического направления как «эволюционное познание», – понятие, наиболее общее и указывающее на приоритет изучения психики и поведения животных непосредственно в связи с эволюционными преобразованиями как на уровне организмов так и на уровне психического [Карпов А. А., 2023].

Среди взглядов на психику как атрибутивное свойство объектов среды в разное время в качестве, своего рода, лидеров были те или иные точки зрения. Вместе с тем, часть из них сосуществует и сейчас, не испытывая при этом конкуренции, хотя и во многом, вступая в противоречие друг с другом.

Во-первых, речь в данном случае может идти о *панпсихизме*, согласно которому психикой обладает всякая материя. Это представление существует со времен древности, когда человеку было свойственно соотносить все живое с собственным существованием, отождествлять его с внешними объектами, что позволило обозначить и сделать предметом осмысления собственные психические свойства. Во-вторых, *антропоспихизм*, ставящий во главу угла положение о том, что только человек разумный (*Homo sapiens sapiens*) обладает психикой. В-третьих, *биоспихизм*, полагающий, что психикой обладает вся живая материя. В-четвертых, это *фитоспихизм*. Согласно этой точке зрения, психика есть у растений (*Plantae*) и всего живого. Основной характеристикой поведения является движение, присущее также растениям в форме неростового движения. Кроме этого, были предприняты попытки доказать существование интеллектуального поведения, эмоциональной сферы, социального поведения растений, наличие реакции на изменение отношения со стороны человека и др. [Мирошниченко, 2011; Карпов А. А., 2021в; Карпов А. А., 2023]. В данной связи, необходимо отметить, что несмотря на экзотичность подобной точки зрения, категория направленного движения по отношению к объектам внешней среды или, наоборот, от них, является основой для раскрытия механизмов кинезов и таксисов у низших животных и тропизмов у растений, а сам по себе вопрос о психике растений еще до конца не изучен, и это далее станет предметом исследований в данной работе. В-пятых, это также и *нейропсихизм*, рассматривающий вопрос о принадлежности психического лишь тем организмам, которые обладают нервной системой в той или иной степени своего развития. Вместе с тем,

подобная точка зрения противоречит основному принципу ведущей роли функции по отношению к органу (сначала появляется функция, а затем орган, ее обеспечивающий) и не в должной мере позволяет объяснить закономерность появления психики в эволюции и специфику ее содержания [Мирошниченко, 2011; Карпов А. А., 2023]. И наконец, в-шестых, *анималопсихизм*, имеющий в своей основе главный тезис, согласно которому психикой обладает не любая живая материя, а только ее высшее проявление – животное. В данной работе именно этот подход был избран нам в качестве рабочего и, в соответствии с этим, допускающего тезис о психике как *атрибутивном* свойстве всего диапазона представителей царства животных. Однако, в дальнейшем, в ходе применения более специфицированных средств методологического и прикладного плана стало очевидным, что и такая точка зрения может и должна быть преобразована, а исследования психики и поведения следует расширить в сторону других – «неживотных» представителей живой материи.

Возникновение проблемы атрибутивности психики, полагаем, вполне закономерным образом соответствует общей логике представлений о психике и ее *носителях*. Первенствовавшая весьма длительное время доктрина антропоцентризма, а также его менее радикального воплощения – антропоморфизма, – с неизбежностью была трансформирована в анималопсихизм. Более того, по мере накопления исследовательского материала выяснилось, что целый ряд проблемных областей, связанных с психикой и поведением человека, совершенно невозможно всецело описать и объяснить без использования данных о психике и поведении животных. Обращение к положениям зоопсихологии и применение сравнительно-психологического подхода вообще целесообразно рассматривать в качестве конструктивной основы для исследования психики человека. Иначе говоря, *через них* и *посредством них* поиск закономерностей, сложившихся в «человеческой психологии» становится гораздо более точным и полным. Таким образом, оказывается, что и антропоцентризм, и анималопсихизм не просто связаны неразрывно, но и определяют собой формирование единого, крупного, сильно растянутого во времени континуума общей филогенетической эволюции психики. Однако, очевидно, что доктрина анималопсихизма может и не завершать этот континуум, а напротив расширять свои рубежи в сторону других царств и доменов живой природы [Карпов А. А., 2023]. Здесь же важно отметить еще и тот факт, что даже в численном отношении доля представителей «неживотных» царств и доменов значительно выше, чем видов, относящихся к животным (*Animalia*). Разумеется, только лишь этим нельзя полностью подкрепить тезис о возможности и необходимости исследования форм организации психики и форм поведения у бактерий (*Bacteria*) и архей (*Archaea*), растений (*Plantae*), грибов (*Fungi*, или *Mycota*; *Dykarya*) и грибоподобных организмов, а также представителей видов, обладающих «промежуточным» таксономическим статусом. В данном случае, очевидно, необходим поиск более обоснованных критериев. К таковым, следует относить, к примеру, направленное движение,

психическое отражение объективной реальности, свойства чувствительности и раздражимости и др. Они, хотя и очень подробно и всесторонне описаны в литературе [Леонтьев, 1975], однако, не являются единственными «индикаторами» существования психического. Вместе с тем, конечно, нельзя не учитывать, в этой связи, и еще одного принципиально важного обстоятельства. Речь идет об объективной и ставшей уже давно пресловутой сложности определения и фиксации «границ» такого многомерного понятия как «психика». Полагаем, от того, какая из точек зрения относительно него будет избрана в качестве главной, будет зависеть и решение ключевого для рассматриваемой проблематики вопроса об атрибутивных характеристиках психики.

Таким образом, антропоцентризм и его менее радикальная разновидность – антропоморфизм постепенно модифицировались в новую конструктивную систему взглядов, которой, фактически лежит в основе классической и современной зоопсихологии, а также ряда смежных с ней областей, включая сравнительную психологию и этологию. Такая доктрина, повторяем, носит название анималопсихизма и используется длительное время в качестве главной и единственной в подавляющем большинстве научных школ и направлений. Однако вполне очевидно и то, что не принимать во внимание весь обширный диапазон форм поведения и организации психики представителей «неживотных» царств было бы не просто недопустимо, но ошибочно. В связи с этим, полагаем, к настоящему моменту сложились необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы указанные группы живых организмов стали объектом исследований в психологии, будучи также *носителями психики*.

Описанная ситуация закономерным образом приводит к формированию *фитопсихизма*, как целостной системы взглядов на психику и поведение как атрибутивные свойства представителей царства растений (*Plantae*). Вместе с тем, сам по себе фитопсихизм – явление, известное достаточно давно, и он много десятилетий «сосуществовал» с анималопсихизмом, хотя и практически не воспринимался всерьез.

Наконец, на «переднем крае» развития современных взглядов на проблему атрибутивности психики располагается такая совокупность представлений, которой вообще практически не уделяется внимания в психологии, но которая, одновременно с этим, выступает в качестве труднообозримой относительно собственного потенциала. Речь идет о формах организации психики и поведения бактерий (*Bacteria*) и архей (*Archaea*). При этом, как будет показано далее, целый ряд этих форм могут быть зафиксированы в виде комбинированных вариантов форм поведения животных (*Animalia*) и человека (*Homo sapiens sapiens*), с одной стороны, и растений (*Plantae*), грибов (*Fungi*, или *Mycota*), грибоподобных и иных организмов, с другой. Все выше сказанное позволяет заключить, что для обозначения совокупности представлений о психике и поведении бактерий и архей целесообразно использовать (хотя, во многом, и предварительно) термин, «*биомикрорпсихизм*» [Карпов А. А., 2023].

Подчеркнем также, что обращение к новой проблеме исследования психики и поведения не просто «неживотных» организмов, но и даже таких, которые не являются эукариотами (*Eukaryota*) позволит не только расширить «сферу действия» психологических наук и способствовать их конструктивному развитию, но и вновь «вернуться» к психике человека (*Homo sapiens sapiens*). Дело в том (и это будет показано далее), через исследование форм поведения и организации психики наиболее ранних живых организмов могут быть раскрыты закономерности функционирования психики человека и найдены ответы на целый ряд не решенных до настоящего времени вопросов. Таким образом, становится очевидной определенной рода «закольцованность» взглядов на психику как атрибутивное свойство живой материи – вначале, постепенное движение от человека к первоисточкам (наиболее древним живым организмам), а в дальнейшем, от них же, но в обратном направлении – снова к антропсихизму, однако в такой его вариации, которая, будучи обогащена данными об особенностях психики широкого конгломерата представителей живой природы, значительно отличается от своего исходного варианта

Подводя промежуточный итог, следует еще раз подчеркнуть, что общий ход развития взглядов на психику и поведение живой природы с неизбежностью способствовал постепенному и объективно закономерному отходу от практически повсеместно распространенной доктрины анималопсихизма к фитопсихизму и, в конечном итоге, к биомикрпсихизму, а следовательно, – постановке новых задач исследовательского плана, от конструктивности решения которых, в значительной мере, будет зависеть и эффективность дальнейшего прогресса во всей системе психологических наук, с одной стороны, и биологии, с другой.

Литература

1. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
2. Карпов А. А. Структурно-уровневый подход к проблеме филогенетической эволюции психики (статья первая) // Ярославский психологический вестник. № 2 (50), 2021. С. 40-50
3. Карпов А. А. Структурно-уровневый подход в исследовании филогенетической эволюции психики // Методология современной психологии / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова. № 13, 2021. С. 139-148.
4. Карпов А. А. Филогенетическая эволюция психики: в 2 томах. Ярославль: Филигрань, 2021.
5. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с
6. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти т., Москва: РАО, 2015.
7. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. Москва: РАО, 2011. 1080 с.

8. Карпова Е. В. Метасистемный анализ мотивации учебной деятельности в структуре личности // Сибирский психологический журнал, 2006. № 24. С. 59–64.
9. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 575 с.
10. Мирошниченко И. В. Зоопсихология. Конспект лекций. Москва: А-Приор, 2011. 144 с.
11. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд: в 4 т. Москва: Изд. дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017.
12. Morgan C. L. An introduction to comparative psychology (New ed., rev.). Walter Scott Publishing Co, 1903. 386 p.

Карпов А.В.

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В ПСИХОЛОГИИ⁴

Аннотация. Представлен теоретико-методологический анализ истории возникновения и развития проблемы субъективного времени в философии. Рассмотрен вклад в становление этой проблемы ряда крупнейших представителей философской мысли. Выявлены закономерности конвергенции развития представлений о субъективном времени в философии и психологии. Обоснована необходимость разработки данной проблемы на основе постнеклассического варианта принципа системности - метасистемного подхода

Ключевые слова: субъективное время, время, психика, темпоральность системный подход, принцип субстанциональной опосредованности

Annotation. The paper presents a theoretical and methodological analysis of the history of the emergence and development of the problem of subjective time in philosophy. The contribution of a number of the largest representatives of philosophical thought to the formation of this problem is considered. The patterns of convergence of the development of ideas about subjective time in philosophy and psychology are revealed. The necessity of developing this problem on the basis of a post-non-classical version of the principle of consistency - a metasystem approach is substantiated.

Key words: subjective time, time, psyche, temporality system approach, the principle of substantial mediation.

Категория времени в целом и проблематика субъективного времени, в частности, является одной из наиболее «нагруженных» философским наследием, а сама психология времени в наибольшей мере испытывает на себе значимое влияние собственно философских воззрений и является потому максимально философизированной. Она подробно рассматривается, например, в работах [1, 3, 4, 5, 7, 8, 20, 23, 25, 29, 30]. Более того, именно по

⁴ За основу данной статьи взята одна из глав монографии [15].

отношению к ней роль и значение тех результатов, которые получены в философии, не только сопоставима с результатами собственно психологически исследований, но в целом ряде случаев даже превосходит их. Это относится и к глубине полученных результатов, и к степени их обобщенности, и иногда даже к собственно содержательным параметрам, связанным с конкретными закономерностями субъективного времени. Важно и то, что эта связь философского уровня познания с психологией времени и его влияние на нее отнюдь не исчерпывается только так сказать историческим аспектом, связанным с тем, что первое во многом подготовило второе. Дело еще и в том, что оно продолжается и впоследствии – на всем протяжении его развития, обогащая его новыми обобщениями и концептуализациями и во многом определяя его общее видение в целом, равно как и направленность этих исследований. Философия времени – это отнюдь не только прошлое психологии времени и ее предпосылка, но и его настоящее и, возможно, будущее. Характерно и то, что такая связь очень многопланова и комплексна; она не может быть, в силу этого, проанализирована сколько-нибудь полно в одном, отдельном исследовании – в том числе, и в этом. Сознвая данное обстоятельство, необходимо, тем не менее, попытаться выявить наиболее общий смысл такого влияния и, главное, то, каким образом оно должно быть эксплицировано именно с позиций современного состояния этой проблемы и определения перспектив ее дальнейшей разработки.

В этих целях необходимо, по нашему мнению, из всего обширного и крайне разнородного спектра философских подходов и полученных в них результатов выделить те, которые являются, с одной стороны, наиболее *репрезентативными* для них, а с другой, – выступают наиболее *релевантными* собственно психологическому аспекту субъективного времени. Очень характерно и показательно, что при такой постановке проблемы сразу же и вполне непосредственно эксплицируется обстоятельство принципиального плана. Оно заключается в том, что именно те результаты философского характера, которые являются наиболее репрезентативными – важными и определяющими для него в целом, одновременно выступают и наиболее психологически-ориентированными – наполненными собственно психологическим смыслом и содержанием. Пожалуй, нигде более разработка философской проблематики не приводит столь непосредственно и настоятельно к необходимости обращения к собственно психологическому уровню познания, как в проблеме времени. Вместе с тем, мало где сама разработка конкретной психологической проблемы требует столь же широкой опоры на данные философского плана, как по отношению к проблеме времени. Именно в ней в наибольшей мере конвергируют два уровня познания – собственно философский и конкретно-научный (психологический). И именно поэтому результаты, соотносящиеся с философским уровнем, должны быть актуализированы и привлечены к решению задач конкретно-научного – психологического изучения данной проблемы. Яркой особенностью философии времени является то, что она приводит, в конечном итоге, к необходимости обращения в качестве основных и определяющих к таким

проблемам и аспектам данной проблемы, которые являются максимально психологизированными и выступают как атрибутивно психологические – причем, отнюдь не как рядовые, а как важнейшие и определяющие для психологии в целом. Более того, они непосредственно связаны с такими сферами и аспектами организации самого психического, которые также являются максимально обобщенными и синтетическими, эксплицирующими в себе психику в целом – в ее интегративных формах и модусах. Проявления и свидетельства этого многоплановы и широко известны; остановимся на некоторых – наиболее характерных из них.

Так, уже в работах И. Канта, с которыми, как отмечалось выше, вообще принято связывать начало разработки данной проблемы, она формулируется, фактически, в синтетическом и даже «пограничном» между этими двумя уровнями познания виде: она эксплицируется как столь же философская, сколько и психологическая [10]. Отнеся понятие времени к разряду априорных категорий, он, фактически, первым поставил вопрос фундаментальной важности, надолго определивший и продолжающий определять ее основу трудность и способы ее разработки. Либо время *отражается* субъектом, либо оно *порождается* им – причем, не абстрактно, а конкретными особенностями и закономерностями организации психики [10]. Следовательно, главным является именно вопрос о том, как особенности и закономерности организации самого субъекта и его психической организации детерминируют и возникновение времени, и его содержание, и все его атрибуты. Фактически, речь идет о том, что данная проблема как философская вообще не может быть не только решена, но и адекватно поставлена без ее связи с ее же разработкой, но уже как собственно психологической. Тем самым уже здесь намечается главный вектор ее разработки: поставленная как философская, она как только таковая не может быть разрешена. Это возможно лишь при условии ее трансформации в эпистемологическую, а затем и в собственно психологическую. Проблема субъективного времени, являющаяся конкретизацией философского уровня разработки проблемы времени, трансформируется в проблему раскрытия порождающей его сущности – самой психики. Как и почему эта структура обуславливает состав и содержание базовых «инструментов» ее функционирования – априорных категорий в целом и времени как одной из них – вот ключевой вопрос, который вытекает из специфики подхода И. Канта и который является столь же философским, сколько и психологическим. Он первым указал, что для обоснования возможности знания следует исходить из того, что не наши познавательные способности соответствуют миру, а мир должен сообразовываться с нашими способностями, чтобы вообще могло состояться познание. Иначе говоря, сознание не просто пассивно постигает мир как он есть на самом деле, но, скорее, наоборот, мир сообразуется с возможностями познания, а именно: разум является активным участником становления самого мира, данного нам в опыте. Опыт, по сути, есть синтез того чувственного содержания («материи»), которое дается миром (вещей в себе) и той субъективной формы, в которой эта материя («ощущения») постигается сознанием. Именно поэтому

И. Кант различает мир, как он есть сам по себе (то есть вне формирующей деятельности разума) – вещь-в-себе; и мир как он дан в явлении, то есть в опыте. «Следовательно, – писал И. Кант, – мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, и их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [10]. Так возникают трансцендентальные – находящиеся за пределами возможного опыта иллюзии. Но «источником трансцендентальной иллюзии является не рассудок, а разум. Иллюзия состоит в сверхопытном расширении рассудка, однако к этому расширению рассудок побуждается не сам собою, но повинувшись руководству и требованиям разума» [10].

Важнейшее значение имеет, по нашему мнению, и одно из наиболее общих положений учения И. Канта, состоящее в том, что человек относится к миру лишь принципиально опосредствуясь своими познавательными способностями и не может воспринимать мир так, как он существует. Законы и принципы рациональной и чувственно-созерцательной деятельности определяют, что человек может найти в природе. Это не значит, что он находит в природе такие законы, которые имеются до познания в разуме; но это значит, что субъективный фактор активно организует познание. Единство восприятий субъекта, созерцающего объект, обеспечивается единством внутреннего самосознания. Предметы опытного познания должны соотноситься с сознанием, нашими понятиями, которые не просто соответствуют предметам. Разум – это не зеркало, бесстрастно отражающее внешний мир, а устройство, которое активно берет из внешнего мира то, что в состоянии взять. Итак, если знание не получается в результате воздействия внешнего мира на человека (на его познавательные способности), то остается принять предположение о том, что знание есть результат воздействия познающего субъекта на внешний мир. Здесь следует иметь в виду, что многие вещи определяются привычкой, которая в определенный момент становится бессознательным регулятором поведения, включая познавательное отношение к миру; создается определенная традиция. Выход за ее пределы связан с тем, что и называет И. Кант революцией в способе научного мышления. В теории познания такой революцией было принятие точки зрения, что знание есть результат воздействия человека на внешний мир. Законы разума подчиняют природу, они, наряду с чувственностью, обуславливают то, что человек, следуя им, оказывается в состоянии взять у природы [10].

Эти положения легли в основу его учения о схематизме, смысл которого состоит в следующем. Схематизм – это понятие, введенное И. Кантом, для обозначения действия, обеспечивающего возможность применения категорий к опыту [10]. Поскольку категории – это чистые рассудочные понятия, а феномены опыта – эмпиричны, то надо найти между ними опосредствующее звено, позволяющее связывать одно с другим, то есть осуществлять синтез. Действие по его осуществлению он и обозначил схематизмом. «Схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» [10].

Согласно И. Канту, время есть форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния; время есть априорное формальное условие всех явлений вообще. Она не возникает из чувств, а предполагается ими. Последовательность идей в душе не порождает понятия времени, а только указывает на него. «Я не понимаю, что обозначает слово «после», если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно после другого есть то, что существует в разное время, так же как существовать совместно – значит существовать в одно и то же время» [10].

Время трактуется и в качестве продуктивной способности воображения, или трансцендентальной схемы как своеобразного аналога интеллектуальной интуиции. Схему продуктивного воображения И. Кант отличает от образа, производимого эмпирическим репродуктивным – воображением. Схема дает как бы наглядный образ построения предметности вообще, или, как говорит И. Кант, она «представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще» [239]. Схема – это образ понятия, а поскольку понятие, по И. Канту, есть не что иное, как чистая функция объединения, то время есть наглядный образ такого объединения, образ деятельности по объединению многообразия. Как она это делает, по мнению И. Канта, всегда останется скрытым от нас.

Время не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, не акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону. Отметим также, что во взглядах И. Канта содержатся предпосылки для собственно темпоральной трактовки субъективной репрезентации самого времени: время, есть созерцание (то есть процесс), а не понятие (то есть структура).

Важно и то, что именно время является необходимым условием для обретения всеми иными категориями их качества, для их «качествования». Этот важнейший момент его воззрений станет в дальнейшем предметом нашего специального рассмотрения, поскольку оно играет определяющую роль в понимании истинного смысла категории времени как в философии, так и в психологии. Причем, по отношению ко второй масштаб этой роли был предвосхищен именно И. Кантом, отмечавшим, что возможно создание даже своего рода *темпоральной теории* рассудка как синтеза базовых категорий познания, взятых в их временном аспекте.

Следует подчеркнуть, что время является также и формой внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Самосознание (равно как и сознание объекта) возможно только при определенной структуре упорядочения представлений. Для человека такой формой структуризации элементов внутреннего чувства, в котором он осознает себя как «я», «субъект» (относительно элементов – своих представлений), является время. «Внутреннее чувства есть определенная форма, при которой единственно возможно созерцание ее (души) внутреннего состояния, так что все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется во временных отношениях». «Время есть не что иное, как

субъективное условие, при котором единственно имеют место в нас созерцания». Осознавая себя как бытийствующих в мире, мы одновременно осознаем себя как погруженных во временное измерение. Время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект. Но если бы я сам или какое-нибудь другое существо могли созерцать меня без этого» [10].

То, что мы называем временем, таким образом, является всего лишь одним из способов полагания в сознании представлений, необходимого для конституирования самосознания, правда, способом, единственно известным нам, заключенным в границах своего познания. Представления чувственности заведомо имеют наряду со своей материей форму, которая для нас известна как время. Таким образом, очевидна глубинная связь воззрений И. Канта с фундаментальными понятиями психологии – сознанием, рефлексией, внутренним миром и др.

Итак, выше мы относительно подробно остановились на характеристике философских представлений И. Канта в силу того, что именно они, раскрывая новые грани самой категории качества, в то же время, имеют и существенное – причем, вполне непосредственное отношение к собственно психологической проблематике. Дело еще и в том, что в них данная категория органично включается в контекст очень общих – по существу, фундаментальных гносеологических проблем, раскрывается ее генезис, ее сущность, а также сфера и границы действия, равно как и определяющая роль в познании в целом, в том числе – и научном. Более того, в нем «красной нитью» проходит положение не только о зависимости, но и, фактически, о производности познания от базовых особенностей и закономерностей психической организации субъекта, о производности результатов и процесса познания (и даже самого познаваемого объекта) от познающего.

Далее, в плане тесной сопряженности развития проблемы времени в философии с важнейшими и наиболее интегративными феноменами и структурами психики очень показательны и те представления, которые разработаны в русле феноменологизма в целом и в работах Э. Гуссерля, в особенности [8]. Все они, взятые в своей совокупности, разумеется, выходят за пределы задач проводимого здесь анализа, тем более, что эта совокупность весьма обширна и комплексна как по содержанию, так и по степени гетерогенности. Однако наиболее специфичные из них именно по отношению к его основным задачам должны быть отмечены и зафиксированы. Так, при обращении к взглядам Э. Гуссерля обычно принято указывать на то главное и исходное положение, из которого вытекают все иные взгляды относительно сущности субъективного времени [8]. Оно состоит в единстве трех введенных им понятий – праимпрессии (*die Urimpression*), ретенции (*die Retention*) и протенции (*die Protention*). Исходить надлежит из первого чувственного впечатления, которое Э. Гуссерль называет праимпрессией. Праимпрессия соответствует временному теперь, настоящему моменту. За первыми праимпрессиями следуют дальнейшие. Согласно Э. Гуссерлю, в ряду праимпрессий образуется связь [8]. Ее можно было бы выразить обыденным

языком в формулах «пока еще присутствует», «только что прошло, но еще существует в сознании». В этих формулах проявляется трудность языковой фиксации того, что «теперь-момент» только что прошел, но в этом «только что» теперь-момент присутствует и впредь. Для описания соразмерных сознанию данностей Э. Гуссерль использует формулу «удерживающее еще-сознание» (*zurckhaltendes Noch-Bewusstsein*). В словах «только что» и «как раз-таки уже не...» артикулируется такое сознание, которое он, в конце концов, фиксирует понятием «ретенция». То, что в сознании ретенционально осаждается, одновременно просматривается в ожидании момента, тотчас же за данным теперь-моментом приходящего. Ретенциональное сознание делает возможной перспективу ожидания, которую Э. Гуссерль обозначает протенцией. Три эти момента в их взаимных связях Э. Гуссерль обозначает как «конкретное живое настоящее» (*konkrete Lebensgegenwart*), как «оригинальное временное поле» («*originres Zeifeld*»). Сознание постоянно соединяет теперь-момент с ретенциями и протенциями, их чего возникает временной ряд. Ретенция образует ретенциональную цепь, «континуальное друг-в-друга (*Ineinander*) ретенций». Ни восприятие, ни сознание вообще не могут быть редуцированы к одной фазе. Напротив, они находятся в постоянном изменении, в потоке сознания. Следовательно, необходимо исходить из того, что и первоначальное временное поле пребывает в постоянном изменении. Чтобы характеризовать его в отношении объекта восприятия, Э. Гуссерль говорит о «временном ореоле» (*Zeithof*), связанном с временным восприятием объекта [8]. Таким образом, порождение временного ряда и сознание, взятое в его процессуальности («поток») оказываются не просто взаимополагаемыми, но и взаимопорождающимися.

Аналогичную – основополагающую роль играет в его взглядах и другое базовое и столь же интегративное психологическое понятие – рефлексия. Это закономерно, поскольку она является единственно возможным методом феноменологического исследования сознания в целом. Рефлексивный метод является одновременно процедурой изучения сознания и свойством самого сознания [8]. Главное, согласно Э. Гуссерлю, состоит в том, что, необходимым условием возникновения самой рефлексии является именно временное протекание.

Иными словами, дескриптивное описание феноменологического поля сознания базируется на рефлексивной структуре сознания, которая неотъемлема от самого сознания. Феноменология это процедура схватывания и описание процесса схватывания одновременно. Феноменологическое сознание рефлексивно, и основанием этой рефлексии является именно временное протекание. В этом плане выделяет три уровня рефлексии, которые в дальнейшем Э. Гуссерль, так или иначе, дифференцирует в своих поздних работах (по [8]).

- Рефлексивность сознания как временного процесса осуществляется уже в самом акте удержания временного объекта, поскольку мы имеем дело с ретенциальным шлейфом восприятия.

- Рефлексивность сознания проявляется и в воспоминаниях. В каком-то смысле эта структура лучшим образом соответствует классическому определению рефлексии, основанному на этимологическом смысле слова *reflexio* как «обращение назад».

- В структуре сознания, имеющей двойную интенциональность, работает та же схема рефлексивности, поскольку поперечная интенциональность (*Querintentionalität*) сознания конституирует временной объект и обеспечивает синхронизацию актов сознания и имманентного временного объекта. Продольная же интенциональность (*Langintentionalität*) является гарантом идентичности самого сознания в различные временные моменты.

Итак, живое настоящее оказывается центральным моментом для анализа сознания времени и, как следствие, основным принципом рефлексивности сознания. Это достаточно абстрактное определение еще раз подчеркивает временную природу феноменологического сознания и связь его с рефлексией. Рефлексивность – основное свойство феноменологического восприятия, атрибутивно связанное с временной проблематикой. Более того, именно благодаря ретенциональному ряду как базе темпоральности сознание в целом и его процессуальная основа – рефлексивность во многом и конституируются, что в известном смысле требует рассматривать время как их определяющую детерминанту или даже основу. Однако, с другой стороны, и само сознание также является детерминантой порождения времени, поскольку его рефлексивная структура как раз и является обобщенным механизмом порождения субъективного времени. Фактически речь идет о том, что эти понятия (сознания, рефлексии, субъективного времени) вообще невозможно разделить, поскольку они образуют основные атрибуты феноменальности как таковой, выступающей, в свою очередь, основой для всего внутреннего мира личности.

Здесь прослеживается, хотя пока и в зачаточной форме, связь с очень важной закономерностью, лежащей в основе порождения субъективного времени – с его возникновением. Это необходимость своего рода *расщепления* актуального, как минимум, на два фрагмента – на то, что и образует некоторую ось (временную). Отметим, что аналог этого понятия предложен и П. Жане – понятие дискриминации, то есть, фактически, также расщепления [28]. Без него никакого течения, никакого континуума просто не может быть. Так и Э. Гуссерль дифференцирует два фрагмента, вводя понятия «только что» и «сейчас». К данному, повторяем, очень важному положению мы возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения. Показательно, что и у Ф. Brentano эта же мысль также представлена как дифференциация в восприятии мелодии «слушаемого» и «неслышаемого» в их взаимосвязи и синтезе [6].

Следует иметь в виду, что временная концепция Э. Гуссерля сформировалась под заметным влиянием именно взглядов Ф. Brentano, которые также показательны в плане связи философского понятия времени с психологической проблематикой [6]. Так, он, прибегая к излюбленному для исследователей времени примеру восприятия мелодии, указывает, что

целостное восприятие всего процесса или процессов (прослушивание музыкального произведения) возможно только потому, что осуществляется процесс взаимодействия пространственно-временного континуума в целом с сознанием. Существуют восприятия без наличия положительного объекта, поскольку отсутствие слышания очевидно, не является положительным объектом. Он отмечает, что «Когда мы обладаем представлением паузы и представлением продолжительности паузы, нам являются звуки, которые ограничивала пауза, с их различными временными определенностями; ведь каждый звук, явившись в качестве настоящего, еще некоторое время представляется в качестве прошедшего – прошедшего в большей или меньшей степени» [6]. Он вводит такие понятия, как «реакция на тишину», на продолжительность во времени «отрезка, если можно так сказать, самой тишины», или на факт ее наличия «особое восприятие неслышания», «процесс сращенности» психики человека со временем. Иными словами, организация психики в целом во многом лежит в основе конституирования субъективного времени. Отметим также, что в работах Ф. Brentano, по существу, впервые формулируется проблема, которая станет в дальнейшем предметом нашего специально рассмотрения – проблема «данности неданного», «восприятия не существующего» (актуального), сензитивности к тому, что отсутствует в стимуле непосредственно. Дело в том, что без попыток ее решения, фактически, очень трудно рассчитывать на сколько-нибудь полное объяснение феномена субъективного времени. Итак, можно видеть, что и в работах Ф. Brentano прослеживается та же атрибутивная связь и взаимопроизводность философских воззрений по проблеме времени с собственно психологической проблематикой в целом и исследованиям механизмов перцепции, в частности [99].

Если взгляды Ф. Brentano предшествовали формулировке временных представлений Э. Гуссерля, то творчество М. Хайдеггера, напротив, базировалось на них, поскольку он был его учеником. В плане задач проводимого здесь анализа необходимо подчеркнуть, что и у него прослеживается та же линия – установление связей временных понятий с максимально обобщенными понятиями и категориями как философии, так и психологии, причем, эксплицированная в явной форме. Дело в том, что главное положение его воззрений состоит во взаимоотношаемости времени и бытия вообще, а не только тех или иных его модусов, аспектов, сторон. Причем, речь идет о бытии в целом – как о внешнем, объективном, так и о внутреннем, субъективном. Бытие и время – это также бытие «внутреннего» и времени, что вновь фиксирует атрибутивную взаимоотношаемость времени и всего «присутствующего» (термин М. Хайдеггера) в нем, в том числе и «бытия внутреннего». Можно видеть, что и в главном труде М. Хайдеггера («Время и бытие» [25]), и в его взглядах в целом категория времени была предельно максимизирована, поскольку она выступила как акт бытия, являющегося, в свою очередь, именно максимально обобщенным понятием всей философии. Подчеркнем, что речь идет не о бытии в его онтологическом и, тем более, материалистическом смысле, а о нем как о категории экзистенциализма. В ней

оно, как известно, трактуется существенно более многопланово и включает сложнейшие взаимоотношения объективного и субъективного.

Очень показательна и наиболее общая логика развития всего подхода М. Хайдеггера к проблеме времени – последовательное сближение категории времени с предельно общей категорией бытия (что отражено и в названии его главного труда – «Время и бытие»). Вновь имеет место все та же направленность осмысления категории времени: это неразрывная сопряженность двух детерминационных отношений. С одной стороны, время выступает как «сращенное» с бытием, как производное от него и неотделимое – порожденное им. С другой стороны, оно же выступает и его условием, «рамкой» и формой – условием для него; благодаря ему, субстанция не просто «есть» – конституирует свое бытие, но и бытийствует – сохраняет это бытие, а потому и существует как онтологически представленная [25]. Очень показательна также, что все это вполне транспонируемо и на «иную онтологию» – онтологию самого психического. Она, равно как и онтология материального – объективного, также требует временной основы. В свою очередь, она выступает непреложным условием для его существования. Собственно говоря, именно это и отражено в рассмотренных выше подходах и, в особенности, в подходе феноменологического направления, с позиций которого психическое (то есть сама онтология субъективной реальности) существует только постольку, поскольку она рефлексивируется сознанием, имеющим, в свою очередь, атрибутивно временную природу.

Столь же общей является трактовка времени у другого выдающегося представителя экзистенциализма – Ж.-П. Сартра [23]. Он рассматривает время как структуру «бытия-для-себя», то есть, по сути, оперирует понятием психологического времени. Человеческая реальность («бытие-для-себя») непрерывно меняется, что дает возможность знать свое прошлое, видеть свое настоящее, полагать свое будущее. Это обуславливает единую длительность, целостность человеческой жизни, а отсюда и непрерывность времени. Из трех моментов время превращается в единство. Экзистенциальное исследование прошлого, настоящего и будущего показывает, что «для-себя» (настоящее) может существовать не иначе, как в форме времени. Появляясь в бытии как ничтожение «в-себе» (прошлое), настоящее конституируется одновременно во всех возможных измерениях ничтожения, оно является бытием, которое удерживается в себе самом только посредством течения, или, более точно – это бытие, которое, являясь, делает существующими все возможные измерения своего ничтожения (*néantisation*). Следовательно, временность нельзя определить как универсальное время, содержащее все существующие вещи, в частности, человеческую реальность. Она не является законом развития, но определяет единство внутренней структуры бытия. «Истинный смысл настоящего и, тем более, прошлого человека можно понять только с точки зрения будущего. Человек – это всегда выбор. Стояние перед лицом будущего и то, что человек – это всегда возможность, прежде всего, осуществляются в том, что человек всегда ощущает себя перед лицом выбора» [23].

По мнению другого выдающегося философа – А. Бергсона, прошлое не предопределяет настоящее, ибо человек самопроизвольно меняется в настоящем и потому свободен. Человеческий опыт он считал применимым ко всему живому [5]. Материалистическая схема приложима ко всему, что имеет протяжение в пространстве, однако имеется и другой важный аспект реальности – длительность. Задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. А. Бергсон писал: «Интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания, вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, и таким образом одновременностей, о которых нельзя даже сказать, что они следуют друг за другом объективно» [5]. Причем он различал «физическое время», которое имеет пространственное выражение, и длительность – «время сознания». Последнее содержит в себе развитие. События, которые создают его, неповторимы и потому время, понимаемое как единство прошлого, настоящего и будущего, попросту исчезает: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее есть неуловимое мгновение, которое поймать невозможно [1]. Это переживание времени А. Бергсон назвал длительностью. Проживаемое время, которое автор именовал термином *durée* (длительность), могло быть воспринято только интуитивно, причём его воздействие слишком трудноуловимо и объёмно, чтобы измерить его с помощью аналитических методов позитивизма. Длительность есть тот самый материал действительности, который находится в вечном становлении, никогда не являясь чем-то законченным. Концепция А. Бергсона, возрождавшая очень давние философские традиции трактовки времени (к примеру, представления о времени Августина), стала стимулом и для разработки этой проблемы другими философскими течениями, в том числе, феноменологией Э. Гуссерля, фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, католическим модернизмом. «Длительность, которая не является сменяющимися друг друга моментами, есть взаимопроникновение состояний сознания; они непротяженны и поэтому не могут быть расположены рядом друг с другом; они различаются не количественно, а качественно и потому не поддаются измерению и исчислению как материальные объекты» [5]. Длительность, а стало быть, жизнь имеет, по А. Бергсону не пространственный, а временной характер. Это «качественное», «живое» время радикально отличается от того понятия механическо-физического времени, которое, по мнению автора, возникает в результате разложения интеллектом длительности.

Итак, выше были рассмотрены некоторые основные и наиболее репрезентативные собственно философские концепции времени, равно как и взгляды относительно данной проблемы, сформулированные в русле более широких теоретико-философских представлений (экзистенциализма, феноменологизма). И хотя, разумеется, существующее философское наследие отнюдь не исчерпывается только рассмотренными подходами и концепциями, они все же позволяют с достаточно высокой степенью очевидности эксплицировать ряд положений, имеющих непосредственное и наиболее

принципиальное значение для собственно психологической разработки проблемы времени в целом и субъективного времени, в частности. Так, с высокой степенью рельефности выявляется то, что логика развития данной проблемы в русле философского познания последовательно и неуклонно приводит к необходимости обращения и к психологическим понятиям в целом, и к наиболее *общим* и фундаментальным из них, фиксирующие наиболее *интегративные* проявления и структуры, процессы и феномены психического. Очень показательными в данном отношении являются уже первые из сформулированных в этом плане представлений – концепция времени И. Канта. Ее основной смысл, равно как и вся гносеологию этого философа, базируется на понятии априорных категорий, которые, в свою очередь, предписывают необходимость решения следующего фундаментального вопроса. Тем самым, и общий подход И. Канта к разработке теории познания, и его взгляды относительно времени как одной из категорий объективно ставят целый ряд проблем как эпистемологического, так и психологического плана. Проблема времени, поставленная как философская, «движется» в направлении вначале эпистемологизации, а затем – и психологизации. В этом, собственно говоря, заключается и логика развития ряда иных важнейших категорий и положений (например, категории качества).

Далее, это движение имеет и другой – вполне определенный вектор. Оно состоит во включении в сферу рассмотрения именно наиболее *общих* и фундаментальных психологических понятий – таких, как сознание, рефлексия, идеальное, внутренний мир и др. Причем, это те понятия, которые фиксируют в себе именно наиболее интегративные «измерения» психического, его как целостность в полноте состава и содержания, структуры и функций. Характерно и то, что сама суть формулируемых при этом проблем также требует обращения к данным собственно психологического плана. Так, очень показательна в этом отношении уже главная их них и состоящая в следующем. Является ли время вообще некоторой действительно представленной сущностью – существует ли оно как реальность, или же носит сугубо формируемой психикой характер – выступает некоторой «идеей времени» и не существует вне и независимо от субъекта? Отражается ли оно им или порождается им? Объективно ли оно, существуя как первичная данность, или же оно субъективно, выступая определенной априорной схемой, вносящейся субъектом в реальность и упорядочивающей ее? Понятно, что все эти вопросы носят столь же гносеологический характер, сколько и имеют собственно психологическое содержание, поскольку они нерешаемы без раскрытия закономерностей структуры и организации психики в целом и ее когнитивных процессов, в частности.

Наряду с этим все вопросы такого рода приводят и к формулировке еще более общих проблем как философского, так и психологического характера. И главная из них состоит в том, какова вообще роль времени в конституировании психического и даже существует ли она как таковая? Действительно, с одной стороны, только благодаря «существованию во времени» – на основе

временной координаты сознание, равно как и репрезентированность в нем психики, становятся возможными – обретают, пусть и субъективную, но именно реальность, свое бытие. Данное положение отражено уже в самом термине – рефлексия, поскольку в его этимологии уже отражена идея времени: рефлексия – это, в том числе, *ре-флексия*, то есть нечто предполагающее ретроспекцию и, следовательно, обращенность в прошлое. Поэтому время выступает как то, что конституирует сознание, а через него и внутренний мир личности. Вместе с тем, только благодаря ему самому, время как таковое и порождается, становится также – хотя и субъективной, но все же реальностью. Налицо взаимопорождающие отношения между психическим в целом и сознанием, между рефлексией, идеальным, в частности, с одной стороны, и временем, с другой. Более того, в этом плане оно выступает как необходимое промежуточное звено между материальным (психикой в ее субстанциональном проявлении) и идеальным. Последнее генерируется на основе первого посредством его временной организации – «во времени» и на основе временной развертки. Сознание и психика в целом обретают онтологический статус только «во времени» и благодаря ему. Оно же само становится также реальностью лишь будучи репрезентированное сознанием, обретая статус идеального – идеи времени. Тем самым, фактически, время входит как необходимое звено в решение *основного* вопроса философии; оно лежит по ту сторону оппозиции материального и идеального, выступая «третьей сущностью», которая опосредствует их взаимопорождающие интенции и потенции.

Столь же велика и психологична роль времени в несколько ином и также важнейшем аспекте – собственно личностном. Дело в том, что именно в нем – *через* него, но уже как биографическое, личность в целом и ее основные атрибуты, в частности, складываются и формируются, обретая содержание и «самость», а личность в целом становится тем, чем она может быть – происходит процесс ее не только развития, но и самоактуализации. Наиболее полно это представлено в экзистенциалистских концепциях времени. Тем самым отмеченный выше фундаментальный вопрос обретает новое звучание: либо личность – продукт времени, либо оно само, но как биографическое – продукт личности, то есть нечто, конструируемое ей.

Далее, очень важно и то, что посредством понятия времени в целом и субъективного времени, в частности, реализуется обращенность философского познания именно к наиболее интегративным «измерениям» психического – сознанию, рефлексии, идеального и пр. В конечном счете, это обусловлено тем, что именно оно, точнее – *через* него и в нем наиболее явно и полно реализуются собственно интегративные функции и закономерности психики: оно в каждый момент его протекания репрезентирует и включает в себя не какой-либо аспект психического, а его всего – во всей полноте содержания и организации. Оно тем самым выступает как «верховный интегратор», посредством которого оно репрезентировано как абсолютное целое, как полносвязная система и пр. Разумеется, во всем этом есть немалая доля схематизации и даже метафоричности, поскольку интегративные

функции реализует не само время, а все то, что представлено – разворачивается в нем. Тем не менее, *синхрония* как атрибут времени является объективным условием для любых средств синтетического типа и, следовательно, для механизмов интеграции. Диахрония же как еще один временной атрибут является основой для темпоральности организации как объективной базы для процессуальной развертывания всей системы закономерностей организации психики.

Все отмеченные – очень явные и демонстративные особенности проблемы времени, характерные для ее философской разработки, свидетельствуют, по нашему мнению, и о некоторых иных – более имплицитных, но не менее значимых ее особенностях весьма общего плана. Первая из них как раз и состоит в том, что логика ее разработки в качестве философской приводит к необходимости включения в сферу исследования наиболее общих, максимально интегративных психологических понятий и, соответственно, той реальности, которая в них зафиксирована – сознания, рефлексии, внутреннего мира, онтологии психического, субъекта. Однако именно это означает, что столь же необходимым является и реализация в исследовательских целях такой методологии, которая была бы релевантна им – их максимально интегративному характеру, фиксации в них наиболее обобщенных и целостных «измерений» психического. Понятно, что в ее качестве, прежде всего, должна быть рассмотрена и реализована методологии системности, системный подход в целом. Кроме того, если просто не нарушать логику развертывания психологического познания практически во всех иных его сферах, а следовать ей, то и развертывание проблемы субъектного времени, как показано в предыдущем параграфе, также предполагает необходимость обращения к этому подходу.

Иными словами, все констатированные выше особенности проблемы времени как философской диктуют ту же необходимость, которая была констатирована в результате ее анализа как собственно психологической – необходимость ее разработки на основе системной методологии. Вместе с тем, при рассмотрении того, насколько эта необходимость оказалась реализованной и к каким конкретным результатам она привела в действительности, возникает ряд вопросов, требующих методологической рефлексии. Их сущность состоит в том, что и по отношению к этим понятиям (сознания, рефлексии, внутреннего мира), равно как по отношению ко многим иным теоретическим проблемам психологии, в последнее время наметился ощутимый спад – как в количественном плане, так и в плане глубины проводимых исследований. В итоге порождается определенный скепсис в отношении эвристических возможностей данного подхода. Другими словами, возникает тот же вопрос, к которому привела и логика развития данной проблемы в собственно психологическом плане. С одной стороны, проблема времени как философская на определенном этапе ее развития приводит к необходимости обращения к собственно системной методологии. Однако, с другой стороны, последняя по отношению к ней отнюдь не всегда оказывается конструктивной, не приводит к «прорывным» результатам и становится все

менее распространенной. С другой стороны, это входит во все более явное противоречие с атрибутивной природой самого предмета познания – с временем, а также с его максимально интегративным характером и его сопряженностью со столь же обобщенными структурами психического, зафиксированными в фундаментальных психологических понятиях. У данной ситуации существуют два способа объяснения. Либо системный подход, действительно, не является конструктивным средством ее разработки и не может рассматриваться как магистральное направление ее развития, то есть он как таковой исчерпал свои возможности. Либо же исчерпал себя не он сам, а те его версии, которые доминируют до сих пор и которые являются нередко упрощенными и недостаточно учитывающими многие современные данные, содержащиеся как в теории систем, так и целом ряде конкретных наук – в том числе, в психологии. Иными словами, исчерпал себя не он, а упрощенные представления о нем. Следовательно, возникает необходимость в его собственном развитии, в формулировке таких вариантов, которые бы преодолевали ограничения его канонических версий. Очень показательным, что именно к этому выводу привело проведенное в работе [15] рассмотрение проблемы времени и в собственно психологическом аспекте.

Наряду с этим, показательным и то, что аналогичная необходимость развития системной методологии уже была не только эксплицирована, но и реализована по отношению к некоторым важным психическим образованиям. Так, она была реализована по отношению к исследованию проблемы *сознания* в специальном цикле работ (см. обзор в [13]). Его основным итогом явилось то, что наиболее конструктивным методологическим средством разработки проблемы сознания является реализация не классических вариантов системного подхода, а одного из его постнеклассических вариантов – метасистемного подхода, характеристика которого также представлена в указанных работах. Аналогичным образом, эта необходимость была реализована и по отношению к еще одной фундаментальной проблеме – проблеме *деятельности* в целом и ее структурно-уровневой организации, в частности [12]. Иными словами, по отношению к проблеме субъективного времени формулируется та же задача, необходимость постановки и реализации которой констатирована по отношению к разработке многих иных проблем. Она состоит в необходимости качественной трансформации самой методологии системности, ее совершенствования и приведения к виду, более релевантному реальной сложности многих важнейших предметов психологического познания. По-видимому, эта же логика должна быть реализована и по отношению к проблеме субъективного времени.

Вторая и, пожалуй, еще более значимая, хотя и более имплицитная особенность данной проблемы, выявляющаяся на основе рассмотрения логики ее развития как философской, состоит в следующем. Как можно было видеть из результатов проведенного анализа, эта логика приводит к необходимости обращения к таким понятиям, которые носят не только максимально обобщенный характер, но и которые характеризуются определяющей общей чертой. Все они, так или иначе, в том или ином виде, аспекте и форме

сопряжены с тем, что в них фиксируется то, каким образом и в каких модусах психическое дано ему же самому – как оно саморепрезентируется и на основе чего и «в чем» оно обретает статус нескорой реальности. И рефлексия как процессуальное средство, и сознание как ее результативный эффект, и идеальное как базовый модус и того и другого, и внутренний мир как метафора самоданности всех их в целостности и единстве и пр. – все это средства фиксации определенной реальности – бытия психического. В них фиксируется именно это бытие в его качественной определенности – как нечто феноменологически данное, обретшее самость посредством рефлексивных механизмов и эксплицированное как содержание сознания. Иными словами, это – именно то, что и составляет по отношению к психическому его «бытие-для-себя», его подлинную онтологию – его, хотя и субъективную, но именно реальность, взятую в ее качественной определенности. Само же понятие субъективной реальности как этой онтологии лучше и полнее всего отражает всю совокупность тех понятий, к которым приводит развитие проблемы времени как философской – прежде всего, сознания и рефлексии. Действительно, при максимально обобщенном взгляде на содержание и характер тех понятий, к которым приводит логика развития проблемы субъективного времени, можно видеть, что этими понятиями выступают, фактически, те или иные экспликации и модусы некоторой *базовой* сущности, лежавшей в их основе и проявляющейся в них. Этой сущностью и является, собственно говоря, психика в целом, но взятая не в тех или иных ее гносеологических идеализациях и теоретических концептуализациях, а в ее онтологическом статусе – в том, что она представляет собой именно как, хотя и субъективная, но все же именно реальность.

В свою очередь, эта реальность может конституироваться лишь будучи презентированной субъекту, то есть как данная ему, а иначе говоря, – как базирующаяся на фундаментальном и все еще сохраняющим свою загадочность свойстве самосензитивности психики – чувствительности к самой себе. Собственно говоря, именно она – субъективная реальность и составляет истинный предмет психологии – предмет не того, что обозначается в последнее время как «психология психологов» (то есть не те или иные гносеологические экспликации психики, даваемые исследователями), а предмет «психологии человека». Для обозначения этой базовой – корневой, сущностной основы, то есть для терминологической фиксации субъективной реальности сложилось, как известно, достаточно большое количество понятий. Это, в частности, понятия внутреннего мира, чувственной ткани сознания, онтологии психического, души, мира внутренней жизни, картины мира, образа мира, содержания сознания и др. (см. обзор в [14]). При всем очень высоком уровне обобщенности этих понятий, а также при наличии многих важнейших особенностей и качеств у обозначаемых ими сущностей, они обладают двумя общими – базовыми и во многом определяющими атрибутами. Во-первых, это атрибут их непосредственной *данности* субъекту, причем, такой, которая не только не требует никаких дополнительных – так сказать вспомогательных средств для того, чтобы стать «реальностью-для-

субъекта», но и такой, которая, собственно говоря, сама и является этой реальностью. Во-вторых, и в значительной мере – в связи с первым атрибутом, эта реальность не просто и не только дана субъекту, но она и столь же непосредственно ощущается им – *чувствуется* им. Иначе говоря, она обладает еще и непосредственной чувственной данностью, причем не просто обладает, но и во многом также является ей. Другими словами, она как раз и является тем, что обеспечивается фундаментальным свойством психики в целом – свойством ее сензитивности к самой себе, то есть самосензитивности. Фактически, эти два атрибута, наряду, естественно, с иными свойствами, как раз и обеспечивают то, что именно субъективная реальность во многом выступает не только основой Я, но и самим Я. Они конституируют то, в чем личности репрезентируется она сама и ее внутренний мир; более того, – что ее порождает, то есть чем она фактически и является. Перефразируя известное выражение М. Монтеня, можно сказать, что субъективная реальность – это «и есть мы сами»⁵. В связи со всем этим, собственно говоря, и эксплицируется важнейшая – по существу, фундаментальная значимость исследования субъективной реальности, а также раскрытия и объяснения тех закономерностей и механизмов, которые лежат как в ее основе. Они обеспечивают ее определяющую роль и во всех иных – также важнейших, но все же производных модусах общего предмета психологических исследований.

Другими словами, речь идет и о том, чтобы попытаться выявить и проинтерпретировать базовые атрибуты (и детерминанты, их конституирующие) этой реальности, то есть о том, чтобы эксплицировать ее в присущей ей качественной определенности. Именно она – эта определенность и, соответственно, образующие ее базовые типы качеств и должны поэтому стать предметом специального и по возможности детализированного анализа. В связи со всем этим эксплицируется важнейшая – по существу, фундаментальная значимость исследования этой реальности. Фактически, речь идет и о том, чтобы попытаться выявить и проинтерпретировать базовые атрибуты (и конституирующие их детерминанты) этой реальности, то есть о том, чтобы эксплицировать ее в присущей ей *качественной определенности*. Именно она – эта определенность и, соответственно, образующие ее базовые типы качеств должны быть поэтому предметом специального углубленного рассмотрения.

Значимость этого связана еще и с тем, что в русле самого традиционного системного подхода парадоксальным образом пока наименее развитым остается именно тот его аспект, который выступает объективно наиболее важным для раскрытия того основного, что есть в предмете – его качественной определенности. Как известно, он рассматривается в этой методологии как завершающий этап общего алгоритма системного исследования и

⁵ Хотя в оригинале эта мысль М. Монтеня формулируется несколько иначе («Мышление – это и есть мы сами» [22]), принципиальный смысл данного выражения не меняется, поскольку, как известно, сам термин мышления использовался им в очень обобщенном, широком плане – фактически, как эквивалент сознания и даже содержания психического.

обозначаемый понятием интегративного этапа. При его реализации, однако, главным и, фактически, единственным предметом изучения выступает лишь один из типов качеств – *системные* качества, интегративные свойства предмета. Другие же их типы – в особенности те новые, которые установлены в метасистемном подходе – виртуальные и метасистемные качества, практически не включаются в сферу изучения. Разумеется, эта ситуация должна быть преодолена, что вновь выводит на первый план необходимость обращения к категории *качества*. Причем, она должна быть взята не только в одном из его типов, а во всей их реальной, онтологически представленной комплексности и многомерности, а за счет этого существенно расширены интерпретационные возможности и гносеологический потенциал категории качества в целом.

Иначе говоря, логика ее развития приводит к необходимости первоочередного рассмотрения природы и сущности, структуры и содержания именно субъективной реальности как подлинной онтологии психического. Причем, она очень специфична именно как онтология: как таковая – как нечто объективированное она может существовать, только будучи максимально субъективированной. Она обретает онтологический статус и эксплицируется объективно только за счет ее субъективизации. Несколько упрощая, можно сказать, что она объективна (онтологична) только постольку, поскольку она субъективна.

Разумеется, необходимость в такой логике дальнейшего развития проблемы субъективного времени еще более усложняет ее, хотя, поверяем, и является подготовленной всем предшествующим ее развитием. Вместе с тем, характерно и то, что именно при такой ее постановке обнаруживаются и некоторые – существенные средства, способствующие ее разработке. Причем, очень показательным и то, где именно они содержатся и что именно выступает в их качестве. Действительно, все базовые понятия, к необходимости включения которых в разработку проблемы времени привела логика ее развития, характеризуются важнейшей атрибутивной чертой. В них отражено базовое и наиболее фундаментальное, а одновременно и наиболее специфическое свойство психического – свойство самосензитивности, самоданности. Это свойство, благодаря которому она обретает способность к саморепрезентации, к отображению ей своего же собственного содержания. И рефлексия, и сознание, и внутренний мир, и субъективная реальность – это всегда «удвоенная реальность», то есть и определенное содержание, и нескорое новое содержание, в которое оно же, но как исходное включено как его компонент. Однако, известно и то, что все это – «удвоение», саморепрезентация, отображение и пр. может быть реализовано только в том случае, если в них представлены достаточные для осуществления этого операционные средства. Это средства, имеющие познавательную направленность, но не внешнюю, а внутреннюю. Иными словами, это то, что реализует не познание, а самопознание.

Вместе с тем, столь несложное, но важное следствие предписывает постановку достаточно «наивного» вопроса: что именно выступает

основным из такого рода средств? Что именно является так сказать базовым инструментом такого самопознания – причем, средством максимально обобщенным – настолько, что оно имеет не только психологическое содержание, но и философский смысл. Несмотря на, казалось бы, абстрактность постановки этого вопроса, он, в действительности, имеет вполне конкретный характер и даже определенный, известный в гносеологии вариант решения. В самом деле, как известно из гносеологии, основным средовом познания выступает *категория качества*. Это – базовое гносеологическое понятие, имея давнюю историю, фактически, совпадающую по времени с историей развития познания в целом, характеризуется и максимально высоким уровнем обобщенности, а соответственно, сложности и комплексности (см. обзор в [14]). Именно этим, то есть высочайшей степенью сложности данной категории – степенью, истинные масштабы которой поняты и осознаны пока еще не в полной степени, объясняется, на наш взгляд, та ситуация, которая сложилась относительно нее в настоящее время. Она характеризуется тем, что до сих пор данная категория – и на уровне философского, и на уровне конкретно-научного (в том числе, и психологического) познания остается все еще явно недостаточно раскрытой и реализованной. Более того, складывается такое ощущение, что степень сложности категории качества как понятийного средства познания все еще намного превышает возможности самого познания, реализуемого в отношении нее. В итоге всего этого эксплицируется обстоятельство наиболее принципиального плана, которое в свое время удачно сформулировал В.П. Кузьмин, и которое было предметом нашего комплексного анализа в [14]. Оно состоит в том, что категория качества остается до сих пор «едва ли не самой бедной в содержательном отношении» [17].

Итак, тем самым на первый план – причем, вполне закономерным и естественным образом выходит общая гносеологическая категория качества. Она, как известно, играет не просто важнейшую, но, по существу, определяющую роль и в гносеологии в целом, и в конкретно-научном познании, в том числе – и в психологическом. Подчеркнем еще раз, что она вообще рассматривается как основная «единица познания». Это совершенно оправданно, поскольку, как гласят общепризнанные определения качества, оно является тем, «благодаря чему нечто становится тем, чем оно является»; качество – «тождественная со своим бытием сущность» [7]. Все это как раз и указывает на нерасторжимую связь и взаимопологаемость исследования субъективной реальности как подлинной онтологии психического и категории качества как главного гносеологического средства. Раскрытие субъективной реальности в ее подлинном и «корневом» – онтологическом статусе, фактически, равнозначно выявлению ее качественной определенности, а она, в свою очередь, может быть установлена лишь на основе базовой категории качества. Тем самым, со всей очевидностью эксплицируется важнейшая, определяющая роль категории качества как базой для раскрытия механизмов конституирования субъективной реальности, а также ее экспликации как такой самому ее носителю – субъекту.

Все это обязывает учитывать также явную и очень глубинную – фактически, сущностную взаимосвязь онтологического плана исследования, равно как и самого понятия онтологии, с базовой общенаучной категорией качества. Раскрытие онтологических оснований любого предмета как своего рода терминальные аспекты изучения, направлен на выявление его, так сказать, «основы основ» – тех объективно представленных и определяющих его характеристик, которые эксплицируют его сущностные черты. Известно, однако, что именно категория качества и является средством, фиксирующим черты именно такого рода – сущностные характеристики, составляющие качественную определенность любого предмета исследования. Именно она это и есть та сущность, раскрытие которой, собственно говоря, и является главной целью исследования любого фрагмента объективной реальности (и субъективной тоже). Как уже отмечалось, качество это и есть «тождественная со своим бытием определенность». К сожалению, до сих пор глубинная и, по существу, атрибутивная взаимосвязь и даже взаимополагаемость онтологического плана исследования и категории качества осознается, а тем более – реализуется в исследовательской практике явно недостаточно. Если в философском отношении эта связь в общем плане все же зафиксирована как определенный методологический императив, то по отношению к психологическим исследованиям дело обстоит совершенно иначе. Постановка и разработка проблемы онтологии психического до настоящего времени вообще пока, фактически, не сопряжена ни с категорией качества, ни с методологией качественного анализа. Онтологический план исследования как таковой обходит стороной данную категорию. Представленные в психологических исследованиях попытки его реализации по отношению к тем или иным проблемам осуществляются вне должной связи с этой категорией. Данная ситуация является, конечно, не вполне естественной и даже труднообъяснимой с гносеологической точки зрения; она, разумеется, должна быть каким-либо образом преодолена. Для этого в содержание онтологического плана исследования и должна быть обязательно включена категория качества. Более того, она должна выступить одним из базовых средств реализации онтологического плана психологических исследований.

Другими словами, онтологический план как один из важнейших должен быть синтезирован с соответствующей его рангу (то есть значимости и степени обобщенности) методологией – с методологией *качественного анализа*. Причем, она должна быть реализована в том варианте, который наиболее полно соответствует современным представлениям в этой области. Данный вариант был обозначен нами как интегративно-поликачественный и подробно обоснован в ряде предшествующих работ (см. обзор в [14]). Напомним, что он базируется на двух основных положениях методологического плана. Во-первых, на том, что качественная определенность любого предмета исследования решающим образом детерминируется его наиболее обобщенными, то есть интегративными характеристиками и, соответственно, аналогичными по природе феноменами и эффектами, механизмами и закономерностями – интегративными,

синергетическими. Во-вторых, – на том, что обязательным условием раскрытия качественной определенности является опора не только на выявление традиционно используемых в этих целях качеств – системных, а на все их реально существующие типы, взятые в их взаимосвязи. Раскрытие качественной картины психического, то есть того, что и составляет его качественную определенность, невозможно без обращения к тому, в чем эта определенность и состоит – к его базовым качествам.

Итак, можно констатировать, действительно, основополагающую и пока слабо реализованную в плане ее использовании по отношению к экспликации субъективной реальности роль категории качества. В свою очередь, это требует определения тех методологических средств, на основе которого эта роль может быть адекватно раскрыта и объяснена. И именно при такой постановке проблемы выявляется наиболее принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что в ее роли не только может, но и должна выступить не какая-либо новая методология – тем более, специально сконструированная в этих целях и потому не вполне органичная и втекающая их естественной логики развития данной проблемы. Ей, по нашему мнению, должна быть такая методология, которая не только уже существует, но со всей очевидностью уже была эксплицирована по отношению к иным общепсихологическим проблемам – методология *качественного анализа*, но с условием ее развития и модификации. Действительно, как хорошо известно – правда, лишь в общем плане, сам системный подход является частным случаем еще более общей методологии качественного анализа. Она, в свою очередь, не только и не просто базируется на категории качества, но и фактически является формой и обобщенным способом реализации того гносеологического потенциала, который заложен в ней. Следовательно, и в этом плане со всей очевидностью и остротой вновь эксплицируется настоятельная необходимость обращения к категории качества в целом и к ее реализации по отношению к психологической проблематике, в частности.

Все сказанное вновь выдвигает на первый план – причем, вполне закономерным и естественным образом общегносеологическую категорию качества. Она, как отмечалось, играет не просто важнейшую, но, по существу, определяющую роль и в гносеологии в целом, и по отношению к уровню конкретно-научного познания, в том числе, психологического. Известно и то, что она вообще рассматривается как основная «единица» познания, что совершенно оправданно, поскольку качества, это то, «благодаря чему нечто является тем, что оно есть» [17]. Все это как раз и указывает на нерасторжимую связь и, более того, взаимопологаемость исследования субъективной реальности как подлинной онтологии психического и категории качества. Раскрыть субъективную реальность в ее подлинном и «корневом», то есть онтологическом статусе означает выявить ее качественную определенность. Однако она, в свою очередь, может быть установлена лишь на основе базовой категории качества. Таким образом, можно видеть, что три важнейшие категории – субъективной реальности, качества и системности, фактически, синтезируются воедино. Они стягиваются в один проблемный

«узел», а тем самым, получают потенциальную возможность выступать и как объяснительные средства по отношению друг к другу.

Следовательно, важнейшим направлением совершенствования и углубления самого системного подхода должно выступить первоочередное изучение категории качества, равно как и их основных разновидностей, а также выявления его эвристического потенциала по отношению к раскрытию структуры и сущности субъективной реальности.

Литература

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонийского Москва: Ренессанс, 1991. – 486 с.
2. Антропов В. В. Этика и религия в философии Людвиг Фейербаха // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 1. С. 98-117.
3. Аристотель. Категории. Минск: Литература, 1998. – 392 с.
4. Аскин Я.Ф. Проблема времени и ее философское истолкование. Москва, 1976. – 200 с.
5. Бергсон А. Время и свобода воли. Москва, 1911. – 238 с.
6. Brentano Ф. Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
7. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Москва: Мысль, 1977. Т.3. Философия духа. – 471 с.
8. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Москва, 1994. – 162 с.
9. Гюйо Ж-М. Происхождение идеи времени. СПб.: Т-во «Знание», 1989. – 140 с.
10. Кант И. Собрание сочинений. Т.6. Москва: Наука, 1994. – 612 с.
11. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
12. Карпов А.В. Психология деятельности. В 5 т. Москва: Изд. дом РАО, 2015.
13. Карпов А.В. Психология сознания: метасистемный подход. Москва: Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
14. Карпов А.В. Структура и сущность субъективной реальности: В 2 томах Москва: РАО, 2021.
15. Карпов А.В. Психика и время. В 2-х т. Москва: РАО, 2023.
16. Карпова Е.В., Роговин М.С. Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени // Вопросы психологии, 1985. №3. С. 98-108.
17. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. Москва: Политиздат, 1984. – 464 с.
18. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1992. – 412 с.
19. Михальский А.В. Психология времени (хронопсихология): Учебное пособие. Москва: МПГУ, 2016. – 72 с.

20. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. Москва: Высшая школа, 1998. – 144 с.
21. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. Москва: Наука, 1977. – 192 с.
22. Монтень М. Опыты. Москва: Искусство, 1978. – 703 с.
23. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. Москва: Республика, 2000. – 638 с.
24. Уитроу Дж. Естественная философия времени. Москва: Прогресс, 1964. – 302 с.
25. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. – 447 с.
26. Хокинг С. Краткая история времени. АСТ, 2019. – 320 с.
27. Fraisse P. Psychologie du temps. Paris: Pres. Univ. France, 1957. – 326 p.
28. Janét P. L'évolution de la memoir et le notion de temp. Paris, 1928. – 400 p.
29. Philosophy of Time. A Collection of Essays., Ed. by R.M. Gale, London Melbourne, 1968. – 525 p.
30. Power S. E. Philosophy of time: A contemporary introduction. Routledge, 2021. – 310 p.
31. Riggs G. Philosophy in a Time of Pandemic, 2020. – 355 p

Кашапов М.М.

ОСОБЕННОСТИ РЕСУРСНОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНОЙ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 24-28-00518), <https://rscf.ru/project/24-28-00518/>

Аннотация. В статье обосновывается ведущая роль мышления в процессе становления конструктивной конфликтной компетентности. Автором разработаны критериальные показатели, описываемые в контексте межличностного взаимодействия, как возможные параметры оценки полноты профессионального мышления субъекта деятельности. Представленная концепция творческого профессионального мышления может быть рассмотрена в качестве когнитивного ресурса конструктивной конфликтной компетентности субъекта.

Ключевые слова: ресурс, мышление, профессионализация, субъект, взаимодействие, конфликт, компетентность

Abstract. The article substantiates the leading role of thinking in the process of formation of constructive conflict competence. The author has developed criterion indicators described in the context of interpersonal interaction as possible parameters for assessing the completeness of the professional thinking of the subject of activity. The presented concept of creative professional thinking can be

considered as a cognitive resource of constructive conflict competence of the subject.

Key words: resource, thinking, professionalization, subject, interaction, conflict, competence

Рассмотрение особенностей ресурсного мышления в качестве основы конструктивной конфликтной компетентности целесообразно осуществлять с разных сторон и в контексте выполнения разнообразных видов профессиональной деятельности, ибо разрешение межличностного конфликта связано с пониманием специфики возникшего противоречия, с выявлением условий и динамики его развития. Особое внимание в выявлении когнитивных ресурсных зон уделяется позиции субъекта.

Так, в условиях психологического консультирования выделяются следующие цели реализации ресурсов: а) коррекция позиции клиента — его поведения и видения, при этом клиент пользуется консультантом как внешним ресурсом коррекции; в этом случае психологическое консультирование выступает как психокоррекция; б) трансформация позиции клиента — его поведения и видения, при этом используются внутренние ресурсы самого клиента; в этом случае психологическое консультирование выступает как психопрактика [Орлов, Орлова, Пермогорский, 2012].

Успешная реализация внутренних ресурсов обеспечивается направленностью, интенцией мышления субъекта на более глубокий уровень осмысления происходящего. Данный уровень характеризуется нахождением новых смыслов в познаваемой и преобразуемой проблемной ситуации с острым конфликтным содержанием. Важно найти тот смысл, который станет ресурсной основой, своего рода духовной опорой, необходимой для разрешения противоречия как основного «жала конфликта».

В связи с этим особый интерес представляет субъектно-ресурсный подход Н.Е. Водопьяновой, поскольку в его рамках психологические ресурсы рассматриваются как возможности регуляции психики, как эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям. В соответствии с точкой зрения автора «ресурсная база противодействия» психическому выгоранию представляет собой сложное структурно-уровневое образование психологических ресурсов разных уровней и систем регуляции: ресурсов профессионально-личностного развития, ресурсов сохранения (устойчивости) к профессиональным трудностям и ресурсов преодоления профессиональных трудностей [Водопьянова, 2011]. Возможно, внутренние ресурсы специалиста в условиях психического выгорания активируются для «борьбы», в неконструктивном отстаивании себя и своих интересов, обвинении других. Следовательно, в таких случаях мера интегрированности ресурсов связана с выраженностью профессионального выгорания.

Ресурсореконструктивные стратегии, нацеленные на развитие новых ресурсов или реконструкцию прежних ресурсных образований (например, на

реконструкцию системы ценностно-смысловых ориентиров, стилей совладающего поведения). Ресурсы устойчивости к психическому выгоранию соотносятся в большей мере с ценностно-мотивационными психологическими конструктами, способствующими рациональному использованию, сохранению и распределению имеющихся ресурсов [Водопьянова, 2012].

В целях поиска новых ресурсов, обеспечивающих противостояние стрессам, проведенная проверка предположения о том, что природный интеллект является потенциальным защитным ресурсом, позволяющим ослабить проявления посттравматического стрессового расстройства, показала: чем более высоким является уровень интеллекта военнослужащих, тем более характерной для них является хорошая стрессоустойчивость и тем более конструктивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций они используют [Алиев, Шингаев, 2020]

Основной характеристикой субъекта, обеспечивающей оптимальное разрешение возникающих противоречий, является активность. Именно активность побуждает человека конструировать значимые для себя ситуации, которые впоследствии могут стать знаковыми событиями. Ситуация тогда становится событием, когда вызывает позитивный эмоциональный резонанс, который служит источником активности субъекта как уровневой характеристики личности. Реализация нашего подхода ориентирована на поиск эффективных способов решения педагогических проблем, возникающих во взаимодействии, в ходе которого происходит непосредственное или опосредованное воздействие субъектов друг на друга [Кашапов, 2012, 2023].

Так, взаимодействие преподавателя со студентами происходит в условиях, порой, напряженных отношений, поэтому особое значение приобретает осмысление психолого-педагогической сущности тех отношений, реализация которых способствует развитию личности специалиста. Когнитивный подход к пониманию развивающего взаимодействия способствует выявлению и признанию позитивного потенциала в конфликтах, которое выразилось в появлении такого понятия как «конструктивный конфликт». Углубление теоретических идей относительно созидательных возможностей конфликта и его продуктивных функций и имеет статус теоретического конструкта [Гришина, 2013, с. 26; Кашапов, Башкин, 2017; Кашапов, Лукина, 2020; Кашапов, Воскресенский, Кашапов, 2022; Психология конструктивной конфликтности личности, 2013].

Возникновению деструктивных конфликтов препятствует ассертивное поведение. Оно помогает найти оптимальный выход из дисфункциональной конфликтной ситуации. Ассертивное поведение предполагает способность человека отстаивать свои интересы и добиваться социально-приемлемых целей, не ущемляя интересов других людей. Оно направлено на то, чтобы реализация собственных интересов являлась условием реализации интересов взаимодействующих субъектов. При этом наибольшая эффективность достигается при взаимодействии одного ассертивного человека с другим таким же человеком, поэтому задачей преподавателя является формирование

ассертивных качеств (компетентностей) у студента. К числу таких качеств целесообразно отнести конструктивную конфликтную компетентность как компетентность, реализация которой обеспечивает оперативное и адекватное устранение противоречий в межличностном взаимодействии [Кашапов, 2012, 2013, 2014, 2016, 2017, 2018; Кашапов, Желткевич, 2018; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Панов, Кашапов, Чумаков, 2012; Кашапов, Лукина, Махновец, 2023].

Анализ содержания коммуникативной деятельности позволяет выделить ведущие компетентности (характеристики субъекта профессиональной деятельности) и компетенции (характеристики профессиональной деятельности субъекта). Активность коммуникативная предполагает взаимодействие людей, находящихся в общении, и презентацию внутреннего мира одного субъекта другому субъекту. Вектором такой активности служит достижение и сохранение личного контакта. Сверхзадача действий преподавателя заключается в установлении контакта. Следствием контакта являются взаимные изменения их поведения, деятельности, отношения и установки. Наиболее ярко эти позитивные изменения достигаются в условиях инновационного конфликта как столкновения, противоборства несовместимых друг с другом инновационных и консервативных тенденций (мотивов, взглядов, интересов, убеждений, идей и др.), протекающих на фоне острых негативных эмоциональных переживаний. Конструктивная сущность инновационного конфликта заключается не столько в порождении оригинальной идеи, сколько в нахождении возможностей её реализации.

Преподаватель, взаимодействующий со студентами посредством диалога, имеет возможность более объективной оценки степени понимания обучаемым самого себя и отношения к нему окружающих. Следствием такого общения является создание педагогом эмоционального фона, позитивно влияющего на мотивы учения и ценностные ориентации обучаемого. В связи с этим большое значение приобретает коммуникативная креативность, которая обнаруживается преимущественно в следующих основных педагогических сферах: 1) когнитивные особенности преподавателя (адекватное осмысление сущности педагогического (развивающего) содержания ситуации взаимодействия). Преподаватель, обладающий когнитивными компетентностями, способен вписываться во внешнезадаваемые параметры педагогической деятельности; 2) контекстуальные характеристики общения; 3) функциональная направленность общения; 4) операциональные приемы взаимодействия; 5) аксиологические результаты взаимодействия. Синергетический эффект гармоничного проявления такой разновекторной и многозадачной креативности выражается в форме педагогического комплаенса, приверженности обучению как мере следования обучающегося всем педагогическим назначениям и рекомендациям преподавателя, лояльности по отношению к учебно-воспитательному процессу, креативности в выполнении разного рода заданий. Под креативностью понимается способность человека создавать новое, породить необычайные идеи,

находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных, шаблонных схем мышления.

Усиление духовных ресурсов, обеспечивающих интенсивный рост личности, является, по мнению В.В. Козлова, важной целью трансперсональной психологии. «Главная цель холотропной терапии состоит в том, чтобы активировать бессознательное, освободить энергию, содержащуюся в эмоциональных и психосоматических симптомах, и трансформировать эти симптомы в поток переживания. Роль терапевта, или фасилитатора, в холотропной терапии состоит в том, чтобы поддерживать процесс переживания с полной верой в него и без попыток управлять им или изменять его» [Козлов, 2021, с. 7]. Автор уделяет особое внимание исследованию проблемы творческого мышления именно в условиях неопределённости среды [Козлов, 2015; 2017; 2023; 2024].

Выделение и анализ многоуровневых факторов среды и особенностей профессионального мышления специалистов социологической группы профессий позволили И.В. Серафимович описать акмеологические, когнитивные и личностные ресурсы педагогов в структуре психологической системы деятельности. Такой подход способствовал установлению особенностей ресурсности профессионального мышления у студентов гностического и преобразующего типов профессий. Особое внимание автор уделил взаимосвязи ресурсности и особенностей структурно-уровневой организации профессионального педагогического мышления [Серафимович, 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024].

Ларионова Л.И. рассматривает творческое мышление как глубинное свойство одаренной личности, позволяющее, с одной стороны, на основе индивидуального опыта развивать свою одаренность, а, с другой стороны, экстерииоризировать личностный опыт, приобретенный в процессе интериоризации культурных ценностей, делать его достоянием социума и способствовать, таким образом, развитию культуры [Ларионова, 20]. Именно творческое мышление в условиях профессионализации является основой конструктивной конфликтной компетентности субъекта, поскольку усиливается его когнитивный ресурс.

Понятие «профессионализации мышления субъекта» является междисциплинарным и широко используется в психологии, акмеологии, педагогике. Наряду с анализом разнообразных характеристик профессионального мышления следует отметить разработки проблем, имеющих для его понимания общетеоретическое и методологическое значение. Одной из самых актуальных является разработка концепции профессионализации мышления субъекта.

В исследованиях В.Д. Шадрикова показано, что в процессе профессионализации изменяется компонентный состав структуры познавательных способностей, повышается мера тесноты связей отдельных компонентов. Способности вовлекаются в деятельность в соответствии с требованиями деятельности, при этом в ней они развиваются, прежде всего, за счет предания им черт оперативности. Они перестраиваются и достраиваются

в целях конкретной деятельности с учетом условий, в которых она реализуется, и целей, которые необходимо достичь. В.Д. Шадриков выделил три показателя эффективности познавательной способности: производительность, качество, надежность. Производительность – это количество продукции, полученной в единицу времени, скорость выполнения тех или иных действий. Качество – соответствие результатов деятельности предъявляемым требованиям. Надежность – это способность выполнить требуемые функции в заданный интервал времени (качественная сторона) и вероятность выполнения этих функций в течение заданного времени и в определенных условиях (количественная сторона) [Шадриков, 2017].

Для эффективного инновационного разрешения проблем современного высшего образования необходимо развитие новых, более интенсивных, а не экстенсивных форм и методов профессионализации мышления студентов. Необходимость изучения и психолого-педагогического сопровождения профессионализации мышления обусловлена переходом к более углубленной и целенаправленной профилизации, быстрой сменой и обновлением способов и технологий осуществления профессиональной деятельности. Всё это требует от специалиста расширения спектра профессиональных знаний, гибкости, умения быстро адаптироваться к изменяющимся условиям профессиональной и социальной среды, формирования различного рода компетентностей, в том числе и когнитивного порядка. Кроме того, практический выход образовательных технологий формирования творческого профессионального мышления в стадию коммерческой реализации возможен только при детальной проработке производственных, экономических, социальных, психологических, акмеологических, дидактических и других аспектов. Возникающее противоречие заключается в том, что объективно новые научные результаты могут быть получены в узких областях науки и техники, но быстрая практическая реализация их творческого потенциала возможна только при тесном и эффективном взаимодействии специалистов разного профиля.

Соответственно, проблема эффективной подготовки специалистов, способных взаимодействовать в команде и сотрудничать, адекватно осмысливать и максимально продуктивно работать в существующих на сегодняшний день общественных реалиях, становится все более актуальной. Одно из таких решений данной проблемы связано с достижением и устойчивым поддержанием эффективной мыслительной деятельности профессионала. Однако вопрос о механизмах, закономерностях и факторах становления профессионального мышления, его конкретной роли в развитии личности и профессиональной успешности, остаётся во многом открытым.

В связи с этим можно отметить, что создание концепции позволяет диагностировать, классифицировать специфику становления профессионального мышления в различных сферах деятельности субъекта, что, в свою очередь, предоставляет возможность выделить общие и специфические особенности, учет которых необходим для более глубокого понимания содержания исследуемого феномена.

Конструкт «профессионализация мышления субъекта» как понятие, являющееся средством научного анализа и обобщения, целесообразно рассматривать с позиций субъектно-деятельностного подхода в нескольких отношениях. Во-первых, в отношениях с профессиональным мышлением. Во-вторых, в отношениях с профессиональными требованиями, факторами и условиями труда в разных видах профессиональной деятельности, в которой постоянно возрастает роль профессионального мышления как системообразующего фактора профессионализации субъекта. В-третьих, в отношениях с показателями успешности, продуктивности, эффективности и результативности профессиональной деятельности субъекта.

Реализация идей по созданию концепции основывается на следующих научных подходах: 1. Системный подход позволяет изучить профессионализацию мышления как целостное, интегральное образование, состоящее из разных взаимосвязанных элементов, упорядоченных и сложноорганизованных. Основной акцент делается на выявлении многообразных связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. На основе системного подхода нами рассмотрены структурные компоненты профессионализации мышления и сформирован комплекс оценочных средств. Системный подход также обуславливает взаимодействие и взаимозависимость всех компонентов профессионализации мышления, и учет детерминант разноуровневого контекста становления профессионального мышления.

2. Сквозь призму субъектно-деятельностного подхода спроектирована модель профессионализации мышления, в центре которой находится потребность и способность субъекта самосовершенствоваться и быть субъектом своей профессиональной карьеры. В психологии профессионального развития субъект рассматривается как человек, творящий свою профессиональную биографию. Самосовершенствование, самообразование, саморазвитие, самоактуализация, самоопределение – вот неполный перечень проявлений субъекта деятельности, который становится предметом субъектно-деятельностного подхода в психологических исследованиях.

3. Акмелогический подход положен в основу разработки теоретических положений, реализация которых включает в себя разработку и внедрение форсайт-проектов развития профессионального образования, создание развивающей профессионально-образовательной среды, прогнозирование индивидуальных образовательных маршрутов, формирование творческого мышления субъекта, проведение структурного анализа базовых компонентов профессионального мышления. Для исследования мышления в контексте профессионализации используются ранее созданные авторские методики, а также вновь разрабатываемые опросники, валидность и надёжность которых доказывается в специально организованном исследовании.

В контексте указанных подходов появляется возможность описать полученные результаты проведенных нами исследований [Кашапов, 1989; 1992; 1997; 2000, 2001; 2003, 2005; 2008, 2009, 2011; 2012; 2013; 2014; 2016;

2019; 2021; 2022; Кашапов, Киселева, Коточигова, 2003; Кашапов, Шаматонова, Кашапов, Отставнова, 2017; Кашапов, Кашапов, 2020; Кашапов, Сурина, Кашапов, 2022]. Установленные показатели профессионализации мышления позволяют приблизиться к ответу на вопрос о соотношении роли внутренних (личностных) и средовых (профессиональных) детерминант в становлении профессионального мышления: либо мышление проявляется в разных сферах профессиональной деятельности (преобладание внутренних детерминант), либо оно может проявляться в этих сферах избирательно (преобладание средовых детерминант).

Показатели профессионализации мышления рассмотрены в отношениях с профессиональными факторами – средствами и условиями труда в разных видах профессиональной деятельности. Такой подход позволяет оценить влияние вида профессиональной деятельности на проявления профессионального мышления. Разработанная авторская концепция как структура основных положений, отвечает требованиям методологической полноты, теоретической непротиворечивости и наличию трех основных функций: объяснительной, прогностической и предписывающей.

Полнота концепции обеспечивается: 1) построением широкой типологии профессионализации мышления на разных возрастных и профессиональных выборках и проявлением этих типов в деятельности и при построении жизненного пути; 2) соблюдением всех правил построения типологии, охватывающей в совокупности все существенные стороны исследуемого феномена.

Концепция соответствует требованию непротиворечивости за счет выполнения правил построения типологии - выявления типологических характеристик профессионального мышления в различных видах деятельности, которые по своим содержательным характеристикам не пересекаются.

Концепция направлена а) на выявление и объяснение слабых и сильных сторон каждого типа мышления в контексте профессиональной деятельности. Особое внимание обращается на диагностическую, объяснительную функцию профессионального мышления, характеризующуюся пониманием, что согласованные познавательные тенденции не объясняются с помощью классификаций умственных способностей, а трактуются как результат взаимодействия социально-когнитивных и аффективных механизмов, являющихся элементами сложной системы. Внутрличностная согласованность и межличностные различия в когнитивном функционировании объясняются устойчивыми представлениями человека о самом себе и оценкой собственных способностей; б) на рассмотрение возможностей каждого типа мышления в зависимости от условий, в которых разворачивается мыслительная активность (прогностическая функция); в) на оптимальное использование и учет преимуществ определенного типа мышления (предписывающая, рекомендательная функция); г) на совершенствование / самосовершенствование профессионального мышления (формирующая, развивающая функция). Прикладная значимость нашего

подхода заключается в реализации возможности гибкого совершенствования / самосовершенствования профессионализации мышления субъекта в рамках разработанной концепции.

Таким образом, нами, во-первых, разработана системная оценка динамики изменений по всем структурно-функциональным характеристикам мышления профессионала (начало, прогресс, успех). Во-вторых, определена степень продуктивности, динамичности, гармоничности, экономичности ресурса творческого мышления профессионала. Разработанная концепция позволяет создать сформированную систему актуализации ресурса творческого мышления профессионала. Понимание соотношения умственных стратегий способствует установлению ресурсов творческого мышления, как основы зрелости профессионального мышления, характеризующую согласованность личности и субъекта. Основным научным результатом реализации нашего подхода является концепция как система обобщенных эмпирических результатов, сформулированная в виде совокупности теоретических представлений о профессионализации мышления субъекта.

Разработанная концепция профессионализации творческого мышления позволяет рассматривать конструктивную конфликтность в качестве личностного конструкта. Конструктивная конфликтная компетентность опирается на когнитивный ресурс и характеризуется направленностью личности на оптимальное разрешение конфликта с сохранением своего здоровья. Конфликтная компетентность является интегративной характеристикой личности, проявляющаяся в частоте вступления в конфликт, готовности (способности) входить в конфликт и поступать конструктивно. Функционирование конструктивной конфликтности обеспечивается следующими психологическими механизмами: инсайт, катарсис, интерпретация, директива, обратная связь, поддержка, убеждение, идентификация, аналогия, мотивирование, моделирование, конструирование, фасилитация, конверсия, трансформация, инверсия. Благодаря реализации данных механизмов происходит переформулирование отношения к конфликту: восприятие его не как угрозы, а как импульса к конструктивному преобразованию себя и выполняемой деятельности.

Библиографический список

1. Алиев У.С., С.М Шингаев Результаты апробация программы психологической помощи офицерам высшего командного состава – участникам военных действий с признаками стрессового расстройства // Известия ИГУ, Серия: Психология. 2020. Т. 31. С. 3 - 15. DOI<http://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.31.3>

2. Гришина Н.В. Изменения в научном дискурсе конфликта: к понятию конструктивной конфликтности // Психология конструктивной конфликтности личности. Монография / Под ред. проф. А.В. Карпова, проф. М.М. Кашапова. Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. С. 11-26.

3. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. 160 с.

4. Водопьянова Н.Е. Субъект-ориентированный подход к профилактике и коррекции синдрома выгорания // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. В.А. Бодрова – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 415-437.

5. Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.

6. Кашапов М.М. Психологические основы решения педагогической ситуации. Учебное пособие / Ярославль, 1992.

7. Кашапов М.М. Теория и практика решения педагогической ситуации. Ярославль, 1997.

8. Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореф. дисс. ... доктора психологических наук. М. 2000. 48 с.

9. Кашапов М.М. Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 121-131.

10. Кашапов М.М. Гносеологические основы исследования педагогического мышления как компетентности преподавателя. В сборнике: Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Международная академия психологических наук, Международный институт интегративной психологии, Ярославский государственный университет, Ярославский государственный педагогический университет, Костромской государственный университет, Ярославское региональное отделение РПО, Государственный университет управления. 2003. С. 168-186.

11. Кашапов М.М., Киселева Т.Г., Коточигова Е.В. Компетентность: понятие, виды, основные подходы к диагностике компетентности психолога // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2003. № 1 (5). С. 39-44.

12. Кашапов М.М. Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах) // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 135-140.

13. Кашапов М.М., Башкин М.В. Динамика базовых характеристик конфликтной компетентности в процессе профессионализации личности // Вестник университета. 2008. № 12. С. 78.

14. Кашапов М.М. Специфика творческого мышления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 599 – 611.

15. Кашапов М.М. Акмеология учебное пособие / Ярославль, 2011.

16. Кашапов М.М. Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 31-41.

17. Кашапов М.М. Когнитивное и метакогнитивное понимание структурно-динамических характеристик творческого профессионального мышления. В книге: Творческая деятельность профессионала в контексте

когнитивного и метакогнитивного подходов. Знаков В.В., Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., Киселева Т.Г., Зуева М.Л., Шляпникова О.А., Огородова Т.В., Соколова М.А., Башкин М.В., Кашапов А.С. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2012. С. 35-121.

18. Кашапов М.М. Специфика метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности. В книге: Метакогнитивные основы конфликтной компетентности. Панов В.И., Кашапов М.М., Чумаков М.В., Коршунов Н.И., Яльцева Н.В., Смирнов А.А., Пошехонова Ю.В., Томчук С.А., Филатова Ю.С., Серафимович И.В., Башкин М.В., Селезнева М.В., Кашапов А.С., Постнова А.А., Бузмакова А.В., Воскресенский А.М. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2012. С. 13-104

19. Кашапов М.М. Психология конструктивной конфликтности личности на основе системогенетического подхода. В книге: Системогенез учебной и профессиональной деятельности. материалы VI всероссийской научно-практической конференции. 2013. С. 38-44.

20. Кашапов М.М. Конструктивная конфликтность как копинг-ресурс личности. В сборнике: Психология стресса и совладающего поведения. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2013. С. 247.

21. Кашапов М.М. Креативная конструктивная конфликтность преподавателя в контексте качества актуализации мотивационно-когнитивных компонентов профессионализации субъекта деятельности. В сборнике: Триединство здоровья нации, качества жизни и гармоничного общества как основа устойчивого развития России в XXI веке. Материалы международного конгресса. 2014. С. 67-76.

22. Кашапов М.М. Креативная конструктивная конфликтность как проявление в позитивной форме протестного потенциала личности/ Конфликтология. 2014. № 5. С. 94-95.

23. Кашапов М.М. Психология конфликта. Учебник и практикум / Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. (2-е изд., испр. и доп) Москва, 2016.

24. Кашапов М.М. Событийно-когнитивные компоненты профессионализации субъекта в условиях конфликтного взаимодействия. В сборнике: Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. сборник статей Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Московский государственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 58-63.

25. Кашапов М.М., Башкин М.В. Психология конфликтной компетентности. Учебное пособие / Сер. 63 Бакалавр. Академический курс. Модуль. (2-е изд., испр. и доп) Москва, 2017.

26. Кашапов М.М., Шаматонова Г.Л., Кашапов А.С., Отставнова И.В. Ресурсность мышления как средство реализации творческого потенциала личности // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 4. С. 683–694.

27. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Событийно-когнитивные компоненты профессионализации субъекта. Ярославль, 2018.

28. Кашапов М.М., Желткевич О.В. Коммуникативная компетентность фармацевтических специалистов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 23. С. 50-58.
29. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Ярославль, 2018.
30. Кашапов М.М. Когнитивный компонент конфликтной компетентности субъекта в контексте ресурсно-событийного подхода. В книге: Семья и дети в современном мире. Под общей и научной редакцией В.Л. Ситникова. Санкт-Петербург, 2018. С. 409-417.
31. Кашапов М.М. Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 2. С. 137-147.
32. Кашапов М.М., Кашапов А.С. Формирование профессионального творческого мышления. Учебное пособие / Сер. 76 Высшее образование. (2-е изд., пер. и доп) Москва, 2020.
33. Кашапов М.М., Лукина А.С. К вопросу структурной организации конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя. В книге: Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). материалы международной научной конференции. Санкт-петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2020. С. 262-263.
34. Кашапов М.М. Функции экспликации в условиях профессионализации мышления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1 (55). С. 100-109.
35. Кашапов М.М. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 35-46.
36. Кашапов М.М., Сурина Н.В., Кашапов А.С. Ресурсность мышления как ключевая компетентность педагога в условиях цифровизации образовательной среды // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 40. С. 18-30.
37. Кашапов М.М. Ресурсность мышления как технология реализации творческого потенциала субъекта // Методология современной психологии. 2022. № 15. С. 152-165.
38. Кашапов М.М., Воскресенский А.М., Кашапов А.С. Креативный компонент конфликтной компетентности студентов // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2022. № 50 (69). С. 140-155.
39. Кашапов М.М., Лукина А.С., Махновец С.Н. Структурно-уровневая организация конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 2. С. 261-278.

40. Кашапов М.М. Ресурсные основы конструктивной конфликтной компетентности // Методология современной психологии. 2023. № 19. С. 96-106.

41. Кашапов М.М. Ресурсное мышление как когнитивный предиктор конструктивной конфликтной компетентности личности. В сборнике: Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Сборник научных трудов. Москва, 2023. С. 425-431.

42. Козлов В.В. К проблеме творческого мышления в условиях неопределённости // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2015. № 3-1. (75). С. 15-19.

43. Козлов, В. В. Психология творчества : свет, сумерки и темная ночь души / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. – (Международная академия). – ISBN 978-5-902396-06-2.

44. Козлов В.В. Основатель трансперсональной парадигмы психологии // Методология современной психологии. 2021. № 14. с. 7. С. 4-10

45. Козлов В.В. Психологическая компетентность: структура, функции, уровни реализации // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 4 (48). С. 20-26.

46. Козлов В.В. К проблеме экспансивной тенденции личности и групп // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 1 (49). С. 33-44.

47. Ларионова Л.И. Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с.

48. Орлов А.Б., Орлова Н.А., Пермогорский М.С. Что получает клиент от психотерапевта? // Консультативная психология и психотерапия. 2012. Том 20. №2. С. 41–65.

49. Панов В.И., Кашапов М.М., Чумаков М.В., Коршунов Н.И., Яльцева Н.В., Смирнов А.А., Пошехонова Ю.В., Томчук С.А., Филатова Ю.С., Серафимович И.В., Башкин М.В., Селезнева М.В., Кашапов А.С., Постнова А.А., Бузмакова А.В., Воскресенский А.М. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности. Ярославль, 2012.

50. Психология конструктивной конфликтности личности. Гришина Н.В., Карпов А.В., Панов В.И., Кашапов М.М., Козлов В.В., Коршунов Н.И., Башкин М.В., Серафимович И.В., Лейбина А.В., Кашапов А.С., Воскресенский А.М., Яльцева Н.В., Филатова Ю.С., Никольская А.В., Долганова Ю.Ю., Предыбайло О.В. Ярославль, 2013.

51. Серафимович И.В. Многоуровневые факторы среды и особенности профессионального мышления специалистов социномической группы профессий. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 154-159.

52. Серафимович И.В. Ресурсность профессионального мышления у студентов гностического и преобразующего типов профессий. В книге: Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XV Всероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 2022. С. 309-312.

53. Серафимович И.В. Ресурсность и особенности структурно-уровневой организации профессионального педагогического мышления // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 4 (50). С. 120-130.

54. Шадриков В.Д. Неокогнитивная психология. М.: Университетская книга, 2017. 368 с.

55. Шингаев С.М. Управление конфликтами: электронный учебный курс. СПб, 2020.

Китаева М.П.

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье вводится новое понятие «инициативная система» для обозначения отличий древней целительской системы РейКи Микао Усуи от современных потоковых практик, которые тоже обычно называются словом «рейки». Описываются особенности инициативных систем как психотехнологий интегративного подхода в психологии. Приводятся данные, позволяющие оценить возможности и ограничения классического РейКи Микао Усуи как первой и наиболее изученной на современном доказательном уровне инициативной системы.

Ключевые слова: рейки, РейКи Микао Усуи, инициативная система, инициация, интегративные психотехнологии, интегративная психология, психотехнологии.

Annotation. The article introduces a new concept of "initiator system" to denote the differences between the ancient healing system of ReiKi Mikao Usui and modern streaming practices, which are also usually called the word "reiki". The features of initiator systems as psychotechnologies of an integrative approach in psychology are described. The data are presented to assess the possibilities and limitations of the classical Mikao Usui ReiKi as the first and most studied initiator system at the modern evidentiary level.

Key words: reiki, ReiKi Mikao Usui, initiator system, initiation, integrative psychotechnologies, integrative psychology, psychotechnologies.

В.В. Козлов, создатель интегративного подхода в психологии, выделяет пять основных уровней помогающих практик: телесный, энергетический, эмоциональный, ментальный и духовный [Козлов, Использование психотехнологий как проблема психозологии]. Зачастую практики интегративного подхода работают на нескольких или всех этих уровнях сразу. В этом усматривается и сама суть интегративного подхода, включающего технологии работы с людьми, сформированные на протяжении всей предыдущей истории психологии во всех психологических подходах к пониманию человека (физиологический, психоаналитический, бихевиористский, экзистенциально-гуманистический, трансперсональный,

коммуникативный). Эта позиция поддерживается принципами интегративной психологии: целостность, развитие, обусловленность, позитивность, соотнесенность, потенциальность, многомерность истины [Козлов, 2018, 2023].

Наше исследование посвящено относительно новым психотехнологиям интегративной психологии, которые мы называем «инициативными системами». Это новые психотехнологии, которые имеют длительную историю, начинающуюся с РейКи Микао Усуи. РейКи (靈氣) - японское слово, означающее “универсальная жизненная энергия”. Это целительная практика, состоящая в легком возложении рук на человека или чуть выше поверхности его тела с целью облегчить реакцию человека на исцеление путем соприкосновения с универсальной энергией, которая, как считается, поддерживает врожденную способность организма к самовосстановлению [NCCAM, 2012]. Рейки также может быть использовано в качестве самолечения [Mulloney, 1996; Gallob, 2003; Richeson, 2010; Burden, 2005].

РейКи было подробно описано японским мастером доктором Микао Усуи в начале 1900-х годов в ходе его изучения древнего тибетского искусства исцеления и традиции целительства наложением рук. РейКи было завезено на материковую часть Соединенных Штатов через Гавайи в 1940-х годах, а в Европе было представлено в 1980-х годах. Лечение состоит по крайней мере из четырех сеансов по 30-90 минут, во время которых практикующий кладет руки на тело клиента или держит руки над поверхностью тела клиента ладонями вниз, используя различные положения рук [NCCAM, 2012].

Популярность РейКи растет в различных странах. Лечебный подход нетравматичен и легко интегрируется с традиционными методами лечения [Center for Reiki Research, 2012; Reiki for all creatures, 2012]. Несмотря на распространение РейКи, базовый механизм его действия не был глубоко изучен, поскольку несколько первых попыток исследовать его привели к противоречивым результатам [Rosa, 1998]. Исследования продолжаются на современном доказательном научном уровне. Результаты их будут приведены в последующих разделах статьи.

Многие пользователи и создатели систем, подобных РейКи Микао Усуи называют их рейки. Мы будем их называть «инициативными системами», чтобы, во-первых показать, что это не то исходное РейКи, которое было создано Микао Усуи; и, во-вторых, чтобы показать суть этих психотехнологий, предполагающих, что человек становится способным использовать все возможности этих методов только после того, как он получает инициацию, то есть подключение к энергетическим потокам этих систем; и, в-третьих, указать, что это, действительно системы, построенные на возможностях тех энергетических потоков, которые лежат в их основе. Далее введенное нами понятие «инициативные системы» мы будем использовать без кавычек.

«Под психотехнологией понимается система категорий, принципов и моделей, описывающих психическую реальность, человеческое существо или социальную группу как развивающуюся целостность, сориентированная на

практическую работу с индивидуальной психикой или групповой психологией, и включающая в себя конкретные методы, приемы, умения и навыки по целенаправленному преобразованию личности и группы» [Козлов, Использование психотехнологий как проблема психоэкологии].

Инициатические системы как психотехнологии предполагают, что все объекты в мире – это определенные энергии. И при энергетическом воздействии на эти энергетические объекты мы можем корректировать субъективную реальность человека, его психологическое состояние – мысли, эмоции, чувства, ощущения, и, благодаря этому воздействию, корректировать и объективную реальность через психосоматические изменения.

Каждая инициатическая система – это энергетический поток, включающий энергии определенного качества. Благодаря разнообразию этих качеств инициатические системы могут иметь различную целевую направленность (помощь в излечении заболеваний, разрешение социальных ситуаций, личностное развитие и т.д.).

Для использования возможностей инициатических систем необходимо, чтобы пользователь этой системы (обычно он называется Мастер инициатической системы) дал человеку инициацию, то есть подключение к этой системе. В случае с современными инициатическими системами инициация обычно представляет собой несложную процедуру, занимающую не более получаса. В случае с РейКи Микао Усуи инициация является сложной процедурой, предусматривающей множество психотелесных процедур, которые осуществляет Мастер РейКи Микао Усуи.

После получения инициации человек может начинать работать с инициатической системой. Мастер инициатической системы проводит обучение нового пользователя применению тех возможностей, которые эта система ему предоставляет.

Инициатические системы могут содержать в себе одну и более ступеней, на каждую из которых Мастер системы должен дать инициацию. Количество ступеней в системе зависит от особенностей каждой конкретной системы. Обычно каждая новая ступень содержит в себе дополнительные возможности, которые человек осваивает под руководством Мастера после получения очередной инициации.

Каждая инициатическая система имеет определенную «ключевую фразу», которая подключает поток. Назвав нужные слова, пользователь начинает работать с энергетическими возможностями системы как оператор этой системы.

Мы считаем, что базовым уровнем, с которого работают инициатические системы как помогающие практики, является энергетический уровень. Наш опыт показывает, что уровень воздействия на человека инициатических систем не ограничивается энергетическим уровнем, а распространяется намного шире, на все пять уровней помогающих практик, включая телесный, энергетический, эмоциональный, ментальный и духовный уровни. Рассмотрим, как инициатические системы работают в качестве помогающих практик на каждом из этих уровней.

Согласно опросу 2001 года, дополнительные и альтернативные способы лечения (CAMs – Complementary and Alternative Medicines) преподавали примерно в 40 % европейских медицинских школ и в 64 % медицинских школ США [Aratani, 2009]. В США и странах Европы проведен ряд рандомизированных клинических исследований, которые показывают особенности воздействия РейКи Микао Усуи на здоровье человека. Респондентами указанных исследований были, прежде всего, тяжелобольные пациенты, которым было необходимо повысить общее качество жизни при болезненном, измывающем, вызывающем множество очень тяжелых побочных эффектов стационарном или амбулаторном лечении. По данным Ferraresi РейКи позволяет статистически значимо уменьшить боль без специфических побочных эффектов [Ferraresi, 2013]

Поиск, ограниченный последними 5 годами, в связи с датой последнего обновления Кокрейновского обзора и статьей на английском языке, позволил найти как соответствующий Кокрейновский обзор, так и серию из 5 недавних рандомизированных клинических исследований по РейКи и хронической боли [McCormack, 2009; MacIntyre, 2008; Frank, 2007; Assefi, 2008; Aghabati, 2010]. Исследования в высшей степени разнородны, как в Кокрейновском обзоре (24 исследования), так и в последующие годы (5 рандомизированных клинических исследований). Боль оценивалась различными методами, наиболее часто использовалась визуальная аналоговая шкала; контрольные группы были разными, и причины боли охватывали разные заболевания. В этих пределах основные результаты подтверждают значительное уменьшение боли у пациентов, проходящих сенсорную терапию в целом и РейКи в частности. Общее качество обзора и выбранных рандомизированных клинических исследований было высоким, что соответствует недавним отчетам о сопоставимом качестве исследований по CAMs и “основной медицине”, по крайней мере, на английском языке [Walach, 2009].

В Кокрейновском обзоре среднее уменьшение боли составило менее одной единицы по шкале 0-10, предел, вероятно, не воспринимаемый людьми, и в 5 рандомизированных клинических исследованиях, опубликованных после обзора, РейКи было эффективным при боли в 2 исследованиях и не принесло значимого эффекта в 3. Уменьшение боли измерялось по визуальной аналоговой шкале оценки боли в обеих статьях и может быть приближено к 1,5 см. Ни в одном исследовании не сообщалось о побочных явлениях, связанных с процедурой.

В Кокрейновском обзоре конкретно не сообщалось о побочных эффектах. Только в одном из 5 рандомизированных клинических исследований, опубликованных после Кокрейновского обзора, сообщалось конкретно о побочных эффектах. Они были описаны как в группах РейКи, так и в группах РейКи-Плацебо, в которых специально обученные актеры имитировали сеансы РейКи. Основным побочным эффектом был “избыток энергии” или беспокойство (41 %) [Assefi, 2008]. Еще одно исследование показало усиление боли в группах пациентов, перенесших стереотаксическую биопсию молочной железы, получавших сенсорную терапию и РейКи-Плацебо [Frank, 2007]. Это

усиление беспокойства о боли предположительно было связано с фактом “изучаемости”, предполагая, что даже эффект плацебо может быть двусторонним и что врачи также должны контролировать негативное влияние “фиктивного” лечения.

В то время как решения о жизненно важных методах лечения, таких как антибиотики или противоопухолевые препараты, в основном основаны на эффективности, решения о хронических методах лечения, таких как гипотензивные средства или о поддерживающей терапии, в значительной степени учитывают ожидаемые побочные эффекты, что приводит некоторых экспертов к выводу, что наименее эффективное лечение иногда может быть лучшим выбором [Ferraresi, 2013]

Приведем данные еще нескольких рандомизированных клинических исследований.

В рандомизированном клиническом исследовании Alarcão и Fonseca было две выборки пациентов: контрольная (два сеанса РейКи-Плацебо по 60 минут в течение четырех недель) и экспериментальная (два сеанса РейКи по 60 минут в течение четырех недель). Пациенты были распределены в одну из двух групп (РейКи или РейКи-Плацебо) с помощью компьютерной рандомизации. Качество жизни измеряли с помощью португальской версии WHOQoL-Bref. Данные анализировались с использованием одномерных сравнений, *t* критерия Стьюдента или Манна-Уитни для каждого измерения и многомерного сравнения с использованием моделей латентного класса. Группа РейКи продемонстрировала значительно больше улучшений в общих, физических, экологических и социальных аспектах WHOQoL-Bref ($p < 0,05$) [Alarcão, Fonseca, 2016].

Вигоссо с соавторами исследовали роль РейКи в лечении тревоги, боли и общего благополучия у онкологических больных. Основываясь на результатах пилотного проекта, проведенного в период с 2003 по 2005 год ассоциацией волонтеров больницы, в том же центре было проведено более широкое 3-летнее исследование. Практикующие РейКи добровольцы прошли 2 года теоретического и практического обучения. В исследовании приняли участие 118 пациентов (67 женщин и 51 мужчина; средний возраст 55 лет) с раком на любой стадии и получающие любой вид химиотерапии. Перед каждым сеансом медсестры собирали личные данные пациента и историю болезни. Боль и тревожность оценивались практикующими РейКи в соответствии с числовой шкалой оценок. Каждый сеанс длился около 30 минут. Показатели боли и тревожности регистрировались с помощью визуальной аналоговой шкалы вместе с описанием физических ощущений, которые пациенты описывали во время сеанса. Все 118 пациентов получили по крайней мере 1 процедуру РейКи (общее число 238). В подгруппе из 22 пациентов, прошедших полный цикл из 4 процедур, средний балл тревожности по визуальной аналоговой шкале снизился с 6,77 до 2,28 ($p < 0,000001$), а средний балл боли по визуальной аналоговой шкале - с 4,4 до 2,32 ($p = 0,091$). В целом, сеансы были признаны полезными в улучшении самочувствия, расслаблении, облегчении боли, качестве сна и снижении тревожности. Авторы

исследования сделали вывод, что проведение терапии РейКи в больницах могло бы удовлетворить физические и эмоциональные потребности пациентов [Birocco, 2012]

Catlin и Taylor-Ford исследовали влияние РейКи на ощущение благополучия во время проведения амбулаторной химиотерапии. Они провели двойное слепое рандомизированное клиническое контролируемое исследование в Центре амбулаторной химиотерапии. 189 участников были рандомизированы для получения РейКи, РейКи-Плацебо и стандартного лечения. Пациенты, получавшие химиотерапию, были случайным образом распределены в одну из трех групп. До и после инфузии химиотерапии был проведен демографический анализ, а также предварительные и посттестовые тесты. Оказалось, что терапия РейКи была статистически значимой в повышении комфорта и благополучия пациентов после терапии, но и положительный эффект РейКи-Плацебо также был статистически значимым. Пациенты в группе стандартного лечения не испытывали изменений в комфорте и самочувствии во время сеанса инфузии [Catlin, 2011].

Demir с соавторами определяли влияние дистанционного РейКи на боль, беспокойство и переутомление у онкологических пациентов. Участники контрольной группы получали обычную медицинскую помощь во время своего пребывания в онкологическом центре. Экспериментальная группа получала обычный уход и пять сеансов дистанционного РейКи, по одному каждый вечер в течение 30 минут. Было проведено личное интервью. Личные характеристики пациента и характеристики, связанные с болезнью, оценивались с использованием специальной формы. Боль, стресс и переутомление оценивались в соответствии с числовой рейтинговой шкалой. Экспериментальная группа состояла преимущественно из женщин (71,4 %), состоящих в браке (40 %) и выпускников начальной школы (40 %). Контрольную группу составляли преимущественно мужчины (72,7 %), состоящие в браке (60 %) и выпускники начальной школы (60 %). Контрольная группа продемонстрировала более высокие уровни боли ($p=0,002$), стресса ($p=0,001$) и переутомления ($p=0,001$). Показатели боли в группе РейКи ($p < 0,0001$), стресса ($p < 0,001$) и усталости также были значительно ниже. Результаты этого исследования показывают, что РейКи может уменьшить боль, беспокойство и переутомление у онкологических пациентов [Demir, 2015].

В исследовании Dressen и Singg изучалось влияние РейКи на боль, настроение, личность и веру в Бога. 120 пациентов были случайным образом распределены в одну из четырех групп по 30 человек. Группа РейКи получила десять сеансов РейКи. Группа прогрессивной мышечной релаксации получила десять сеансов релаксационной терапии. Контрольная группа лечения не получала. Группа плацебо получила десять сеансов РейКи-Плацебо. На основе статистического анализа полученных результатов авторы сделали следующие выводы: 1) РейКи является эффективным средством для уменьшения боли, депрессии и тревоги; 2) РейКи способствует желаемым изменениям в личности и укреплению веры в Бога; 3) результаты, полученные при использовании

РейКи, имеют тенденцию сохраняться в течение более длительных периодов; 4) инициация является важной частью обучения РейКи; 5) хронически больные пациенты, испытывающие стресс и боль, как правило, восприимчивы к РейКи [Dressen, 1998].

Bremner с соавторами провел исследование, направленное на изучение возможности качества жизни пациентов с ВИЧ. Люди, живущие с ВИЧ, часто обращаются за дополнительным лечением для улучшения своего общего состояния здоровья. 37 участников были рандомизированы либо в 6-недельную группу РейКи с музыкотерапией, либо в группу только музыкотерапии. На исходном этапе были получены самооценки и физиологические показатели. Повторные замеры проводились через 6 и 10 недель. Были обнаружены значительные улучшения в облегчении боли и стресса у тех, кто получал совместные сеансы РейКи и музыкотерапии. В ходе 6-недельного обследования со всеми участниками были проведены полуструктурированные интервью. Качественные результаты показали, что РейКи в сочетании с музыкотерапией помогли уменьшить стресс, тревогу и депрессию. Авторы исследования сделали вывод, что результаты их исследования помогут медсестрам оказывать более эффективную помощь больным ВИЧ [Bremner, 2016].

Barut, Sabancı и Uçar исследовали влияние РейКи на сексуальную функцию и сексуальную уверенность в себе у женщин с сексуальным дистрессом. Это рандомизированное контролируемое исследование проводилось с участием женщин в возрасте от 15 до 49 лет, которые были зарегистрированы в центре семейного здоровья в восточном регионе Турции и испытывали сексуальный дистресс. Выборка исследования состояла из 106 женщин, 53 в экспериментальной группе и 53 в контрольной группе. Женщины экспериментальной группы получали РейКи один раз в неделю в течение четырех недель, в то время как с женщинами контрольной группы никаких воздействий не проводилось. Данные были собраны с использованием пересмотренной шкалы сексуального дистресса у женщин (FSDSR), шкалы сексуального опыта Аризоны (ASEX) и шкалы сексуальной уверенности в себе (SSS). Уровни сексуального дистресса, сексуальной функции и сексуальной уверенности в себе у женщин в обеих группах были одинаковыми до вмешательства, и разница между группами не была статистически значимой ($p > 0,05$). После применения РейКи средние баллы FSDSR и ASEX у женщин экспериментальной группы значительно снизились, в то время как их средний балл SSS значительно увеличился. Разница между группами была статистически значимой ($p < 0,05$). В настоящем исследовании РейКи было связано с уменьшением сексуального дистресса, положительными результатами в сексуальных функциях и повышением сексуальной уверенности в себе у женщин с сексуальным дистрессом [Barut, 2024].

Как мы видим по результатам проведенных нами исследований медицинского и психологического воздействия РейКи, эта инициатическая система способна оказывать воздействие на человека на телесном (снижение

боли, достижение общего физического комфорта), эмоциональном (достижение общего состояния психологического благополучия, снижения негативных эмоциональных реакций, стресса, депрессии, сексуальных расстройств) и духовном (усиление веры в себя, свои силы и Бога) уровнях. Необходимо проведение дополнительных исследований, расширяющих наши представления об ограничениях и возможностях этой системы как психотехнологии интегративного подхода. Что касается остальных инициатических систем, созданных позже РейКи Микао Усуи, то их необходимо исследовать на всех уровнях возможного воздействия: энергетическом, телесном, эмоциональном, ментальном, духовном. Практики, использующие эти современные системы, сообщают о положительных эффектах современных инициатических систем на физическое, эмоциональное, социальное благополучие. Но на данном этапе эти разрозненные данные ненаучны. Требуется проведение специальных научных исследований, построенных по всем принципам доказательности, способных показать возможности и ограничения современных инициатических систем как психотехнологии интегративного подхода в психологии.

Список литературы:

1. Козлов, В. В. Интегративная психология / В. В. Козлов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2023. – 748 с. – ISBN 978-5-88230-640-2.
2. Козлов В.В. Интегративная психология. Практикум. – Ярославль: ЯрГУ. – 2018. – 37 с.
3. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
4. Козлов, В. В. Организационная культура / В. В. Козлов, Ю. Г. Одегов, В. Н. Сидорова. – Москва : Компания КноРус, 2013. – 272 с. – ISBN 978-5-406-02468-3.
5. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.
6. Мазилев, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазилев ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.
7. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.
8. Aghabati N, Mohammadi E, Pour EZ: The effect of Therapeutic Touch on pain and fatigue of cancer patients undergoing chemotherapy. Evid Based Complement Alternat Med 2010, 7(3):375–81.

9. Alarcão Z., Fonseca J.R.S. The effect of Reiki therapy on quality of life of patients with blood cancer: Results from a randomized controlled trial. *European Journal of Integrative Medicine*. Volume 8, Issue 3. 2016:239-249.
10. Aratani L: Mainstream Physicians Try Such Alternatives as Herbs, Acupuncture and Yoga. *Washington Post*; 2009.
11. Assefi N, Bogart A, Goldberg J, Buchwald D: Reiki for the treatment of fibromyalgia: a randomized controlled trial. *J Altern Complement Med* 2008, 14(9):1115–22.
12. Baldwin et al. P01.56. Does practicing Reiki alter the electromagnetic field of heart and hands of practitioners? *BMC Complementary and Alternative Medicine* 2012, 12(Suppl 1):56.
13. Barut S., Sabancı Baransel, E., Uçar T. The Effect of Reiki on Sexual Function and Sexual Self-Confidence in Women with Sexual Distress. *Sex Disabil*, 2024.
14. Birocco N., Guillame C., Storto S., et al. The Effects of Reiki Therapy on Pain and Anxiety in Patients Attending a Day Oncology and Infusion Services Unit. *American Journal of Hospice and Palliative Medicine*. 2012;29(4):290-294.
15. Bremner M.N., Blake B.J., Wagner D.V., Pearcey Sh.M.. Effects of Reiki With Music Compared to Music Only Among People Living With HIV. *Journal of the Association of Nurses in AIDS Care* 27(5):p 635-647, September 2016.
16. Burden B., Herron M.S.: The increasing use of Reiki as a complementary therapy in specialist palliative care. *Int J Palliat Nurs* 2005, 11(5):248–253.
17. Catlin A., Taylor-Ford R.L.. Investigation of Standard Care Versus Sham Reiki Placebo Versus Actual Reiki Therapy to Enhance Comfort and Well-Being in a Chemotherapy Infusion Center. *Oncology Nursing Forum*. Vol. 38, No. 3, May 2011. E212
18. Center for Reiki Research; 2012. Available at: <http://www.centerforreikiresearch.org>.
19. Demir, Melike, et al. Effects of Distant Reiki On Pain, Anxiety and Fatigue in Oncology Patients in Turkey: A Pilot Study. *Asian Pacific Journal of Cancer Prevention*, vol. 16, no. 12, Asian Pacific Organization for Cancer Prevention, 13 July 2015, pp. 4859–4862.
20. Dressen L.J., Singg S. Effects of Reiki on pain and selected affective and personality variables of chronically ill patients // *Subtle Energies & Energy Medicine Journal Archives*. 1998. T. 9. №. 1.
21. Ferraresi et al. Reiki and related therapies in the dialysis ward: an evidence-based and ethical discussion to debate if these complementary and alternative medicines are welcomed or banned. *BMC Nephrology* 2013, 14:129.
22. Frank LS, Frank JL, March D, Makari-Judson G, Barham RB, Mertens WC: Does therapeutic touch ease the discomfort or distress of patients undergoing stereotactic core breast biopsy? A randomized clinical trial. *Pain Med* 2007, 8:419–24.
23. Gallob R: Reiki: a supportive therapy in nursing practice and self-care for nurses. *J N Y State Nurses Assoc* 2003, 34(1):9–13.

24. MacIntyre B, Hamilton J, Fricke T, Ma W, Mehle S, Michel M: The efficacy of healing touch in coronary artery bypass surgery recovery: a randomized clinical trial. *Altern Ther Health Med* 2008, 14(4):24–32.
25. McCormack GL: Using non-contact therapeutic touch to manage post surgical pain in the elderly. *Occup Ther Int* 2009, 16(1):44–56.
26. Mulloney S.S., Wells-Federman C: Therapeutic touch: a healing modality. *J Cardiovasc Nurs* 1996, 10:27–49.
27. NCCAM: Reiki: An Introduction; 2012. Available at: <http://nccam.nih.gov/health/reiki/introduction.htm>. Accessed April 24, 2012.
28. Reiki for all creatures: Reiki for all creatures. 2012th edition; 2012. Available at: <http://www.reikiforallcreatures.com>.
29. Richeson N.E., Spross J.A., Lutz K., Peng C.: Effects of Reiki on anxiety, depression, pain, and physiological factors in community-dwelling older adults. *Res Gerontol Nurs* 2010, 3(3):187–99.
30. Rosa L, Rosa E, Sarner L, Barrett S: A close look at therapeutic touch. *JAMA* 1998, 279(13):1005–10.
31. Walach H: The Campaign Against CAM and the Notion of “Evidence Based”. *J Altern Complement Med* 2009, 15:1139–42.

Ковалев А.В.

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОТЕРАПИИ НАРУШЕНИЯ ЗРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию эффективности биопсихосоциального подхода в рамках психотерапии нарушений зрения, имеющих психосоматическую природу. Для начала проводится анализ теоретических основ биопсихосоциальной модели и психосоматической природы нарушений зрения. В результате эмпирического анализа доказываемся эффективность применения биопсихосоциальной модели, которая позволяет рассматривать человека как систему и воздействовать на все три уровня – биологический, психологический и социальный.

Ключевые слова: биопсихосоциальная модель, психосоматика, нарушение зрения, стресс.

Abstract. The article is devoted to the study of the effectiveness of the biopsychosocial approach in the framework of psychotherapy of visual impairments having a psychosomatic nature. To begin with, the theoretical foundations of the biopsychosocial model and the psychosomatic nature of visual impairment are analyzed. As a result of empirical analysis, the effectiveness of the biopsychosocial model is proved, which allows us to consider a person as a system and influence all three levels – biological, psychological and social.

Keywords: biopsychosocial model, psychosomatics, visual impairment, stress.

Введение

Жизнь человека на всем ее протяжении связана со стрессовыми ситуациями. Стресс вызывают различные значимые или даже несильно значимые события и ситуации. При этом залогом благополучной жизни

является не побег от стресса, а умение адаптироваться к нему на всех уровнях ради поддержания целостности «Я». В ином случае стресс может приводить к внутреннему конфликту и напряжению, которое в свою очередь вызывает нарушения на физическом уровне, исцелять которое необходимо, воздействуя на все уровни: физический, психологический и социальный.

Тем не менее на данный момент в научной среде все еще не до конца принята концепция рассмотрения человека как системы. По словам В. В. Козлова, «ни практики, ни теоретики психотерапии не пытаются рефлексировать целостную картину психической реальности человека. В психотерапии отсутствует восприятие целостной картины психической реальности, которая проявлена на всех уровнях – от биологического до духовного» [Козлов].

Аналогичная ситуация складывается и в отношении психосоматических расстройств, среди которых стоит отметить нарушения зрения. Они достаточно распространены в обществе не только среди пожилых, но и среди детей и молодых людей и в ряде случаев возникают на фоне хронического стресса или травмирующего события и имеют психосоматическую природу. При этом принято лечить проблемы со зрением с помощью лазерной коррекции, гимнастики, лекарственных препаратов и пр., обходя стороной психотерапию.

Сущность биопсихосоциальной модели

Подход на основе биопсихосоциальной модели впервые был предложен George L. Engel в 1977 г., который считал, что она позволяет при рассмотрении болезни учитывать социальные, психологические и поведенческие «измерения» [Engel, 1977]. Биопсихосоциальный подход приобрел значительное влияние в сфере научных исследований, медицинской практики и образования. С его позиции рассматриваются многие хронические заболевания, включая сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания и пр. [Биопсихосоциальная модель в психиатрии как оптимальная парадигма для современных биомедицинских исследований, 2020]. Традиционная биопсихосоциальная модель подразумевает, что на заболевание воздействует три группы взаимосвязанных факторов: биологические (наследственность, физиологические особенности и соматические нарушения), психический (убеждения, чувства, отношение к болезни), социальный (особенности окружающего социума).

Однако потенциал биопсихосоциальной модели намного шире медицинской сферы, и мы считаем эту модель перспективной в применении в рамках психотерапии.

Мы считаем, что при терапии психосоматических нарушений и в психотерапии вообще необходимо подходить к человеку не как к «носителю» отдельных чувств, эмоций, убеждений, заболеваний и пр. и лечить их по отдельности. Необходимо рассматривать человека как систему, в которой все уровни – биологический, психологический и социальный (поведенческий) взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Лечение только телесных, физических проявлений нарушения зрения в виде психосоматического

расстройства или заболеваний кардинальными методами (к примеру, с помощью лазерной коррекции) не будет иметь долгосрочный эффект, так как при этом не учитывается природа нарушения, а ведется работа только с последствиями.

Суть предлагаемой психотерапевтической методики для улучшения зрения заключается в работе над тремя уровнями в течение одной сессии – биологическим (то есть физические ощущения), психологическим (чувства, эмоции, установки, убеждения клиента) и социальном (паттерны поведения, стратегии совладания со стрессом, действий, которые выполняет клиент из-за своей психотравмы и пр.).

При дезадаптации к стрессовой ситуации последствия проявляются на всех трех уровнях:

1) биологический (телесный, физический) уровень – на этом уровне последствия стресса проявляются в виде неприятных ощущений: напряженности мышц, кома в горле, головной боли, покалываниях в конечностях, боли в животе и пр.;

2) психический уровень – на этом уровне стрессовая ситуация закрепляется в виде деструктивных мыслей («я неудачник», «у меня никогда ничего не получается», «весь мир против меня» и т.д.), негативных убеждений о себе, чувства тревоги, вины, стыда, гнева, раздражительности и пр.;

3) социальный уровень – этот уровень является проявлением социального поведения человека. Так, человек, у которого есть травма отверженного, в обществе может вести себя застенчиво, пугливо, избегать социальных ситуаций и пр. Также психотравма может выражаться в виде неспособности человека принимать решения, находиться в апатии, «ступоре» и пр.

Соответственно в нашей методике мы предлагаем работу сразу над тремя уровнями проявления психотравмы, используя такие методы работы, как регрессивный гипноз, ЭОТ (эмоционально-образная терапия), телесно-ориентированная терапия, АСТ (терапия принятия и ответственности).

Особенности психосоматических нарушений зрения

Нарушения зрения – это не всегда соматические нарушения. В ряде случаев они носят психосоматическую природу, то есть корнями уходят в негативный опыт или стрессовую ситуацию, которая привела к внутреннему конфликту и напряжению и затем отразилась на телесном уровне в виде ухудшения зрения. В научной среде признается тот факт, что в определенных случаях ухудшение зрения имеет психосоматическую природу, однако наблюдается недостаток работ, посвященных исследованию психогенных причин данного нарушения и эмпирическому анализу психотерапии как средства для восстановления зрения.

П.С. Решетова полагает, что острота зрения напрямую связана со всеми сферами жизни человека – не только физической, но и духовной и психической [Решетова, 2017]. В случае, если человек долгое время находится под воздействием физических, психических, духовных перегрузок, это неизбежно приведет к возникновению психосоматических расстройств, в том числе к ухудшению зрения. И.Ю. Сидоров, П.С. Решетова и Е.В. Соболева

полагают, что для лечения нарушений зрения требуется не только лечение глаз у офтальмолога, но также психологическая помощь [Сидоров, 2017]. Необходимо установить причину ухудшения зрения. Это могут быть напряженные отношения с начальством, нелюбимая работа, напряженные отношения в семье и пр. Среди основных факторов нарушений зрения мы считаем отношения с родителями, а именно переживание психотравм из-за неблагоприятной обстановки в семье в детстве, эмоциональное и физическое насилие со стороны родителей, высокая требовательность, критика и пр. Т.О. Руденко среди психогенных причин нарушения зрения выделяет неприятие себя, сложности в отношениях с родителями и другими значимыми близкими, неудовлетворенность социальным положением, вторичные выгоды (возможность получать сочувствие и внимание, снять с себя определенные обязательства, отказаться от неудобных или неприятных занятий и отношений, сославшись на плохое зрение и пр.) [Руденко, 2023].

В.А. Sabel и его соавторы полагают, что глаукома в ряде случаев вызывается повышением внутриглазного давления, которое является следствием стресса [Sabel, 2021; Sabel, 2018]. Стресс также может быть триггером увеита (воспаления стекловидного тела). Как показано в работе Z.I. Carrim, включение эффективной психотерапии в офтальмологическое лечение позволяет получать более быстрые результаты с низким риском рецидива [Carrim, 2006].

М.М. Нујек подчеркивает необходимость включения в лечение нарушений зрения не только медицинских методов и средств, но также психотерапевтических методов для стабилизации психоэмоционального состояния пациентов и разрешения их внутренних конфликтов [Нујек, 2022].

Влияние стресса на зрение объясняется следующим механизмом. Сильный или хронический стресс приводит к повышению артериального давления, которое в свою очередь влияет на внутриглазное давление. В то же время при стрессе происходит выброс избыточного количества адреналина, что негативно воздействует на состав крови. Умственное или психическое напряжение вызывает напряжение в глазных мышцах. Физические ресурсы не бесконечны и в результате в совокупности все это сказывается на перенапряжении глазных мышц и остроте зрения. В отдельных случаях сильный стресс даже может привести к слепоте.

Напротив, положительные эмоции, отдых, адаптивные стратегии совладания со стрессом, умение позитивно смотреть на мир положительно сказываются на организме человека, укрепляют его нервную систему, стабилизируют эмоциональное состояние.

Цель. В связи со сказанным целью исследования послужило исследование эффективности биопсихосоциальной модели при психотерапии психосоматических нарушений зрения.

Задачи исследования: выделить основные особенности психоэмоционального состояния и уровня зрения у испытуемых до и после

психотерапевтических сессий; выявить общие факторы психотравмы, которая привела к нарушению зрения.

Методы исследования

Исследование проходило в несколько этапов:

– на первом этапе были отобраны соответствующие целям психотерапии методы, подобран диагностический инструментарий, сформирована выборка исследования;

– на втором этапе был разработан курс сессий по улучшению зрения клиентов, у которых данные нарушения были вызваны не соматическими причинами, а являлись следствием адаптации к стрессу;

– на третьем этапе была проведена первичная диагностика испытуемых и экспериментальная работа по улучшению зрения на основе применения биопсихосоциальной модели;

– на четвертом этапе была проведена повторная диагностика, проанализированы результаты, подведены итоги.

Исследование проводилось с 1 мая 2021 г. по 31 августа 2021 г., вторая часть исследования проходит в 2024 году.

На терапевтических сессиях использовался регрессивный гипноз, ЭОТ (эмоционально-образная терапия), телесно-ориентированная терапия, АСТ (терапия принятия и ответственности).

Основной гипотезой исследования было предположение о том, что метод психотерапии, основанный на применении биопсихосоциальной модели, является эффективным в улучшении зрения через устранение первоначальных причин ухудшения зрения в виде стресса и психотравмы.

В выборку исследования было отобрано 6 человек, которые имеют проблемы со зрением в виде сниженного зрения, быстрой утомляемости глаз, напряженности зрительных мышц. Столь малая выборка объясняется сложностью в подборе испытуемых, которые бы отвечали всем необходимым параметрам, были согласны на использование некоторых данных касательно их терапии в диссертационном исследовании, имели возможность в прохождении курса психотерапии и готовы были оставить видео отзыв о полученных результатах. Также это связано с большой трудоемкостью проведения исследования.

Отбор в выборку производился на основании соответствия добровольцев ряду критериев:

– по результатам медицинских обследований у испытуемых нет соматических нарушений, которые могли бы привести к нарушению зрения;

– ухудшение зрения началось со стрессовой ситуации или на фоне хронического стресса – это дает основания полагать, что в основе ухудшения зрения лежат не соматические нарушения, а психосоматические процессы дезадаптации к стрессовой ситуации;

– периодически зрение улучшается в расслабленном состоянии и ухудшается на фоне очередной стрессовой или напряженной ситуации, усталости. Так, испытуемые отмечали, что в периоды, когда они чувствовали себя отдохнувшими и относительно спокойными в плане

психоэмоционального состояния, их зрение становилось лучше. При этом к вечеру, в стрессовых ситуациях зрение ухудшалось. Это также является одним из признаков психосоматической природы нарушения зрения.

Таким образом, обязательным условием для проведения сессий по улучшению зрения через применение биопсихосоциальной модели являлась психосоматическая природа нарушений – нарушение зрения произошло из-за неумения клиента справляться со стрессом, использования дезадаптивных стратегий, переживания серьезного стресса и травмирующего опыта.

На первой, вводной сессии была проведена диагностика причин ухудшения зрения, устанавливались травмирующие или стрессовые ситуации, которые скорее всего привели к нарушениям зрения. Далее на психотерапевтических сессиях осуществлялось погружение клиента в трансное состояние и в травмирующую ситуацию, которая вызвала нарушение зрения. После этого клиент перепроживал эту ситуацию, но более мягко, адаптивно, меняя свое отношение к этой травме. Далее происходило исцеление субличности внутреннего ребенка, клиент еще раз оценивал свою реакцию на триггерную ситуацию и выходил из транса. В конце сессии проводилось обсуждение результатов, оценивались телесные ощущения клиента, его психоэмоциональное состояние, убеждения и установки относительно проблемной ситуации. В качестве проработки социального, поведенческого уровня оценивалось поведение клиента, степень его расслабленности, уверенности в себе.

Результаты и обсуждение исследования

Методика улучшения зрения через устранение психофизиологических последствий стресса на основе биопсихосоциальной модели в целом показала положительные результаты. В таблице 1 представлены результаты исследования.

Таблица 1. Результаты экспериментального исследования эффективности применения биопсихосоциальной модели при психотерапии нарушения зрения

	До эксперимента	После эксперимента
	Снижение зрения до -4. Зрение ухудшалось из-за стрессовой ситуации в возрасте 9-10 лет	Улучшение зрения на 0,75. Стабилизация психоэмоционального состояния, повышение уровня базового доверия к миру
	Снижение зрения до -5. Ухудшение зрения началось в возрасте 16-17 лет из-за перехода в старшую школу, далее из-за учебы в университете и пр.	Улучшение зрения на 0,25 и 0,5. Повышение стрессоустойчивости и улучшения психоэмоционального состояния
	Снижение зрения до -0,25 и -0,5. Ухудшение зрения началось в тяжелый жизненный период	Улучшение зрения на 0,15 и 0,25. Повышение уровня стрессоустойчивости,

		стабилизация психоэмоционального состояния
	Снижение зрения до -3,5 и -2,5. Ухудшение зрения началось на фоне развода	Нестабильные улучшения в расслабленном, отдохнувшем состоянии. Улучшение психоэмоционального состояния
	Близорукость, астигматизм. Ухудшение зрения началось на фоне тяжелой учебной нагрузки в школе, неблагоприятной ситуации в семье	Нестабильные улучшения в расслабленном, отдохнувшем состоянии. Улучшение психоэмоционального состояния
	Снижение зрения до -2. Ухудшение зрения началось после энцефалита, затем после рождения ребенка	Нестабильные улучшения в расслабленном, отдохнувшем состоянии. Улучшение психоэмоционального состояния

Таким образом, из 6 человек стабильное и явное улучшение зрения было отмечено у 3 человек, у остальных улучшения носили нестабильный характер. При этом все испытуемые отмечали улучшение и стабилизацию психоэмоционального состояния, повышение стрессоустойчивости, доверия к себе и миру, овладение навыками адаптивного совладания со стрессовыми и травматичными ситуациями.

Анализ кейсов позволил выявить, что нарушение зрения у испытуемых произошло вследствие сильного стресса, который на психическом уровне привел к возникновению следующих внутренних конфликтов:

- травма отверженности – испытуемые ощущали себя ненужными, брошенными и в то же время испытывали стыд и чувство вины;
- недостаток эмоциональной близости со значимыми людьми и чувство обиды, вызванные эмоциональным насилием со стороны родителей и других близких людей;
- травма несправедливости, ощущение себя беспомощными, неспособным противостоять невзгодам и житейским неудачам;
- недоверие самому себе, своим чувствам и эмоциям, стремление подавить свои негативные эмоции для сохранения внешнего спокойствия и благополучия;
- стремление получить вторичную выгоду из своего недуга, а именно желание, чтобы человека жалели, сочувствовали ему
- высокая степень неопределенности и тревоги за будущее, негативные ожидания от предстоящих в жизни событий.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что биопсихосоциальный подход доказал свою эффективность при лечении нарушений зрения через психотерапию.

Выводы

Итак, в данном исследовании было показано, что биопсихосоциальная модель является эффективной при лечении психосоматических нарушений

зрения в рамках психотерапии. Данное исследование является первым этапом в исследовании эффективности биопсихосоциальной модели. В дальнейшем мы представим результаты исследования эффективности использования биопсихосоциальной модели при психокоррекции эмоционального выгорания. Также на данный момент нами также проводится терапевтическая работа по представленному методу в рамках биопсихосоциального подхода с клиентами, страдающими от мигрени и РПП.

Мы считаем необходимым дальнейшую работу в данном направлении и внедрение биопсихосоциального метода при работе с большей выборкой испытуемых для доказательства его эффективности с помощью статистических методов.

Библиографический список:

1. Биопсихосоциальная модель в психиатрии как оптимальная парадигма для современных биомедицинских исследований / Н. Г. Незнанов, Г. В. Рукавишников, Е. Д. Касьянов. – Текст : непосредственный // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2020. – № 2. – С. 3-15. 9
2. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
3. Решетова, П. С. Психологические аспекты хорошего зрения / П. С. Решетова. – Текст : непосредственный // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2017. – № 4 (19). – С. 96-98. 1
4. Руденко, Т.О. Психосоматические предпосылки снижения зрения / Т. О. Руденко. – Текст : непосредственный // Международные конференции. Педагогика и психология. – 2023. – № 4. – С. 33-39. 7
5. Сидоров, И. Ю. Психосоматический аспект патологий рефракции / И. Ю. Сидоров, П. С. Решетова, Е. В. Соболева – Текст : непосредственный // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2017. – № 4 (19). – С. 99-101. 2
6. Carrim, Z. I. The relationship between stress and acute anterior uveitis / Z. I. Carrim, T. Y. Ahmed, A. H. Taguri. – Текст : непосредственный // Acta Ophthalmol Scand. – 2006. – № 84(6). – P. 795-798. 6
7. Engel, G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine / G. L. Engel. – Текст : непосредственный // Science. – 1977. – № 8. – P. 129-136. 10
8. Hyjek, M. Psychosomatics in ophthalmology – review of the literature / M. Hyjek, A. Hordejuk. – Текст : непосредственный // Journal of Education, Health and Sport. – 2022. – № 12(12). – P. 30-34. 3
9. Sabel, B. A. Is Mental Stress the Primary Cause of Glaucoma? / B. A. Sabel, L. Lehnigt. – Текст : непосредственный // Klin Monbl Augenheilkd. – 2021. – № 238(2). – P. 132-145. 5

10. Sabel, B. A. Mental stress as consequence and cause of vision loss: the dawn of psychosomatic ophthalmology for preventive and personalized medicine / B. A. Sabel, J. Wang. – Текст : непосредственный // EPMA J. – 2018. – № 9(2). – P. 133-160. 4

Козлов В.В.

ПРИНЦИП ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация

Автор в статье исходя из понимания, что каждая личность уникальна не только в системе описаний, осмыслений, интерпретаций, переживаний и внешних поведенческих проявлений, но и структуре способностей, мотивации и интенций к самореализации, раскрывает принцип потенциальности в интегративной психологии.

Ключевые слова

Потенциальность, ресурс, реализация, самореализация, способности, свобода, независимость

Annotation

Based on the understanding that each personality is unique not only in the system of descriptions, conceptions, interpretations, experiences and external behavioral manifestations, but also in the structure of abilities, motivation and intentions for self-realization, the author reveals the principle of potentiality in integrative psychology.

Keywords

Potentiality, resource, realization, self-realization, abilities, freedom, independence

Одной из стратегических задач, стоящих перед психологией, является обеспечение качества эффективной практической помощи. Решение данной задачи неразрывно связано с профессиональной подготовкой квалифицированных специалистов психологической службы и реализацией всех потенциальных возможностей и способностей личности. С интегративной позиции психологическая работа рассматривается как система развивающих, коррекционных и реабилитационных психотехнологий, направленных на создание внешних и внутренних условий для раскрытия полного потенциала личности. Интегративная практическая психология направлена на расширение границ психического развития личности и

эффективности взаимодействия с окружающей действительностью [5, 6, 7, 9, 10, 14].

Курт Гольдштейн почти 100 лет назад (в 1926 г.) использовал термин «самоактуализация», имея в виду развитие заложенных от природы способностей. Для этого развития необходим определенный уровень напряжения, и самоактуализация будет происходить в процессе преодоления этого напряжения. По Гольдштейну, если есть талант, он должен быть реализован [9].

В академической психологии, к сожалению, движение за развитие человеческого потенциала до сих пор не имеет прочной позиции, а ее отношение к отдельным научным дисциплинам, например, к философии и психотерапии, все еще остается невыясненным. И все же есть достаточно простое основание для более внимательного отношения к движению за развитие человеческого потенциала и кругу поднимаемых им проблем.

В самом деле, от исследователя предмета психологии вряд ли ускользнет тот факт, что мы со всех сторон окружены идеологиями и мировоззрениями, теориями и концепциями, в основе которых лежат определенные духовные потребности, стремление осмыслить предельные проблемы человеческого существования, проблемы самореализации личности и использования потенциальности.

В сердцевине любого творческого акта и личностного развития находится трансценденция – преодоление рамок наличного бытия: пространства, времени и эго. Выход за пределы известного, освоенного, окультуренного составляет суть того, что мы называем движением за развитие человеческого потенциала в истории человечества [17].

Этот проект возник в незапамятные времена пробуждения сознания и отчетливо проявился уже во времена шаманизма сорок тысяч лет назад. Он принимает разнообразные формы в мировых религиозных и духовных практиках, светских духовных традициях, искусстве, науке, изобретательстве, контркультуре и Нью-эйдж, глубинной психологии, психологии личности и групп, современной трансперсональной психологии, исследующей надличностные, сверхличностные измерения психической реальности.

Движение за развитие человеческого потенциала в культуре всегда связано с предельным опытом, созиданием нового и преодолением старого и основано на концепциях персонального роста и реализации экстраординарных потенциальных возможностей. Великим Предтечей, который пытался направить культуру к радикальному преобразению, был Фридрих Ницше. Его пророк Заратустра постоянно призывает читателя к преодолению всех ограничений: «Человек есть нечто, что должно превозмочь». И можно, без

сомнения, утверждать, что этот призыв был услышан и во многом определил последующее развитие европейской культуры [10].

Среди всех народов и во все времена существовало представление о тайной, специальной, высшей форме знания, доступного человеку после прохождения через трудные обстоятельства и определенные испытания на пути нравственного совершенствования. Люди, прошедшие этот трудный путь духовных исканий и ставшие нравственными и духовными ориентирами для своего времени и окружения, были во все века и у всех народов, только назывались они по-разному: в Индии – Махатмы и Махариши, в Шумерской цивилизации – маги, в Греции – мудрецы, в древней Иудее – пророки, в Египте – посвященные, в христианских традициях – святые и подвижники, на Ближнем Востоке – суфии [9, 17].

И хотя называли их по-разному, объединяло их одно: их знание о том, что источник всех духовных традиций един и постоянен, и главной основой всех духовных традиций является одно – истина, а главным мотивом – движение за развитие человеческого потенциала, реализации вершинного человека. Эти люди «несли свет истины во тьме человеческого неведения» с тем, чтобы человек стал больше, чем он был, реализовал себя «возможного».

Движение за развитие человеческого потенциала, возникшее в 1940-е гг. в США, было наполнено именно этой великой идеей человеческой культуры. Но в отличие от многих теоретических направлений психологии, именно это движение всегда пыталось внедрить данную идею в практику работы с личностью и группами, сделать творческое самопроявление и достижение высших ценностей самой сутью жизни и самореализации людей.

Стремление реализовать свой потенциал включает в себя целеполагание, высокую мотивацию и энтузиазм. Т.е., чем у человека больше развита самоактуализация, тем ниже у него подчиняемость, полезависимость, тем глубже полнота проявления их глубинных способностей и ресурсов [9].

А. Маслоу охарактеризовал самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать. Человек, достигший этого уровня развития, добивается полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности. Самоактуализироваться — значит стать тем человеком, которым мы можем стать, достичь вершины нашего потенциала. Говоря словами А.Маслоу: «Музыканты должны играть музыку, художники должны рисовать, поэты должны сочинять стихи, если они, в конце концов, хотят быть в мире с самими собой. Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе». [18].

Самоактуализация не обязательно должна принимать форму творческих усилий, выражающихся в создании произведении искусства. Родитель, спортсмен, студент, преподаватель или рабочий у станка — все могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они

делают; специфические формы самоактуализации очень разнообразны. Именно на этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга. Реализация потребности в самоактуализации требует открытости новым идеям и опыту. И поэтому человеку будет легче переформулирование задачи, нежели принятие ее в таком виде, в каком ее задали.

Движение за развитие человеческого потенциала было оформлено как метод групповой работы Куртом Левиным, который в своих исследованиях пришел к твердому убеждению, что большинство эффективных изменений в установках личности происходит в групповом, а не в индивидуальном контексте. Первая Т-группа (тренинговая группа) возникла случайно в 1946 г. Эта группа несла в себе первый опыт самораскрытия и самосознания с помощью получения обратной связи. Это натолкнуло Левина и его сподвижников на мысль о возможности нового метода обучения и одновременно исследования групповой динамики. Успешная работа учеников К. Левина привела к основанию в США Национальной лаборатории тренинга (НЛТ). Она существует с 1947 г. и поныне.

В Национальной лаборатории тренинга была создана группа тренинга базовых умений. В Т-группах эффективному межличностному взаимодействию, умению руководить, разрешать конфликты в организациях, укреплять групповую сплоченность обучали управленческий персонал, менеджеров, политических лидеров.

В 1954 г. появляются тренинговые группы, ориентированные на выяснение жизненных ценностей человека, усиление чувства его самоидентичности; они получили название групп сензитивности.

В 1960-е гг. возникает движение тренинга социальных и жизненных умений, который применялся для профессиональной подготовки учителей, консультантов, менеджеров в целях психологической поддержки и развития. Это движение основывалось на традициях гуманистической психологии К. Роджерса. Среди жизненных умений выделялись следующие: умения решения проблем, общения, настойчивости, уверенности в себе, критичности мышления, самоуправления и развития Я-концепции; межличностное общение, поддержание здоровья, развитие идентичности, решение проблем и принятие решений; эмоционального самоконтроля, межличностных отношений, самопонимания, самоподдержки и концептуализации опыта.

Т-группы в современных условиях – это широкий спектр групп, имеющих разные цели, контекст. Именно в этом многообразии сама форма работы была интегрирована в движение за развитие человеческого потенциала [9].

Организации и семинары, которые квалифицируют себя, как часть движения человеческого потенциала: Эсален, ФОРУМ, Лайф Спринг, Арика, Summit Workshop, Сайентология, the Movement of Spiritual Inner Awareness, и многие другие. Бизнес и корпорации по всему Западу активно вовлекаются в техники за развитие человеческого потенциала. Рабочее место – идеальное пространство для извлечения выгоды из возрастающей продуктивности, достигаемой через вложение в тренинги и семинары. Крупнейшие

корпорации, включая RCA, IBM, Боинг, Форд, Генерал Дайнамикс финансируют тренинги персонала, созданные для реализации большей эффективности и потенциала. Психологические практические методы и техники использованные в подобных тренингах, однако вышли из нью-эйджевской или гуманистической ориентации.

Огромное количество авторов и мыслителей являются создателями Нью Эйдж идей, в областях философии, религии, физики, оккультизма, психологии, мифологии, холистического здоровья, образования, политики, экономики, социологии и др. Внутри этого широкого спектра появляются имена: Ричарда Альперта, Алисы Бейли, Яна Барбура, Анне Безант, Ричарда Бюке, Стена Грофа, Джозефа Кембелла, Карлоса Кастанеды, Пьера Теяра де Шардена, Рам Дасса, Барбары Маркс Хаббард, Элдоса Хаксли, Карла Юнга, Кена Кейса, Томаса Куна, Джона Лили, Тимоти Лири, Джессики Липнак, Теренса Маккена, Абрахама Маслоу, Карла Роджерса, Теодора Росзака, Марка Сатина, Олдоса Хаксли, Дэвида Спенглера, Рудольфа Штайнера, Аллана Уотса, Джеффри Стемпса, Кена Уилбера, Парамахансы Йогананды, Шри Ауробинды и многих других [1, 2, 5, 17, 19, 21, 23].

Предметом изучения и трансформации в начале 90-ых годов в русле направления интенсивных интегративных психотехнологий, практического направления психологии, организованного автором статьи, стала уникальная и неповторимая личность, постоянно созидаящая себя, осознающая свое назначение в жизни, регулирующая границы своей субъективной свободы при реализации своих витальных, телесных, материальных, социальных, духовных ресурсов, способностей, полноты личностного потенциала.

Мы исходили из понимания, что каждая личность уникальна не только в системе описаний, осмыслений, интерпретаций, переживаний и внешних поведенческих проявлений, но и структуре способностей, мотивации и интенций к самореализации. Нет ни одной личности в социальной реальности, которая была бы похожа на другую. Уникальность и самоценность личности обеспечивается уникальностью физических, эмоциональных, духовных, когнитивных способностей и ресурсов. При этом проявление личностного потенциала всегда является самосозиданием своего «Возможного Я», позволяющей личность свободно действовать независимо от внешних и внутренних условий.

Каждый человек обладает тенденцией к саморазвитию и потенциальностью, интенцией к целостности, большей свободе.

Самодетерминированное самосозидание как свобода полнезависимой личности опирается исключительно положительную оценку своих возможностей и ресурсов:

1. В центре самосознания мы можем обнаружить переживание личностью своей уникальности, неповторимости и совершенства как истины существования.

2. Само бытие человека в любой момент жизни уникально, неповторимо и совершенно как завершенность и факт в «здесь и сейчас».

3. Личность обладает уникальным, неповторимым и совершенным ресурсом, потенциальностью.

4. Самоактуализация этих ресурсов является потенциалом уникальной, неповторимой и совершенной самореализации личности.

В предметной области психологическая практическая работа каждой раз предполагает уникальный внутренний мир бытия человека, а в аспекте метода и стратегии – каждый раз предельное внимание и адекватный подход, оригинальное методическое и психотехническое инструментирование взаимодействия с целью реализации человеческого потенциала.

Принимая себя, человек адекватно осознает наличие всех своих достоинств и недостатков, своих слабых и сильных сторон. Таким образом, принимая себя, человек становится близким самому себе, искренним перед собой. Он перестает осуждать себя за какие-то неверные действия, осознавая свои слабости. Принимая себя, человек все свои мысли, поступки, образ жизни выстраивает в согласии с самим собой. Всецело приняв себя, ему больше не требуется огромное количество энергетических затрат на то, чтобы подавлять свое истинное «Я».

И в результате человек начинает доверять себе: своим мыслям, чувствам, ощущениям, действиям; он начинает доверять первичным импульсам, исходящим от его тела. Человек перестает бояться чужих оценок, мнений, перестает зависеть от них, перестает подстраиваться под них. Приняв себя, доверяя себе, у человека как бы формируется «внутренний стержень», который позволяет видеть себя изнутри, и на котором рано или поздно начинают вырастать его личные позиции в отношении других людей и всего окружающего мира [22].

К сожалению, большинство людей воспитываются на многочисленных стереотипах, запретах, ограничениях. Человек изначально воспитывается зависимым от других людей. В детстве он зависим от мнения родителей, в юности и зрелом возрасте – от мнения друзей, коллег, авторитетов. Многие люди находятся в зависимости друг от друга. Люди переполняют свое сознание разными мнениями, позициями, оценками, установками в отношении чего-либо. И эти мнения, оценки, позиции и установки часто очень противоречат друг другу. В результате, сознание человека становится настолько переполненным, что создается полный хаос. Человек не знает, чему верить, что правильно, а что нет. Одни говорят о нем одно, другие совсем

другое. Это порождает сомнения человека в отношении самого себя, а сомнения, в свою очередь, никуда не исчезают, а, наоборот, с каждым днем продолжают наслаиваться друг на друга. И, кажется, что человек совершенно не знает себя: кто он, зачем он, почему он. Так человек попадает в зависимость от других. Но он не может остановиться и сделать шаг назад, так как боится остаться один, считая, что в одиночестве потеряет себя. Следует признать, что признание здорового чувства и экзистенциального факта является основой самореализации.

В результате человек в большей степени привыкает ориентироваться и полагаться на чужое мнение. И если кто-то не верит в его способности и потенциал, то, скорее всего, человек не решится на тот или иной поступок. Причиной этому, вероятно, является то, что человек боится не оправдать доверие других людей в отношении себя.

Таким образом, человек губит свои способности, зарывает свой талант, не позволяет раскрыться своему потенциалу, своим ресурсам. Все это происходит потому, что человек сам себе не доверяет, он сам не верит в свои силы и способности. Он часто соглашается с мнением других, не зная себя, не зная своего истинного «Я», будто не понимая, что он сам может и хочет на самом деле.

И действительно, оказывается, что человек совершенно не знает самого себя. Как же ему быть? Как ему избавиться от того рабства, в которое он сам себя заключил?

И здесь самым главным является принятие себя, заглянуть вглубь себя, обратиться к своему «Я», полностью раскрыть свое «Я» перед собой, прислушаться к своему внутреннему голосу. Увидеть в себе те качества, тот потенциал, те ресурсы и возможности, которые на самом деле есть. При этом важно быть предельно искренним с собой, настоящим, без фальши, лести и масок, открываясь глубинной потенциальности своей психической реальности.

И только увидев себя таким, человек может стать близким самому себе, он может раскрыть перед собой всю свою сущность. Человек может доверять себе, а значит, он может полюбить себя и быть уверенным в том, что «Ты можешь».

Доверяя себе, человек является свободным: он независим и невозмутим в принятии решений, совершении каких-то поступков из мотивации самореализации, в противном же случае, он не может быть самим собой, так как зависим от других.

Человек начинает вести диалог со своим ресурсом, актуализируется творческий потенциал человека. Он начинает познавать себя, каждый раз открывая что-то новое. Это путь к подлинному «Я». Путь, на котором человек начинает принимать себя во всех своих проявлениях.

Таким образом человек получает возможность встать на путь формирования или восстановления доверия к себе, своим способностям и ресурсам.

Принимая себя, доверяя себе, человек находится в согласии, в гармонии с самим собой. Он внутренне спокоен и невозмутим, так как внутри него есть этот «стержень», есть то внутреннее ядро, которое позволяет ему быть уверенным в своих силах и возможностях, позволяет ему быть самим собой с реализованной потенциальностью.

Таким образом, доверие к себе является главным условием гармоничных отношений личности с самим собой. Доверяющая себе личность способна воспринимать и принимать себя как целостный субъект, для которого характерным является самоуважение, независимость ценностей, искренность перед собой и открытость себе и своему личному опыту и способам самореализации.

Психосоматические заболевания, неврозы, личностные кризисы, внутренние и внешние конфликты, невозможность реализации и творчества, сложности межличностного взаимодействия рассматриваются в интегративной психологии как различные среды реализации сознания в личности, имеющие в самих себе реальный потенциал преодоления их негативного аспекта и развития в свою противоположность.

Если мы обратим внимание на особенности русской ментальности, то можем отметить особый способ восприятия пространства. Оно переживается как простор, как то, куда вырываешься из неволи, как чистую потенциальность бытия, воля, свобода, полноценное дыхание, т.е. духовная жизнь, не стесненная мирской скорбью.

Интегративная методология, опираясь на целостное видение человека в перспективе его материального, социального, духовного роста, предполагает при психологической работе с клиентом раскрытие его потенциальности, развитие интуиции, творчества, высших состояний сознания, личностных ресурсов. Использование этого принципа предполагает, что индивидуум мобилизует свои ресурсы для преодоления кризисного состояния, фрустрации и страха, возникающих из-за отсутствия поддержки со стороны окружающих и неадекватность самоподдержки [10].

Социальная, политическая и экономическая стабильность любого общества зависит от высокоразвитого творческого и интеллектуального потенциала его граждан. Процесс освобождения общества имеет свои преимущества во всех аспектах, а также создание возможностей и условий для проявления творчества и мыслительной деятельности личности во всех аспектах. В свободном обществе психический, духовный и творческий потенциал человека полностью проявляется в процессе самореализации, само воплощении глубинного ресурса личности.

На наш взгляд, каждый человек обладает тенденцией к саморазвитию и потенциальностью, интенцией к целостности, большей свободе.

Раскрытие потенциальности может быть достигнуто на разных уровнях и не обязательно включать в себя так называемый духовный уровень. Более того, формы раскрытия могут быть различными.

В психологической работе потенциальность может раскрываться:

- в узнавании о различных составляющих своей личности, структуры, качеств, свойств, способностей и т.д.;
- в раскрытии перспектив развития своего материального, социального и духовного Эго;
- в отождествлении или разотождествлении со значимыми фрагментами или качествами своего Эго;
- в раскрытии потенциальных возможностей, способностей, витальных ресурсов;
- усилении основных тенденций личности, особенно конативной и гомеостатической;
- получение возможности отказа от отождествления себя с фрагментами Эго и приобретение способности их контролировать;
- раскрытие творческих сил личности, высших психических состояний сознания, экзистенциальных смыслов существования.

Мы могли бы еще продлить этот список, т.к. направлений и форм раскрытия потенциальности множество [10, 14].

Самое важное в принципе потенциальности – открытие простора для дальнейшего развития, движения, жизни среди людей.

Литература.

1. Ауробиндо Ш. Синтез йоги. М.: Наука, 1993.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Теория и практика. М.: REFL-book, 1994.
3. Гроф С. Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования. М.: ТПИ, 1995.
4. Капра Ф. Уроки мудрости: разговоры с замечательными людьми. М.: ТПИ, 1996.
5. Козлов, В. В. Бытие личности: основные измерения / В. В. Козлов // Методология современной психологии. – 2024. – № 21. – С. 148-157.
6. Козлов, В. В. Истоки осознания : теория и практика интегративных психотехнологий / В. В. Козлов. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Минск : ООО "Полібір", 1995. – 340 с.
7. Козлов, В. В. Психология успеха: жизнь с вершины / В. В. Козлов, И. Донченко. – Запорожье : Статус, 2019. – 144 с. – (Психология для жизни). – ISBN 978- 617-7759-17-0.
8. Козлов, В. В. Основы психологии духовности: высшие состояния пробуждения / В. В. Козлов. – Москва : МАПН, 2018. – 328 с.
9. Козлов В.В., Психология сознания: интегративный подход. М., Психотерапия, 2022 – 274 с.
10. Козлов, В. В. Движение за развитие человеческого потенциала / В. В. Козлов. – Ярославль : Издательство "Титул", 2017. – 169 с.
11. Козлов, В. В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности / В. В. Козлов. – Москва : Психотерапия, 2007. – 675 с.

12. Козлов, В. В. Управление конфликтом / В. В. Козлов, А. А. Козлова ; В. В. Козлов, А. А. Козлова. – [М.] : Эксмо, 2004. – (Бизнес-тренинг). – ISBN 5-94692-412-5.
13. Козлов, В. В. Психология творчества : свет, сумерки и темная ночь души / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. – (Международная академия). – ISBN 978-5-902396-06-2.
14. Козлов, В. В. Психология буддизма : монография / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : Ин-т консультирования и системных решений, 2011. – 187 с. – ISBN 978-5-91160-039-6.
15. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
16. Козлов, В. В. Организационная культура / В. В. Козлов, Ю. Г. Одегов, В. Н. Сидорова. – Москва : Компания КноРус, 2013. – 272 с. – ISBN 978-5-406-02468-3.
17. Креативность как ключевая компетентность педагога / М. М. Кашапов, В. В. Козлов, В. И. Панов [и др.]. – Ярославль : ООО "Издательско-полиграфический комплекс "Индиго", 2013. – 392 с. – ISBN 978-5-91722-159-5.
18. Леонтьев Д.А. (ред.). Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 680 с.
19. Майков В. В., Козлов В. В. Трансперсональная психология: истоки, история, современное состояние. М.: АСТ, 2004.
20. Маслоу А. О менеджменте: самоактуализация. М., 2003.
21. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
22. Новиков, В. В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах : монография / В. В. Новиков, Г. М. Мануйлов, В. В. Козлов ; Новиков В. В., Мануйлов Г. М., Козлов В. В. ; Междунар. акад. психологических наук. – Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. – 435 с. – ISBN 978-5-902396-08-6.
23. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.: REFL-book–К.: Ваклер, 1997.
24. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.
25. Фейдиман Д., Фрейгер Р. Теория и практика личностно-ориентированной психологии. Методика персонального и социального роста. В 2-х тт. М.: Три Л, 1996.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД. ЧАСТЬ I.

Аннотация. В статье рассмотрены первые социально-психологические исследования в контексте исторической науки, проведенные французскими учеными Г. Лебном и Г. Тардом. Утверждается, что указанные психологи разрабатывали три основные проблемы: проблему феноменологии крупных социальных общностей (с точек зрения особенностей толпы и механизмов ее образования и поддержания единства), проблему лидерства (с точки зрения анализа личности самого вождя и с точки зрения того, каким образом он осуществляет свою власть над группой) и проблему исторического процесса (с точки зрения влияния на него масс).

Ключевые слова: историческая психология, психология, история, социальная психология.

Abstract. The article considers the first socio-psychological studies in the context of historical science conducted by French scientists G. Le Bon and G. Tarde. It is argued that these psychologists have developed three main problems: the problem of the phenomenology of large social communities (from the point of view of the characteristics of the crowd and the mechanisms of its formation and maintenance of unity), the problem of leadership (from the point of view of analyzing the personality of the leader himself and from the point of view of how he exercises his power over the group) and the problem of the historical process (in terms of the influence of the masses on him).

Keywords: historical psychology, psychology, history, social psychology.

Введение. В ряде наших предыдущих работ [1, 2, 4-6] были показаны социально-психологические механизмы влияния на психику человека, в том числе в историческом контексте.

Социально-психологические исследования наряду с психоаналитическими и исследованиями по истории ментальностей составляют корпус штудий по исторической психологии, дисциплины, в общих чертах изучающей психологический склад людей и обществ прошлого [3]. Возникнув генетически раньше, социально-психологические исследования массовидных явлений психики на материале революций и войн стали классикой данного направления. Поэтому имеет смысл рассмотреть то, каким образом происходила реализация социально-психологического подхода в исторической психологии на заре его возникновения – в последней трети XIX века во Франции.

Реализация социально-психологического подхода в исторической психологии в работах французских ученых. Одним из основоположников социально-психологических исторических исследований можно считать французского психолога, историка и социолога Г. Лебона. Его известная работа «Психология масс» была издана в 1895 году и с тех пор является

признанным эталоном в трудах, посвященных психологии больших социальных общностей.

В введении к книге автор провозглашает «эру масс», эпоху, когда именно массы определяют облик современного мира: «Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушиваться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы нации» [7, с. 126]. Однако в этой тенденции Лебон не видит ничего хорошего, считая, что цивилизации создавались горсткой интеллектуалов-аристократов, а эра толп знаменует собой откат к варварству.

С социально-психологической точки зрения автор рассматривают «душу толпы», то есть ее коллективную психику. Индивиды объединяются в такую группу следуя «психологическому закону духовного единства толпы», который заключается в формировании коллективной души; это новое групповое психическое образование побуждает каждого человека испытывать эмоции, мыслить и вести себя образом, отличным от того, как он ведет себя в отдельности. В качестве иллюстрации этого тезиса Лебон приводит пример отказа от своих привилегий аристократией 4 августа 1789 года во время Великой французской революции: коллективное отречение от таких благ стало возможным в условиях, когда каждый дворянин по отдельности не захотел бы этого сделать.

Оценивая коллективный интеллект толпы, автор ставит его ниже по сравнению с интеллектом отдельного индивида. Но если сравнение провести в плоскости чувств и поступков, то она может вести себя лучше или хуже обычного человека с моральной точки зрения. Признавая преступность толпы, как это делали и многие другие его современники, Лебон акцентирует и способность ее к героическим поступкам, таким как участие в первом крестовом крестовом походе или защита французами Республики во время Войны первой коалиции.

Проводя социально-психологическое исследование толпы, автор выделяет пять ее основных характеристик [7]:

1) импульсивность, изменчивость и раздражительность – импульсы, направляющие толпу, намного превосходят желания отдельных индивидов, однако они неустойчивы во времени и могут меняться на диаметрально противоположные. Кроме того, поведение толпы всегда непреднамеренно, ее действия не имеют заранее определенного смысла;

2) податливость внушениям и легковёрность – в силу сниженного коллективного интеллекта толпа оказывается подвержена внушению, принимая некритично на веру любую информацию. Из этого тезиса делается вывод о недостоверности многочисленных личных свидетельств участников исторических событий;

3) преувеличение и односторонность чувств – крупные массы людей имеют тенденцию к гипертрофированному переживанию негативных и позитивных эмоций, а их восприятие характеризуется низким уровнем избирательности. При этом обе эти особенности усиливаются отсутствием индивидуальной ответственности каждого члена толпы, так как она имеет

свойство распределяться между ними. В наше время этот феномен известен как делегирование ответственности группе;

4) нетерпимость, авторитетность и консерватизм – толпа испытывает только крайние чувства, радикальные мысли, она не признает полутонов, воспринимая какую-то идею как абсолютно истинную (правильную) или, наоборот, абсолютно ложную (неправильную). При этом такая масса совершенно уверена в своем авторитете и легко изгоняет такого вожака или оратора, который пытается ей прекословить. При этом большие социальные группы склонны к консерватизму и их революционность представляет собой всего лишь временную вспышку эмоций. В качестве примера этого тезиса Лебон приводит позитивное отношение якобинцев к узурпации власти Бонапартом;

5) нравственность – толпа всегда имеет определенный моральный облик, который может быть как негативным (в случае, например, издевательств над своей жертвой), так и позитивным (на примере того же первого крестового похода или волонтеров 1793 года).

С когнитивной точки зрения толпа может иметь идеи, определенным образом рассуждать и воображать [7]. Коллективные идеи, по Лебону, делятся на временные и устойчивые. К первым можно отнести внезапно возникающее и также быстро проходящее преклонение перед каким-то лидером; ко вторым – более устойчивые образования, такие как философские идеи Просвещения, которые потребовали почти столетия для закрепления в массовом сознании, однако оказались весьма стойкими во времени. Рассуждения толпы, хоть и схожи по своему ассоциативному характеру с более возвышенным мышлением, являются зачастую паралогичными, они связывают разнородные по своей сути вещи и чрезмерно обобщают частности. Наконец, воображение представляет собой источник образов, управляющих толпой; следовательно, оперирование воображением позволяет манипулировать такой человеческой массой.

Лебон считал, что детерминанты мнений и верований толпы можно разделить на отдаленные и непосредственные. В первую категорию он включил такие переменные, которые делают толпу способной к восприятию определенных убеждений и резистентной к другим взглядам. К таковым автор отнес расу, традиции, время, политические и социальные учреждения, образование и воспитание.

К непосредственным факторам мнений и верований толпы могут быть отнесены такие факторы, которые «надстраиваются» над подготовленным отдаленными переменными базисе [7]. Можно сказать, что эти факторы действуют на толпу «здесь-и-сейчас», то есть актуализируются в текущем социально-историческом контексте. В эту категорию автором были включены: образы, слова и формулы, обладающие сильным влиянием на людей, даже если они до конца и не понимают их значения (например, «свобода», «равенство», «социализм» и др.); иллюзии, например, религиозные, во имя которых воздвигались храмы и начинались войны; опыт, особенно масштабный, такой как Великая французская революция (Лебон называет

такой опыт «гигантским»), способный укрепить или разрушить верования; рассудок, но придерживающийся не ординарной аристотелевской логики, а сиюминутному настроению толпы.

Верования сами по себе делятся Лебоном на две основные группы. К первой относятся постоянные верования, то есть свойственные определенной крупной социальной общности представления о себе и мире, как, например, восприятие римлянами себя как центра цивилизации, противостоящего варварскому окружению. Такие убеждения устойчивы во времени и тяжело поддаются искоренению. Верования, относимые автором ко второй группе, можно скорее считать мнениями; они чрезвычайно изменчивы, так как не проистекают из постоянных верований, и их динамизм поддерживается за счет деятельности печатных органов. Иллюстрируя эту текучесть, автор приводит пример того, как всего лишь за одно поколение (1790-1820) общественное мнение трансформировалось от монархического к республиканскому, затем к имперскому, а позже снова к монархическому.

Феномен лидерства рассматривается Лебоном с трех основных сторон [7]. Во-первых, им анализируется само явление вождизма. Автор считает, что лидеры не являются мыслителями, они скорее люди действия; влияя на других, они часто сами оказываются под влиянием какой-либо идеи, как например М. Лютер или деятели революции. Для великих деяний требуются великие вожаки, которых Лебон делит на две категории по критерию устойчивости воли: к первой причисляются люди с смелые, буйные и храбрые личности с сильной, но неустойчивой волей, такие как французские маршалы М. Ней и И. Мюрат, а также объединитель Италии Дж. Гарибальди. Во вторую категорию Лебоном были зачислены «не столь блестящие», но обладающие сильной устойчивой волей лидеры, такие как св. Павел, Магомет и Х. Колумб. В отличие от первых, которые быстро «вспыхивают» и «гаснут» в политическом и историческом смыслах, вторые являются истинными творцами великих дел, так как за счет более стойкой во временном отношении воле, их влияние в итоге оказывается намного более значительным.

Во-вторых, Лебон анализирует основные способы действия вожаков [7]. К таковым он относит утверждение, повторение и заразу. Первая форма воздействия подразумевает «простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами»; именно краткость и бездоказательность определяют его силу. Вторая форма, повторение, основана на своеобразном «вбивании» идеи в коллективное сознание массы, причем этот процесс может быть весьма монотонным. Третья форма воздействия вожаков на массы подобно эпидемии, когда чувства и верования распространяются подобно вирусу. В качестве иллюстрации этого феномена автор приводит стремительное распространение революционного возмущения от Франции по континентальной Европе в 1848 год.

В-третьих, Лебон исследует фактор обаяния личности. Согласно ему, обаяние может слагаться из противоположных вызываемых реакций, таких как страх и восхищение. Само это качество бывает двух основных видов – личное и приобретенное. Первое связано с самим существом человека,

является его природными особенностями; второе скорее является следствием социального статуса. При этом личное обаяние может дополняться и усиливаться приобретенным. Так, автор приводит в качестве примера первую встречу Бонапарта и дивизионного генерала П. Ожеро, который намеревался проучить «фаворита Барраса», но вместо этого был вынужден безмолвно стоять на вытяжку в его присутствии. Впоследствии личное обаяние Бонапарта усилилось за счет его достижений на политической арене, превративших его в бесспорно «великого человека».

В конце своего труда Лебон приводит собственную классификацию видов толпы по критерию психологической гомогенности, которая бывает разнородной и однородной, а также более подробно останавливается на преступной и избирательной ее разновидностях. Преступная толпа направляется мощными внушениями и убеждена в правоте своих действий, что собственно и отличает ее от обычного преступника. В социальной массе такого рода часто стираются понятия морали и нравственности, вернее они временно изменяются согласно требованию момента; так, во время «сентябрьской резни» 1792 года ее участники были искренне уверены в том, что жестоко убивая дворян и священников они совершают благое дело.

С представлениями Лебона о сущности крупных социальных групп и их влиянии на ход исторического процесса полемизирует социолог, юрист и психолог Г. Тард. Первая его книга была почти полностью посвящена социологии, она вышла в 1890 году под названием «Законы подражания». Движущей силой общества, как в настоящем, так и в прошлом, он видит подражание. Так, изобретения или открытия, связываемые с прогрессом, определяются автором следующим образом: «Под этими двумя терминами я понимаю всякое нововведение или всякое дальнейшее улучшение предшествовавшего нововведения во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве» [7, с. 207]. По Тарду, феномен повторения, пусть и с некоторыми зависящими от эпохи и ситуационного контекста переменными, является основной движущей силой общества. Примеров различного по степени подражания в истории довольно много: римляне подражали грекам, Священная Римская империя подражала Римской империи Античности, Франция времен Республики и Империи подражала республике и империи Рима соответственно и т.д.

Соглашаясь с Лебоном в вопросе влияние масс на политику в прошлом, настоящем и будущем, Тард в своей работе «Мнение и толпа», изданной в 1901 году, предлагает разграничивать понятия «толпа» и «публика». Признавая, что «психология толпы выяснена», он дает следующее определение публики: «[публика это] чисто духовная совокупность, группа индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [7, с. 259]. Для того, чтобы четко разделить эти два понятия, автор предлагает следующие критерии: эволюцию (у публики она существенно более продвинутая, чем у толпы), нетерпимость (толпа существенно более нетерпима и менее скептически по сравнению с публикой), устойчивость (толпа легко образуется и также легко распадется под действием множества факторов, в то время как публика

существенно более стабильна), влияние лидера (толпа сама может породить вожака согласно своим сиюминутным предпочтениям, в то время как публика несет на себе отпечаток своего вдохновителя или создателя). Публика, если сравнивать ее с толпой, менее податлива внушению, в некотором смысле более разумна, чем толпа; толпа же «безумна», она отличается «гордостью, нетерпимостью, неумеренностью во всем» [7, с. 294].

Отдельное место в работе Тарда посвящено проблеме преступности больших социальных групп. Автор пишет, что «существует публика преступная, кровожадная», однако по сравнению с преступной толпой она «действительнее, утонченнее, глубже, непростительнее». Тард определяет четыре особенности, различающихся у преступных публики и толпы: (1) преступления публики производят менее отталкивающее впечатление; (2) у публики деяния связаны не столько с мстостью, сколько с корыстью, в том числе политической, в силу чего представляются менее жестокими, но более коварными; (3) давление публики более масштабно и продолжительно во времени; (4) преступления публики характеризуются большей безнаказанностью. Ее жестокие деяния движимы не вспышками гнева, как это бывает у разгоряченной толпы, а из страха; иллюстрируя этот тезис Тард приводит пример «Сентябрьской резни», которая возникла из страха революционных масс перед одновременным наступлением на Париж прусско-австрийской армии и восстанием роялистов в самом городе. Однако действия преступных публики и толп не исключают, а часто дополняют друг друга. Так, за совершающей зверства толпой часто таится публика, возбуждая и направляя ее гнев.

Изучая зарождение и генезис публики, Тард приходит к выводу о том, что во Франции она появилась при Людовике XIV, однако наибольшего влияния достигает уже во второй половине XVIII века, в эпоху Просвещения. Автор связывает это с развитием политического сознания парижской преимущественно публики, которое формировалось в результате «распространения газет, пожираемых с жадностью» [7, с. 264]. Сравнивая Великую французскую революцию с мятежами Фронды, Тард приходит к выводу о том, что основным социальным агентом первой была именно публика, поэтому она и смогла добиться столь значительных результатов в ломке «Старого порядка», в то время как бунтующие толпы прошлого оказались бессильны перед этим.

Допуская одновременное сосуществование и толпы, и публики, автор делает акцент на том, что во время революции во Франции наиболее активной была именно публика Парижа, что опять-таки он связывает с тем влиянием, которое на нее оказывали газеты, единственная в то время форма средств массовой информации. В остальных же частях королевства, отчасти подражая населению столицы, действовали именно толпы.

Отмечая всевозрастающее значение публики в истории, Тард отвергает лебоновскую «эру толпы», предлагая заменить ее «эрой публики или публик» [7, с. 266]. Согласно ему, толпа, будучи способной оказывать влияние на принятие определенных решений, не имела долгосрочного влияния. Под

давлением мятежников власти могли пойти на временные уступки, однако, после подхода правительственных войск и расправы над бунтовщиками, все возвращалось на круги своя. Влияние же публики существеннее, устойчивее во времени; это сила, которая уже может в определенной степени навязывать властям свои желания и условия, поэтому последним вынужденно приходится считаться с ее мнением. В этом и состоит историческое отличие толпы от публики, что и позволило Тарду сделать вывод о несостоятельности концепции «эры толпы» Лебона.

Заключение. Проведенный анализ работ по социально-психологическим исследованиям в истории позволяет сделать вывод о том, что относящиеся к данному направлению ученые разрабатывали три основные проблемы: проблему феноменологии крупных социальных общностей, проблему лидерства и проблему исторического процесса.

Феноменология крупных социальных общностей рассматривается авторами с двух основных позиций: особенностей толпы и механизмов ее образования и поддержания единства. В целом признается, что толпа импульсивна, неустойчива, безответственна, податлива внушениям, легковерна, нетерпима и консервативна. Поведение индивида в группе отличается от его поведения вне ее, а усредненный интеллект толпы оказывается в целом ниже индивидуального. Следует, как указывает Г. Тард, разделять публику и толпу, которые отличаются по ряду критериев (эволюция, нетерпимость, устойчивость, влияние лидера); зарождение и генезис публики он связывает с развитием общественного мнения, создаваемого газетами. Особый интерес в рассматриваемых работах вызывает преступная толпа, в которой все особенности крупных социальных групп выражены в крайней степени. Ее особенностями являются подверженность подражанию и внушению, большая численность, нравственное опьянение, актуализация инстинкта и специфический, преимущественно маргинальный состав толпы.

Проблема лидерства изучается социальными психологами также с двух точек зрения: с точки зрения анализа личности самого вождя и с точки зрения того, каким образом он осуществляет свою власть над группой. Большинство авторов сходится на том, что вождь явно выбивается из числа окружающих: он обладает личным и/или приобретенным обаянием, является человеком действия с устойчивой волей, ему подчиняются свои и не подчиняются чужие, вызывает восхищение и уважение, а его авторитет складывается из собственной убежденности и личной храбрости; в общем, это особенности, составляющие харизму, которые в Древнем Риме совокупно именовали «*dignitas*».

Проблема исторического процесса рассматривается авторами с точки зрения влияния на него масс. В основном, они признают, что наступает новая эпоха, вне зависимости от того, как ее называть – «эпоха толп», «эра масс» или «эра публики». Точкой отсчета резкого роста влияния широких слоев населения на политику и историю считается Великая французская революция, признаваемая поворотным моментом в развитии всей западной цивилизации. Большинство упомянутых нами ученых негативно оценивают влияние масс на

ход истории, что отражает страх ряда европейских интеллектуалов. В текстах Лебона, старающегося быть объективным и будто уравнивающего преступные и героические толпы, сквозит идея о постепенной деградации общества по мере возрастания роли масс.

Список литературы

1. Власов Н.А. Социальная психология толпы в разработках зарубежных ученых конца XIX – начала XX века // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 16. № 2 (60). – С. 334-343.
2. Власов Н.А. Социально-психологические исследования в истории. Часть I // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2024. – № 1 (49). – С. 8-16.
3. Власов Н.А., Челнокова А.Ю. Историческая психология. – М.: Книгодел, 2023. – 132 с.
4. Гордеев М.Н., Козлов В.В., Власов Н.А. Методологические аспекты изучения феномена внушаемости // Методология современной психологии. Вып. 5 / Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2015. С. 3-9.
5. Козлов В.В., Гордеев М.Н., Власов Н.А. Транзактное взаимодействие как механизм внушаемости в большой группе // Психология и психотехника. – 2015. – № 2 (77). – С. 135-140.
6. Козлов В.В., Гордеев М.Н., Власов Н.А. Эмпатия как механизм внушаемости в большой группе // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2016. – № 1 (31). – С. 307-315.
7. Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 416 с.
8. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

Коллонтай Г.А.

МЕТОД ПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье представлена информация о методе парадигмального анализа (теория Метамодерна) и современных коуч-методах, разработанных на его основе в Институте психологии творчества в 10х годах XXI века российским ученым П.М. Пискаревым, таких как, НейроГрафика, БоГобан, Мультиролевая личность, Лабиринты открытия и др. Поднимаются

вопросы актуальности использования вышеназванных интегративных психотехнологий в современную эпоху в том числе и в бизнес-системах.

Ключевые слова: НейроГрафика, БоГобан, Мультиролевая личность, Лабиринты открытия, парадигмальный анализ, теория Метамодерна

Annotation. The article provides information about the Metamodern theory and modern coaching methods developed at the Institute of Psychology of Creativity by Pavel Piskarev in the 10s of the 21st century by the Russian scientist P.M. Piskarev. Questions are raised about the relevance of using modern integrative psychotechnologies, based on the method of paradigmatic analysis, such as NeuroGraphics, BoGoban, Multi-role personality, Discovery Labyrinths, etc. in the modern world.

Key words: NeuroGraphics, BoGoban, Multi-role personality, Labyrinths of discovery, paradigmatic analysis, Metamodern theory

В современном XXI веке компании, стремящиеся быть инновационными, активно внедряют в свои структуры новые методы работы с психологическим состоянием сотрудников и программы по созданию благоприятной среды для них. Это связано с изменениями, которые происходят в нашем обществе в течении последних нескольких лет. Чтобы эффективно работать с эмоциональным и внутренним состоянием современных сотрудников, мы полагаем, следует применять коуч-методы, которые помогут выявить их актуальные потребности и мотивы, устранить ментальную инерцию, и положительно повлияют на процесс формирования у человека интегративного подхода к анализу ситуации и созданию позитивной мотивации стимулирующей на действия. Доказано, что внедрение коучинга в корпоративную среду способствует улучшению личной мотивации и вовлеченности сотрудников, в свою очередь это приводит к повышению эффективности работы бизнес-структур, где данный подход применяется и способствует увеличению производительности, улучшению качества продукции и услуг, укреплению организации, снижению жалоб потребителей, а также увеличению общей прибыльности компании [2]. С начала 1970-х годов коучинг стал широко используемым инструментом для профессионального и личностного развития. В конце XX века коучинг возник как результат слияния различных практик развития личности, инновационных идей из психотерапии и новаторских подходов. До настоящего времени ключевыми участниками российского рынка коучинга являлись Международный Эриксоновский университет коучинга, Международная академия коучинга и Международный университет Global Coaching. Эти организации предлагали обучающие программы в области коучинга, в рамках которых изучаются коучинговые навыки для работы с изменениями, лидерством, управлением предприятиями и человеческими ресурсами. На сегодняшний момент часть из них прекратило свою деятельность на территории России. Однако, в настоящий момент у нас в стране продолжает свою научную деятельность российская школа коучинга, методология работы которой опирается на метод Парадигмального анализа

(теория Метамодекна), разработанный в Институте психологии творчества П.М. Пискарёва (г. Санкт-Петербург).

В Институте психологии творчества П.М. Пискарёва коучинг рассматривается как один из видов практической философии, так как практическая философия чаще всего рассматривается как метанаучное направление [П.М. Пискарёв, 2019]. П.М. Пискарёв объясняет это не только тем, что методы коучинга включают философские инструменты, такие как анализ, синтез, компаративное исследование и другие логические методы, но и тем, что коучинг основан на определенных философских направлениях, таких как майевтика, герменевтика, экзистенциализм и философия счастья. Коучинг, в понимании научной школы Института Психологии Творчества Павла Пискарёва, может быть интегрирован в различные психологические методики и формы поддержки, что позволяет использовать его в рамках разнообразных психологических практик. Теория Метамодекна – коуч-модель Павла Пискарёва основана на комплексном подходе к развитию личности и достижению целей. Она позволяет прогнозировать этапы развития и формировать конкретные представления, основываясь на системных закономерностях психического развития человека, его деятельности и организации. Основой теории Метамодекна является представление о том, что мире, в котором мы живем, все живое и неживое взаимосвязано между собой и при этом всегда находится в процессе изменений, при этом есть четыре парадигмы (метод квадрантов Рене Декарта), которые образывая одно целое («экран Метамодекна») являются независимыми друг от друга, но взаимодополняющими [П.М. Пискарёв, 2019]. Термин "экран Метамодекна" используется для обозначения единого целого, через которое осуществляется работа с внутренним миром человека путем организации определенной когнитивной схемы, и эта схема создает пространство для принятия решений и действий без внутреннего сопротивления, позволяя энергии мышления преобразовываться в энергию движения. Парадигмальный анализ (в основу которого положен метод «декартовы координаты») основан на трудах великих философов прошлого (Пифагор, Платон, Декарт, Пуанкаре и др.) и идеях геометрической логики, когда используется принцип распределения мышления на геометрическое плоскости (психосемантическая сетка), когда качества феноменов из этих плоскостей определяются пространством мышления. Идея психосемантики в психологии заключается в изучении связи между семантическими (смысловыми) структурами и психологическими процессами. Психосемантика исследует то, как люди создают, интерпретируют и используют смыслы, и как это влияет на их мышление, поведение и восприятие окружающего мира. Основная задача психосемантики - понять, как семантические структуры формируются в сознании человека и как они отражаются на его психологических процессах. Метод парадигмального анализа применяет идеи психосемантики для рассмотрения различных феноменов мира, включая деловую среду, через четыре качественные парадигмы «экрана Меатамодекна». В настоящий момент разработано более 400 экранов Метамодекна и коуч, работая через них с

внутренним миром клиента посредством организации когнитивной схемы, способствует формированию пространства для действий, принятия решений и поведения клиента таким образом, что клиент, не испытывая внутреннего сопротивления за счет энергии мышления генерирует энергию движения. Четыре квадранта модели – психосемантические сектора у которых имеются психологические значения, и задача коуча сделать так, чтобы коучи смог увидеть эти сектора для того, чтобы включить креативное и проективное мышление. Этот метод облегчает ориентирование в различных областях деятельности, а также помогает увидеть перспективы той деятельности, которой занят человек.

На основе теории Метамодекна в Институте Психологии Творчества П.М. Пискарёва разработаны ряд коуч-методов, позволяющих работать с любыми запросами клиентов: НейроГрафика, БоГобан, Лабиринты Открытия, Мультиролевая модель и др. Данные методы являются проективными методами, построенными на сочетании теории Метамодекна, психологии, практической философии, психосемантики, экзистенциального подхода и др. Существуют различные техники применения вышеназванных коуч-методов и разнообразные инструменты, объединяет их факт того, что они способны оказывать влияние на развитие осознанности, умение чувствовать тело и его реакции, при этом на уровне мыслительных процессов запускаются механизмы связанные с личностной проработкой касательно поставленной задачи самим клиентом на сессии с коучем. В научных работах таких ученых, как В.В. Козлов [3], П.М. Пискарёв [6], Е.Н. Сорокина [7], Д.В. Абу-Талёб [1], Д.А. Полуэктов [3], П.А. Симонов [8] и др. раскрыт потенциал применения коуч-методов теории Метамодекна и определены научные аспекты методов НейроГрафика, БоГобан, Мультиролевая модель и др., представлены данные, с точки зрения феноменологической, семантической, практической и психологической составляющих, свидетельствующие о результативности методов и их академическом статусе в пространстве современного интегрального образования, в работе с феноменом самоактуализации личности, при инспирировании инсайта, для преодоления кризисных состояний личности с применением интегративных психотехнологий, в том числе и как корпоративная необходимость в современных бизнес-структурах.

В заключении, хотим отметить, что на основе опубликованных диссертаций, научных статей и результатов практической работы психологов и коучей Института психологии творчества П.М. Пискарёва, применяющих метод парадигмального анализа, мы можем сделать вывод о том, что методики, разработанные в институте, устраняют ментальную инерцию, способствуют формированию у человека интегративного подхода к анализу ситуации и созданию позитивной мотивации к решению стоящих перед ним задач, в свою очередь, теория Метамодекна создана для практического применения парадигмального анализа, в том числе и в бизнес-среде. Использование коучинга в организации способствует созданию единого коллектива, способного эффективно сотрудничать для достижения общих целей. Коучинг помогает руководителям и сотрудникам выработать общее

видение, установить конкретные критерии достижения целей компании, раскрыть личный и организационный потенциал, а также найти способы продуктивного сотрудничества для достижения желаемого результата. В свою очередь, метод парадигмального анализа «позволяет расширять поле видения вариантов решения всевозможных задач, в том числе задачу по созданию среды благополучия» [Г.А. Коллонтай, 2023] в бизнес-системах различного уровня.

Литература

1. Абу-Талеб, Д. В. Коучинг как парадигма интегрального образования: коммуникативный аспект: специальность 19.00.01 "Общая психология, психология личности, история психологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Абу-Талеб Дарья Викторовна. – Ярославль, 2021. – 294 с. – EDN RYXJOZ.

2. Исследование результатов коучинга в бизнесе Manchester Inc. - [Электронный документ]. – Режим доступа:<http://erickson.ru/publications/articles/coaching-business/13076-manchester-inc-research/>

3. Козлов В.В., Полуэктов Д.А. Тест Метамодекна как инструмент управления самоактуализацией человека на пути к счастью // Вестник интегративной психологии. – №23, 2021. – С. 160–163.

4. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.

5. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.

6. Коллонтай Г.А. Внедрение интегративных психотехнологий как корпоративная необходимость в современных бизнес-структурах // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: Сборник трудов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2023 года. Москва: Российский университет транспорта, 2023. С. 97-102

7. Мазилев, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазилев ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.

8. Пискарев П.М. Метамодекн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... Д-ра психол.наук. — Яр., 2019 — 469с.

9. Пискарев, П. М. Научные аспекты Нейрографики / П. М. Пискарев // Методология современной психологии. – 2024. – № 21. – С. 312-328. – EDN QMEXJL.

10. Сорокина Е.Н. Преимущества нейрографического коучинга в профилактике и коррекции эмоционального состояния женщины матери / Е. Н. Сорокина // Мир образования - образование в мире. – 2021. – № 1(81). – С. 134-145. – EDN YNFXXB.

11. Симонов П.А. Парадигмальный анализ в работе специалиста помогающих практик // В сборнике: Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования. Сборник статей по материалам LVIII международной научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 105-109.

Корнев С.А., Пантюшина С.В.

НОМОФОБИЯ КАК ФЕНОМЕН ОБЪЕКТИВАЦИИ СТРАХА УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА ЛИЧНОСТЬЮ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Аннотация. В статье дан обзор основных подходов к рассмотрению человека как субъекта социально-психологических отношений, а также проанализировано понимание состояния страха в структуре социально-психологических отношений (от В. Дильтея до В.Н Мясищева). При этом отмечена особая роль социальных страхов, среди которых все более актуальным становится такой феномен, как номофобия, который в свою очередь объективизирует страх утраты субъектности в рамках социальной системы на уровне социально-психологического отношения.

Проведено пилотажное исследование гаджет-зависимого поведения с целью изучения такой разновидности страха одиночества, как опасение потери социальных контактов, проявлением которого может выступать номофобия.

На первом этапе операционной модели по методике «Скрининговая диагностика интернет-аддикции» Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот проведена диагностика гаджет-зависимого поведения у 43 студентов ЧПОУ «Ивановский юридический колледж». На втором этапе с помощью «Анкеты NMP-Q по номофобии» С. Йилдирим, А.П. Коррея у студентов выявлены уровни выраженности номофобии. На третьем этапе произведены обработка полученных данных, формулирование выводов, планирование тренинговой программы. Установлено: 1) более 70 % респондентов, не имеющих физиологических, психологических и поведенческих проявлений компьютерной зависимости, проявляют страх остаться без мобильного устройства (забыть его); 2) номофобия нарушает механизм идентификации с внешним миром: происходит субъективная потеря собственного «Я»,

отчуждение от самого себя, потеря субъектности, переживание одиночества; 3) номофобия отрицательно влияет не только на психологическое и физическое состояние, но и на социальную адаптацию; 4) в группе риска по развитию номофобии в силу особенностей возраста оказываются подростки; 5) необходимы разработка и внедрение программы психологического тренинга для коррекции гаджет-зависимого поведения.

Ключевые слова: субъект, страх, социальные страхи, страх утраты субъектности, одиночество, социальная психология, отношение, переживание, номофобия.

Annotation. The article provides an overview of the main approaches to considering a person as a subject of socio-psychological relations, and also analyzes the understanding of the state of fear in the structure of socio-psychological relations (from V. Dilthey to V. N. Myasishchev). At the same time, the special role of social fears is noted, among which such a phenomenon as nomophobia is becoming increasingly relevant, which in turn objectifies the fear of losing subjectivity within the framework of the social system at the level of socio-psychological attitude.

A pilot study of gadget-addicted behavior was carried out in order to study such a variety of fear of loneliness as the fear of losing social contacts, the manifestation of which can be nomophobia.

At the first stage of the operating model according to the method "Screening diagnosis of Internet addiction" L.N. Yurieva, T.Yu. Bolbot conducted diagnostics of gadget-dependent behavior in 43 students of the Ivanovo College of Law. At the second stage, with the help of the "NMP-Q Nomophobia Questionnaire", S. Yildirim, A.P. Correia students revealed levels of severity of nomophobia. At the third stage, the obtained data were processed, conclusions were drawn, and the training program was planned. It has been established: 1) more than 70% of respondents who do not have physiological, psychological and behavioral manifestations of computer addiction show a fear of being left without a mobile device (forgetting it); 2) nomophobia violates the mechanism of identification with the outside world: there is a subjective loss of one's own "I", alienation from oneself, loss of subjectivity, an experience of loneliness; 3) nomophobia negatively affects not only the psychological and physical condition, but also social adaptation; 4) adolescents are at risk for the development of nomophobia due to age characteristics; 5) it is necessary to develop and implement a psychological training program to correct gadget-dependent behavior.

Keywords: subject, fears, social fears, fear of loss of subjectivity, loneliness, social psychology, attitude, experience, nomophobia.

Введение. Исследование различных форм и проявлений естественного или социального страха, причин и условий их формирования и развития, а также разработка и применение соответствующих эффективных методик коррекции страхов (фобий) не утрачивают своей актуальности в психологии. Тем более, что в современных условиях к традиционным естественным и социальным страхам постоянно добавляются новые, по-своему уникальные, формы страхов (фобий). Они также ведут личность к утрате своей

субъектности, но проявляются по-своему и обуславливают то или иное характерное зависимое поведение человека. Например, интернет-аддикция и так называемое гаджет-зависимое поведение современного человека напрямую взаимосвязаны, в том числе, с такой появившейся относительно недавно формой социального страха, как номофобия.

В этой связи, очевидно, что для преодоления как интернет-аддикции, так и гаджет-зависимого поведения необходимы соответствующие меры по коррекции прежде всего современных социальных страхов (в частности, номофобии), возникающих в современных условиях жизни и деятельности человека (например, студента колледжа, включенного в среду данного образовательного учреждения), и преодоления связанного с ними зависимого (в частности, гаджет-зависимого) поведения личности требуются во многом новые психологические методики.

При этом отечественные и зарубежные исследования причин, проявлений и последствий номофобии, а также ее взаимосвязи на разных уровнях социальной системы с такими социально-психологическими явлениями, как страх утраты субъектности, одиночество, крайне немногочисленны. Предлагаемая статья не только обобщает соответствующий теоретический опыт, накопленный в отечественной и зарубежной науке, но и вводит в научный оборот новые практические данные, полученные авторами экспериментально в рамках пилотажного исследования гаджет-зависимого поведения и уровня номофобии у студентов Ивановского юридического колледжа. Для авторов собранные данные станут одной из основ при разработке соответствующей коррекционной методики.

Человек как субъект социально-психологических отношений.

Человек как индивид и живой организм – изначально часть природной среды. При этом природные явления, с которыми он с древнейших времен был вынужден сталкиваться, зачастую несли для него те или иные экзистенциальные угрозы и, как следствие, порождали у него определенные опасения, фобии и страхи, прежде всего за свою жизнь – за свое физическое существование. Стремясь возможно лучше адаптироваться к окружающему миру, а также в целях своей защиты от различного рода экзистенциальных угроз, порождаемых или обусловленных природной средой и собственной органической сущностью, люди стали создавать сообщества, т.е. формировать социальные структуры и системы, в которых они приобретали, в том числе и собственную субъектность и где индивид – объект природных воздействий и влияний превращался в субъекта отношений в рамках того или иного создаваемого сообщества (семьи, рода, племени и т.д.).

В течение длительного времени понятия «субъект» и «субъектный подход» мало привлекали внимания психологов, а в центре понятийной системы отечественной психологии находились категории сознания и деятельности. В конце XIX в. была разработана В. Дильтеем как часть категориального аппарата его описательной психологии. В. Дильтей выделил три основные части душевной жизни: интеллект, чувства (и побуждения) и волевое действие. По В. Дильтею, волевые действия как проявления всей

полноты жизни человека хотя и осознаются, но в то же время отличаются спонтанностью, жизненностью и ответственностью, поэтому он ставит вопрос о субъекте всех проявлений душевной жизни.

В отечественной психологии понятие деятеля, долгое время не разрабатывалось. Лишь только в 30-е – начале 40-х годов XX в. была предпринята фундаментальная попытка преодолеть безличный статично-структурный подход к сознанию и деятельности. Так, С.Л. Рубинштейн одним из первых ввел понятие «субъект» в реальное бытие личности. Анализируя личность, выводит ее за границы собственно деятельности, в пространство жизни, вводит понятие действующего лица, выделяет основные формы его активности, вписывает структуру деятельности в пространство жизни человека, где одно из центральных мест занимает «жизненная задача» [Рубинштейн, 1946, с. 167]. Личность в качестве субъекта берет на себя ответственность не только за то, чтобы сохранить в центре сознания, в системе мотивации главную, но прежде всего за то, чтобы передвигать свою конечную цель дальше и дальше, придавать ей новый смысл, большую внутреннюю содержательность и мотивационную насыщенность. В результате высвечивается образ жизни человека, проявляется и формируется цельная человеческая личность [Рубинштейн, 1946, с. 211].

В западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни и др.), понятие «субъект» занимает одно из центральных мест.

Сегодня богатый опыт исследования субъекта накоплен и большинством научных школ отечественной психологии. В частности это концепция жизненного пути личности Б.Г. Ананьева. У В.Н. Мясищева личность представлена как субъект разных видов отношений, среди которых доминируют отношения к другим людям. А.Н. Леонтьев рассматривает личность в качестве деятеля, субъекта предметно-практической деятельности. Л.И. Божович видит «субъект» как важнейшее качество личности, как способность овладевать миром, творить себя и создавать что-то новое в социуме.

Страхи в системе социально-психологических отношений.

В социальной системе личность может испытывать определенное беспокойство, относительно возможности «утраты собственной субъектности», как правило, это происходит и в образовательной среде. Современный студент не просто мобилен, но и находится по факту в определенной степени зависимости от современных средств коммуникации. В силу социально-психологических законов развития общества и личности в социуме телефон-смартфон становятся не просто проводником при взаимодействии с внешним миром, а неким «зондом сознания» – неотъемлемой частью субъекта социально-психологических отношений. Утрата средства связи хотя бы на время вызывает негативные переживания, страхи, тревогу, одиночество – ощущение потери собственной субъектности. Этот феномен обозначается специальным термином «номофобия».

Существует множество подходов к определению страха. Так,

Дж. Уотсон квалифицировал страх как фундаментальную, врожденную эмоцию, У. Джеймс описал страх как одну из трех сильнейших эмоций стоящую наряду с радостью и гневом, у З. Фрейда страх – аффективное состояние неудовольствия, по М. Миллеру, страх – безусловная реакция вегетативной нервной системы на болевые стимулы.

У отечественных авторов часто встречается трактовка страха как эмоционального состояния (А.И. Захаров, Н.И. Конюхов, Н.Д. Левитов, О.А. Черникова и др.). Об устойчивом страхе как личностном свойстве говорят (А.И. Захаров, В.И. Гарбузов, М.И. Буянов и др.). Личностно обусловленный страх детерминирован характером человека, его повышенной мнительностью и способен появляться в новой обстановке или при контакте с незнакомыми людьми. Ситуативно страхи часто смешиваются и дополняют друг друга.

А.И. Захаров считал, что чувство страха формируется у человека с возраста 6 мес. В этот период доминирует страх одиночества, чуть позже появляется страх посторонних людей. У детей страх развивается двумя путями: это личный опыт и социальное научение, которое основано на реакциях матери. На втором году жизни у ребенка появляется страх наказания от родителей, страх разлуки с ними, страх животных. В дошкольном возрасте на первый план выходят страх одиночества, страхи темноты и замкнутого пространства, в старшем дошкольном возрасте впервые появляется страх смерти, в младшем школьном возрасте обнаруживают себя страх смерти родителей, страх перед школой. Роль социальных страхов достигает своего пика в подростковом возрасте. В этот период дети начинают бояться войны, нападения, пожара, бедности своей смерти и смерти родителей.

По А.И. Захарову, условно все страхи можно разделить на природные и социальные. Природные страхи основаны на инстинкте самосохранения. К социальным страхам, которые нас интересуют в большей степени, А.И. Захаров относит страх одиночества, наказания, людей, не успеть, опоздать, не справиться, не совладать с чувствами, быть не собой, осуждения со стороны сверстников и т.д. Со временем происходит замещение биологических страхов социальными. Изменение страхов с возрастом в определенной степени отражает исторический путь самосознания человека.

Социальные страхи.

Социальные страхи всегда имеют специфический социальный контекст, который как бы отесняет более примитивные факторы выживания.

Технический прогресс с одной стороны облегчает человеку повседневную жизнь, нивелирует страхи характерные для предыдущих этапов развития общества, с другой стороны порождает новые зависимости и страхи. Интернет-аддикция и так называемое гаджет-зависимое поведение современного человека напрямую взаимосвязаны, в том числе, с такой появившейся относительно недавно формой социального страха, как номофобия.

Пример структуры страхов, существующих у людей, приводит Ю. Щербатых. К группе социальных страхов Ю. Щербатых относит страх

ответственности. Сущность этого страха заключается в том, что, принимая какое-либо важное решение, человек берет на себя ответственность за его последствия, а в случае неудачи ему не только грозит осуждение или наказание со стороны социума, но зачастую он обречен на длительное самообвинение, способное отравить всю его последующую жизнь. Страх ответственности приводит не только к появлению тревожных мыслей, но и оказывает ощутимое влияние на обмен веществ и физиологические функции человека, в частности повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний [Щербатых, 2002, с. 115]. К группе социальных страхов можно отнести и страх перед ситуациями, в которых человек вынужден доказывать свою социальную состоятельность, материальное благополучие, физическое самочувствие или уровень интеллекта. В группу страхов перед неудачами как отдельная разновидность входит страх начинания. В данном случае ситуация рассматривается как новая, неизвестная, человек начинает представлять различные варианты развития событий, преимущественно делая акцент на неудачном исходе. Кроме этого, в качестве социального страха Ю. Щербатых выделяет застенчивость – боязнь людей, от которых исходит эмоциональная угроза (незнакомцев, начальства, представителей другого пола).

К данной группе страхов, возникающих в современных социальных системах (например, в таких, как образовательная среда вуза, где при помощи современных средств коммуникации осуществляется не только учебный процесс, но и масса эмоциональных контактов) можно также отнести страх одиночества, который может возникнуть в случае утраты телефона. «В телефоне вся жизнь» – нередко мы слышим от окружающих, и сами лично осознаем этот факт. Как было отмечено выше, по мнению А.И. Захарова, страх одиночества доминирует на первом году жизни человека, что говорит о его фундаментальном значении в процессе формирования психики и ее высшего уровня – сознания.

Немецкий ученый Ф. Риман считает, что для каждого человека характерны две противоположности: 1) желание индивидуума отграничить себя от остальной человеческой массы; 2) самоотречение и самоотдачу, слияние с окружающими людьми. С этими тенденциями связаны все страхи, заключающиеся в боязни утраты собственного «Я», которые возникают при необходимости самоотдачи. Страх одиночества особенно остро испытывают люди, которым психологически трудно быть одним. [Риман, 2005, с. 103]. Сюда же по нашему мнению относится и страх потери телефона.

Страх одиночества, понимаемый в глобальном плане, может принимать различные формы: страха критиковать другого человека, боязни конфликтов, страха проявления своих чувств, страха перед разводом и т.д. Некоторые виды страха, которые носят комплексный характер, также включают в себя элементы этого переживания. Например, страх потери телефона напрямую связан с опасением потери социальных контактов, т.е. номофобией как одной из разновидностей страха одиночества.

Другой формой социального страха является опасение слияния с другим человеком, который связан с повышенным стремлением к

самостоятельности, что приводит к их изоляции от окружающих. Страх перед близостью будет усиливаться при необходимости приблизиться к другим или при приближении других. Защиту от страха перед близостью в современных условиях дает интернет-телефон, помогая уклоняться от эмоциональных контактов со своим окружением, что приводит к усилению эгоцентризма и все большей изоляции в реальном мире, но не в виртуальном.

Исследования социальных страхов немногочисленны, не существует и четкой их классификации, поэтому данная проблема также актуальна для психологии, где эти страхи, в сущности, представляют собой беспокойство относительно возможности утраты собственной субъектности в какой-либо социальной сфере. Целесообразно объединить их общим термином «страх утраты субъектности». Рассмотрим социальные страхи именно с точки зрения утраты субъектности в межличностных отношениях.

Большое количество физиологических и психологических факторов могут оказывать влияние на формирование и интенсивность переживания страхов. В психологической литературе обширно представлены исследования причин усиления биологических страхов, которые связаны с физической угрозой организму, но крайне малочисленны исследования причин социальных страхов. Одним из психологических факторов, который влияет на формирование страхов, является одиночество. Одиночество – это субъективное ощущение, которое не всегда сопровождается реальной изоляцией личности от общества, и целесообразно проанализировать особенности социальной среды, в которой развивается личность.

В определенных ситуациях одиночество может стать фактором риска. Присутствие другого человека, с которым имеется эмоциональная связь, может ослабить страх, но для этого человек, проявляющий участие, должен уметь контролировать свой страх. Наоборот, изоляция, одиночество усиливают страх. Состояние одиночества – это переживание человеком потери внутренней целостности, а также внешней гармонии с миром. Оно выражается, например, в нарушении гармонии между желаемым и достигнутым качеством социального общения [Абульханова, 1997, с. 132].

Ежедневно человек значительное время проводит с телефоном и другими средствами связи и гаджетами, которые являются неотъемлемыми средствами общения, поэтому их утрата даже на непродолжительное время (или просто мысль об этом) может повлечь за собой негативные проявления в сфере коммуникаций, чувства беспокойства, незащищенности, страх потери себя, одиночество. В.Л. Бозаджиев в описал следующие проявления гаджет-зависимости:

- номофобия (страх остаться без мобильного устройства или забыть его);
- фаббинг (привычка постоянно отвлекаться на свой гаджет во время общения с собеседником);
- СМС-зависимость (потребность в общении посредством мобильных сообщений, число которых в течение суток может составлять несколько десятков);
- зависимость от социальных сетей (чрезмерное использование

социальных медиа);

- информационная зависимость (информационный серфинг, форма навязчивого зависимого поведения, направленного на постоянное получение как можно большего, все возрастающего количества информации из самых различных источников);

- селфи-аддикция (пристрастие, непреодолимое желание, привычка как можно чаще запечатлеть себя посредством самофотографирования с помощью смартфона, иного гаджета, публиковать снимки в социальных сетях, отслеживать реакции, комментарии на размещенные фотографии) [Бозаджиев. 2021, с.14].

В медицинской парадигме кроме номофобии, информационной зависимости, селфи-аддикции также отмечаются:

- «эффект Google» (снижение способности к запоминанию информации из-за удобной возможности найти ее в интернете);

- социальная зависимость (предпочтение виртуального общения живому).

Привычные формы общения для современного человека (встречи, беседы) все чаще уходят на второй план, выдвигая на первое место гаджеты как основное средство коммуникаций. Страх даже ненадолго остаться без основного средства общения (номофобия) нарушает механизм идентификации с внешним миром, вследствие чего происходит субъективная потеря собственного «Я», отчуждение от самого себя, потеря субъектности.

Таким образом, к современным видам социальных страхов следует отнести феномен номофобии, который объективизирует страх утраты субъектности в рамках социальной системы на уровне социально-психологического отношения.

Номофобия как разновидность социального страха. К настоящему времени феномен страхов плотно укоренился в цифровом пространстве. Все большее внимание исследователей из разных стран привлекает страх остаться без мобильного телефона, т.е. – номофобия (от англ. No – mobil – phone – phobia) [Андреев, Назарова, 2015, с. 27–41].

В 2008 г. номофобия официально включена в список болезней в Великобритании, а в 2013 г. как специфическая фобия она включена в DSM-5 (диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам США, которое разрабатывается и публикуется Американской психиатрической ассоциацией). Однако феномен номофобии существует относительно недавно, поэтому в научной среде о нем продолжают споры, но важно, что эту тему ученые берут в разработку все чаще.

Результаты современных исследований свидетельствуют о том, что подобное поведение присуще практически каждому человеку и тесно связано с его психологическим состоянием. Зависимость от мобильного телефона может развиваться под воздействием социальных сетей (когда человеку присуща самоидентификация через социальные сети), мобильных игр, развлекательных каналов и др. Именно поэтому выбор в качестве респондентов студентов, которые переживают самый важный период в своем психосоциальном

развитии, для исследования номофобии вполне обоснован.

Согласно теории Э. Эриксона, одним из важных механизмов формирования идентичности считается нормальное, здоровое личностное развитие, которое связано с осознанным решением жизненных проблем. В центре данной теории – рост компетентности человека во взаимодействии с социальным окружением и формирование идентичности. А именно этот набор компонентов личности проявляются негативно у гаджет-зависимых людей, что способствует нарушениям гармоничного и всестороннего развития личности. Одним из факторов возникновения аддиктивного поведения у подростков являются психологические особенности пубертатного периода, среди которых Я.И. Гишинский, Т.А. Донских, Е.В. Змановская, И.С. Кон, Ц.П. Короленко, А.Е. Личко и др. выделяют:

- 1) физиологические изменения организма (гормональная перестройка);
- 2) бурное развитие всех ведущих компонентов личности;
- 3) скачки настроения, категоричность в высказываниях и суждениях, независимость и борьба с авторитетами;
- 4) адаптация к социально-устойчивым представлениям о мужчине и женщине, стратегиям поведения в социуме, общения со сверстниками, со старшими.;
- 5) ревностное отношение к своей внешности, ощущению принятия себя взрослыми как «взрослого». [Воронов Д.И., 2016, с.13].

Коррекционная работа с гаджет-зависимыми сложна тем, что практически каждый такой человек не признает наличие у него этой проблемы.

От теории к практике. В 2022 г. на базе ЧПОУ «Ивановский юридический колледж» авторами данной статьи проведено исследование, цель которого – изучение возможности коррекции номофобии как разновидности социальных страхов среди студентов средствами психологического тренинга.

Было выдвинуто предположение, что студенты в рамках образовательной среды склонны опасаться потерять свои социальные контакты в случае утраты средств связи (телефона). Таким образом, номофобию можно рассматривать как разновидность социального страха – страха одиночества: она способна привести человека (в данном случае студента) к «утрате субъектности» в рамках образовательной среды. В соответствии с этим планируется разработать программу психологического тренинга, которая будет способствовать снижению гаджет-зависимого поведения у студентов и стабилизации их личности в процессе и в условиях образовательной жизни и деятельности.

В эксперименте приняло участие 43 респондента-студента в возрасте 15–16 лет. Все респонденты имеют современные мобильные телефоны с постоянным доступом в интернет и ПК.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) диагностика гаджет-зависимого поведения у студентов по методике Скрининговой диагностики интернет-аддикции Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Больбот (с целью выделения группы респондентов с признаками интернет-аддикции);
- 2) выявление уровня выраженности номофобии у студентов с помощью

Анкеты NMP-Q по номофобии С. Йилдирим, А.П. Коррея;

3) обработка полученных результатов, формулирование выводов по результатам диагностики, планирование тренинговой программы.

1 этап исследования и результаты. Скрининговый самоопросник диагностики интернет-аддикции Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Больбот содержит 11 вопросов, которые позволяют выявить особенности эмоционального состояния личности за компьютером или в Интернете; вызвать рассуждения респондентов относительно: реализации замыслов и предчувствия удовольствия, количества времени пребывания в сети и материальных расходах, связанных с этим, волевых свойств, ощущений, получаемых во время компьютерного досуга, ассоциативного характера восприятия, связанного с получаемым удовольствием, влияния увлечения компьютером на социально-бытовые обязанности, роли социальных обязательств в повседневном быте, влияния компьютера на психофизическое состояние, режим сна и бодрствования. [Юрьева, Больбот, 2006, с.196].

Исследование на 1 этапе показало, что большинство респондентов (58,13 % от общей выборки) имеют стадию увлеченности. Стадия риска зависимости характерна для 25,6 %, стадия отсутствия зависимости – для 16,27 %.

Данные показатели делают обоснованным использование методики NMP-Q по номофобии С. Йилдирим, А.П. Коррея, а соответственно, дают основания для проведения второго этапа исследования.

2 этап исследования и результаты. Для изучения уровня выраженности номофобии у студентов использовалась Анкета NMP-Q, направленная на выявление зависимости от мобильного телефона (номофобии). Утверждения анкеты (всего 20 утверждений) выявляют четыре аспекта-характеристики людей, страдающих номофобией:

1) неспособность общаться – актуализирует чувство потери мгновенного общения с людьми и сожаления от невозможности использовать услуги, позволяющие осуществлять мгновенное общение;

2) потеря связи и выхода в интернет – актуализирует чувство потери незаменимых сфер жизни, ведь связь, которую обеспечивают смартфоны, подпитывает «онлайн-идентичность» человека (особенно это касается социальных сетей);

3) отсутствие доступа к информации – актуализирует чувство дискомфорта от потери постоянного и мгновенного доступа к любой информации через смартфон;

4) отказ от удобства – актуализирует чувство потери удобства (множество встроенных функций – калькулятор, карта местности, онлайн-магазины и т.д.), которое обеспечивает смартфон.

В качестве шкалы оценки для вопросов анкеты используется 7-балльная шкала Р. Лайкерта, где 1 – «категорически не согласен», 7 – «полностью согласен».

Оценка результатов: общее количество баллов подсчитывается путем суммирования ответов на каждый вопрос анкеты. Диапазон варьирования – от

ниже 20 до 140 баллов. Более высокая сумма баллов соответствует большей степени выраженности номофобии: 20 баллов и ниже – отсутствие номофобии; 21–59 баллов – умеренный уровень номофобии; 60–99 баллов – средний уровень номофобии; 100–140 – тяжелая номофобия.

Методика NMP-Q по номофобии С. Йилдирим, А.П. Коррея позволяет исследовать следующие проявления феномена: чувства потери мгновенного общения с людьми, потери связи, которую обеспечивает смартфон (особенно это касается социальных сетей) (таблица).

Уровень выраженности номофобии

Уровень номофобии	Количество респондентов	Процент от общего количества
Отсутствие номофобии	0	0
Умеренный	0	0
Средний	31	72,1
Высокий	12	27,9
ВСЕГО	43	100

Таким образом, по результатам применения методики установлено, что у всех респондентов есть номофобия среднего или высокого уровня проявления.

Выводы по итогам пилотного проекта.

1. Большинство респондентов (более 70 %) не имеют физиологических, психологических и поведенческих проявлений компьютерной зависимости. Однако у 100 % опрошенных были выявлены проявления зависимости от мобильных телефонов, т.е. все респонденты проявили средний или высокий уровень номофобии. 2. При этом следует учесть, что такие показатели могут обуславливаться особенностями выборки. В настоящее время даже зрелому человеку порой трудно противостоять формированию зависимого поведения от гаджетов, а подростки еще больше подвержены риску гаджет-зависимости в силу своей физической и психической несформированности. 3. Феномен номофобии можно описывать как достаточно сложное поведение, которое отрицательно влияет не только на психологическое и физическое состояние, но и на социальную адаптацию номофобиезависимого человека. 4. В силу особенностей возраста в зоне риска развития номофобии больше всего оказываются подростки.

Основные перспективы дальнейшего исследования. Телефон для современного человека не просто средство связи и коммуникации, а «цифровое хранилище» его внутреннего мира, т.е. всего его психического содержания. Избыточное пользование телефоном и боязнь остаться без него может навредить когнитивной и поведенческой сферам жизнедеятельности личности. Именно поэтому всесторонне и глубокое изучение феномена номофобии насущно необходимо, в том числе для составления психологического сценария профилактики и коррекции гаджет-зависимого

поведения у подростков. В связи с этим на следующем этапе нашей исследовательской работы планируется разработка и проведение тренинговой программы, цель которой – коррекция гаджет-зависимого поведения среди подростков. Предполагаемая коррекционная программа должна включать диагностику выраженности номофобии у подростков, комплекс коррекционных занятий с элементами психологического тренинга, игровые методы, групповую дискуссию и повторную диагностику на выявление уровня гаджет-зависимости.

Список литературы

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. С. 56–75.
2. Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997. 295 с.
3. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психические зависимости: неудержимое влечение или заболевание мозга? // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности решения. 2015. № 3. С. 27–41.
4. Бозаджиев В.Л. Гаджет-аддикции, их виды и психологические характеристики // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Образование и здравоохранение. 2021. № 2–3 (14–15). С. 9–21.
5. Воронов Д.И. Социально-психологические детерминанты компьютерной зависимости и ее профилактика средствами физической рекреации и психокоррекции: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 13.00.04 / Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2016. 23 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 370 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. 512 с.
8. Сагалакова О.А., Труевцев Д.Б. Социальные страхи и социофобии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 210 с. URL: <http://www.medpsy.ru/library/library149.php> (дата обращения: 05.06.23).
9. Старовойтова Л.И. Одиночество: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. социальный ун-т. М., 1995. 27 с.
10. Рима́н Ф. Основные формы страха: исследование в области глубинной психологии. М.: Академия, 2005. 192 с.
11. Щербатых Ю.В. Ивлева Е.И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж: Истоки, 1998. 282 с.
12. Юрьева Л.Н., Большот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЙОГЕ. ОБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается природа человека и личности представленная Шри Ауробиндо в интегральной йоге. Он различает две системы в природе человека – «горизонтальную» и «вертикальную». «Горизонтальная» система представлена в виде души, внутренней и внешней личностей. В данной статье проводится психологический анализ только внешней личности, которую мы осознаем в виде тела, эмоций, жизненной энергии и ума.

Ключевые слова: йога, внешняя личность, эго, душа, внутренняя личность, Универсальное Сознание, эволюция.

Annotation. The article examines the nature of man and personality represented by Sri Aurobindo in integral yoga. He distinguishes between two systems in human nature – "horizontal" and "vertical". The "horizontal" system is represented in the form of a soul, internal and external personalities. This article provides a psychological analysis of only the external personality, which we are aware of in the form of body, emotions, vital energy and mind.

Keywords: yoga, external personality, ego, soul, inner personality, Universal Consciousness, evolution.

Интерес к природе человека и личности постоянно находится в центре внимания наук о человеке. Цель данной статьи – показать понимание данного вопроса в интегральной йоге Шри Ауробиндо, что, несомненно, придает теории и практики самопознания более глубокое содержание.

Наше отношение к человеку, бытовое и научное, во многом определяется тем, что мы под этим понимаем. В различных областях знаний есть свое видение того, кто есть человек. Вот некоторые из них. «Человек – общественное существо, обладающее разумом и сознанием, а так же субъект общественно-исторической деятельности и культуры» (Википедия). «Человек – это робот биологического типа, являющийся венцом исторической эволюции. Социальное существо, наделенное разумом, речью и психическими возможностями, стоящее по своему развитию выше всего живого на Земле». «Человек – живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда».

Но есть гораздо более высокие, величественные определения человека. Шри Ауробиндо: «Человек представляет собой символ высшего бытия, снизошедшего на уровень материального мира, где низшая природа способна к самопреобразованию и к превращению в природу высшего порядка, а все высшее, в свою очередь, – к самопроявлению в формах низших уровней сознания» [Ауробиндо, 1998, с. 561]. «Человек – это сам Бог, скрывающий себя от Природы, чтобы овладеть ею силой в борьбе и неожиданно для нее самой.

Бог есть универсальный и трансцендентный человек, прячущийся от своей собственной индивидуальности в человеческом облике... И даже примитивные формы материи – все это Человек в своем неразвитом и не оформившемся теле. Все сущее есть Человек, Пуруша» [Ауробиндо, 1998, с. 561]. «Человек в его реальной натуре ... – есть Дух, использующий ум, жизнь и тело для индивидуального и общественного переживания и самопроявления во Вселенной. Этот Дух есть бесконечное существование, ограничивающее себя в видимом существе для личного опыта», – пишет Шри Ауробиндо в «Интегральной йоге» [Ауробиндо, 1992, с. 41]. В каждом из своих проявлений Творец может быть познан и реализован Духом (сознанием) человека. В представлении йоги человек в его реальной натуре есть Дух, живущий как ментальное существо в физической природе.

Какова же истинная природа человека? Об этой глобальной проблеме говорят и размышляют ученые, философы, все религии мира, йога. Проблема осознания человеком своей Самости (Атмана, истинного «Я») стоит в центре Упанишад. Острота этого вопроса четко представлена в словах Шри Рамана Махарши, когда он говорит: «Прежде чем познавать внешний мир, следует познать себя, а потом решать остальные задачи, если они останутся. Истинной природой человека является Абсолют, Чистое Бытие, Самость, «Я», без всяких атрибутов и умственных концепций. Виновником отклонения человека от его Истинной Природы является эго, возникающее между чистым Сознанием и телом человека, не обладающим сознанием» [Рамана Махарши, 1991, с. 11].

Рассмотрим природу человека и структуру личности в видении Шри Ауробиндо. В организации человеческого существа Шри Ауробиндо различает две системы – «горизонтальную» и «вертикальную». В максимально упрощенном виде «горизонтальную» систему можно представить в виде концентрических окружностей в двухмерном пространстве, состоящую из души, внутренней и внешней личностей (Рис. 1).

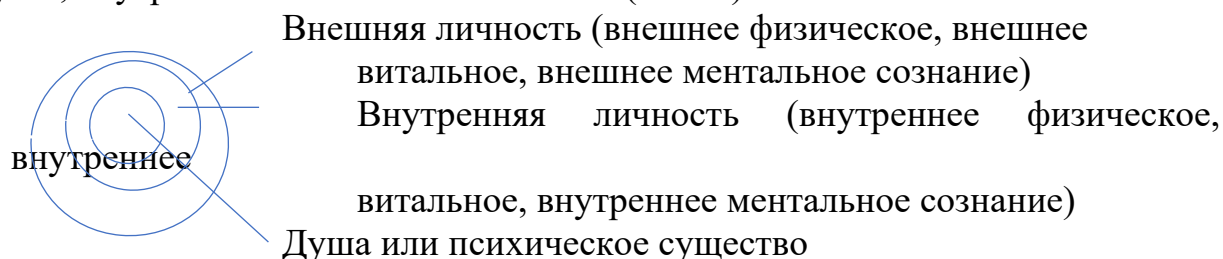

Рис. 1. «Горизонтальная» концентрическая система человеческого существа

В системе человеческого существа постепенно вокруг души формируется множество энергоинформационных оболочек различной плотности. Первая оболочка – внутренняя личность, которая влияет на нас и руководит нами без нашего знания об этом. Она имеет тройственное строение, это: внутренняя физическая личность, внутренняя витальная личность, внутренняя ментальная личность [Корнеенков, 2020]. Сразу после рождения человека, на основе энергии-сознания души и ранее сформированной внутренней личности, начинает развиваться внешнее существо (внешняя личность, эго). Она также имеет тройственную структуру: внешнее ментальное (ментальная личность),

внешнее витальное (витальная личность), внешнее физическое (физическая личность) [Ауробиндо, 2006, с. 411].

Внешняя личность в научной литературе в зависимости от акцента исследования имеет множество синонимов: эго, персона, фрагментарная личность, социальная, ролевая, рассудочная, ложная, воспитанная, созданная, экспериментальная, эмпирическая, низшее «я», сиюминутное «я», временное «я», рефлексивное «я». Это образование обычно называют «Я-концепцией» или «Я-образ». Понятие «Я-концепция» появилось в русле гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс) и прочно вошло в обиход отечественной психологии. «Я-образ» – это ментальное энергоинформационное образование, представление о себе или другом человеке, которое складывается у нас в течение жизни о физических, эмоциональных, интеллектуальных, социальных, нравственных, духовных особенностях человека.

Внешнюю личность мы осознаем в виде тела, эмоций, жизненной энергии и ума. «Каждый человек – это сочетание даже не двух, а многих личностей. Йогическое совершенство... предполагает их преобразование и объединение в одну целостную личность» [Ауробиндо, 2009, с. 279]. Наличие у человека двух личностей, одной светлой, другой темной, – универсальный феномен, поэтому в йоге учитывают эту особенность при разработке своих практик. Если бы не было двойственности, то и йога была бы легким делом.

Шри Ауробиндо отмечает, что когда человек начинает осознавать себя, то видит как бы два существа. «Любое человеческое существо состоит из различных личностей, имеющих различные чувства и ведущих себя по-разному» [Ауробиндо, 2006, с. 253]. Душа воплощается в зиготу или в плод еще до рождения человека и на этой основе постепенно формируется внутренняя личность, материальное тело и, с рождением, внешняя личность.

Проведем психологический анализ структуры внешней личности, не затрагивая природу внутренней личности и сознание души, т.к. именно внешнюю личность во всех подробностях изучает академическая психология.

Изучению и описанию внешней личности посвящено огромное количество исследований в самых разнообразных отраслях науки, философии, религии, йоги и художественной литературы. По сути дела вся современная научная психология и педагогика изучают не что иное, как психологическое поле внешней личности, ее сознание и бессознательное. Эволюцию человека связывают с развитием личности.

В психологии и педагогике понятие «личность» не имеет четкого и однозначного определения. Ответ на вопрос: «Что такое личность?» зависит от разносторонности и глубины интеллекта интерпретатора. Принято считать, что под личностью понимается человек как носитель сознания, это нечто относительно стабильное, прочное, наделенное высшими ценностями, мудростью и полномочиями распоряжаться не только своей жизнью, но и жизнью других людей и существ. На самом деле такого стабильного и самостоятельного центра, называемого «личность», у нас нет, мы всегда разные, динамичные, текучие, переменчивые. Внешняя личность всегда принадлежит времени, определенной культуре и постоянно меняет свое

содержание. Загадкой является не только личность индивидуального человека, но и личность того или иного этноса, нации, личность страны, Личность Единого Человека, возможно – Личность Бога. Полное понимание содержания личности может быть достигнуто только при изучении человека как интегрального, целостного существа. Изучая личность, мы изучаем самого себя в прошлом, настоящем и возможном будущем. Есть существенные различия (или дополнения) в понимании природы человека и личности в восточной, западной и отечественной психологии. Современная психология личности, являясь научной дисциплиной, представляет умозрительные рассуждения, которые могут быть или должны быть подтверждены экспериментально.

Все теории, выдвинутые и разработанные философами, психологами, социологами и педагогами, не дают целостного представления о человеческой личности во всём её многообразии. Личность человека как природное, биологическое, психическое, социальное и духовное существо имеет свою историю развития и живет только одну земную жизнь. Умирает тело, умирает и личность, уходят жизненные силы и сознание, от человека и личности, в обычном понимании, ничего не остается. Мы уходим туда, откуда пришли. Физическое тело забирает природа (земля, вода, воздух и т.д.), психические образования рассеиваются среди тонкого материального мира в архетипах бессознательного, душа уходит в свой мир.

Во всех теориях личности (и человека) отсутствует вертикальная скрепляющая сила-энергия-сознание. Естественно, это делает теории недостаточно духовно обоснованными. Интегральная йога показывает, что вся природа человека образуется «сверху вниз» от Духа (Абсолют, Брахма, Высшее «Я»). «Дух, Абсолют образует Универсальное Сознание, которое своей силой создает и объединяет все виды энергии и уровни сознания» [Корнеев, 2017, с. 48]. Образно говоря, Универсальное Сознание – это нить, на которую нанизаны все виды и состояния сознания. Сила-энергия Универсального Сознания, исходящая от Брахмы, своим движением создает парапсихические, психические и материальные миры. Выделенная из Универсального Сознания капля (душа) постепенно создает в материи существо по имени человек. «В основе человека лежит чистое сознание из мира небытия, которое вибрацией создает свечение – тело души» [Корнеев, 2017, с. 37]. «Человек, как существо материальное и духовное одновременно находится в мире бытия (Природа, Мать) и небытия (Брахман, Отец), но воспринимает себя только в мире бытия и то далеко не на всех уровнях» [Корнеев, 2017, с. 36].

В свое время В. Франкл отмечал, что отсутствие духовного измерения «не может быть игнорировано, ... именно оно делает нас людьми». Именно проявленные душевые качества человека изучает духовная психология и йога. В настоящее время у многих людей разных профессий наблюдается глубокий интерес к психологии религии, психологии йоге. Тяга к духовности – это естественный процесс, связанный с самопознанием. Психология йоги полностью удовлетворяет эту потребность, устраняет недостатки

академической, практической и прикладной психологии и имеет свое понимание феномена самореализации.

Во всем мире широко используются разнообразные методики по оценке психического развития внешней личности. Но данные оценочные суждения не отражают истинные человеческие качества и их развитие, которые содержатся в душе. Изучение структур, выходящих за пределы внешней личности, в парапсихические, трансцендентные миры, только намечается, что находит отражение в трансперсональной психологии, экзистенциальной психологии, глубинной психологии, христианской психологии, психосинтезе и некоторых других дисциплинах.

Душу и духовность невозможно протестировать и распределить по рангам. Йога и религия говорят об уникальности любого человека, его абсолютной ценности и значимости независимо от психофизиологических особенностей, здоровья, интеллекта, социального статуса и вероисповедания. Ибо у каждого человека есть свое высокое предназначение, миссия, данная ему от Бога и Универсального Сознания.

Внешняя личность состоит из фрагментов и развивается на основе архетипов всей мировой культуры в процессе воспитания, обучения, саморазвития и отражает процесс самопознания человеком внешнего мира. Взаимодействие с социумом способствует развитию личности, но для эволюции человеку необходима коммуникация со своей душой и высшим «Я». «Со временем вся человеческая природа объединяется вокруг психического существа – интегральной личности» [Корнеев, 2017, с. 234]. Индивид в своих внешних и внутренних связях и есть целостная, интегральная личность. Новорожденный постепенно присваивает внешний мир и вместе с этим становится его составной частью. Социум и личность – единое целое. Объективный мир, воспринятый анализаторной системой, декодируется мозгом и приобретает субъективный, эксклюзивный смысл и, таким образом, постепенно образуется относительно самостоятельный и неповторимый «Я-образ» – внешняя личность. Исследуя фрагментарную личность, мы пытаемся создать объективное представление о всей системе по имени «Человек», забывая (или не догадываясь), что личность есть только поверхностная часть величественного образования. Если личность в своем развитии достигла каких-то выдающихся результатов с точки зрения социума, развила одну или много своих граней, то говорят о ее одаренности, таланте и гениальности. Если человек реализовал в себе высшее «Я», то он становится святым. Но люди больше обеспокоены биографией социальной личности, чем сутью и эволюцией своего внутреннего существа. Временные ценности фрагментарной, социальной личности заменили вечные ценности души.

В «Интегральной йоге» внешнюю личность Шри Ауробиндо называет персональностью и пишет: «...у вас много сторон в персональности, или, скорее, много персональностей в вас» [Ауробиндо, 1992, с. 32]. Несогласованность их движений сильно препятствует на пути духовного становления. Идея эго, отдельного «я» предполагает наличие других, что приводит к противопоставлению, конкуренции, вражде. Все персональности

необходимо объединить в гармоничное существо, но гармонизация может быть проделана только идущим изнутри души Духом, который есть центр этих радиусов. Каждая персональность может входить во все планы фрагментарной личности или только в один из них. Ложная (внешняя) личность крайне механична, она основана в большей части на воображении, на ошибочных взглядах о самой себе и составляет комбинацию многочисленных малых «я». «Сиюминутное я есть не что иное, как временное поверхностное образование, созданное внутренней личностью: это всего лишь один из многих шагов на пути эволюции человека» [Ауробиндо, 1997, с. 125]. Наше эго, хвастающее своей независимостью, каждое мгновение становится рабом, игрушкой и марионеткой бесчисленных сущностей, энергий и сил, населяющих природу универсума, – отмечает Шри Ауробиндо в «Синтез йоге» [Шри Ауробиндо, 1992, с. 52-53].

Внешняя личность-эго, при поддержке внутреннего существа, развивается благодаря знаниям и опыту, получаемому от внешних контактов через сенсорную систему. Внешнюю личность можно «рассматривать как проявление низшей природы человека, она не может быть вершиной его развития..., поскольку существуют более высокие уровни бытия, на которые нам еще предстоит подняться, чтобы раскрыть их силы в земной природе... Нам еще предстоит выйти за пределы человеческой личности... и обрести личность божественную» [Ауробиндо, 2011, с. 222-223].

Внешняя личность-эго есть временное творение души и служит необходимым инструментом её эволюции в материальном мире. Она нужна душе во время пребывания на Земле с её пространственно-временными характеристиками для усвоения определенных уроков. Некоторые уроки (законы) невозможно осознать и усвоить без тела и вне времени (т.е. в развоплощенном состоянии). Эмпирическая (внешняя) личность бесконечно разнообразна своим содержанием в «глубину» и «ширину». «До тех пор, пока внешняя личность, которую мы называем собой, окутана энергиями низших планов, смысл её собственного существования будет оставаться для нее неразрешимой загадкой» [Ауробиндо, 2011, с. 67]. Все способности человека происходят от существа, которое находится внутри нас, за пределами эго. Наше физическое тело – это символ нашего истинного и бессмертного существа, души. Древние римляне и греки утверждали, что тело божественно. Шри Ауробиндо утверждал: «Тело – это оболочка Духа, и потому оно – первое, что должно быть познано. ... Тело имеет свой уровень сознания, существует физический разум, самый тупой из всех возможных». Но именно в теле может быть достигнуто совершенство. «Поскольку освобождение может быть достигнуто уже в этой жизни, тело необходимо сохранять как можно дольше, причём в отличном состоянии, чтобы оно было пригодным для медитации». Мать (Мирра Ришар) по этому поводу сказала: «Мне кажется, что в йоге ничего нельзя понять до конца, пока не поймёшь телом».

Эго, как инструмент души, играло роль объединяющего центра на заре существования человечества [Ауробиндо, Мать, 1997, с. 180]. Вокруг эго группировались все силы, составляющие человеческую природу. В настоящий

период, когда человечество стоит на пороге появления духовного человека, эго, как ложное образование, должно исчезнуть, уступить своё место духовному существу. Но духовное существо должно иметь качественно другое тело.

При помощи эмпирической личности человек формирует собственный образ мира и самого себя, который полон иллюзии. Социальная личность в своих внешних и внутренних связях живет в мире субъективных образов, которые несут свою долю истины. Обычный человек, если он думает о самореализации и ему кажется, что он «достиг всего», то эти достижения связаны только с внешним миром и от этих знаний (представлений) трудно избавиться. Необходимо признать, что внешняя личность-эго не есть вы сами, это временная формация, инструмент в игре высших сил. Внешняя личность играет роль буферной зоны между внешним и внутренним миром человека. Она непосредственно контактирует с грубым миром и социумом, принимает от них все несовершенства и передает внутренней личности, психическому существу (душе).

Наше «я-эго» постоянно меняется, и, тем не менее, ему присуща некоторая стабильность, о чем говорят наш темперамент и характер. Обычный человек, который живет поверхностным сознанием, не ведает глубины своего «Я», где скрываются безграничные силы Универсального Сознания. Каждая часть нашего существа (тело и отдельные органы, интеллект, воля, эмоции, память и т.д.) обладает собственной сложной индивидуальностью. Ни одна часть нашего существа не живет в согласии с другими частями, ни с эго, ни с умом. Мы состоим из множества личностей (субличностей, персональностей), каждая из которых стремится удовлетворить свои запросы. В нас каждое мгновение вливается множество разнообразных вибраций-сил, которые так же преследуют свои цели. Вокруг нас простираются иные планы сознания, разума, жизни, которые питают нашу жизнь и оказывают давление. В нашем эволюционном восхождении все эти энергии (в нас и вокруг нас) должны быть осознаны и приведены в согласие с волей высшего «Я».

Каждый план внешней личности (физический, витальный, ментальный) обладает своим собственным сознанием (умом), хотя все они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Но в нашем бодрствующем сознании и переживаниях все они смешаны в разных соотношениях. Тело обладает собственным, служебным (инструментальным) сознанием и действует, исходя из него, оно не подчиняется витальной и ментальной воле. Например, в вопросах здоровья-болезни, во всех автоматических функциях, тело действует по-своему. Главные характеристики физического сознания – это силы тамаса: инерция, неясность, механическая повторяемость, автоматизм, хаотическая деятельность, сомнение, все это похоже на заведенный механизм. Тело нужно тренировать, учить, воспитывать, пробудить, чтобы сделать хорошим и сознательным инструментом разума. Наш разум (интеллект) очень мало знает об этом поверхностном сознании, он лишь чувствует его и видит его результаты.

Чем ниже интенсивность и напряжение сознания, тем менее проявлены качества (энергия, силы) души во внешней личности, тем более благодатная почва для внедрения в психику индивида чуждых ему энергетических образований из внешнего мира и бессознательного. Если лучи истинной личности не пробиваются через психическое поле фрагментарной личности, то индивид взаимодействует с внешним миром только посредством своей внешней, адаптированной к социуму личности. Адаптированный к социуму человек не оказывает развивающего влияния на общественное сознание, т.к. сам полностью сливается с ним и зависит от него. По сути дела такая личность в этот момент не имеет своей индивидуальности, своей искры, своей силы, своего сознания. Та личность, которую человек демонстрирует в часы своего бодрствования, представляет собой всего лишь искусственно созданную и частичную индивидуальность. Что же представляет собой подлинную индивидуальность? «Подлинная индивидуальность идет от Бога, Он – абсолютное Сознание, абсолютное Бытие и абсолютное Блаженство» [Йогананда, 2004, с. 194]. Человек умом не может познать бесконечный разум, невыразимый Дух, но благодаря сверхсознанию души мы способны ощутить Божественное блаженство. Подлинная индивидуальность может развиваться в нас только тогда, когда мы становимся способными благодаря интуитивному прозрению воспринимать Божественный поток жизни и сознания. Развитие любой другой индивидуальности или качеств личности, что может принести славу, успех, богатство внешнему человеку, постепенно принесет и разочарование, заставит страдать.

Деятельность внешней личности постоянно смешивается с энергией внутренней личности, души и высшего «Я», что вносит свою нечистоту и перекрывает потоки высшего сознания. Часто именно импульсы внешнего витально-ментального сознания ошибочно принимаются за сознание души, и человек впадает в различные заблуждения. Внешняя личность должна научиться принимать высшую силу, но для этого она должна быть обращена не к внешнему миру и социуму, а в сторону внутренней личности и души. Пока душа следует за изменениями внешней личности, за ее интересами, она не может познать себя как нечто самосущее, безличное и нерожденное. Если в человеке внешняя личность доминирует, властвует над внутренней личностью, низшее над высшим, прошлое руководит настоящим и будущим, то такой человек ещё находится в начале своего развития.

Ум внешней личности «по самой своей природе есть неведение, ограничен и обусловлен в своем знании бытия, пониманием настоящего, памятью о своем прошлом, представлениями о своем будущем, а значит, обусловлен временным и линейным взглядом на себя и на происходящее с ним, ...даже из своего прошлого он помнит лишь то немногое, что осталось в памяти; он не может предвидеть своего будущего, скрытого от него непроницаемым мраком неизвестности» [Ауробиндо, 2015, с. 240]. Но над умом есть вневременная сила самопознания способное интегрально понимать прошлое, настоящее и будущее, осознавать себя во времени, но не последовательно, а одновременно.

Сверхсознательное не отчуждено от времени, пространства, причинности и их проявлений, что дает нам перспективу сознательного существования, познания себя и мира бытия. Знание – это неотъемлемая сил сознания вневременного, внепространственного и абсолютного «Я», это сознание обладает подлинным и полным знанием. Неведение – это захваченное потоком времени сознание, живя внутри неведения, сознательная душа вводится в заблуждения фрагментарным знанием, допускает ошибки и просчеты. Ум внешней личности компенсирует свои недостатки памятью, воображением, размышлением, символическими идеями, чувствами. С их помощью он воспринимает внешний мир и вещи, которые рядом с ним и которые удалены от него. Память – очень важная способность, она связывает прошлый и настоящий опыт, прошлую и нынешнюю личности, помогает избежать неразберихи, разрыва ассоциаций, обеспечивает непрерывность психических процессов в уме внешней личности, участвует в формировании чувства эго.

Обычный человек почти не имеет прямой связи (сонастройки) с душой, поэтому им руководит фрагментарная личность-эго. Такой человек отрезан от интуиции, совести, воли к добру, любви, которые заключает в себе душа. Цель эволюции состоит не в развитии внешней личности-эго, не она является хозяином мира, не она его творит, ибо сама является сотворенной как временный инструмент души. Скорость эволюционного развития человека напрямую зависит от силы его мысли, от настройки на высшее «Я». Эволюция человека выражается в том, чтобы научиться в своей деятельности проявлять волю души, эволюция души заключается в выражении воли Духа. «Когда наша ограниченная эгоистичная личность растворится в безличности этого «Я», мы обретем покой и ничем не ограниченную тождественность, позволяющую нам ощущать подлинное единство с Универсальной Силой Божественного в его мировом движении» [Ауробиндо, 2012, с. 147]. В рамках внешней личности можно достичь лишь частичного единства путем сочувствия и деления взглядов с другими людьми. Если мы живем в сознании только физического (видимого) человека, то совершаем свою эволюцию в общечеловеческом потоке вместе с природой. Приобретая осознание, соннастройку на внутреннего человека, мы приобретаем способность управлять видимым человеком. Так проявляют себя все феноменальные способности. Незримые мысли можно материализовать в зримые переживания.

Характер развития внешней личности закрепляется в рефлексах, привычках, потребностях, характере, желаниях, мотивах, памяти и т.д. Относительная гармония внешней личности особенно нарушается в кризисные периоды жизни, в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, что приводит к падению её жизненных сил, дезинтеграции, к психическим расстройствам и психосоматическим болезням. Эффективность в развитии, психокоррекции и психотерапии внешней личности достигается соннастройкой с сознанием души и высшим «Я».

Сознание человека (и мышление) по природе многомерно, но данная способность не у всех развита в полной мере. Одномерное мышление жестко детерминировано, совершенно логично, каждому следствию – своя причина.

Суждение идет по принципу «если..., то». Такое мышление всегда видит одну причину в том или ином явлении, но чаще всего мир причины ему недоступен и не интересен. Оно живет в мире следствий. При одномерном мышлении личность максимально эгоцентрична, сосредоточена только на малой части себя самой. Образно говоря, при одномерном мышлении сознание сосредоточено «на собственном кончике носа» и этого индивиду достаточно.

При двухмерном мышлении личность пытается осознать свои связи с окружающим миром и другими людьми, со своими более глубокими структурами, подсознанием. Двухмерное мышление более гибкое, суждение идет по схеме «или... или», ему свойственно ставить «мудрые» вопросы типа «что было первым, яйцо или курица?». Для двухмерного мышления на данный вопрос нет верного ответа, ибо оно привыкло ходить по кругу в поисках готовых ответов. В восточной мистической традиции для преодоления такого стиля мышления и выхода на более высокий уровень используют мыслительные задачи типа коанов, например: «Как будет выглядеть хлопок одной рукой?».

Трехмерное мышление действует по принципу «ни то..., ни то» и на вопрос, что первично – курица или яйцо, дает ответ, что на данный вопрос нет верного ответа, ибо, ни то, ни другое не имеет начала (двухмерному мышлению уже не понятно). Трехмерное мышление, по аналогии с геометрией, это трехмерное пространство, шар, где сам наблюдатель (субъект) является и объектом наблюдения. Личность в трехмерном мышлении пытается осознать свою индивидуальность, связи с миром и вселенной.

Четырехмерное мышление – это одновременное видение (восприятие) и понимание внешней и внутренней сути предметов, явлений, событий. На это способна внутренняя личность. Это восприятие мира со всеми взаимосвязями как единого целого, когда возможен выход за пределы обыденной трехмерной личности. Такое мышление свойственно гениям и первооткрывателям, мистикам, святым, пробужденным, пророкам, основателям религий. Применяя соответствующие техники, современный человек вполне может развивать четырехмерное, интуитивное мышление и соответственно этому изменять себя и свой образ жизни.

Исходя из вышеизложенного, вполне естественно внимание к психологическим и педагогическим знаниям и технологиям, которые способствуют поддержанию и развитию природных коммуникативных связей между внешней личностью и высшими уровнями сознания. Каждый человек имеет равное право на свое собственное место в жизни и на все блага не только на земле, но и во Вселенной. Его земной путь в любой ипостаси – это только часть его жизни. Изучение природы личности и перехода низшего ума к сверхсознанию относится к наиболее трудноосуществимым видам практической деятельности. Но именно этим путем продвигаются искатели истины во всех частях света.

Литература

1. Интегральная йога Шри Ауробиндо. – М.: Никос, 1992. – 396 с.
2. Йогананда Парамаханса. Вечный поиск. – М.: Саттва, Трансперсональный ин-т, 2004. – 608 с
3. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
4. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.
5. Корнеев С.С. Основы психологии интегральной личности: учебное пособие. – М: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 360 с.
6. Корнеев С.С. Природа и структура внутренней, внешней и интегральной личностей в интегральной йоге // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1. (39). С. 61-68.
7. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.
8. Шри Ауробиндо Гхош. Синтез йоги. – СПб.: А/О Комплект, 1992. – 666 с.
9. Шри Ауробиндо, Мать. В поисках души нетленной. Фрагменты из работ. – СПб.: Адити, 1997. – 180 с.
10. Шри Ауробиндо. Письма о йоге (книга 1). – М.: София, 2011. – 384 с.
11. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 22. Письма о йоге – III. – СПб.: Адити, 2006. – 384 с.
12. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 1. Биография. Глоссарий. – СПб.: Адити, 1998. – 571 с.
13. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 12. Эссе о Гите – II. – СПб: Адити, 2012. – 320 с.
14. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 15. Жизнь божественная – II. – СПб.: Адити, 2015. – 384 с.
15. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 25. Письма о йоге – VI. – СПб.: Адити, 2009. – 432 с.
16. Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой путь к Себе. – Л.: Таруваниамалай: Шри Рамана-ашрам, 1991. – 190 с.

МОТИВЫ ПОВЕДЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Ю. ВОЙТОНИСА

Аннотация: В статье авторы обращаются к психологическим идеям специалиста в области сравнительной психологии и зоопсихологии Н.Ю. Войтониса (1887-1946). Представляется его жизненный путь, описываются сферы его научных интересов. Рассматриваются взгляды Н.Ю. Войтониса на проблему мотивации. Анализируются вопросы формирования и регуляции поведения человека и животных, механизмы развития навыков, обсуждаются проведенные им экспериментальные исследования. Делается вывод о значении научных работ Н.Ю. Войтониса для становления направления психологии мотивации в отечественной психологии.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, Н.Ю. Войтонис, мотивация, навыки, регуляция поведения, сравнительная психология, зоопсихология, объективная психология.

Abstract: In the article, the authors turn to the psychological ideas of a specialist in the field of comparative psychology and zoopsychology N.Yu. Voitonis (1887-1946). His life path is presented and the areas of his scientific interests are described. The views of N.Yu. Voitonis on the problem of motivation. The issues of the formation and regulation of human and animal behavior, the mechanisms of skill development are analyzed, and the experimental studies he conducted are discussed. A conclusion is drawn about the significance of the scientific works of N.Yu. Voitonis for the establishment of the direction of psychology of motivation in domestic psychology.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, motivation, skills, behavior regulation, comparative psychology, zoopsychology, objective psychology.

Проблема *мотивации* в истории психологии разрабатывалась в рамках рассмотрения вопросов детерминации поведения человека [Иванников, 2015]. В период развития психологии внутри философии (до второй половины XIX в.) мотивация часто сводилась к воле (в частности, свободе воли) и биологическим предпосылкам деятельности – потребностям. В начале XX в. В российской психологии детерминанты и механизмы поведения рассматривались в рамках изучения желаний, влечений, автоматизмов, рефлексов и инстинктов у животных и человека, и только к середине XX в. Тематика мотивации получила самостоятельный статус [Карабанова, Китченко, 2018; Леонтьев, 2002], прежде всего в возрастной и педагогической психологии [Божович, 1950; и др.].

Важное значение в становлении направления психологии мотивации в отечественной психологии имеет ее разработка в рамках *сравнительной психологии* и *зоопсихологии* [Артемьева, Щелокова, 2017; Костригин, Цой, 2023]. Одним из исследователей, занимавшихся этой проблематикой, был

Николай Юльевич Войтонис (1887-1946), специалист в области сравнительной психологии и зоологии. В его работах рассматривались эволюционные предпосылки формирования мотивации поведения, которые затем ученый переносил на деятельность человека.

Н.Ю. Войтонис окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1913), на котором преподавали В.М. Шимкевич (1858-1923) и В.А. Вагнер (1849-1934), специализация исследований которых затем проявилась и в научном творчестве ученого. В 1914 г. Он был призван в армию и участвовал в Первой мировой войне, был в немецком плену. После окончания войны в 1920-1925 гг. он занимался преподавательской деятельностью сначала в г. Лубны Полтавской губернии (последовательно занимал должности школьного инспектора и преподавателя психологии и педагогики), затем в Москве и Московской области (заведующим учебной частью трехлетних Педагогических курсов и школы, преподавателем на рабфаке Высшего технического училища). В 1927 г. (по другим данным – в 1926 г. [Ширшова, Шитова, 2019]) Н.Ю. Войтонис поступил в аспирантуру Московского государственного института экспериментальной психологии (ГИЭП). В 1929 г. Под руководством В.М. Боровского он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль побуждающих факторов в поведении». В 1929-1934 гг. он преподавал психологию в Вятском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1934-1942 гг. он возглавлял лабораторию сравнительной психологии при Сухумском питомнике. Результатом работы здесь стала защита докторской диссертации в 1940 г. На тему «Поведение обезьян и проблема антропогенеза». В годы Великой Отечественной войны он был эвакуирован в Тбилиси, где работал в лаборатории Д.Н. Узнадзе при Институте психологии Академии наук Грузинской ССР. В конце ВОВ сначала он был сотрудником сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР, а затем был приглашен на должность заведующего кафедрой психологии и педагогики в Крымский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе, где проработал до конца своей жизни⁶ [Ладыгина-Котс, 1949; Помелов, 2022; Ширшова, Шитова, 2019, с. 14-15].

Среди *научных интересов* Н.Ю. Войтониса можно выделить проблемы антропогенеза, формирования поведения и орудийной деятельности у животных и человека, эволюции психики (в частности интеллекта, памяти, мотивации и др.) [Артемьева, 2016; Грушецкая, 2018; Дерягина, 1981; Ключевская, Железнов, 2014; Ладыгина-Котс, 1949; Михель, 2007; и др.]. Его научное наследие анализируется также в области антропологии и педагогики [Вяликова, Костякова, 2012], общей и детской психологии [Мотков, 2021] и др. Проблематика мотивации в творчестве Н.Ю. Войтониса возникла в контексте обсуждения и разработки им вопросов формирования и регуляции

⁶ На данный момент существует еще достаточно пробелов в биографии Н.Ю. Войтониса. Поиск биографических фактов продолжается.

поведения человека и животных, в частности механизмов развития навыков [Войтонис, 1930, с. 124].

Рассмотрим ранние публикации Н.Ю. Войтониса, посвященные исследованию мотивов. Обсуждение его работ по проблеме мотивов будет проводиться с помощью категориально-понятийного анализа и строиться по следующей *схеме*: определение мотива, классификация мотивов, механизмы функционирования, способы изучения, исходные концептуальные предпосылки (влияние научных традиций на разработки автора).

Под *мотивом* Н.Ю. Войтонис понимал систему реакций, «нарушивших определенное направление деятельности организма и являющихся предпосылкой для осуществления другой группы реакций, органически связанной с первой, протекающей в ее русле и восстанавливающей относительное равновесие организма» [Войтонис, 1930, с. 124]. По его мнению, организм представляет собой сложную систему реакций, механизмы обуславливания которых и связываются с мотивами. Сам же поток реагирования непрерывен и всегда имеет направление, а равновесие организма относительно и нарушается реакциями, складывающимися в мотив и начинающими двойной процесс: они меняют направление, тем самым задавая новый вектор движения, в рамках которого относительное равновесие вновь восстанавливается. «У человека весь этот сложный процесс имеет свою субъективную характеристику в форме ощущений, вызывающих к жизни ранее пережитые в сходной обстановке реакции – представления, сопровождающиеся определенными чувствами и открывающие некоторый поток реакций (стремления), ведущие через борьбу соперничающих желаний (пробы) к определенному решению или действию (исполнительная реакция)» [[Войтонис, 1929, с. 232].

Н.Ю. Войтонис предложил *классификацию мотивов* и выделил два их вида: первичные, к которым относятся инстинкты и безусловные рефлексы; вторичные, основанные на первичных, сформированные в течение жизни, представляющие собой условные рефлексы и навыки. Вторичные мотивы различаются у животных и человека по причине социального развития и формирования речи у последнего [Войтонис, 1929, с. 236]. Н.Ю. Войтонис привел наглядный пример: «Насколько сложна эта система, можно представить себе, если подумать о многообразии вторичных “мотивов”, созданных навыками в области такого простого генетически первичного “мотива”, как голод: приемы, время и обстановка еды. Обычай, обряды, церемонии, правила приличия и гигиены, – все это может создать в определенный момент определенную настроенность и устремленность в поведении человека» [Войтонис, 1929, с. 239]. Вторичные мотивы отличаются достаточным разнообразием, а основным принципом их создания является установление условных связей [Войтонис, 1929, с. 239].

Кроме классификации мотивов, Н.Ю. Войтонис описал *механизмы их функционирования*, в частности взаимодействия между собой. Этот процесс является важным в реализации мотивов, так как часто ведущим является не один мотив, а их сочетание. Кроме того, мотивы с одной направленностью

могут суммироваться, разнонаправленные или мотивы-антагонисты могут исключать или ослаблять друг друга, частично совпадающие или частично противоречащие мотивы дают сложные новообразования [Войтонис, 1929, с. 239]. Во взаимодействии мотивов также могут наблюдаться явления ассимиляции одного механизма другим, иерархического подчинения, изменения мотивов ввиду повторения действия [Войтонис, 1929, с. 244].

Участие мотива в поведении человека и животного, в частности в формировании навыка, наблюдается при слиянии двух механизмов (собственно мотива и исполнительной реакции) в автоматическое действие. При формировании мотива реакции, лежащие в его основе, нарушают относительное равновесие организма и задают движение «нового потока» деятельности; этот поток через многообразие реакций складывается в «систему «исполнительных» реакций, вновь восстанавливающих относительное равновесие [Войтонис, 1929, с. 231]. В рамках мотива основным способом реагирования на возникшую преграду являются «пробы и ошибки» – рецепторная и эффекторная деятельность, направление и объем которой задается непосредственно механизмом мотива [Войтонис, 1930, с. 125]. Таким образом, по мнению Н.Ю. Войтониса, мотивом являются внутренние психические процессы, которые обуславливают поступок [Войтонис, 1929, с. 228].

Особой задачей исследования проблемы мотивации поведения Н.Ю. Войтонис считал *разработку принципов и способов ее экспериментального изучения*. Анализируя результаты экспериментальных исследований мотивов у людей и животных, проведенных разными авторами, Войтонис выделил основную трудность таких работ – сложность отделения внутренних состояний (собственно мотива) организма от внешней среды: «При данном состоянии организма, каждому сочетанию внешних раздражителей отвечает своя интенсивность и форма процесса. Но она отнюдь не определяется однозначно данной, внешней средой, и мы с таким же правом можем перевернуть это положение и сказать: при данной внешней среде реакция будет всецело определяться свойствами внутреннего механизма» [Войтонис, 1929, с. 245].

Н.Ю. Войтонис придерживался позиции, что экспериментальное изучение позволит получить наиболее четкое представление о мотивах, причем начинать следовало с основных и простых форм поведения, которые наблюдаются у животных и детей [Войтонис, 1929, с. 247]. Именно эта позиция и обосновывает важность обращения к сравнительно-психологическим и зоопсихологическим данным при рассмотрении проблемы мотивации и других сложных психических феноменов.

В период подготовки своей кандидатской диссертации он проводил исследования мотивации в ГИЭП по следующим направлениям: изучение влияния на поведение интенсивности мотива, соотношение эффективности различных мотивов как основы для формирования навыка, формирование новых мотивов [Войтонис, 1930, с. 125]. Н.Ю. Войтонис провел три серии экспериментов, посвященных каждому из выделенных аспектов.

Первая серия экспериментов была ориентирована на исследование влияния интенсивности голода на выработку навыка у белых крыс в лабиринтах разной сложности. Было показано, что периоды голодания от 8 до 24 часов оптимальны для выработки навыка, а повышение до 32 и более часов не оказывает значительного положительного влияния. Голод как сильный внутренний импульс в качестве мотива является необходимым для усвоения лабиринта до приобретения навыка, после же долгой тренировки усвоение происходит при воздействии внешней среды и не требует голода. Автор указывает, что возможной причиной этого может быть соединение нового мотива в процессе выработки навыка. При предъявлении нового препятствия после выработки навыка оно оказывается трудно преодолимым, при этом по мере формирования навыка во времени или при ускорении процесса повышения интенсивности голода происходит постепенный переход от неправильных действий к частичным ошибкам. Этот переход тем медленнее, чем дальше зашел прогресс [Войтонис, 1930, с. 125]. Данную серию экспериментов автора можно отнести к разработке проблемы влияния интенсивности мотива на выработку навыка. Полученные результаты имели значение не только в рамках данного эксперимента, но и частично для проблемы выработки навыков в целом. Был сделан следующий вывод: развитие навыка у крыс в лабиринте показывает не общая сумма различных совершенных ошибок, а лишь число «полных ошибок», кроме того, данный навык отличается невысокой степенью целостности [Войтонис, 1929, с. 248]. Поскольку чаще всего ошибки совершались крысами на первом этапе, было выдвинуто предположение: «... при слабом голоде внешняя обстановка не так легко вызывает к жизни тот мотив, в рамках которого должно лежать действие» [Войтонис, 1929, с. 249].

Вторая серия экспериментов, проведенных на белых крысах, была посвящена изучению возможности реакций на кота и на корм как основы для выработки навыков. В связи с изменчивостью реагирования крыс на кота было показано, что у крыс с сильной реакцией на угрожающее животное условные связи на основе этой реакции устанавливаются так же быстро, как и при образовании связей на основе пищевой реакции. При этом установленные на основе голода навыки оказываются устойчивее [Войтонис, 1929, с. 126]. Эта серия экспериментов может быть отнесена к проблеме соотношения эффективности различных мотивов как основы для формирования навыка. Также были сделаны следующие выводы: реализация сформированного навыка зависит от обстановки, поведение крыс по отношению к корму или убежищу отличается активностью и многообразием; с некоторыми оговорками крысы показали способность к дифференцировке условных для разных реакций раздражителей и способность к правильному реагированию на раздражитель, из двух звуковых раздражителей являющийся условным [Войтонис, 1929, с. 249].

В ходе третьей серии экспериментов в качестве основы для выработки навыков у белых крыс сравнивались голод и избегание электрокожного раздражения. Было показано, что избегание раздражения в качестве основного

мотива ведет к пассивно-защитным реакциям и эффективно для устранения тех или иных действий. Формирование навыка на основе этой реакции оказывается возможным в том случае, если избегание электрокожного раздражения связывается с неправильным действием, но обладает меньшей интенсивностью по отношению к основному движущему мотиву. Мотив голода как основной эффективен для формирования навыка, требующего разнообразия и широты осуществляемых проб, поскольку поведение, движимое голодом, отличается подвижностью, активностью и многообразием проб, а устанавливаемые связи отличаются быстротой формирования и широтой [Войтонис, 1930, с. 126]. Эта серия экспериментов также может быть отнесена к проблеме соотношения эффективности различных мотивов как основы для формирования навыка. Н.Ю. Войтонис заключил, что в рамках проведенного эксперимента дифференцирование реакций в группе голода, а также активные реакции на условный звуковой раздражитель осуществляются быстрее; между выработанными условными реакциями и сопутствующей процессу их выработки обстановкой формируется связь. Электрокожное раздражение не отличается особой эффективностью для формирования положительных действий [Войтонис, 1929, с. 250].

Проблема формирования новых мотивов в той или иной степени также присутствовала в проведенных экспериментах, но главным образом относилась автором к области последующих исследований [Войтонис, 1930, с. 125]. Таким образом, серии проведенных экспериментов показали возможности голода как мотива для формирования навыков и охарактеризовали образуемые на его основе связи.

Концептуальными основами разработки Н.Ю. Войтонисом проблемы мотивов поведения стали: 1) по его ссылкам в публикациях – труды его научного руководителя В.М. Боровского по вопросам выработки условных рефлексов, навыков и реакций, сравнительной психологии [Боровский, 1926, 1927а], психологии поведения человека и животных [Боровский, 1927б; Павлов, 1927; Szymanski, 1918; и др.]; 2) на основе реконструкции его идей – работы его учителя В.А. Вагнера по сравнительной и зоопсихологии [Вагнер, 1902 и др.], публикации по рефлексологии [Бехтерев, 1928], бихевиоризма [Watson, 1913] и др.

Анализ работ Н.Ю. Войтониса показал, что изучение проблемы мотива в психологии проводилось не только применительно к человеку, но и животному, чтобы было обусловлено тенденцией разработать *объективную психологию* не только в зарубежной науке, и в отечественной [Бехтерев, 1909; Корнилов, 1922; Методология советской психологии..., 2022; Стоюхина и др., 2022; и др.]. Продолжение исследования публикаций по разработке сравнительной психологии и зоопсихологии мотивов может способствовать пониманию становления общей психологии мотивации и психологии мотивации личности [Козлов, 2011].

Литература

1. Артемьева О.А. Защита диссертаций по психологии как результат деятельности отечественного научного сообщества в первой половине XX века // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 37-46.
2. Артемьева О.А., Щелокова М.В. Историография советской зоопсихологии: герои, достижения и этапы развития в представлениях авторов академических учебников // Психология и психотехника. 2017. № 3. С. 23-35.
3. Бехтерев В.М. Задачи и метод объективной психологии. СПб.: Тип. С.М. Проппера, 1909.
4. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека: руководство к объективному изучению личности / Под ред. и со вступ. ст. А.В. Гервера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
5. Божович Л.И. Мотивы учения у детей младшего школьного возраста // Очерки психологии детей: младший школьный возраст / Под ред. А.Н. Леонтьева и Л.И. Божович. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. С. 162-183.
6. Боровский В.М. О первоначальных данных психологии поведения // Современные проблемы психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1926. С. 20-26.
7. Боровский В.М. Введение в сравнительную психологию. М.: Работник просвещения, 1927а.
8. Боровский М.И. Что такое психология // Красная новь. 1927б. № 4. С. 155-175.
9. Вагнер В.А. Психология животных. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1902.
10. Войтонис Н.Ю. Проблема мотивов поведения и ее изучение // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 227-253.
11. Войтонис Н.Ю. Мотивация поведения в сравнительно-психологическом освещении и экспериментальном изучении // Психоневрологические науки в СССР / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.; Л.: Госмедиздат, 1930. С. 123-127.
12. Вяликова Г.С., Костякова М.З. Концептуальные идеи представителей антрополого-гуманистического направления о педагогическом стимулировании // Известия Российской академии образования. 2012. № 4 (24). С. 20-31.
13. Грушецкая В.А. Войтонис Николай Юрьевич // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: В 3-х тт. Т. 1 / Ред.-сост. А.А. Непомнящий, Д.А. Ломакин, В.А. Грушецкая и др. Белгород: КОНСТАНТА, 2018. С. 187-188.
14. Дерягина М.А. Этологический анализ манипуляционной активности антропоидов в связи с проблемой происхождения орудийной деятельности // Вопросы антропологии. 1981. №68. С. 100-112.

15. Иванников В.А. Порождение деятельности и проблема мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – №. 2. – С. 15-22.
16. Карабанова О.Р., Китченко С.В. Историография феномена теорий мотивации в психологии // Военный научно-практический вестник. 2018. Т. 1. № 1-1. С. 60-63.
17. Ключевская И.С., Железнов И.А. Проблема мотивации труда в отечественной и зарубежной науке // Научный вестник МГИИТ. 2014. № 6. С. 55-60.
18. Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («реактология»). М.: Гос. изд-во, 1922.
19. Козлов В.В. Личность, субъектность, индивидуальность // Методология современной психологии. 2011. № 2. С. 4-15.
20. Костригин А.А., Цой А.А. Сравнительная психология осьминогов в работах М.И. Гольдсмит // Методология современной психологии. 2023. № 19. С. 119-128.
21. Ладыгина-Котс Н. Н. Биографическая справка // Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5-7.
22. Леонтьев Д.А. От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: психологии мотивации вчера, сегодня, завтра // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 4-12.
23. Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
24. Михель Д.В. Обезьяны, ученые и империя: к социальной истории исследований приматов в Советском Союзе // Вестник Евразии. 2007. № 4. С. 115-139.
25. Мотков О.И. Что такое «зона ближайшего развития»? // Человек в ситуации изменений: реальный и виртуальный контекст: Материалы международной научной конференции. М.: РГГУ, 2021. С. 263-266.
26. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927
27. Помелов В.Б. Зоопсихологи на Вятке (В.А. Вагнер, Н.Ю. Войтонис, К.З. Лоренц) // Медицинское образование сегодня. 2022. № 3 (19). С. 57-64.
28. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Труды советских психологов 1920-1930-х годов: исторический анализ // Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 9-83.
29. Ширшова И.А., Шитова И.Ю. История становления и развития кафедры педагогики крымского федерального университета имени В.И. Вернадского // Духовно-нравственное развитие личности / Под общ. ред. Н.В. Якса. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. С. 8-42.

30. Szymanski J.S. Abhandlungen zum Aufbau der Lehre von den Handlungen der Tiere // Pflüger's Archiv für die gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere. 1918. B. 170. P. 1-244.

31. Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological review. 1913. Vol. 20. № 2. P. 158-177.

Мазилов В.А.

«ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА» И/ИЛИ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ

Статья посвящена обсуждению методологической проблемы психологии, которую в современной методологии психологической науки обсуждать не принято, хотя, разумеется, никаких кем-то вербализованных запретов или ограничений не существует, поскольку доминирующей позицией в научно-психологическом сообществе является методологический плюрализм. Предполагается, что любое развитие есть «движение вперед», поэтому никаких негативных последствий это иметь просто не может. В статье выражается сомнение в универсальности данного тезиса и высказывается мнение, согласно которому стоит обращать внимание и на возможные риски, связанные с широким распространением некоторых идей. Во избежание возможных недоразумений специально подчеркивается, что речь никоим образом не идет о попытках что-либо ограничить или оценить негативно – предлагается лишь при обсуждениях перспектив развития психологической науки обращать внимание и на возможные следствия. Формулируется призыв интенсифицировать разработку и оформление философии психологии как платформы для возможных обсуждений перспектив развития психологической науки.

Ключевые слова: психология, наука, фундаментальная наука, психологические исследования, методология, философия психологии

The article is devoted to a discussion of the methodological problem of psychology, which is not customary to discuss in the modern methodology of psychological science, although, of course, there are no verbalized prohibitions or restrictions, since the dominant position in the scientific-psychological community is methodological pluralism. It is assumed that any development is “movement forward”, so it simply cannot have any negative consequences. The article expresses doubt about the universality of this thesis and expresses the opinion that it is worth paying attention to the possible risks associated with the widespread dissemination of certain ideas. In order to avoid possible misunderstandings, it is specially emphasized that this is in no way about attempts to limit or evaluate anything negatively - it is proposed only when discussing the prospects for the development of psychological science that attention should be paid to possible consequences. A call is formulated to intensify the development and presentation of the philosophy of psychology as a platform for possible discussions of the prospects for the development of psychological science.

Key words: psychology, science, fundamental science, psychological research, methodology, philosophy of psychology

Настоящая статья подготовлена для обсуждения в рамках 27-го Международного Конгресса «Психология XXI столетия (Новиковские чтения)» и предназначена для публикации в 22-ом выпуске «Методологии современной психологии». Конгрессы в Ярославле проводятся уже в продолжение четверти века, поэтому невольно возникают некоторые обобщения. Однако мы не будем утомлять потенциального читателя наукометрическими изысканиями, оставив это для другого случая, поэтому ограничимся субъективными и, возможно, случайными наблюдениями и обобщениями. Будем исходить из того, что четверть века достаточно ощутимый срок – и для отдельного человека, и для той или иной области знания.

Уже приходилось отмечать, что фактор времени имеет для психологической науки большое значение, причем не только в традиционном смысле, но и в плане определения темпоральных характеристик развития науки [22]. Напомним, что могут быть выделены две темпоральные ориентации, которые являются основными у современных научных психологов: 1) эволюционная, согласно которой психологическая наука далека от финальности, поэтому необходимо при составлении программ и планов ее развития руководствоваться *дальними* перспективами; 2) революционная, согласно которой, проблемы должны решаться *актуально и в короткие сроки*. Констатируется, что большинство психологов ориентировано на вторую, тогда как сторонников первой много меньше [22]. Не будем здесь останавливаться на достаточно очевидных следствиях, которые могут выведены из такого деления, лишь заметим, что идентификация с указанными ориентациями существенно определяет возможные стратегии развития психологии. Отметим также, что автор настоящих строк относит себя к числу приверженцев первой – психология является наукой, причем фундаментальной научной дисциплиной, интенсивно развивающейся и пока что весьма *далекой от финальности* [18, 20]. Проект, который был инициирован еще Аристотелем (λόγος περὶ ψυχῆς), продолжается уже на протяжении без малого двух с половиной тысячелетий и далек, как очень хочется надеяться, от своего «досрочного» завершения. К этим моментам мы вернемся в конце настоящей статьи.

Для темы статьи представляется важным, что те или иные решения, принимаемые психологами и поддерживаемые научным сообществом, могут иметь различные последствия, в том числе и отсроченные [23, 26]. Если этот тезис нуждается в пояснении, дадим его. Как хорошо известно, полтора столетия назад психология (в варианте вундтовской физиологической психологии) была провозглашена *urbī et orbī* самостоятельной наукой. Событие бесспорно и прогрессивное (давно и с нетерпением ожидаемое), и значимое. История замечательной науки психологии начиналась с «чистого листа». Однако, преувеличенная значимость события имела и обратную

сторону. Произошел разрыв с многовековой традицией философского осмысления душевных и духовных явлений, восторжествовало упрощенное и ограниченное понимание и трактовка предмета психологии [16]. Список ограничений, утвердившихся в научной и самостоятельной психологии, в том числе и совершенно не оправданных, легко продолжить. Важно, что на преодоление или элиминирование этих ограничений ушло более полутора веков, да и процесс «восстановления» пока еще далек от своего завершения.

Впрочем, вернемся к нашим дням, поскольку тема статьи не о прошлом, а о настоящем психологической науки. Попробуем в самом общем виде и в порядке первого приближения оценить происшедшие в последние десятилетия перемены в области «психологии XXI столетия».

Сразу же возникает впечатление, что за последние четверть века академической психологией достигнуты значительные успехи: неуклонно растет число научных публикаций, причем тематика значимо расширяется, издаются новые научные журналы, проводится огромное количество научных и научно-практических конференций и форумов, появляются все новые монографии, в которых презентуются и обосновываются оригинальные научные подходы и концепции. Если не вдаваться в детали, создается впечатление стремительного развития.

Вероятно, было бы несправедливо не упомянуть и об изменениях в области практико-ориентированной психологии. Количество практикующих психологов значимо увеличилось, хотя, необходимо признать, что качество оказываемых услуг не всегда находится на достаточном уровне, как и то, что под брендом практической психологии по-прежнему можно обнаружить и субъектов, далеких от психологии как науки. Тем не менее, практико-ориентированная психология интенсивно развивается, хотя и по-прежнему представляет собой неоднородное движение, в нем явно отмечается появление новых подходов. Стоит специально отметить, что в последние четверть века наблюдаются разнообразные попытки установления контактов между академической психологией и практико-ориентированной психологией. Если в конце прошлого столетия говорилось о трагическом расхождении этих ветвей психологического знания, то в последующий период произошли обсуждения глубинных причин схизиса (Ф.Е.Василюк) [5, 6]. Не может не радовать, что проблема продолжает обсуждаться [35, 34], причем стремление к установлению контактов наблюдается как со стороны академической психологии, так и со стороны психологов-практиков.

Можно было, опираясь на вышесказанное, сделать смелый и однозначный вывод о стремительном и неуклонном развитии психологии как науки и практики. Однако, не будем спешить, поскольку отмечаются – конечно, много реже и куда менее однозначно – и тенденции другого рода, свидетельствующие о некотором латентном неблагополучии [15]. Поскольку уже приходилось об этом писать, обозначим этот момент совсем кратко.

Еще недавно престиж психологии был высок, она воспринималась именно как научная дисциплина, имеющая предмет, принципы, методологию, систему понятий, как интенсивно развивающаяся, создающая все новые

отрасли и др., короче говоря, имела все признаки цветущей науки [21]. Однако в последующие годы ее имидж стал постепенно тускнеть, все чаще стали вспоминать про методологический кризис в психологии [19]. То обстоятельство, что в последние годы меньше говорят про общий кризис в психологии, не должно вводить в заблуждение. Сейчас многие (кроме тех, конечно, кто является прирожденным оптимистом или не хочет замечать очевидного, дистанцируясь от проблем) пишут про кризис воспроизводимости результатов (так называемый кризис доверия) [43], который есть не что иное как новое проявление не разрешенного ранее методологического кризиса. Перспективными считаются нейронауки и когнитивные науки, уверенно теснящие психологию на ее традиционных проблемных полях, но уже не психология. Про множественность различных подходов и направлений хорошо известно даже психологу-первокурснику. Список нарастающих дезинтегративных тенденций можно множить и множить [18, 20].

Если сказанное в предыдущем абзаце предельно обобщить, то можно сделать заключение, согласно которому, в психологии недостаточно выражено стремление к интеграции [10, 11, 14, 24].

Еще раз подчеркнем, что данная статья ни в коей мере не является обзором, поэтому отметим только общие тенденции, как они представляются автору настоящих строк.

- 1) Академическая и практико-ориентированная психологии продолжают интенсивно развиваться.
- 2) В академической и практико-ориентированной психологиях проводится значительное число исследований, происходит формирование новых подходов.
- 3) Большинство достижений в этих областях может быть квалифицировано как новые *психологические исследования*.
- 4) Существует явный дефицит исследований, направленных на интеграцию, консолидацию *психологической науки как научной дисциплины*.

Для темы статьи важно отметить, что есть разнообразные *психологические исследования* (с ними в психологии все в полном порядке) и собственно *психология как наука* (где, как отмечалось выше, наличествуют проблемы). К этому вопросу нам еще предстоит вернуться.

Проблемами психологии как научной дисциплины традиционно занимается методология психологической науки, что совершенно естественно, ибо в соответствии с этимологией слова «методология» это означает разработку и обоснование путей познания наукой своего предмета.

В современной отечественной методологии (с легкой руки С.Д.Смирнова [33, с. 280–281]) принято различать методологические позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

Если первые две позиции понимаются однозначно, то относительно дифференциации третьей и четвертой требуется комментарий. По счастью, он уже давно дан А.В.Юревичем [40]. А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму»), но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной» [40, с. 380].

Как хорошо понятно, в зависимости от выбранной позиции должны различаться и установки того или иного автора на проблему интеграции в психологии. Во избежание возможных недоразумений определим свою позицию: из приведенных вариантов, на наш взгляд, предпочтительнее методологический *либерализм*, допускающий *множественность методологических подходов* и предполагающий *возможное взаимопонимание* между представителями разных подходов и направлений и в отдаленной перспективе интеграцию в той или иной степени.

В рамках настоящей статьи, конечно, нет возможности обсуждать проблему интеграции в целом ввиду ее многогранности и многоплановости, но к отдельным моментам в конце статьи обратиться придется. Важной представляется методологическая проблема условий возможной интеграции. Пока лишь отметим, что между *психологическими исследованиями* и *психологией как наукой* должны существовать некоторые отношения, которые тоже придется обсудить ниже.

Нам уже приходилось писать, давая высокую оценку, масштабному *исследованию*, осуществленному коллективом сотрудников ИП РАН [29-31]. Речь идет о многолетнем исследовании, результаты которого впечатляют, поскольку в трех томах проанализированы около 70 теоретических, эмпирических и используемых в практической психологии понятий, а также их взаимосвязи. Прекрасным дополнением и комментарием к осуществленному проекту является цикл статей редакторов этих томов [7-9]. Подчеркнем, что методологические обобщения, сделанные авторами, получают дополнительную убедительность именно в силу масштабности проекта. Не имея возможности остановиться на этом исследовании с должной степенью подробности, отметим, что оно имеет в первую очередь методологическое значение (хотя, конечно, значение конкретных результатов недооценивать не приходится).

А.Л.Журавлев и Е.А.Сергиенко, характеризуя указанный проект, отмечают: «В последние десятилетия в научном знании отмечаются изменения методологии и прирост знаний, что приводит к развитию и содержания, и объема понятий, отражающих перемены как в науке, так и обществе.

Психология занимает особое место среди наук, объединяя естественно-научные и социогуманитарные дисциплины. Это определяет ее специфику, своеобразие понятийного строя, но, вместе с тем, его большую размытость и неопределенность» [7, с. 6]. Нельзя не согласиться с авторами в том, что «понятийное поле науки, психологии в том числе, характеризуется развитием и преобразованием, подвижностью и текучестью значительно более отчетливо, чем общие категории или принципы. Понятийный строй наиболее явно обнаруживает динамику развития науки, что делает это звено методологической системы особенно показательным для анализа перемен на современном этапе развития науки» [28, с. 8].

Важным методологическим результатом является выделение особенностей современных понятий: «Анализ общетеоретических, эмпирических и применяемых в психологической практике понятий позволил выделить их особенности: интегративный и междисциплинарный характер; расширение и изменение содержания понятий, использование в более широком тематическом поле; иной тип их структурной организации и субъектность, выступающую в двух смыслах: как разработчика, творца понятийного анализа и как обращения к категории субъекта» [28, с. 8]. Безусловно, проведенные исследования представляют значительный интерес для психологической науки.

Необходимо отметить, что авторы приходят к заключению, что понятия организованы по системно-сетевому принципу, можно говорить о системно-сетевой организации понятий. «Нами был показан сетевой принцип организации понятий [7, 8]. Описание сетевого характера организации понятий сопровождается адресацией к принципу системности и иерархичности. Возникает вопрос о том, каким образом сетевая организация понятий может быть сопряжена с системным принципом, постулирующим иерархичность психической организации, которая неприемлема в сетевом подходе к анализу субъекта (индивидуального и коллективного)» [28, с. 8]. «Проведенный анализ работ разных авторов, посвященных системному и сетевому подходам, позволяет выявить их некоторые общие черты, что свидетельствует об их аддитивности и преемственности. Общими для двух подходов становятся идеи целостности, несводимости к отдельным элементам, идеи саморазвития, самоорганизации, самонастраиваемости, непрерывной динамики преобразований в процессе как микро-, так и макрогенеза [9]. Сетевой подход дополняет системный, делая акцент на динамике горизонтальных взаимосвязей, не исключая и динамику сетей разной иерархии» [28, с. 10].

Совершенно не удивительно, что публикация результатов данного проекта вызвала многочисленные позитивные отклики [2, 4, 12, 24, 27, 32]. Обратим внимание на то, что из результатов исследования могут быть выведены некоторые методологические следствия.

Обратимся к одной из работ, в которой дается заслуженно высокая оценка проекта анализу понятий [4]. Представляется важным комментарий,

который М.С.Гусельцева дает по поводу современной трактовки соотношения сетевого и системного подходов.

Автор статьи утверждает: «Переход от систем к сетям отнюдь не означает, что системный подход утрачивает свою релевантность, ибо принцип системности – один из столпов не просто психологической науки, но и науки как таковой» [4, с. 125].

Принципиально значимо утверждение автора о рациональности в современной психологии: «Касательно неклассической психологии мною неоднократно отмечалось, что типы рациональности, впрочем, как и присущие разным культурно-историческим эпохам методологии, не отменяют друг друга в эволюции научного знания, а (как усложняясь, так и упрощаясь, вступая в различные конфигурации), продолжают сосуществовать в современности; сочетая разнонаправленные тенденции и противоположные идеи, образуют более нюансированный (т.е. обремененный изменяющимися контекстами, которые необходимо учитывать) и сложный этап познания и научного мышления» [4, с. 125].

Последнее замечание крайне важно, так как фактически означает, что жестких требований в плане соблюдения «современных стандартов рациональности» в психологии ждать в настоящее время не приходится.

Несомненно, значим и другой вывод автора: «Иными словами, сеть и система не противостоят друг другу, а пребывают в отношениях подвижного взаимодействия, где одним задачам лучшим образом служит сетевой подход, тогда как другие находятся в сфере компетенции системного. Более того, при определенном угле зрения сама система может быть рассмотрена как организованная в систему сеть. Таким образом, сеть и система – отнюдь не методологические оппозиции, а разные принципы организации знания, состояния структур и т.п. В ракурсе методологии сети способны превращаться в системы, а системы в сети. Сеть может быть рассмотрена как дезорганизованная система, а система – сконфигурированная по определенным правилам сеть. Сеть не заменяет систему, но в определенных ситуациях (в парадигме не порядка, а хаоса) эффективнее решает задачи иного типа» [4, с. 125-126].

И еще один вывод: «Итак, системный подход не может уйти в прошлое, поскольку принцип системности является одним из столпов психологической науки. При этом уходит в прошлое эпоха неклассической психологии с ее монополией на единственно верный подход, доминирование правильной методологии и представление о неизменности иерархий понятий и сложившихся отношений. С позиции постнеклассической науки конфигурации системы и сети определяются исследовательской оптикой и вызовами решаемой задачи. Сетевой подход не отменяет иерархии, однако делает их ситуативно обусловленными, выводя на передний план качества саморефлексивности, гибкости и контекстуальной чувствительности исследователя» [4, с. 126].

Обратим внимание на два момента. Во-первых, типы рациональности вновь обретают жесткость (сравни: «типы рациональности, впрочем, как и

присущие разным культурно-историческим эпохам методологии, не отменяют друг друга в эволюции научного знания» из фрагмента, приведенного выше, поэтому сосуществование «различных конфигураций» типов рациональности, видимо, в данном контексте не актуально). Во-вторых, судя по контексту цитируемого фрагмента, поскольку соотношение сетевого и системного принципов определяется, в частности, «вызовами решаемой задачи», речь идет именно о проведении *психологического исследования*.

Отметим, что в соответствии с позицией методологического либерализма исследователь выбирает любые методологические средства в каких ему необходимо сочетаниях, сколько-бы причудливыми эти сочетания кому-то не показались.

Здесь пора вернуться к анонсированному различению *психологической науки* и *психологического исследования*. Для темы нашей статьи, как помнит читатель, важно понять соотношение «психологического исследования» и «психологии как науки». Не сомневаюсь, что большинство представителей психологического сообщества полагает: психологические исследования существуют *внутри* психологической науки. Однако, это не единственная возможная точка зрения. В относительно недавней истории психологии можно обнаружить и иную позицию. В частности, известны публикации Зигмунда Коха, проанализировавшего путь научной психологии, и пришедшего к выводу, что научность психологии мягко говоря находится под сомнением [41, 42]. Зигмунд Кох задается вопросом, является ли психология наукой? Вывод, к которому приходит американский исследователь, звучит так: «Я рассматривал этот вопрос в течение 40 лет и в течение последних 20 лет не менял своего взгляда, что психология не является единой или логически связанной дисциплиной, но является скорее коллективными исследованиями разнообразных представителей, некоторые из которых могут квалифицироваться как научные, в то время как большинство – нет» [13, с.193-194]. Вместо психологии как единой науки предлагается использовать выражение «психологические исследования». «Моя позиция предполагает, что необъединенность психологии, наконец, обосновывается заменой ее на такого рода понятия, как «психологические исследования». Психологические исследования, если они на самом деле обращаются к поставленным исторически задачам психологической мысли, должны затрагивать огромный и неупорядоченный спектр человеческой деятельности и опыта. Если значимое знание является заполнением пробела, к проблемам необходимо подходить с беспристрастием, методы должны быть контекстно-зависимыми и гибкими и предвосхищения обозримых научных открытий должны контролироваться» [13, с.194].

Не будем здесь давать ни анализа, ни оценки идеям З.Коха. Куда интереснее, что подобного рода рассуждения возрождаются и сегодня. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из статьи А. А. Фёдорова [36]. Автор сочувственно относится к мысли З. Коха, согласно которой современная психология представляет собой не науку, а совокупность психологических исследований. В своей статье известный российский ученый

представляет свое видение перспектив психологии: «По мере развития часть психологии, которая ассоциируется с *hard science*, будет все больше интегрироваться с физиологией и нейронауками, пока окончательно с ними не сольется. Обособится и другая ее часть, изучающая то, что можно назвать «поведением», сформировав отдельную квантитативную науку (бихевиорологию?), которая также будет входить в биологические науки в широком смысле. Наконец, третья часть психологии (по сути, психология *per se*) будет все больше отдаляться от *hard science*, превращаясь в мозаичную *soft* психологию. Это не значит, что третья часть не будет продуцировать знание, но это знание не будет научным. Не означает это и того, что это знание будет полностью оторвано от эмпирического изучения действительности. С моей точки зрения, здесь вместо термина «наука» вполне можно использовать термин «психологические исследования» (*psychological studies*), предложенный З. Кохом. Как он писал, психология «является не единой дисциплиной, а собранием исследований различного рода, часть которых можно квалифицировать как науку, в то время как большинство – нельзя. В этом выделении двух классов исследований я не подразумеваю ничего оскорбительного. Давным-давно я рекомендовал заменить термин „психология“ термином „психологические исследования“, но едва ли я ожидал достичь цели» [42, p. 902]. В каком-то смысле то, что в психологии является научным, не является психологическим, а то, что является психологическим, не является научным. Научное и психологическое держит вместе история их развития, но рано или поздно исторические связи ослабнут настолько, что произойдет естественный и – к тому времени – безболезненный распад» [36, с. 23].

Не будем подробно комментировать точку зрения многоуважаемого автора. Обратим внимание только на то, что, судя по всему, проблемы психологии решатся сами собой – одна часть «экс-психологии» решит их за счет физиологии и нейронаук, другая – «бихевиорология» будет жива научностью биологии, а паноптикум – мозаичная «*soft* психология» – все равно не наука... Нам представляется, что за такими новациями скрывается очень простая мысль: ликвидация психологии как фундаментальной науки позволяет элиминировать сложные методологические проблемы. Мы полагаем, что такое представление является неверным: методологические затруднения останутся, только в неявной, латентной форме. Конечно, от конкретного исследования не требуется решения вечных проблем, но проблемы-то тем не менее остаются.

И важнейшей из методологических проблем является само дальнейшее существование психологии как фундаментальной науки. По нашему глубокому убеждению, психология была, есть и будет оставаться фундаментальной наукой.

В нынешних условиях неоправданное распространение идей, относящихся к *психологическим исследованиям* на *психологию как науку*, представляет серьезную опасность. Для таких возможных действий требуется, как нам представляется, специальное обоснование. Полагаем, что в

современных условиях, когда идентичность психологов в значительной степени «парадоксальна» [1, 19], стоит обращать внимание на тот «образ психологии» как науки, который формируется у начинающих психологов. Вряд ли представление о том, что психология это не наука, а совокупность исследований, будет в должной степени вдохновлять молодых психологов и способствовать участию представителей других научных дисциплин в междисциплинарных исследованиях, предполагающих психологическую тематику (боюсь, что они выберут для этого когнитивную науку или нейронауку). Научный статус все же важен.

Не будем в рамках настоящей статьи затрагивать сложнейшую проблему интеграции психологического знания. Как мы полагаем, в настоящее время проблема интеграции психологического знания в сколь-нибудь существенном масштабе решена быть не может [25]. Главная причина, почему проблема не может быть решена в настоящее время, состоит, на наш взгляд, в том, что для ее эффективного решения требуются *согласованные действия* многих членов психологического сообщества. Это, как можно полагать, в настоящее время практически неосуществимо. Заметим, что в значительной степени оправданием такой установки является позиция методологического плюрализма, о которой было сказано выше. Систематизацию научных подходов в психологии необходима, это рассматривается нами как необходимая пропедевтическая работа по *интеграции научного сообщества*. В этом отношении очень нужны дальнейшие обсуждения проблемы интеграции знания, демонстрация актуальности исследований и разработок по этой проблеме, популяризации этой проблематики, особенно среди психологов молодого поколения. Особое значение имеют позитивные примеры локальной интеграции, происходящей *естественно* как результат развития психологического знания, либо локальные результаты интеграции вследствие целенаправленной деятельности психологов и историков психологии. В этой связи снова подчеркнем важность проектов, осуществленных коллективом ИП РАН [28-31].

Можно полагать, что в настоящее время речь может идти лишь о *подготовительной работе*, создании условий для интеграции. Для того, чтобы понять, почему проблема интеграции знания в психологии стоит острее, чем в других дисциплинах, а решается значительно сложнее, полезно получить ответы на некоторые вопросы.

Дальнейшие перспективы интеграции зависят от ответов на два важнейших вопроса:

1. В чем главные причины множественности подходов и трактовок в психологии?
2. Что надо делать, чтобы эту множественность преодолеть?

Эти вопросы подробно обсуждались, не будем здесь воспроизводить возможные ответы [25]. Как помнит читатель, с позиции эволюционного подхода эта проблема относится не к актуальному состоянию науки, а к перспективам ее развития.

Впрочем, в дополнение к сказанному уместно добавить одно соображение. Поскольку возникают вопросы, касающиеся того, возможны ли такие преобразования в психологии в принципе, отметим, что было показано, что *одним из возможных вариантов*, позволяющих осуществлять соотнесение различных подходов может выступать концепт внутренний мир человека [37-39]. Подчеркнем специально: речь не идет о попытке навязать психологии какой-либо подход (это было бы проявлением отвергаемого нами методологического ригоризма), но лишь о демонстрации возможностей продвижения в деле взаимопонимания. Полагаем такие метаморфозы вполне реальными. И еще раз подчеркнем – для взаимопонимания необходима некая общая платформа, площадка, которая – так или иначе, пусть в самых общих чертах, но должна быть обозначена.

Завершая обсуждение методологических проблем, относящихся к *психологии как науке*, отметим, что возможности системного подхода, на наш взгляд, не исчерпаны. В этой связи уместно привести не очень известное высказывание Иммануила Канта, трехсотлетие со дня рождения которого отмечается в эти дни. Оно относится к самому понятию «система» и, конечно же, не имеет непосредственного отношения к системному подходу – детищу XX столетия. Как представляется, философ обратил внимание на важный момент – система имеет смысл только тогда, когда как-то задан контур целого. «Иные полагают, – читаем в кантовских черновиках, – что система относится только к изложению, но она принадлежит и *объекту познания, и мышлению...* Иные полагают, что создают системы, но у них возникают лишь *агрегаты*. Для последних нужна лишь манера; система требует *метода...* Исторические знания можно приобрести без системы, до известной степени также и математические, но философские без системы – никогда. *Контур целого должен предшествовать частям* (Курсив везде мой – В.М.)» [3, с. 5]. Вполне возможно, что потенциал системного подхода пока что не исчерпан, поскольку реализуется он, как можно думать, если вчитаться в кантовские слова, не полностью.

Пока что представляется – для будущего психологии как науки системное понимание психического представляет ту ценность, которая обеспечивает целостность и фундаментальность психологической науки.

По нашему мнению, психология должна сохранить свой статус фундаментальной научной дисциплины, что, в частности, предполагает наличие у нее предмета. Подчеркнем, что такого предмета, который принимается по меньшей мере значительной частью научного сообщества. Стоит специально заметить еще раз, что содержащееся в ряде публикаций предложение о трактовке предмета как внутреннего мира человека [15-18, 20, 37-39] является отнюдь не попыткой (согласимся с критиками – она была бы безуспешной) предложить универсальную теорию, но лишь как демонстрация одного из возможных вариантов, намечающих общее предметное пространство, в котором могла бы происходить реальная работа по установлению взаимопонимания и возможному в перспективе соотнесению различных подходов в психологии. Как нам представляется, любой

конструктивный диалог возможен только в том случае, если для него есть основания. В данном случае его роль может выполнить общее предметное пространство (подчеркнем, не какая-то конкретная трактовка).

Что может послужить возможным инструментом продвижения на пути взаимопонимания (сохраняющего статус психологии как науки)?

По нашему мнению, психологи должны пытаться обсуждать и решать актуальные для них вопросы. Необходимо создание *философии психологии как психологической дисциплины* [22]. Подчеркнем, что эта необходимость связана с сохранением психологии как фундаментальной науки. В XXI столетии вряд ли найдется такой представитель психологической науки, который будет настаивать на построении общей универсальной теории психологии или общей универсальной методологии. Речь идет лишь о том, чтобы различные подходы, концепции и пр. сделать хотя бы какой-то, пусть минимальной, степени соотносимыми. Никто не станет спорить: пусть цветут все цветы, но должно быть как-то определено пространство, где эта флора произрастает.

Философия психологии должна конструировать предметное пространство психологии. Философия психологии должна ориентировать в современной постановке и решении основных проблем психологии: психофизической, психофизиологической, психосоциальной, психохимической, психогенетической и др. Философия психологии должна обеспечивать «вписывание» психического в научную картину мира. Философия психологии должна обеспечивать *единство психологии*, объединяя в одно пространство различные составляющие: академическую психологию, практико-ориентированную, философскую психологию.

Как можно полагать, философия психологии должна в первую очередь решать следующие вопросы, повторим в очередной раз, если она хочет сохранить статус фундаментальной науки: 1) место психологии в системе научного знания; 2) взаимоотношения и стратегию взаимодействия с другими научными дисциплинами; 3) идеалы психологической науки (желательно, ранжированные по степени достижимости); 4) предмет психологии (как пространство, в котором происходит соотнесение знания); 5) дальнейшее осмысление феномена психологического знания) 6) разработку методологии как реального инструмента психологического познания; 7) разработка архитектоники психологического пространства, позволяющего включить а него духовные и нравственные измерения.

Бесспорно, список вопросов легко может быть продолжен. В качестве последнего замечания скажем, что 1) вопросы должны обсуждаться в комплексе, поскольку это аспекты и грани одной глобальной проблемы; 2) многое в данном отношении сделано и делается многими представителями психологического сообщества, полагающими, что психология должна оставаться наукой.

Литература

1. Александрова Ю.Ю., Камнева Е.В., Полевая М.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Парадоксы профессиональной идентичности у психологов // Организационная психология, 2020. Том 10. №3. С. 225–245.
2. Гришина Н.В., Костромина С.Н. К проблеме эволюции понятийного аппарата психологии: от прошлого к будущему // Психологический журнал, Т. 44. № 3, 2023, с. 99-105
3. Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 5–42
4. Гусельцева М.С. О разработке понятий в современной российской психологии // Психологический журнал, Т. 44. № 4, 2023, с.124-132
5. Журавлев, А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал, 2011, т.32, № 3, с. 5-16
6. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Научно-исследовательский анализ. М.: ИП РАН, 2012, с.158-177
7. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5-15.
8. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5-15.
9. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5-14.
10. Козлов В.В. Методология психологии сегодня / В.В.Козлов, В.А.Мазиллов, В.Ф.Петренко // Методология современной психологии. 2017. № 7. С. 3-6
11. Козлов, В. В. Методология интегративной психологии : Монография / В. В. Козлов. – Москва: Международная академия психологических наук, Рекламно-производственная фирма "Титул", 2021. – 180 с.
12. Корнилова Т.В. Проблема соотношения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию // Психологический журнал, Т. 44. № 2, 2023, с. 128-131
13. Кох З. Природа и пределы психологического знания. Уроки первого столетия в роли «науки» // Общая психология: хрестоматия в 5 томах. Т. 1 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков при участии А.А. Костригина. – М.: РИД РосНОУ, 2019. С. 171 - 196
14. Мазиллов В.А. Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке // Научные подходы в современной отечественной психологии. Москва, 2023. С. 273-289.

15. Мазиллов В.А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал Том 41. № 3, 2020. С.122-130
16. Мазиллов В.А. Психология и методология психологической науки: нерешенные актуальные проблемы // Методология современной психологии. – Вып. 14. – 2021 – С.46-64
17. Мазиллов В.А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. – Вып. 13. –2021 – С.259-286
18. Мазиллов В.А. Психология как фундаментальная наука: нужна ли она сегодня? // Методология современной психологии. 2023. № 17. С. 192-207.
19. Мазиллов В.А. Научно-дисциплинарная идентичность психолога: постановка проблемы // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 1 (49). С. 44-56
20. Мазиллов В.А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии, №1, 2020, С.71-83
21. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2. № 3, с. 174-191
22. Мазиллов В.А. Психологи и время // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. № 1 (41). С. 258-279.
23. Мазиллов, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазиллов ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.
24. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема интеграции в психологии: А. Л. Журавлев как методолог отечественной психологической науки // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Сборник научных трудов. Москва, 2023. С. 232-244.
25. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания: идеалы, проблемы и перспективы. Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием. Ярославль, 2023. С. 48-57
26. Мазиллов В.А. Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2007. С. 42-48
27. Мазиллов, В. А., Слепко, Ю. Н. Проблема понятийного пространства современной психологии // Психологический журнал. № 3. Т. 44. 2023. С. 93–98.
28. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. 759 с
29. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

30. Разработка понятий в современной психологии. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
31. Разработка понятий современной психологии. Том 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
32. Сергеев С.Ф. Перспективы сетевого подхода в психологии // Психологический журнал, Т. 44. № 1, 2023, с. 133-136
33. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
34. Толочек В.А. Российская психология на рубеже тысячелетий: состояние, перспективы, «позитивы» и «негативы» эволюции // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 98-111.
35. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021б. № 2 (119). С. 69–79.
36. Федоров А.А. Проблема научного знания в психологии // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 11-27
37. Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. Москва : Логос, 2006. 386 с.
38. Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.
39. Шадриков В. Д. О психофизическом принципе (предмет психологии) / В.Д.Шадриков, В.А.Мазиллов // Психологический журнал. том 43, №3. 2022. С. 15–24.
40. Юревич А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 377–397.
41. Koch S. The Nature and Limits of Psychological Knowledge: Lessons of a Century qua “Science” // American Psychologist. 1981. Vol. 36. № 3. P. 257–269.
42. Koch S. “Psychology” or “the psychological studies”? // American Psychologist. 1993. V. 48. № 8. P. 902-904
43. Schmidt F.L., Oh I.-S. The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? // Archives of Scientific Psychology, 4, 2016, R. 32–37

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация. В статье обсуждается проблема определения психологической структуры, психологических закономерностей и механизмов формирования педагогических компетенций. Утверждается, что в основе решения проблемы может лежать теория системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова. Использование теории системогенеза деятельности позволит соотнести функциональные блоки педагогических компетенций с универсальной архитектурой психологической системы деятельности, в результате чего могут быть выделены личностные компетенции учителя, компетенции в постановке целей и задач педагогической деятельности, компетенции в мотивации учебной деятельности, информационная компетентность, компетентность в разработке программ педагогической деятельности и принятии педагогических решений, компетенции в организации учебной деятельности.

Ключевые слова: деятельность, системогенез, психологический анализ деятельности, способности

Annotation. The article discusses the problem of determining the psychological structure, psychological patterns and mechanisms of formation of pedagogical competencies. It is argued that the theory of systemogenesis of V.D. Shadrikov's activity can be the basis for solving the problem. The use of the theory of the systemogenesis of activity will allow us to correlate the functional blocks of pedagogical competencies with the universal architectonics of the psychological system of activity, as a result of which the personal competencies of a teacher, competencies in setting goals and objectives of pedagogical activity, competencies in motivating educational activities, information competence, competence in developing programs of pedagogical activity and making pedagogical decisions, competencies in organizing educational activities can be distinguished. activities.

Keywords: activity, systemogenesis, psychological analysis of activity, abilities

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00061, <https://rscf.ru/project/24-18-00061/>

Актуальной проблемой современной психологии является раскрытие фундаментальных закономерностей структурной, функциональной и генетической организации педагогических компетенций и компетенций учебной деятельности школьника. Несмотря на не прекращающиеся попытки реформирования системы образования на разных его уровнях, единства в научном, психологическом, педагогическом сообществах по этой проблематике не наблюдается. Ввиду этого авторы полагают, что решение обозначенной проблемы должна начинаться с самого верхнего уровня - методологического.

Значимость решения проблемы на методологическом уровне определяется тем, что впервые в педагогической психологии будет осуществлен психологический анализ педагогической деятельности учителя и учебной деятельности школьника как двух психологических функциональных систем деятельности. Опираясь на методологию системогенеза деятельности [Шадриков, 2019], коммуникативную методологию психологической науки [Мазилев, 2005], технологию психологического анализа деятельности возможен анализ педагогической и учебной деятельности в аспектах базовых категорий психологического анализа деятельности - структуры, функции, процесса, уровня, генезиса. Именно таким образом возможно получение результатов на основе единой теоретической и методологической базы.

Актуальность решения обозначенной проблемы определяется тем, что современные представления о содержании педагогических компетенций и компетенций учебной деятельности опираются на изучение преимущественно предметно-действенного уровня деятельности. Ввиду того, что значительный объем современных исследований проблемы характеризуется эмпиризмом и эклектизмом, структуры и педагогической, и учебной деятельности не могут рассматриваться как целостные психологические образования. Непрерывное обновление и достраивание содержания планируемых результатов профессионального и общего образования лишь формально объясняется потребностями в соответствии уровня развития субъектов образования изменяющимся требованиям общества и государства. Раскрытие и описание системогенетических закономерностей психологической организации педагогической и учебной деятельности позволит формировать последние как психологические функциональные системы, готовые к непрерывному развитию и совершенствованию без постоянного внесения кардинальных изменений в планируемые результаты развития педагога и ученика.

Ядром психологической структуры педагогической и учебной деятельности должны быть соответствующие педагогические компетенции и компетенции учебной деятельности. Структура самих компетенций определяется тем, что они являются метасистемными качествами деятельности, включающими знания, умения, навыки, способности и личностные качества.

Ввиду сказанного конкретной задачей исследования является осуществление психологического анализа педагогической и учебной деятельности, результатом которого станет определение психологической структуры деятельности педагога и ученика. Опираясь на методологию и технологию системогенеза деятельности и коммуникативную методологию, психологическая структура деятельности будет описана во всем многообразии ее структурных, функциональных, процессуальных, уровневых и генетических особенностей. Решение данной задачи позволит обосновать фундаментальные закономерности системогенеза психологической системы педагогической и учебной деятельности, и использовать последние для раскрытия психологических механизмов формирования педагогических компетенций и компетенций учебной деятельности.

Возможность решения обозначенной проблемы определяется опорой на ряд следующих теоретических, методологических и эмпирических результатов исследования.

Впервые в педагогической психологии теория системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова будет использована для психологического анализа структуры педагогических компетенций, закономерностей и механизмов их формирования.

Обоснованность использования теории системогенеза В.Д. Шадрикова для психологического анализа педагогической деятельности определяется ее многолетней апробацией на материале изучения других видов деятельности и форм психической активности человека [Шадриков, 2012; Шадриков, 2021]. Речь идет о апробации теории В.Д. Шадрикова на материале управленческой деятельности (А.В. Карпов), психологии педагогического мышления (М.М. Кашапов), трудовой деятельности в промышленных профессиях (Ю.П. Поваренков, Т.Н. Соболева и др.) и мн.др. В этих и множестве других исследованиях показана надежность использования положений теории системогенеза для изучения структурных, функциональных, генетических и др. аспектов анализа деятельности как психологического феномена.

Использование теории системогенеза деятельности для изучения компетенций учебной деятельности обосновано опытом разработки концепции готовности к обучению в школе (Н.В. Нижегородцева), концепции системогенеза учебной деятельности школьника (Слепко Ю.Н.), концепции целеполагания в образовании (Ансимова Н.П.), концепции мотивации учебной деятельности (Е.В. Карпова) и др.

Впервые в общей и педагогической психологии будет использована коммуникативная методология психологической науки В.А. Мазилова для решения прикладной задачи организации эмпирического анализа педагогической и учебной деятельности [Мазилев, 2009; Мазилев, 2023]. Основные положения коммуникативной методологии были апробированы на материале историко-психологического анализа феномена мышления (Мазилев В.А.), способностей (Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.). Помимо этого, коммуникативная методология активно используется для решения проблемы объяснения в психологии (Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.).

Планируемые результаты настоящего исследования будут получены на единой теоретической и методологической базе. Это позволяет быть уверенным в непротиворечивости обобщений, которые будут сделаны на теоретическом, методологическом и эмпирическом уровнях решения проблемы исследования.

Настоящее исследование будет реализовано с использованием трех ключевых подходов и методов психологического исследования.

На теоретическом уровне анализа проблемы исследование опирается на основные положения системогенетического подхода, разработанного В.Д. Шадриковым для исследования деятельности человека. Кратко опишем его основные идеи.

Деятельность как один из центральных психологических феноменов в отечественной психологии может быть представлена как психологическая функциональная система. Функциональный характер системы объясняется наличием результата деятельности не только как ее продукта, но и как системообразующего фактора. Ввиду этого можно говорить о выделении психологической функциональной системы педагогической деятельности и выделении психологической функциональной системы учебной деятельности. Эти два типа функциональных систем являются ключевыми объектами исследования в настоящем исследовании.

Деятельность характеризуется психологической структурой, компонентами которой являются функциональные блоки. В теории деятельности В.Д. Шадрикова было выделено 6 блоков: мотивы деятельности, цели, программа, информационная основа, принятие решений и блок профессионально важных качеств. Строение деятельности характеризуется универсальной архитектурой, согласно чему, структура деятельности педагога и ученика включает в себя указанные функциональные блоки. Однако наличие специфического результата деятельности приводит к тому, что и функциональные блоки каждого типа деятельности будут иметь специфическое психологическое содержание.

Развитие психологической функциональной системы деятельности характеризуется рядом хорошо известных закономерностей, среди которых особое место занимают гетерохронность и неравномерность ее развития.

Ввиду всего сказанного решение проблемы выделения психологической структуры, определения закономерностей и механизмов формирования педагогических компетенций будет опираться именно на системогенетический способ понимания педагогической и учебной деятельности.

На методологическом уровне анализа проблемы исследование опирается на основные положения коммуникативной методологии психологической науки, разработанной В.А. Мазилковым. В наиболее общем виде основные положения последней следующие.

Коммуникативная методология позволяет решать задачу интеграции психологического знания о изучаемом психологическом феномене за счет соотношения теории и метода исследования. Реализуется это за счет представления о универсальном строении процесса психологического исследования, включающего следующие этапы:

1 этап - определение идеи метода исследования.

На этом этапе исследователь принимает решение о том, в какой форме проявляется интересующая его психологическая проблема. В случае изучения непосредственного опыта методом исследования становится самонаблюдение (используются конкретные методики самонаблюдения, самоотчета, шкалирования, беседы, интервью, опросники и пр.), в случае изучения поведения - объективный метод (используются конкретные методики объективного наблюдения, эксперимента, тесты, методики изучения продуктов деятельности и т.п.). Учитывая сложное строение психологической

системы деятельности, в настоящем исследовании будет использован комплексный способ определения метода исследования. Последний включает сочетание объективных и субъективных средств анализа.

2 этап - моделирование представления о том, как будет организовано исследование.

На этом этапе происходит опредмечивание изучаемой проблемы в виде конкретного представления о том, в форме какой модели она будет проявляться. Например, мышление можно изучать как решение задач разного типа и разной степени сложности, как соотношение понятий, как соотношение образных объектов и т.д. Или, например, изучая творческие способности, исследователь может представить само творчество в векторе репродуктивных-продуктивных действий испытуемых. В рамках решаемой в настоящем исследовании проблемы моделирующее представление задано теоретической конструкцией психологической структуры деятельности.

3 этап - выбор базовой категории анализа.

На этом этапе уточняется способ изучения проблемы с помощью базовой категории, в форме которой проявляется предмет исследования, в нашем случае - педагогическая и учебная деятельность. Все разнообразие психической реальности описывается в совокупности устойчивых базовых категорий - структура, функция, процесс, уровень, генезис. В рамках настоящего исследования психологический анализ педагогической и учебной деятельности будет осуществлен как анализ их структуры, функций, процесса, уровня и генезиса. Таким образом будет произведен всеобъемлющий анализ деятельности педагога и ученика как психологических феноменов.

4 этап - выбор организующей схемы исследования.

Результатом выбора базовой категории является организующая схема как «способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик, уровня организации или развития» (Мазилев, 2017, с. 343). Фундаментальность настоящего исследования подтверждается именно тем, что в течение трех лет его реализации будут использованы структурная, функциональная, процессуальная, уровневая и генетическая схема анализа деятельности.

На феноменологическом и конкретно-эмпирическом уровне анализа проблемы используется метод психологического анализа деятельности, предложенный В.Д. Шадриковым в рамках системогенетической теории деятельности. Основные характеристики данного метода применительно к проблеме исследования следующие.

Деятельность педагога и ученика должны быть описаны в соответствии с используемым в исследовании представлением о психологической структуре деятельности. То есть должны быть описаны мотивы деятельности, цели, программа, информационная основа, принятие решений и профессионально/учебно важные качества.

Конкретное содержание деятельности педагога и ученика будет описано исходя из педагогических и учебных задач, решаемых в процессе совместной

их деятельности на уроке. То есть результатом психологического анализа деятельности должны быть, например, не абстрактные мотивы педагогической деятельности, а способности педагога, обеспечивающие формирование мотивации учебной деятельности школьника и т.п.

Совокупность знаний, умений, навыков, способностей педагога в мотивировании, целеполагании, принятии решений и т.п. и рассматривается как педагогические компетенции. Их структура, механизмы и формирование определяются психологическим содержанием деятельности педагога.

Обобщая сказанное, следует заключить, что результатом реализации исследования будет теоретическая, методологическая и эмпирическая разработка и решение проблемы определения психологической структуры, закономерностей и психологических механизмов формирования педагогических компетенций.

Библиографический список

1. Мазилев В.А. Коммуникативная методология психологической науки // Ярославский психологический вестник. 2005. № 16. С. 15-18.
2. Мазилев В.А. Методологические основы компетентностного подхода / В кн.: Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций / О.В. Ракитина, В.А. Мазилев, Н.П. Ансимова и др.; под ред. М.В. Новикова. Ярославль : ЯГПУ, 2009. 211 с. С. 6-14.
3. Мазилев В.А. Методологические подходы в современной психологии // Методология современной психологии. - 2023. - №18. - С. 292-299.
4. Шадриков В.Д., Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Психология педагогических способностей. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 219 с.
5. Шадриков В.Д. Качество педагогического образования. Москва : Логос, 2012. 200 с.
6. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. Москва : ИП РАН, 2019. 274 с.

Макарова К.В.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ПОНИМАНИЯ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: в статье представлена разработанная методика диагностики понимания учебного материала младшими школьниками. Она состоит из 6 субтестов, направленных на выявление способности к рефлексии, умений: интерпретировать и конкретизировать изучаемый материал, применять новые знания на практике, сравнивать новый материал с имеющимися знаниями, объяснять другому сущность нового учебного материала и формировать причинно-следственные связи.

Annotation: the article presents a developed methodology for diagnosing the understanding of educational material by junior schoolchildren. It consists of 6

subtests aimed at identifying the ability to reflect, the skills to: interpret and specify the material being studied, apply new knowledge in practice, compare new material with existing knowledge, explain to others the essence of new educational material and form cause-and-effect relationships.

Ключевые слова: понимание, учебная деятельность, рефлексия, критериальная валидность.

Keywords: understanding, learning activity, reflection, criterion validity.

Исследуя проблему понимания и анализируя имеющиеся в этом направлении методики диагностики младших школьников в учебной деятельности, мы столкнулись с практическим отсутствием методик, направленных на выявление понимания учебного материала ребенком этого возраста. Этим объясняется необходимость создания и актуальность разработки данной методики [Макарова, 2022].

Целью методики является выявление уровня понимания учебного материала младшими школьниками. Методика включает 6 субтестов:

- способность к рефлексии;
- умение интерпретировать и конкретизировать изучаемый материал;
- умение применять новые знания на практике;
- умение сравнивать новый материал с имеющимися знаниями;
- умение объяснить другому сущность нового учебного материала;
- умение формировать причинно-следственные связи.

Ниже приводится содержание этих субтестов.

Методика рассчитана на учащихся 3–4-х классов. Инструкция: внимательно читай каждый вопрос и напиши напротив него свой ответ: «да» или «нет». Пропускать вопросы нельзя.

Инструкция: внимательно читай каждый вопрос и напиши напротив него свой ответ: «да» или «нет». Пропускать вопросы нельзя.

Уровень понимания определяется количеством ответов «да». За каждый ответ «да» ставится 1 балл.

Субтест 1. Способность к рефлексии по заданию учителя (ответить на вопросы или закончить предложения)

Вопросы	Да или нет
1. Можешь ли ты найти ошибку, сделанную тобой в решении задачи и затем вернуться к ней и довести задачу до правильного решения?	
2. Можешь ли ты на основе решения задач по пройденной теме, придумать новую похожую задачу?	
3. Можешь ли ты подумать над решением задачи и выявить способы ее решения?	
4. Смог бы ты закончить предложение, опираясь на его содержание?	
5. Можешь ли ты обдумать прочитанный рассказ и выделить его главный смысл?	

6. Можешь ли ты подумать и сказать на какое правило допущена ошибка (при выполнении задания)?	
---	--

Субтест 2. Умение интерпретировать и конкретизировать объясняемый материал

Вопросы	Да или нет
1. Можешь ли ты донести смысл рассказа до одноклассников?	
2. Можешь ли ты кратко изложить сюжет рассказа учителю?	
3. Можешь ли ты разъяснить часть прочитанного учителем текста?	
4. Можешь ли ты озаглавить прочитанный учителем текст?	
5. Смог бы ты после объяснения текста учителем выделить его главную идею?	
6. Смог бы ты после описания характеристики главного героя рассказа, выделить его основные черты характера?	

Субтест 3. Умение применять новые знания в практической деятельности

Вопросы	Да или нет
1. Сможешь ли ты придумать задание в виде конкретных действий по новой теме?	
2. Сможешь ли ты придумать упражнение на закрепление новой темы?	
3. Сможешь ли ты придумать задачу по новой теме?	
4. Смог бы ты придумать задание на способ проверки полученных знаний?	
5. Сможешь ли ты использовать новые знания, полученные по одному предмету, на уроках по другим предметам?	
6. Смог бы ты применить новые знания в разных видах работы (в своей жизнедеятельности)?	

Субтест 4. Умение сравнивать элементы нового материала с имеющимися знаниями

Вопросы	Да или нет
----------------	-------------------

1. Сумеешь ли ты выделить части пройденного материала при изучении новой темы?	
2. Сумеешь ли ты сравнить новые знания с полученными ранее знаниями?	
3. Сможешь ли ты сравнить новые знания с уже имеющимся у тебя опытом?	
4. Сможешь ли ты использовать новые знания во взаимосвязи со сформированными у тебя умениями?	
5. Можно ли новые знания сравнить с теми, которые ты получил несколько уроков назад?	
6. Возможно ли сравнить новые знания по одному предмету с имеющимися знаниями по другому предмету?	

Субтест 5. Умение своими словами объяснить непонимающему сущность нового материала

Вопросы	Да или нет
1. Сможешь ли ты объяснить простым языком новую тему, используя некоторые термины из объяснения учителя?	
2. Сможешь ли ты объяснить сущность нового материала, используя прошлые знания, своему однокласснику?	
3. Сможешь ли ты объяснить своему однокласснику новый материал с помощью житейских и научных понятий?	
4. Можешь ли ты объяснить родителям сущность нового материала, изложенного учителем на уроке, пользуясь собственными знаниями и научными понятиями?	
5. Можешь ли ты, опираясь на прежний опыт и имеющиеся знания, кратко объяснить содержание нового материала без новой терминологии своему товарищу?	
6. Можешь ли ты объяснить новый материал однокласснику с опорой на картинки?	

Субтест 6. По ходу объяснения проявления умения формировать причинно-следственные связи

Вопросы	Да или нет
1. Сможешь ли ты, объясняя однокласснику умение решать задачи, показать его на примере?	

2. Получится ли у тебя объяснить умение действовать в трудной ситуации с выбором причины этих действий?	
3. Умеешь ли ты сравнивать предметы по разным признакам?	
4. Сможешь ли ты назвать общим словом несколько предметов, имеющих общий признак?	
5. Сможешь ли ты, объясняя умение выделять главную мысль текста, одновременно приводить пример?	
6. Получится ли у тебя, объясняя и демонстрируя какое-либо умение, привести пример, где и почему его нельзя употреблять?	

Обоснование валидности (пригодности) методики для практической диагностики понимания учебного материала младших школьников, предполагает вычисление ее критериальной валидности.

Критериальная валидность – это определенная статистическими методами степень соответствия результатов методики и определенных заранее внешних критериев. В качестве внешнего критерия выбрана экспертная оценка учителя начальных классов, который хорошо знаком практическим уровнем понимания каждого ученику. Количественной оценкой критериальной валидности является ранговый коэффициент корреляции между баллами теста и баллами экспертной оценки. Для расчета рангового коэффициента корреляции была сформирована выборка из N=50 человек, в возрасте от 9 до 11 лет, 17 мальчиков и 33 девочки.

Ранговый коэффициент корреляции по Спирмену был рассчитан компьютерной программой для статистической обработки данных SPSS и оказался равным $k=0,908^{***}$ ($p<0,00001$). Критерий значимости $p<0,00001$ оказался очень высоким, поэтому связь между тестовым параметром «понимание» и параметром «экспертная оценка» оказалась очень сильной (рис.1).

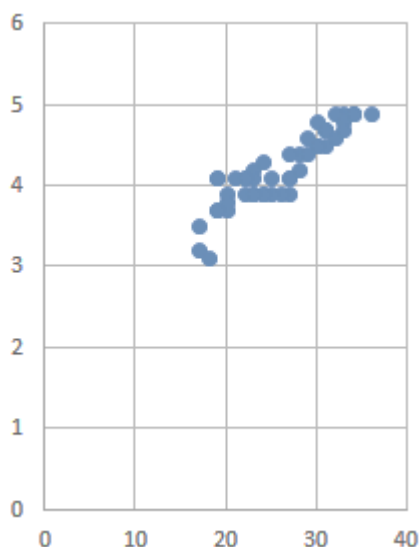

Рис. 1. График статистической связи между уровнем «понимание» (ось Y) и экспертной оценкой учителя (ось X)

Таким образом, можем заключить, что методика диагностики понимания учебного материала у младших школьников имеет высокую критериальную валидность и может быть использована для диагностики способности к пониманию материала в учебной деятельности младших школьников.

Было выделено пять уровней понимания: очень высокий, высокий, средний, низкий, очень низкий.

Интервалы отнесения результата теста к каждой категории были рассчитаны на основе вышеописанной выборки (N=50), с использованием функции ПЕРСЕНТИЛЬ (массив, k) в программе Excel. Границы интервалов получились следующие: при k=90% – граница 33, k=75% – граница 31, k=25% – граница 22 и k=10% – 19.

На основе вычисленных границ сформулированы правила отнесения результатов тестирования каждой из пяти категорий:

- А) больше 33 баллов – очень высокий уровень понимания;
- Б) 31-33 балла – высокий уровень понимания;
- В) 22-31 баллов – средний уровень понимания;
- Г) 19-22 балла – низкий уровень понимания;
- Д) меньше 19 баллов – очень низкий уровень понимания.

Таковы правила интерпретации методики понимания учебного материала у младших школьников.

Библиографический список:

1. Диагностика и учет в образовательном процессе индивидуальных свойств обучающихся: учебное пособие / под общ. ред. К.В. Макаровой и В.Д. Шадрикова. – Москва: МПГУ, 2022.–276 с.: ил. ISBN 978-5-4263-1101-5.

Меркульев М.Ю., Меркульева Т.А., Шаменков Д.А.
ЖИВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ? ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ПРАКТИКАХ РАЗВИТИЯ
БИЗНЕСА

Аннотация

Тематика живой организации сегодня набирает популярность. В большинстве работ, посвященных теме «живых организаций» рассмотрение идет с феноменологической точки зрения. Теоретическое основание этих наблюдений поможет продвинуть как исследования, так и разработку методов в этой области. Предлагается теоретическое рассмотрение этой проблематики на основании биокбернетики и опыт применения метода Открытого диалога в бизнесе.

Ключевые слова: живое лидерство, комплексная причинность, когнитивный предел, управление бесполезным, социальная энтропия

Annotation

The topic of living organization is gaining popularity today. In most works devoted to the topic of “living organizations,” the consideration comes from a phenomenological point of view. The theoretical basis of these observations will help advance both research and method development in this area. A theoretical consideration of this issue is proposed on the basis of biocybernetics and experience in applying the Open Dialogue method in business.

Key words: living leadership, complex causality, cognitive limit, management of the useless, social entropy

Актуальность

В настоящее время, актуальной остается и об этом говорит устойчивый запрос со стороны бизнеса, тема лидерства, тема командообразования, адаптивности к изменениям и тема социального здоровья, в частности, профилактика эмоционального выгорания. Не менее актуальной, в том числе и не только для отдельных предприятий, но и для России в целом, остаются проблемы производительности труда (национальный проект), мотивации и текучести кадров, включая отток подготовленных и обученных кадров из страны, отток населения из регионов Сибири и Дальнего востока.

Можно отметить появление большого количества разнообразных эмпирических находок, которые, в той или иной мере, пытаются раздвинуть границы текущих представлений. Примерами таких областей поиска можно считать разработку темы эмоционального интеллекта и мягких навыков (soft skills). Получили широкое распространение и показывают свою эффективность такие не прямые формы работы с результатом как коучинг, медиация, фасилитация и т.п. В области менеджмента возникают примеры применения таких неклассических подходов как спиральная динамика и интегральный подход Кена Уилбера, что выразилось в получившей распространение концепции бирюзовых организаций [3].

Однако применение эмпирических подходов в отсутствии систематического теоретического обоснования зачастую приводит к неэффективности и неуправляемой эффективности, а в некоторых случаях и к

ухудшению ситуации. Так развитие эмоционального интеллекта может использовать сложные когнитивные конструкции вместо развития естественных человеческих способностей, а также приводить к ухудшению работоспособности и качества жизни [1].

В этой работе мы рассмотрим набирающую в настоящий момент популярность концепцию «живых организаций» и рассмотрим, как можно применить расширение парадигмальных оснований, которое нам дает биокибернетика, к проблемам социальных систем экономики и бизнеса, а также к системному поиску практических инструментов и методов, позволяющих эффективно решать обозначенные нами проблемы.

Концепция «живых организаций» с точки зрения биокибернетики

В настоящее время тема применения знаний о закономерностях поведения живых систем приобретает популярность [2]. Возникает закономерный вопрос: как и какие закономерности живых систем можно применять для улучшения различных сфер жизни человека: социальной, экономической, психической, культурной?

Исследователи, предлагающие концепцию «живых организаций» выделяют следующие аспекты: научение, социальную среду с вниманием к реализации человеческого потенциала сотрудников, истинную клиент-ориентированность (не изучать клиента, как объект, а быть с ним в диалоге, как с человеком), способность к эволюции, доверие. Применение же этой концепции на практике может приводить к упрощению, когда по отдельным признакам и с применением уже известных методов организация получает статус «живой организации». Здесь возникает вопрос: есть ли в концепции «живой организации» реальное научное содержание или это лишь виртуальный медийный символ, который позволяет переупаковать уже имеющиеся знания и содержания в другие слова и образы?

Для ответа на поставленные выше вопросы мы будем использовать Теорию функциональных систем П.К. Анохина (биокибернетика) и ее развитие в рамках российской школы нормально физиологии, которая была основана нобелевским лауреатом И.П. Павловым. Выбор этот не случаен. С одной стороны это фундаментальное научное основание, которое в том числе содержит в себе существенные предпосылки к расширению парадигмы наук о живом, с другой стороны, с момента основания и по настоящее время исследования этой школы опережают научный мейнстрим на 10-20 лет.

Прежде всего, начнем с парадигмальных оснований, которые мы можем почерпнуть из биокибернетики. Одним из фундаментальных оснований биокибернетики является представление о системообразующей роли образа полезного приспособительного результата (цели). Вторым основанием является представление о функциональной системе, как временной (виртуальной) системе, которая возникает для достижения полезного приспособительного результата. Кроме того, важным для нас является обнаружение опережающего отражения действительности, как фундаментального свойства живого. Также для нас важен голографический принцип предложенный К.В. Судаковым, который помогает преодолеть

антропное ограничение на представление об иерархии. Более чем 20 лет спустя в зарубежной литературе появляются подтверждения этой гипотезы. Следует также учитывать динамическую стабильность живой системы, а также, что адаптивность живой системы является следствием ее избыточности [7].

При этом мы имеем дело с тем, что человек развивается от животного к человеку. При этом человеческий способ создания надсистем может сильно отличаться от животного. И, собственно говоря, возникает переход от живой животной надсистемы, к живой человеческой надсистеме. Какие же живые системы мы строим?

Начиная говорить о живых организациях, обнаруживаем, что нам привлекательны некоторые свойства живого, но при этом, конечно, многих из этих свойств не учитываем. Часто не учитываем человека, как живую систему. Человек включается в надсистемы всем собой. Но когда мы пренебрегаем этим и пытаемся включить человека в надсистему, заставив его работать как некую функцию, то встречаемся с тем, что остальные части человека надо подавить. И возникает социальное давление, приводящее к увеличению социальной энтропии или, другими словами, к увеличению страдания. Но когда мы говорим о живых системах, для нас все-таки важна системообразующая цель и способность добровольно включаться в реализацию этих целей.

Мы можем создавать системы, но для этого мы можем использовать разные явления. Первое явление – это естественная близкородственная связь. И, соответственно, община – это один способ организации. Он происходит из естественных отношений, которые свойственны как человеку, так и животным, когда на основе родственных связей возникает естественное системообразование в ответ на неблагоприятные условия внешней среды. Но этот способ самоорганизации ограничен естественным биологическим размером и это ограничение на масштаб действия. Дальше включаются находки, которые связаны с тем или иным видом несимметричного обмена. Любые способы заставить человека решать задачи другого человека в обмен на то, что обеспечатся его, чаще всего минимальные, потребности. Например, рабство. Тогда структура заключается в том, что в обмен на полное подчинение интересам другого, человеку сохраняют жизнь. Уровень социальной энтропии в этой системе чрезвычайно высок, но, она способна на сильное действие. Другие системы построены в более мягких структурах и дают человеку уже большее количество свободы, но построены на том, что в обмен на какое-то обеспечения средств к существованию и, в той или иной мере, благополучной жизни, человек попадает в структуру, где он выполняет задачи и цели других людей. Необходимо давление и ограничение свободы, регламентация, наказания и более поздняя находка - поощрения. Но очень важно при этом, что цель системы задается извне. Мы можем говорить о степени приближения к живому от неживой системы, до квази-живого организма, когда проявляются какие-то внешние свойства и признаки живых систем. И именно в этом смысле мы начинаем говорить о «живых организациях». Точнее будет говорить не о живых, а о квази-живых организациях, поскольку они являются метастабильными, и, если мы уберем

структуру внешнего целеполагания по отношению к системе, она разрушается. Важно заметить, что в живой системе управляющие, точнее координирующие общее действие, структуры не являются главными. Главной является сама система. Кроме того, признаком неживой системы является простота и доступность цели, возможность ее точной передачи в естественном языке. В этом смысле иногда такие системы вследствие тех или иных причин демонстрируют очень близкое к живым поведение. Квази-живые системы уже демонстрируют дополнительную эффективность.

Теперь перейдем к живым системам. Разница между живым и неживым в системообразующей роли цели, в способе ее формирования, в том, что системообразующая цель делает систему динамически стабильной. Но важно отметить, что описание такой цели будет всегда многофакторным, неполным и противоречивым. Мы сталкиваемся с пределом сложности языка, когда осознать мы ее можем, а выразить не в состоянии, и возникает потребность в расширении инструментов. От элементов живой системы требуется также определенная эволюционная готовность к движению в рамках этой структуры.

Таким образом, представление о «живой организации» на данный момент является, примером опережающего отражения действительности, мы уже предчувствуем, но воплощаем пока другое. Сколько-нибудь сложные живые системы могут существовать только в сложных наполненных множеством других видов жизни экосистемах. Поэтому задача построения живой организации потребует еще и способности создавать живую экосистему, а значит сложной кооперации и построения сетей доверия. Результат «я тут самый первый создал живую организацию» будет самообманом, это качественный переход. И простейшие живые организации скорее всего будут построены вокруг запредельных, загоризонтных проектов развития.

При этом практическое знание биокибернетики и способность его использовать могут начинаться с живого лидерства, возвращения себе способности проявлять свой потенциал как живой и разумной системы в полноте, а также создавать условия для раскрытия этого потенциала в окружающих. Прежде чем стать демиургом, некоторое время важно побыть садовником. А это уже предмет хоть и весьма сложной, но посильной и технологически освоенной антропологической работы. Для знакомства с одним из вариантов такой работы мы предлагаем описание примеров практики и полученных результатов

Метод Открытого диалога

Метод Открытого диалога (ОД) подробно описан в наших предыдущих статьях [4,5,8].

Идея применения практик осознанности, внимательности похожих по структуре на программы Открытого диалога, в целях повышения благополучия сотрудников и эффективности бизнеса не нова. Растущее количество исследований показывает, что осознанность обеспечивает не только ряд физических, психологических преимуществ, но и роста производительности [10]. Метаанализы эффективности применения программ осознанности на рабочем месте показали значительное положительное

влияние на удовлетворенность работой, вовлеченность в работу и производительность труда, увеличило приверженность сотрудниками целей компании, доверие к лидерам [11,12].

Российские исследования также подтверждают влияние уровня благополучия сотрудников на ключевые HR-показатели (текучесть, вовлеченность, заболеваемость, абсентеизм) и бизнес-показатели (производительность труда, рост удовлетворенности клиентов и выручки) [6]. Примеры применения метода Открытого диалога к различным задачам компаний

Кейс компании «ТАТНЕФТЬ-РЕМСЕРВИС» (4500 сотрудников). **Формат работы:** серия тренингов для руководителей компании с информационной (применение принципов ТФС) и практической частью (группами ОД). **Результаты** (по данным опроса 32 топ менеджеров): Сократилось административное давление при принятии решений; Минимизировалось количество искажений, обид, личной неприязни и как результат видна более стабильная работа членов команды; Повысилась скорость и точность при передаче информации между сотрудниками; Неудачи воспринимаются как обратная связь и точка роста, поэтому стало меньше стресса; Выросла скорость в достижении результата из-за отсутствия чрезмерной личной правоты в принятии решений; Существенно повысилось качество коммуникаций внутри компании; Улучшились взаимоотношения в семье; Улучшилось самочувствие, ощущается большая уверенность в себе.

Основной результат по оценке генерального директора: сотрудники поднялись на новый уровень продуктивного общения, доверия, сверки целей, конструктивного обсуждения в решении вопросов, отношения к жизни, собственного здоровья, высвобождение внутренних ресурсов для достижения целей, рост объема работ больше, чем 2 раза.

Кейс агрохолдинга Дары Малиновки из группы компаний (агрохолдинг, лизинговая компания, строительный, оздоровительный, образовательный), (1500 человек в группе компаний, 600 в агрохолдинге). **Формат:** интервью с собственником. **Формат внедрения ОД:** Обучение руководителя в Школе ОД (несколько программ, включая программу подготовки фасилитаторов Открытого диалога). Трехдневный тренинг для сотрудников холдинга. Регулярная практика ОД, встроенная в каждый из этапов управленческого процесса: информирование об изменении процессов; прояснение существующих договоренностей; формирование новых договоренностей; их фиксирование и соблюдение. Цель проведения групп ОД в компании – выстраивание коммуникации, согласно принципам ТФС. Группы ОД используются для сонастройки на общую цель, проживания причинно-следственных связей деятельности и результатов деятельности; для снижения количества нарушений и искажений при коммуникации (честность); для снятия напряженного отношения и сопротивлений сотрудников.

Группы ОД проводятся не для всех сотрудников, есть группа сотрудников – инициаторов изменений, 10 человек из разных служб. На уровне топ менеджеров проявление искреннего отношения и негативных эмоций в рамках

группы ОД дает тонкое понимание коммуникаций, понимание и разделение целей компании и сотрудников, формирование четких договоренностей рамках бизнес процессов.

Результаты: вывод коммуникации в компании на уровень правды и личной ответственности. Снижается количество взаимных претензий. Повышение самоорганизации сотрудников, уровня счастья в компании, мотивации, развития и реализации сотрудников, решение сложных (невозможных) задач нестандартным адекватным ситуации способом. Развитие и расширение компании.

Кейс аптечной компании “Вита” (15 000 сотрудников, 37 регионов, 2 500 аптек). Формат: интервью с собственником. Формат внедрения ОД: Тренинг для руководителей компании, включающий информацию о ТФС и методе ОД, практика ОД. Несколько сотрудников прошли обучение в Школе ОД. Практики ОД проводятся в рамках стратегических сессий раз в квартал в каждом регионе. Сейчас в компании регулярно 1 раз в неделю перед совещанием руководители отделений розничных продаж используют практику ОД.

Результаты: применение практики ОД дает вовлеченность, воодушевленность, разделение целей компании, улучшение психоэмоционального состояния сотрудников. Наличие недосказанностей, скрытых неудовлетворенностей и претензий приводило к снижению мотивации и формальному выполнению должностных обязанностей, эмоциональному перенапряжению и выгоранию. На группах ОД люди выражают свои эмоции и чувства по поводу рабочих ситуаций, не обвиняя других. Выражение накопившихся негативных эмоций привело к повышению уровня открытости и доверия среди сотрудников компании, повышению эмерджентности и обнаружения новых способов решения сложных задач, повышению сплоченности в команде, улучшению коммуникаций между региональными подразделениями, повышению доверия и, благодаря этому, к формированию новых решений в бизнесе, вовлеченности и повышению мотивации сотрудников. Сотрудники из разных подразделений стали слушать и слышать друг друга, выстраиваются командные взаимоотношения, и это происходит без принуждения со стороны руководства. Также группы ОД применяются для решения конфликтов между руководителями. Сотрудники сами поняли и прочувствовали важность, ценность и эффективность практик ОД.

Эмпирическое исследование

Нами проведено исследование влияния участия в практиках ОД на психоэмоциональное состояние человека. Эмпирической базой исследования выступили участники программ Интенсив ОД, проводимых в онлайн формате в 2023-2024 годах.

Гипотеза: участие в программе Интенсив ОД снижает уровень тревожности, стресса, повышает уровень субъективной удовлетворенности и счастья.

Для решения поставленной задачи применялись следующие методы:

Диагностические: участники заполняли опросники в эл. виде (гугл формы) до и после программы. Применяемые опросники: 1) Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС-10) - русскоязычная версия The Perceived Stress Scale-10, «PSS-10»; 2) Шкала субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер (Subjective Happiness Scale) в адаптации Д.А. Леонтьева; 3) Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Satisfaction With Life Scale, SWLS) в адаптации Д.А. Леонтьева; 4) Опросник самодиагностики депрессии (PHQ-9); 5) Опросник тревоги ГТР-7 (GAD-7).

Статистические методы: Т- критерий Стьюдента, направленный на оценку различий величин средних значений двух выборок [13].

Всего в исследовании приняло участие 175 человек, из них 38 мужчин, 137 женщин, в возрастных категориях до 30 лет 13 человек, 31- 45лет 80, 46-60 лет 73, старше 61года 9 человек. Образование: 147 человек с высшим образованием, 20 со средним, 8 участников с ученой степенью. В браке 83, в разводе 37, в отношениях 15, без отношений 40 участников.

Описание программы Интенсив ОД: Продолжительность составляет 5 дней и включает в себя 5 групп ОД, практики молчания, устную и письменную рефлексия, ответы на вопросы, видеоуроки. Встречи проводились в облачной платформе ZOOM, общение велось в телеграм чате и на социальной платформе Школы ОД.

В результате исследования выявлено снижение уровня стресса на 15,38% (значимость $p \leq 0.01$, $t_{Эмп} = 6.7$), увеличение удовлетворенности жизнью на 1,66% (значимость $p \leq 0.01$, $t_{Эмп} = 5$), снижение выраженности депрессии на 35% (значимость $p \leq 0.01$, $t_{Эмп} = 4.6$), повышение уровня субъективного счастья на 7,89% (значимость $p \leq 0.01$, $t_{Эмп} = 3,1$), снижение уровня тревоги на 34,75% (значимость $p \leq 0.01$, $t_{Эмп} = 2,9$).

Выводы

Применение биокибернетики в качестве основания для теоретического рассмотрения может помочь направить разработку и улучшение инструментов для работы по развитию человеческого потенциала.

Применение метода привело нас к неожиданному для нас самих результату: построение живых организаций не является актуальной задачей, как мы долгое время предполагали. Мы имеем дело не с живой организацией, а обнаружением того, что человек является живой системой и живое лидерство становится оптимальным действием, которое не требует ни сверхусилия, ни трансформации от каждого работника. Создание среды оптимальной для живого человека, в которой труд и трудовые отношения являются благом, а не антиблагом, является предпочтительным шагом.

В очередной раз [5] измерения результатов прохождения индивидуальных программ подтверждают результативность метода ОД. Кроме того, кейсы крупных компаний показывают результативность метода для бизнеса.

Библиографический список

1. Андреева, И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. // И.Н. Андреева – Санкт Петербург, 2012. - 288 с.
2. Вольф, Н. Живая организация. Трансформация бизнеса на пути к выдающимся результатам / Н.Вольф. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 390 с.
3. Лалу, Ф. Открывая организации будущего. //Ф. Лалу – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.
4. Меркульев М.Ю. Разработка технологии развития человеческого потенциала на основе теории функциональных систем академика П.К.Анохина / М.Ю.Меркульев, Д.А.Шаменков // ЧФ: Человеческий фактор Социальный психолог. - 2022. - № 1(43).- С.73-84
5. Меркульева, Т.А. Исследование качества жизни до и после программы «Интенсив открытого диалога»/ Т.А. Меркульева // ЧФ: Человеческий фактор Социальный психолог. - 2020. - № 2(40).- С. 222-227.
6. Нагибина Н.И., Вакульская Е.А., Пестерева Е.О. Well-being. Управление благополучием сотрудников для повышения производительности труда - улучшения HR и бизнес-показателей компании // УПИРР. 2020. №4.
7. Судаков К. В. Системокванты - основа голографического построения живых существ // Вестник МАН РС. 2007. No2.- С. 5-11.
8. Шаменков, Д.А. Результат практического применения инновационной системы управления здоровьем человека, разработанной на основе Теории функциональных систем академика П.К.Анохина / Д.А.Шаменков, А.Ю.Ульянин, К.В.Судаков // Реабилитация и профилактика-2014: сборник материалов научной конференции - М.: Издательство Первого московского государственного медицинского университета им.И.М.Сеченова, 2014. - С. 219-220
9. Greiser, C. & Martini, J.P. (2018). Unleashing the power of mindfulness in corporations. Boston Consulting group website.
10. Hyland, P. K., Lee, R. A., & Mills, M. J. (2015). Mindfulness at work: a new approach to improving individual and organizational performance. *Industrial and Organizational Psychology*, 8(4), 576–602.
11. Shonin, E., Van Gordon, W., Dunn, T. J., Singh, N. N., & Griffiths, M. D. (2014). Meditation awareness training (MAT) for work-related wellbeing and job performance: a randomised controlled trial. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 12(6), 806–823.
12. Vonderlin, R., Biermann, M., Bohus, M. *et al.* Mindfulness-Based Programs in the Workplace: a Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *Mindfulness* 11, 1579–1598 (2020). <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01328-3>
13. Приложение для автоматического расчета t-критерия Стьюдента <https://www.psychol-ok.ru/statistics/student/>

Меркульев М.Ю., Просекин М.Ю.

**ОТ АНТРОПОТИПИРОВАНИЯ К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
ОТ ПРОФОРИЕНТАЦИИ К ПРОФНАВИГАЦИИ**

Аннотация

Рассмотрена проблема профессионального становления и формирования антропологических свойств, которые помогут решению сверхсложных проблем, связанных с одновременно разворачивающимися фазовым и когнитивным кризисами. В условиях, порождаемых эпохой перемен сложности, скорости, неопределенности и хаоса возрастают требования к форматам развития. Рассматривается применение подходов биокibernетики для формирования пространств развития, обеспечивающих когнитивное ускорение для развития потенциала человека.

Ключевые слова: антропологическая работа, профнавигация, когнитивное ускорение, антропологическое ядро, человеческий потенциал

Annotation

The problem of professional development and the formation of anthropological properties that will help solve highly complex problems associated with simultaneously unfolding phase and cognitive crises is considered. In the conditions generated by the era of change, complexity, speed, uncertainty and chaos, the requirements for development formats are increasing. The application of biocybernetics approaches to the formation of development spaces that provide cognitive acceleration for the development of human potential is considered.

Key words: anthropological work, professional navigation, cognitive acceleration, anthropological core, human potential

Актуальность

При смене технологического уклада возникает задача формирования соответствующего антропотипа. Мы имеем основания считать, что на данный момент мы имеем дело не столько со сменой технологического уклада, а с гораздо более серьезными изменениями, связанными с изменением фазы развития. В результате мир стал представляться нам чрезвычайно изменчивым. Существующий базовый антропотип (набор антропотипов) перестает быть актуальным. Мы имеем дело с периодом изменения антропотипа. Перед нами встает дилемма: глубокий кризис с естественным постепенным вымиранием предыдущего и рождением нового антропотипа или поиск разумных способов антропологической работы, позволяющих трансформировать антропологические свойства живого человека и формировать их у нового поколения.

Так в последнее время набирают популярность концепции VUCA и даже BANI мира. Их стоит рассматривать, как реакцию коллективного сознания на способность справляться с решением задач и проблем. Разумеется, в силу известных когнитивных искажений мы начинаем проецировать свои переживания на окружающий мир. Но для нашего рассмотрения это скорее симптом, связанный с деградацией (сакрализацией) научной картины мира и утратой способности взаимодействия с когнитивным пределом и

запредельным. Это является одним из проявлений фазового кризиса наряду со снижением пассионарности (мотив немедленного удовольствия и избегания неприятного) и утратой контакта с реальностью (виртуализацией и обесмысливанием деятельности и коммуникации).

Стоит отметить, что на настоящее время в той или иной мере мы подошли к кризису существующей парадигмы гуманитарных и общественных наук, что приводит к активному поиску различных способов решения тех проблем, которые перед нами стоят. Кризис парадигмы заключается, прежде всего, в том, что представления, принимаемые в данном научном направлении как основания или аксиомы, становятся ограничивающим фактором. Ситуация осложняется тем, что по мере продвижения в научном познании накапливается еще и дополнительная скрытая аксиоматика – консенсус научного сообщества о том, какие представления считаются истинными без научного доказательства. Эти инструменты являются на первоначальном этапе весьма продуктивными и помогают нам извлекать пользу из научного познания в области действия простых классических закономерностей. Однако по мере роста скорости и энергии, сложности и эффективности в создаваемых нами артефактах более сложные закономерности начинают значительную роль. Примером могут служить квантовая механика и теория относительности в физике. И в этом смысле мы говорим не о необходимости отказа от существующих представлений, а о необходимости их расширения и дополнения. При этом полезным инструментом является конструктивный критический подход к основаниям и консенсусам в науке. Конструктивная критика состоит в признании диалектической природы этих основополагающих представлений, когда с одной стороны они облегчают научное познание, с другой ограничивают его областью, в которой они адекватно описывают реальный мир. Здесь мы только обозначаем контекст, а подробное исследование этого вопроса является предметом отдельной работы.

Можно отметить ряд проблем, которые не находят удовлетворительного решения в рамках классического подхода: проблемы «стрелы времени» и интерпретации квантовой механики в физике [4], проблема живого в биологии (как создать живое из неживого и как создать устойчивый развивающийся во времени биоценоз), проблема антропности (человеческий опыт и человеческие органы чувств определяют нашу картину мира и инструменты познания) и Hard problem (проблема материи и сознания) в психологии и когнитивистике, проблемы устойчивого развития, проблема эффективного взаимодействия экономических агентов (порождение социальной энтропии или антиблага), проблема денег и стоимости (невозможности удовлетворения части потребностей человека в рамках этих представлений) в экономике. Можно предположить, что трудности, связанные с решением этих проблем, лежат в ограничениях, накладываемых существующими классическими представлениями (предустановками мышления). Соответственно, решение оказывается также невозможным, но не в силу отсутствия возможности, а в силу самоограничения, которое вытекает из этих предустановок.

Кроме того, для продуктивного решения подобного рода задач им может понадобиться расширение диапазона когнитивных и метакогнитивных инструментов [2]. С одной стороны, это формальные инструменты, которые позволяют работать с множественностью (двойственностью, тройственностью и т.д.), границами формальной логики (противоречивостью и неполнотой) и парадоксами, которые маркируют границы знания (включая парадокс развития) [10]. С другой стороны, это задача построения технологических психотехник (психонетика) [1] и пространств когнитивного ускорения и высокой когнитивной плотности, которые служат для восполнения недостающего опыта и преодоления текущих антропных ограничений. Кроме того, для облегчения возможности работы с изменением парадигмы и расширенными когнитивными инструментами могут понадобиться поддерживающие практики адаптивности в условиях неопределенности и хаоса, поскольку эта работа вызывает сильнейшие психоэмоциональные переживания, либо сильную блокировку и отрицание, делающие даже восприятие этих инструментов и подходов невозможным.

Возникает вопрос: что можно сделать для развития человека, чтобы возник достаточно мощный слой людей, готовых принять эти вызовы и справиться с ними, главное, кто об этом может думать?

Технологический уклад и базовый антропотип

Технологический уклад представляет из себя не только технологии, но и дающее возможность существования этим технологиям поведение. Характерные для технологического уклада формы этого поведения мы будем называть антропотипом.

Антропотипы выделяются антропологическими признаками. Антропологические признаки проявляются как результат приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды. Для человека существенной составляющей окружающей среды является ее технологическая составляющая. Помимо взрывного развития технологий, идет активное воздействие человека на самого себя, которое чаще всего является бессмысленным и неререфлексируемым. Это является одним из факторов, которые вызывают ощущение крайней нестабильности мира и приближения к границе хаоса (сингулярности). Таким образом, хоть мы и не можем прогнозировать будущий антропотип, мы можем с определенностью утверждать, что способность адекватно эволюционировать в техносреде, способность к решению трудных задач, субъектность, устойчивость в условиях неопределённости, а также устойчивость и пластичность когнитивных способностей входят в необходимый набор.

Образование, профориентация, тьюторство

Рассмотрим вопрос: где и как решается задача формирования антропотипа и ответ на вызов будущего?

В современном российском образовании продолжает преобладать объектный подход к развитию учащихся. Это выражается, в том числе, в фокусе на предметы, а не свойства самого обучающегося (по отношению к деятельности обучения). Соответственно, сама способность учиться,

оказывается, в лучшем случае, побочным продуктом обучения и как таковая не формируется и не является задачей образовательных программ. Задачей же образовательных программ является интродукция стандартных знаний, умений и навыков в соответствии с образовательным стандартом. Безусловно, образовательный стандарт имеет внутри определенную гибкость, то есть, допускается выбор и склонность к усиленному овладению теми или иными предметами, а также сдача профильных ЕГЭ.

Современная профориентация предполагает квазистатический подход к проблеме, в котором набор целей и набор основных ориентиров в профориентационной области, то есть профессии, специальности, является относительно неизменным, то есть не меняется в течение периода профессионального становления. И также предполагает, что существует ряд существенных качеств человека, которые также можно измерить (антропотипирование, гипотеза измеримости), и они также не меняются на протяжении периода профессионального становления. Есть еще один подход, связанный с самоопределением, который подразумевает, что можно почувствовать себя услышать себя, обращать внимание на свои склонности и предпочтения, на то, что тебе важно, на ценности и таким образом можно выстроить свое движение в этом мире, в частности профессиональное становление. Можно отметить, что обе эти позиции имеют один общий корень, представление о некотором знании, которое помогает заменить деятельный контакт с внешним миром.

Можно дальше рассмотреть другие существующие форматы, например тьюторство. И тогда мы обнаруживаем, что в современной российской действительности они имеют сервисный характер. Таким образом, основной корпус современного образования — это подготовка к прошлому, в крайнем случае, настоящему. Таким образом, поставленная задача в этих институтах не может быть решена.

Профнавигация и технологические кружки

Когда мы начинаем говорить о профнавигации, мы будем иметь в виду то, что в процессе профессионального становления и самоопределения человеку необходим постоянный деятельностный контакт с реальностью в той предметной области, с которой он будет иметь дело. И, мало того, наше предположение состоит в том, что важен эволюционный характер этого взаимодействия и опыта. И мы должны отказаться от предположения квазистатики и даже непрерывности, когда картина профессиональной области не может резко и непредсказуемо измениться. То есть мы должны смотреть не только на конечную точку, идеальный конечный результат — человека, реализованного в профессии, а на весь путь. И тут важно знакомиться с повседневностью профессии и узнавать есть ли к ней достаточная склонность, иначе мы можем получить стойкое разочарование, что в свою очередь либо сведет на нет усилия по профнавигации, либо сделает человека малопродуктивным, а профнавигацию неэффективной. Потому что если взять, например, ту же физику, то там можно увидеть, что достаточно долго приходится совершать ряд последовательных поисковых действий,

которые приводят к результату очень медленно. Если берем энергетику, то для того, чтобы стать великолепным специалистом по возобновляемой энергетике, например, придется достаточно долгое время крутить гайки, иметь дело с тяжелым оборудованием. Вся содержательная деятельность имеет в своих основаниях реальный труд, к которому важно быть готовым, который можно сделать для себя интересным и это ускоряет продвижение к цели, но требует внутренних усилий и часто болезненной трансформации.

При этом важна и цель – образ профессионального результата. Здесь в профориентационной работе также часто мы попадаем в разговор о том, «каким я буду». И это тоже может быть предметом разочарования, поскольку порождает отложенное достижение цели. Для профнавигации более продуктивной стратегией представляется перенос фокуса на задачи, которые ждут своего решения, способность соприкоснуться, пусть в доступном на этом уровне развития виде, с реальными проблемами фронта в данной области – формирование устойчивого интереса и масштабной системной цели (системообразующей цели).

Третьим фактором профнавигации является задача формирования профессиональной онтологии, внутренних оснований профессионального поведения, затрагивающая и вопросы профессиональных ценностей, профессиональной культуры и этики.

Еще одним моментом, который также может приводить к разочарованию, относится уже область воспитания человеческих качеств (антропологическая работа), которая не относится к профнавигации, но сильно проявляется в рабочих отношениях. Тем не менее, в рамках проектов инженерного профиля Кружкового движения этой стороне уделяется значительное внимание.

Таким образом, в рамках Кружкового движения мы обнаруживаем систематическую работу с будущим, но ресурсы его довольно ограничены. При этом еще требуется разработки форматов и методов антропологической работы. Кроме того, кружки относятся к дополнительному образованию и, обнаружить, что дополнительное образование может давать основное содержание в современных условиях может быть непросто, что еще больше затрудняет доступ к нему для детей и родителей.

Области приложения усилий

Для трансформации антропотипа мы предполагаем основными направлениями усилий картину мира (онтологию), антропологическое ядро (ядро поведенческих детерминант как осознанных, так и бессознательных) и профессиональные (социально-экономические) способности. Первые два мы рассмотрим ниже, третий является предметом профнавигации.

Картина мира

Следует обратить внимание на то, картина мира не является предметом чистого знания. Напротив «знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувственности» [6]

Рефлексия собственного мышления и картины мира подталкивает к вопросу о том, что лежит в основании в этой рефлексии. И как одно из

онтологических оснований картины мира обнаруживается предположение о непрерывности опыта, точнее, плотности множества опытов и, соответственно, плотности картины мира. Тут возникает законный вопрос: а на каком основании предполагается плотность представлений в картине мира? Вполне возможно, что картина мира может быть неплотной в каких-то своих частях, а вполне возможно, что и нигде не быть плотной [7].

Соответственно, у нас есть опыт и знания, которые соответствуют этому опыту. Тогда извлечённые из этого опыта знания есть то, что в психологии называется эвристикой. И это возможный способ покрыть эту неплотность. То есть, мы фактически имеем дело не с плотным множеством представлений и знаний, и тем более не с плотным множеством онтологических оснований, а с кусочно-плотным или нигде не плотным множеством, которое покрывается другим способом, приближительным, основанном на приближительном подобии и неявном предположении о гладкости. И в случаях достаточно изотропного и квазистационарного окружающего мира оправдана экономия ресурсов, основанная на предположениях о том, что небольшие отличия в опыте не ведут к радикальным изменениям результатов, точнее, небольшие изменения в условиях задачи не ведут к сильным изменениям, получаемом результате. Но, если мы имеем в виду хаотические системы со сложными начальными условиями, то эвристики в каких-то местах не работают. Мы скорее будем сталкиваться с некоторыми особыми областями, где шаг вправо, шаг влево это тонкая грань точного решения и подходящего опыта у нас просто нет, что составляет проблему. То есть небольшие отклонения приводят к тому, что опыт и способ решения задачи, которые у нас уже есть не подходит, и нам нужно искать новые. Но, собственно говоря, для живых систем это не проблема, потому что они изначально построены в способности адаптироваться, находить новые решения в том случае, если акцептор результата деятельности показывает отклонение от целевого образа результата.

И если мы говорим о том, что у нас пространство опыта не плотно, то возникает вопрос: а что делать? Первым ответом, как уже отмечалось, являются эвристики, то есть покрытие опыта, знаний, понятия неким предположением о том, что вблизи этого опыта или знания, которые у нас есть, пространство является гладким или, по крайней мере непрерывным, хотя это не совсем так и мы не можем быть уверенными, пока не проверим. Тогда возникает вопрос: а что значит проверим? И проверкой может служить формирование опыта прохождения тех мест, в которых опыта еще нет.

Соответственно, задачи могут ставиться про пространства, где этот опыт можно приобрести. И здесь, с одной стороны, нам нужна рефлексия, и в том числе рефлексия структуры опыта, а с другой стороны, нам может быть крайне полезно сформировать требования к обучающим пространствам. Фактически это требование к тому, чтобы обучающие пространства были пространством плотного опыта. То есть там, где опыт получается разнообразно и равномерно. И если в этом пространстве созданы предпосылки для равномошной опыту рефлексии, то мы имеем дело с **когнитивным ускорением**.

Для живых систем и человека в его развитии характерны два способа решения задач: при помощи прошлого опыта (генетически или эпигенетически накопленного) и через освоение ранее не известного – научение. Научение происходит на докогнитивном (перебор имеющихся паттернов действия), когнитивном (размышление, вычисление) и сверхкогнитивном уровне (интуиция, поток, расширенное состояние сознания) [5] и предметом дальнейших исследований является полный охват всех слоев сознания внутри технологий развития человеческого потенциала.

Антропологическое ядро

Вопрос формирования и изменения антропологического ядра мы описывали в одной из наших предыдущих работ и наши исследования показывают результативность этого подхода для изменения антропологии взрослых [8,9]. Однако для целей этой работы следует подчеркнуть ряд важных моментов методологического плана, поскольку эта часть технологий находится в стадии разработки. При формировании антропологического ядра мы выделяем как аспекты, прямо вытекающие из того, что человека можно рассматривать как живую систему в рамках биокибернетики, так и аспекты, связанные со специфически человеческим поведением. Соответственно перед нами встает задача выбора набора психических функций для формирования антропологического ядра. При этом важным условием в случае задачи формирования ядра личности, является учет целостности, то есть одновременное и взаимообусловленное их формирование [3], что потребует дополнительных исследований. Кроме того, мы планируем исследования того, как решать задачу включения профессиональных этических ценностей в состав антропологической работы.

Заключение

В этой работе мы рассмотрели одну из важных областей, в которой могут быть применены разрабатываемые нами в течении последнего времени технологии развития потенциала человека на основе биокибернетики. Это позволило очертить направление дальнейших исследований и направления развития метода.

Кроме того, нам удалось рассмотреть подход **когнитивного ускорения** и описать из каких закономерностей развития она возникает.

Библиографический список

1. Бахтияров, О.Г. Активное сознание. / О.Г. Бахтияров– Москва: РИПОЛ Классик, 2015. – 334 с.
2. Бахтияров, О.Г. Воля над хаосом. / О.Г. Бахтияров– Москва: ИГ "Традиция", 2020. – 210 с.
3. Выгодский, Л.С.. Мышление и речь. / Л.С. Выгодский – СПб.: Издательство Питер, 2019. – 432 с.
4. Гинзбург, В.Л. Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными (тридцать лет спустя, причем уже на пороге XXI века)? / В.Л. Гинзбург // Успехи физических наук. – 1999. – Том 169, №4 . – С. 419-441.

5. Козлов, В. В. Психотехнология ДМД: дыхание-музыка-движение. Теория и метод : Методическое пособие для ведущих семинары по ДМД / В.В. Козлов, Ю.А. Козлов. – Ярославль: Международная академия психологических наук, РПФ "Титул", 2021. – 250 с. – ISBN 978-5-6044075-0-9.

6. Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.

7. Лосев, А.Ф. Общая характеристика тетрактидной диалектики / А. Ф. Лосев // Философский журнал. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 140-150. – DOI 10.21146/2072-0726-2019-12-3-140-150. – EDN NNRFXA.

8. Меркульев, М.Ю. Антропологическое ядро: ответ на сверхвызов искусственного интеллекта / М. Ю. Меркульев, Т. А. Меркульева // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2023. – № 1(45). – С. 172-179.

9. Меркульев М.Ю. Разработка технологии развития человеческого потенциала на основе теории функциональных систем академика П.К.Анохина / М.Ю.Меркульев, Д.А.Шаменков // ЧФ: Человеческий фактор Социальный психолог. - 2022. - № 1(43).- С.73-84

10. Переслегин, С.Б. Когнитивные пределы научного мышления / С.Б. Переслегин, А.Королев, С.Шилов // Экономические стратегии. – 2019. - № 2. – С. 44-55

**Миронова Т.И., Шепелева С.В. Сумнительный С.В.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТСКИХ ГРУПП С СОМАТИЧЕСКИМИ И
СОЦИАЛЬНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ**

Аннотация. Рассматриваются методологические конструкты психологической реабилитации детских групп с соматическими и социальными ограничениями. Психологическая реабилитация, психологическое сопровождение необходимо в процессе консультативной и психокоррекционной работы детей и молодежи, их семей.

Ключевые слова: методологические конструкты, психологическая реабилитация, детские группы, соматические, социальные ограничения.

Annotation. The methodological constructs of the psychological rehabilitation of children's groups with somatic and social limitations are considered. Psychological rehabilitation, psychological support is necessary in the process of counseling and psycho-correctional work of children and youth, their families.

Keywords: methodological constructs, psychological rehabilitation, children's groups, somatic, social restrictions.

В отличие от коррекционного, реабилитационный подход опирается на внутренний восстановительный потенциал человека, для включения которого нужно лишь создание некоторых условий. Среди них - определенные характеристики среды, его окружающей. Для ребенка источником заданных свойств такой среды становится взрослый, образовательной среды - педагог.

Психологическая реабилитация предполагает психологическое сопровождение детей и молодежи, членов их семей в процессе консультативной и психокоррекционной работы с ними, а также конструирование адаптивных моделей поведения и социальных взаимодействий, обеспечивающих наиболее полную социализацию и интеграцию проблемных детей в общество.

Эта работа эффективнее будет проходить при командном подходе, если такую возможность удастся организовать.

Несмотря на специфику реабилитационной деятельности, необходимо выделить ряд неспецифических задач: проведение комплексного медико-психолого-педагогического исследования каждого ребенка в целях квалификации соматического, социального, психологического и образовательного статуса и определения направленности реабилитационных мероприятий; разработка и реализация индивидуальных программ медико-психолого-педагогической реабилитации детей, направленных на их оздоровление, обучение, воспитание и раскрытие личностного потенциала (содержательно-методические аспекты); оказание консультативной помощи родителям по вопросам воспитания и содействия социально-культурной адаптации детей; отслеживание дальнейшего жизненного пути детей, прошедших курс коррекционно-развивающего обучения, и (по необходимости) оказание им консультативной помощи (на этой основе — анализ продуктивности проведенных реабилитационных мероприятий); взаимодействие с органами социальной защиты населения, здравоохранения и образования в целях оптимизации и достижения непрерывности реабилитационных мероприятий.

В рамках каждой задачи определяют собственные направления, специфические для каждой из служб, но не противоречащие принципам единства и последовательности. К числу же общепсихологических направлений реабилитационного процесса необходимо отнести следующие: создание зоны ближайшего развития ребенка; содействие в раскрытии внутреннего потенциала ребенка; индивидуальное консультирование; групповые практические занятия по типу психологических тренингов; различные виды психологической помощи (игротерапия, арттерапия, куклотерапия, сказкотерапия); стабилизация самооценки; формирование психологических новообразований, соответствующих возрасту.

Базовыми же социально-психологическими реабилитационными направлениями служат: содействие ребенку в формировании социально-значимой мотивации; формирование положительного опыта социального поведения, навыков общения и взаимодействия с окружающими людьми;

организация социально-психологического тренинга, направленного на формирование позитивной «Я - концепции».

Среди реабилитационных направлений психолого-педагогического профиля необходимо отнести следующие: развитие до необходимого уровня психофизиологических функций, обеспечивающих готовность к продуктивному обучению; обогащение кругозора детей, формирование отчетливых разносторонних представлений о предметах и явлениях окружающей действительности, которые способствуют осознанному восприятию ребенком учебного материала; формирование социально-нравственного поведения, обеспечивающего детям успешную адаптацию к школьным условиям (осознание новой социальной роли ученика, выполнение обязанностей, диктуемых этой ролью, ответственное отношение к учебе, соблюдение правил поведения на уроке, правил общения и др.); формирование учебной мотивации: последовательное замещение отношений «взрослый — ребенок» отношениями «учитель — ученик». Последняя модель отношений служит основой для формирования познавательных интересов; развитие личностных компонентов познавательной деятельности (познавательной активности, самостоятельности, произвольности психических процессов), преодоление интеллектуальной пассивности, характерной для детей с трудностями в обучении; формирование умений и навыков, необходимых для деятельности любого вида: ориентироваться в задании, планировать предстоящую работу, выполнять ее в соответствии с наглядным образцом и (или) словесными указаниями учителя, осуществлять самоконтроль и самооценку; формирование соответствующих возрасту общеинтеллектуальных умений (операций анализа, сравнения, обобщения, практической группировки, логической классификации, умозаключений и др.); повышение уровня общего развития школьников и коррекция индивидуальных отклонений (нарушений) в развитии (учет темпа деятельности, готовности к усвоению нового учебного материала и др.); охрана и укрепление соматического и психоневрологического здоровья ребенка: предупреждение психофизических перегрузок, эмоциональных срывов; создание климата психологического комфорта, обеспечение успешности учебной деятельности в ее фронтальной и индивидуальной формах; физическое закаливание школьников, общеукрепляющая и лечебно-профилактическая медикаментозная терапия; организация благоприятной социальной среды, которая обеспечивала бы соответствующее возрасту общее развитие ребенка, стимуляцию его познавательной деятельности, коммуникативных функций речи, активное воздействие на формирование интеллектуальных и практических умений; системный разносторонний контроль с помощью специалистов (врачей, психологов, дефектологов) за развитием ребенка; создание учебно-методического оснащения, необходимого для успешного освоения детьми общеобразовательных программ в соответствии с требованиями образовательного стандарта к знаниям и умениям учащихся.

Любое из реабилитационных направлений начинается с выверенной системной психодиагностики. В результате психосоциальной диагностики предполагается определение всех факторов, которые могут в значительной степени повлиять на социальное «выздоровление» подростка и его реабилитацию. К таким факторам относятся возраст, физическое, психическое, психологическое состояние, эмоциональные и социальные факторы, образ жизни, влияние семьи подростка. Результаты психодиагностики являются основанием для определения реабилитационного потенциала подростка.

Реабилитационный потенциал – это совокупность физических, психических, социальных и духовных возможностей пациента в преодолении болезни и ее последствий, восстановлении социально приемлемых личностных качеств, способствующих возвращению его в семью и к общественно полезной деятельности. В практическом отношении – это терапевтическая и социально-реабилитационная перспектива. Основные составляющие реабилитационного потенциала могут быть условно разделены на четыре блока: преморбид; клинические особенности заболевания наркоманией (например, токсикоманией); особенности социального статуса и социальных последствий тех или иных заболеваний, например, употребления ПАВ; личностные особенности.

В зависимости от степени выраженности основных составляющих реабилитационного процесса, например, больные наркоманией могут быть разделены на три группы: больные с высоким, средним и низким уровнем реабилитационного потенциала. Уровень реабилитационного потенциала – это дефиниция, включающая оценку всех этапов формирования болезни и развития личности от преморбидных особенностей и индивидуальной предрасположенности до четко очерченного клинического диагноза, личностного и социального статуса больного. Он также объединяет индивидуальные когнитивные, эмоциональные, мотивационные, коммуникативные, морально-этические особенности и основное направление личностного и социального развития, а также ценностные ориентации больного. Реабилитационный потенциал у подростка не остается на постоянном уровне, он увеличивается или уменьшается в зависимости от выбора и осуществления им той или иной линии поведения в реабилитационный и постреабилитационный периоды.

Для подростков с высоким уровнем реабилитационного потенциала характерны следующие особенности: отсутствует наследственная отягощенность психическими и наркологическими заболеваниями, отмечается нормативная психическое и физическое развитие, преимущественно благополучные семейные отношения и условия воспитания.

Средний уровень реабилитационного потенциала может определяться наследственной отягощенностью по прямой или восходящей линии. Воспитание нередко осуществляется в неполной семье, материальное положение семьи среднее или плохое, интерперсональные отношения членов семьи часто неровные. У подростка могут наблюдаться задержки физического

или психического развития, нарушения сексуальной сферы, легкая внушаемость и прочее.

В социальном плане у таких подростков отмечаются постоянные, а порой неразрешимые конфликтные отношения с родителями. Они отличаются трудно корригируемым поведением, проявляющимся в агрессивности, повышенной раздражительности, неуступчивости, порой замкнутостью, мотивационной неустойчивостью. Обычно такие подростки плохо учатся, часто прогуливают занятия, имеют проблемы с правоохранительными органами, состоят на учете в детской комнате милиции, КДН, ПДН. Круг социальных интересов узкий, однообразный. Отношение к получению профессиональных навыков и труду в основном безразлично-пассивное.

В личностном плане характерно морально-этическое снижение средней тяжести. Преобладают эгоцентризм, лживость, лицемерие, вороватость, безответственность и т. д. Между тем такие подростки стремятся произвести хорошее впечатление на людей, которые их мало знают, тщательно скрывают свою увлеченность наркотиками, проблемы с законом и т. д.

При низком уровне реабилитационного потенциала у подростков выявляется отягощенная наследственность наркологическими или психическими заболеваниями по линии родителей или ближайших родственников. Нередко воспитание осуществляется в неполной семье низкого материального положения. Отношения в семье часто бывают неровными или конфликтными, злоупотребление алкоголем одного или обоих родителей считается естественным явлением. Воспитание проходит в условиях гиперопеки со стороны родителей или разведенной матери или же, наоборот, абсолютно не уделяется внимания ребенку.

Физическое и особенно психическое развитие осуществляется с задержками, а порой и выраженной патологией. Успеваемость в школе низкая, круг интересов крайне ограничен и неустойчив.

Исходя из определения уровня реабилитационного потенциала и полной информации о подростке образуется четко обозначенная стратегическая позиция осуществления лечебно-реабилитационного процесса, позволяющая дифференцированно и оптимально использовать потенциальные адаптационные и компенсаторные возможности подростка и реабилитационной среды, подбирается индивидуальная лечебно-реабилитационная программа и технология.

Одним из условий осуществления экспертно-функционального подхода к процессу реализации образовательными учреждениями функции сохранения и укрепления здоровья, учащихся мы считаем мониторинг здоровья.

Мониторинг - это информационно-аналитическая система, позволяющая осуществить диагностику текущего состояния объекта и диагностическое наблюдение за его изменением в ходе деятельности и корректирующих воздействий. Любая информационно-аналитическая система будет иметь высокую эффективность, если в ней воспроизведены существенные характеристики исследуемого предмета, правильно выбран объект

исследования, соблюдены общие правила и требования к проведению мониторинга.

Основные задачи мониторинга: выявление общей картины состояния здоровья учащихся, физического развития, заболеваемости, выявление основных форм патологии, выявление факторов риска заболеваемости школьников, определение группы управляемых факторов, отслеживание результатов работы.

Смысл и назначение мониторинга лучше всего можно раскрыть через анализ тех функций, которые он выполняет.

Основные функции мониторинга для обеспечения работы по сохранению и укреплению здоровья детей: функция выявления противоречий предполагает, что анализ полученной информации в процессе проведения мониторинговых измерений позволяет выделить наиболее значимые противоречия, которые помогут определить существующие проблемы в деятельности по сохранению и укреплению здоровья; функция ранжирования проблем предполагает, что в процессе анализа информации субъект принятия управленческого решения должен иметь достаточную информацию для определения очередности решения управленческих проблем; функция прогнозирования изменений предъявляет требования к получаемой в процессе мониторинга информации, чтобы субъект принятия управленческого решения мог «просчитать» возможные изменения в системе мер по сохранению и укреплению здоровья учащихся в образовательном учреждении; функция ограничения обеспечивает границы возможного вмешательства в систему. Мониторинговая информация позволяет определить эти границы с целью недопущения разрушения системы или ухудшения ее функционирования; функция обратной связи обеспечивает субъекта принятия решения достаточной информацией об эффективности реализации решения и позволяет на ее основе скорректировать содержание решения или его формулировку; функция, информационно-обобщающая предполагает, что в процессе заполнения мониторинговых процедур ее субъекты получают определенную информацию о возможных мерах работы.

В качестве основного средства мониторинга выступают медицинские карты, содержащие данные профилактических осмотров школьников, справки о временной нетрудоспособности, набор анкет, предназначенных для различного контингента опрашиваемых, а также паспорта здоровья для детей и подростков.

Методика реабилитационного мониторинга – это система диагностических средств, методов, технологий их применения, предназначенных для проведения многоуровневого анализа комплексной информации о состоянии исследуемого предмета и объекта. Мониторинг соматической реабилитации позволяет получить следующую информацию: уровень здоровья учащихся, факторы риска, направления работы, результативность работы по сохранению и укреплению здоровья.

Предлагаемый механизм мониторинга соматического здоровья и физического развития (Г.К. Селевко, Д.Б. Прокопенко, О.Б. Тихомирова)

способствует сохранению и укреплению состояния здоровья школьников, повышению эффективности процесса физического воспитания и ориентируется на следующие цели: изучение состояния здоровья и физического развития школьника, изучение социальной среды, определение пробелов в физическом развитии школьника, планирование этапов физического воспитательного воздействия, улучшение условий физического воспитания и развития ребенка.

В мониторинге здоровья и физического развития школьника выделяют следующие важные этапы:

- получение фактических данных о здоровье и развитии школьников,
- сравнение результатов обучения и воспитания данного школьника в данный момент с его результатами в прошлом году, четверти,
- анализ: установление причин изменения состояния здоровья того или иного ученика или же отклонения его от нормы,
- интерпретация: сведение в единое целое всей информации об ученике (семья, родители, мнение учителей, собственное наблюдение, результаты диагностирования);
- прогнозирование: на основе сопоставления и анализа педагог обязательно должен прогнозировать дальнейшее физическое развитие ученика;
- доведение результатов диагностической деятельности до сведения учащихся и родителей, и контроль воздействия на них этой информации.

Использование персональной карты учащегося позволит выявить факторы риска заболеваемости каждого ребенка. При помощи электронно-вычислительной техники для каждого ученика можно определить зону риска заболеваемости, а также установить, по каким факторам идет формирование этого риска, наметить для каждого ребенка профилактические мероприятия. В этом направлении работа продолжается.

Литература.

1. Миронова Т.И. Социально-психологические особенности временных лечебно-образовательных детских коллективов // Методическое пособие. – Кострома, 1999. – 68с
2. Фетискин Н.П., Миронова Т.И. Социально-психологическая диагностика личности и группы // Психодиагностический практикум. – Кострома, 2001. –103с.
3. Фетискин Н.П., Миронова Т.И. Психодиагностика социальных и соматических ограничений в детско-молодежных группах. Учебно-методическое пособие. – СПб; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010-2011. – 69 с.
4. Миронова Т.И. Реабилитация социально-психологического здоровья детско-молодежных групп: основы и механизмы. Монография, - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014 – 520с.
5. Фетискин, Н. П. Трудные дети / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов. – Москва : Институт консультирования и системных решений, 2018. – 544 с. – ISBN 978-5-91160-093-8.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИМ РАБОТНИКАМ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: с развитием собственной промышленности в РФ, возрос спрос на инженерно-технических работников (ИТР). При этом продолжают существовать дискриминация по возрасту, предубеждения работодателей и собственные предубеждения возрастных работников. В статье приведены данные сравнения психологического состояния ИТР предпенсионного возраста до и после прохождения программы психологической помощи.

Ключевые слова: психологическое состояние безработных, психология трудоустройства.

Annotation: with the development of its own industry in the Russian Federation, the demand for engineering and technical workers (IT) has increased. At the same time, age discrimination, employers' prejudices and age-related employees' own prejudices continue to exist. The article presents data on the comparison of the psychological state of pre-retirement children before and after completing the psychological assistance program.

Keywords: psychological state of the unemployed, psychology of employment.

В современной России взят курс на развитие собственной экономики, собственного производства, особенно в оборонных отраслях. Возрос спрос и на инженерно-технические кадры. Появился хороший шанс для трудоустройства предпенсионных работников. В то же время, предпенсионные работники чаще других сталкиваются с дискриминацией по возрасту, с предубеждениями работодателей, что приводит к необходимости преодолевать значительные психологические препятствия.

С возрастом у человека снижаются некоторые функции нервной системы, ухудшается способность реагирования на раздражители, наблюдается ухудшение памяти и общее состояние здоровья [Амосов, 2018, с. 672]. Б. Г. Ананьев делает вывод, что прекращение многолетнего труда вызывает глубокие перестройки в структуре психики человека как субъекта деятельности [Ананьев, 1980, с. 229]. Обнаруживается отставание предпенсионных работников в «цифровой» сфере труда, в использовании основных и профессиональных компьютерных программ [Вакарина, 2021, с. 14-17]. Всё это влияет на эффективность трудоустройства. Продолжается влияние на рынок труда пандемии, в некоторых отраслях до сих пор существуют ограничения для персонала, причем, как отмечает В. В. Козлов, «...психологическое воздействие мирового пандемического кризиса, многократно превосходит опасность коронавируса для людей» [Цит. по Козлов, 2021, с. 5].

Анализ публикаций на тему кризиса занятости показал, что безработные предпенсионного возраста находятся в состоянии мощного личностного

кризиса, в состоянии стресса жизни [Анцупов, 2015, с. 224], в состоянии тревоги, депрессии. Это состояние можно охарактеризовать как «...переживание стрессовых состояний в процессе выполнения профессиональной деятельности, которое приводит к существенному снижению продуктивности, трудностям в функционировании личности субъекта труда» [Цит. по Разина, 2017, с. 61].

Целью данного исследования является выявление основных психологических факторов, влияющих на успешность трудоустройства безработных инженерно-технических работников предпенсионного возраста, разработка и апробация программы психологической помощи при трудоустройстве безработным ИТР предпенсионного возраста.

Материалы и методы исследования. На предварительном этапе исследования проведен опрос для выявления помех и затруднений в осуществлении трудоустройства; оценка готовности личности соискателя вакантного места к трудоустройству; опрос экспертов по определению критериев эффективного трудоустройства для ИТР; а также ситуационный анализ алгоритмов деятельности по трудоустройству (прохождение этапов трудоустройства) с помощью адаптированных бланков МПДО. Безработные предпенсионного возраста отметили следующие затруднения: неуверенность, возраст, состояние здоровья [Гнездилов, 2022, с. 181-189].

Исследование показало, что основные затруднения у безработных ИТР предпенсионного возраста вызвали: современные технологии трудоустройства, преодоление психологических барьеров и предыдущих отказов работодателей, неуверенность в своих силах и возможностях.

Для исследуемой ситуации трудоустройства, как единицы деятельности субъекта труда при трудоустройстве, применен научный подход системно-ситуативный анализ деятельности, (ССАД). При этом процесс трудоустройства был разделен на отдельные единицы действий соискателя вакантного места в организации. Выявлены следующие основные группы раздражителей, оказывающих негативное влияние на соискателя, как субъекта труда: визуальные; аудиальные, собственные представления соискателя; его воспоминания. Выявлены следующие основные негативные психогенные факторы, оказывающие влияние на эффективность трудоустройства: новизна обстановки; недостаток информации; дефицит времени, высокая ответственность за результат поиска вакансии, неопределенность, совмещение нескольких видов деятельности одновременно.

С целью сравнения психологического состояния ИТР предпенсионного возраста, проведено сравнительное эмпирическое исследование групп «работают» и «безработные». Были сформированы две группы ИТР предпенсионного возраста. Группа «работающих» в составе - 46 ИТР, работающих на предприятиях Москвы и Московской области. Группа «безработные» в составе 45 человек, состоящих на учете в службе занятости города Москвы как безработные.

Для определения психологических препятствий трудоустройства выбраны следующие методики: «Шкала удовлетворённости жизнью (SWLS),

Е. Динер»; «Мотивация на достижение успеха (Т. Элерс)»; «Мотивация на избегание неудач (Т. Элерс)»; «Шкала тревоги Ч. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, STAI»; «Тест жизнестойкости С. Мадди»; «Локус контроль» (Дж. Роттера)», как наиболее соответствующие на наш взгляд поставленной задаче.

Сравнительные испытания показали, что средние показатели удовлетворенности жизнью, мотивации достижения успеха, жизнестойкости в группе «работающие» значительно выше, чем аналогичные показатели в группе «безработные». Средние показатели мотивации избегания неудач, ситуационной и личной тревожности в группе «работающие» ниже аналогичных показателей группы «безработные». Сравнение средних показателей групп приведено в таблице 1.

Таблица 1 - Средние показатели групп «Работают» и «Безработные»

	Удовлетворенность (7-35)	Мотивация		Тревожность		Жизнестойкость			Локус контроля		
		Достижения успеха (0-32)	Избегания неудач (0-30)	Ситуационная (20-80)	Личная (20-80)	Жизнестойкость (0-135)	Включенность	Контроль	Риск	Интернальный (0-100%)	Экстернальный (0-100%)
Работают	27	18	17	33	36	99	44	35	20	57	43
Безработ.	14	16	23	46	53	63	28	22	12	47	53

Размерность данных в таблице разная в зависимости от методик, поэтому сравнение показателей групп корректно только в рамках применяемых соответствующих методик. Также в рамках применения методик дана оценка соответствующих показателей.

Средние значения групп «работают» и «безработные» по критерию Стьюдента (t-тест) в двух группах не равны. Из описаний методик также следует, что средние значения показателей в группах «работают» и «безработные» лежат в соседних областях. Например, удовлетворенность жизнью в группе «работают» - выше средней, а в группе «безработные» – ниже средней. И так с другими исследованными показателями. Вывод: общее психологическое состояние в группе безработные более тревожное, чем в группе работают. Необходима программа психологической помощи в трудоустройстве безработным ИТР предпенсионного возраста.

При разработке программы использовались теоретические исследования закономерностей профессионального развития субъекта труда, профессиональных кризисов на жизненном пути личности, исследования стресса и тревожности, исследования мотивации трудовой деятельности, исследования подходов к поиску работы, исследования по специфике и психологическому анализу инженерно-технической деятельности.

Программа состоит из блоков. Блока профессиональной подготовки (БПП), в свою очередь состоящего из раздела обучения методам трудоустройства, и раздела моделирования психогенных факторов на этапах трудоустройства и их преодоления. Блок воздействия на сознательную сферу психики (ССП) предназначен для обучения преодолению психогенных факторов во время трудоустройства. Блок воздействия на бессознательную сферу психики (БСП) предназначен для формирования устойчивости бессознательной сферы психики. Программа реализуется под руководством психолога, и обучает самостоятельной психологической работе соискателей.

Программа реализуется в формате групповых занятий в течение 5 недель (60 часов) три раза в неделю по четыре часа.

Для реализации и апробации программы психологической помощи были сформированы две группы из безработных ИТР предпенсионного возраста, стоящих на учете в службе занятости города Москвы, контрольная и экспериментальная, по 45 субъектов труда.

Обучение методам трудоустройства происходит в форме теоретических и практических занятий. Особое внимание уделяется моделированию психогенных факторов трудоустройства, как важного условия успешности их преодоления. Моделирование психогенных факторов состоит из неудобных вопросов, из создания дефицита времени, неудобного темпа, использование визуальных и звуковых раздражителей и др., на различных этапах.

В начале и в конце формирующего эксперимента проведено тестирование в контрольной и экспериментальной группах по вышеперечисленным методикам. Средние показатели психологического состояния в группах показаны в таблице 2. К1 и К2 – показатели контрольной группы в начале и в конце эксперимента, Э1 и Э2 – показатели экспериментальной группы в начале и в конце эксперимента.

Таблица 2 - Средние показатели групп: «контрольная 1»; «контрольная 2»; «экспериментальная 1»; «экспериментальная 2»

	Удовлетворенность	Мотивация		Тревожность		Жизнестойкость				Локус контроля	
		Достижения успеха	Избегания неудач	Ситуационная	Личная	Жизнестойкость	Включенность	Контроль	Риск	Интернальный	Экстернальный
Контр 1	14,1	15,6	22,5	45,9	52,0	63,3	27,6	22,8	12,4	48,4	51,8
Контр 2	14,0	15,7	22,6	46,9	51,9	63,3	27,5	22,8	12,5	48,5	51,8
Экспер 1	14,1	15,9	22,2	45,5	51,8	63,4	27,7	22,9	12,4	48,8	51,6
Экспер 2	21,8	20,1	16,1	35,0	38,2	93,9	41,8	33,4	18,6	51,0	49,4

Сравнение средних показателей экспериментальной группы в начале обучения по программе психологической помощи при трудоустройстве Э1 и в

конце обучения Э2 показало, что они статистически не равны. Средние показатели в группах К1, К2, Э1 статистически значимых различий не имеют.

Общий вывод по сравнению средних показателей в группах К1, К2, Э1 со средними аналогичными показателями группы Э2 – средние показатели удовлетворенности жизнью, мотивации достижения успеха и жизнестойкости увеличились, средние значения показателей мотивации избегания неудач и тревожности уменьшились. Что подтверждает выдвинутую гипотезу о необходимости психологической помощи при трудоустройстве безработных ИТР предпенсионного возраста.

Проверка корреляционных связей показателей показала, что наиболее сильная корреляционная связь по величине показателей и по степени связи наблюдается у показателей тревожности (ситуационной и личной) и жизнестойкости, что подтверждает предположение, что тревожность влияет на успешное трудоустройство рассматриваемой категории специалистов предпенсионного возраста.

Посмотрим итоги трудоустройства в экспериментальной и контрольной группах. В контрольной группе приглашения на работу получило 2 соискателя, в экспериментальной группе – 11, что в 5,5 раз больше. Это основной фактический итог работы по программе психологической помощи.

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам предварительного исследования мы видим, что безработные предпенсионного возраста основными препятствиями к трудоустройству считают: неуверенность, возраст, состояние здоровья, что косвенно подтверждает наличие у них психологических препятствий к трудоустройству.

Сравнительное эмпирическое исследование групп ИТР предпенсионного возраста «работающие» и «безработные», показало, что безработные ИТР предпенсионного возраста в процессе поиска работы находятся в состоянии большего нервного напряжения, чем их работающие коллеги, и им необходима психологическая помощь.

Результаты формирующего эксперимента по программе психологической помощи трудоустройству безработным ИТР предпенсионного возраста показали её эффективность. На программе соискатели научились современным методам трудоустройства: составлять рекламные документы, работать с сайтами, проходить собеседования с представителями работодателей, отвечая на неудобные вопросы и другие вызовы, преодолевать психологические барьеры прохождения этапов трудоустройства. Прохождение программы привело к росту активности, уверенности, жизнестойкости, мотивации на трудоустройство, к снижению тревожности.

Заключение

В современных условиях конкуренции за вакантные рабочие места и наличия возрастной дискриминации, когда работа не гарантирована и существуют объективные и субъективные психологические препятствия для трудоустройства субъектов труда предпенсионного возраста, необходимо быть к этому психологически готовым. Необходимо быть готовым к

повышению своих знаний и навыков, быть готовым к активному поиску интересной работы, приносящей удовлетворение [Гнездилов, 2002, с. 113].

Необходимо использовать сегодняшние благоприятные условия для трудоустройства, вызванные развитием экономики и промышленности, использовать дополнительный набор персонала с бесплатным обучением различным техническим специальностям. Как мы выяснили, кроме возрастных факторов, существуют субъективные психологические препятствия для трудоустройства этой категории соискателей вакантных мест, которые необходимо научиться преодолевать.

Предложенная и апробированная программа психологической помощи в трудоустройстве поможет реализовать трудоустройство безработными ИТР предпенсионного возраста, научит современным методам трудоустройства, обретению психологической устойчивости у данной категории безработных, что позволит им показать свои профессионально важные качества, заинтересовать работодателей и успешно трудоустроиться в условиях конкуренции.

Библиографический список литературы:

1. Амосов, Н. М. Энциклопедия Амосова: раздумья о здоровье / Н.М. Амосов.- М.: Диалектика, 2018. - 672 с.
2. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. / Б.Г. Ананьев — М. : Педагогика, 1980. — 229 с.
3. Анцупов, А. Я. Как избавиться от стресса : монография / А. Я. Анцупов. - М.: Проспект, 2015. – 224 с.
4. Вакарина, Е. А., Цифровизация как средство адаптации предпенсионеров в новых условиях трудовой деятельности / Е. А. Вакарина, А. Д. Емельянова, О. Ю. Корикина // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. Екатеринбург, 2021. - С. 14-17. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100239/1/978-5-7996-3275-5_2021_006.pdf , (дата обращения 04.24.2022г.).
5. Гнездилов, Г.В. Психологическое обеспечение поиска работы / Г. В. Гнездилов. – М.: СГА, 2002. - 113 с.
6. Гнездилов, Г. В. Психологическая помощь в трудоустройстве в предпенсионном возрасте в условиях цифровизации и экономических санкций / Г. В. Гнездилов, А. В. Рожкин, Н. Е. Левитан // Человеческий капитал. 2022. - 12(168). - Т.2. – С. 181-189.
7. Козлов, В. В. Психология пандемии. Монография / В.В. Козлов. - Ярославль, МАПН, РПФ «Титул», 2021, - 114с.
8. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.
9. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6. – EDN GUESMH.

10. Мазиллов, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазиллов ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.

11. Петровская, Н. Е. Возрастная структура занятости населения в России в условиях повышения пенсионного возраста / Н. Е. Петровская // Экономический анализ: теория и практика. 2019. – №1. – С. 54-63.

12. Разина, Т. В. Влияние стресса, вызванного защитой диссертации, на мотивацию научной деятельности, Институт психологии Российской академии наук. / Т. В. Разина // Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 60-85.

13. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

Розанов И.А., Ратникова В.Ю.

**АФФЕРЕНТНЫЙ СИНТЕЗ И ФОРМИРОВАНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПРИ ВОСПРИЯТИИ
ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Психологически иммерсивные среды – искусственно созданные информационные среды, которые создают эффект присутствия. К ним следует отнести и среды виртуальной реальности (VR). Под погружением в информационную среду следует отнести ощущение человеком своего физического присутствия в нефизическом мире, которое создается искусственно сформированными внешними зрительными образами, звуками или другими стимулами. При этом устройства VR формируют эту среду как динамически изменяющуюся в ходе интерактивного взаимодействия пользователя с этими установками, являющимися источниками искусственной афферентации. При воздействии на человека VR в процессе афферентного синтеза у человека формируется система психологических образов, порождённых VR. Опыт взаимодействия человека с предметами и объектами виртуальной среды, равно как и система психологических образов, не только оказывают влияние на текущее психоэмоциональное и функциональное состояние человека, но и могут быть перенесены на стили взаимодействия человека с предметами и явлениями объективной реальности – и на порождённые ею психологические образы.

Psychologically immersive environments are artificially created information environments that create a presence effect. These include virtual reality (VR) environments. Immersion in the information environment should include a person's feeling of their physical presence in the non-physical world, which is created by

artificially formed external visual images, sounds or other stimuli. At the same time, VR devices form this environment as dynamically changing during the user's interactive interaction with these installations, which are sources of artificial afferentation. When a person is exposed to VR in the process of afferent synthesis, a system of psychological images generated by VR is formed in a person. The experience of human interaction with objects and objects of the virtual environment, as well as the system of psychological images, not only have an impact on the current psycho-emotional and functional state of a person, but can also be transferred to the styles of human interaction with objects and phenomena of objective reality - and the psychological images generated by it.

Ключевые слова: виртуальная реальность, психология восприятия, афферентный

Keywords: virtual reality, psychology of perception, afferent synthesis.

ВВЕДЕНИЕ

Эффект погружения – ключевая черта виртуальной реальности, отличающая её от других типов мультимедиа (которые тоже обладают способностью вызывать развитие этого эффекта, но не в такой мере, как VR) [12]. Виртуальная реальность – это объективно, материалистически существующий процесс восприятия человеком специальной программы, которая с помощью технических средств создаёт сильно выраженный эффект присутствия, при котором происходит перенос внимания человека на события, разворачивающиеся в виртуальном мире [7]. Т.о., виртуальная реальность – эффе́номен, связанный с восприятием цифровых сред, вызывающих развитие эффекта присутствия. Это показывает значимость эффекта погружения как ключевой характеристики VR [4].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая работа носит обзорный характер. В основу исследования положены как наши собственные экспериментальные данные, отраженные в прошлых публикациях, так и системный анализ отечественной и зарубежной литературы, напрямую или косвенно связанной с психологией виртуальной реальности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ литературных данных и ретроспективный анализ результатов собственных экспериментов позволил нам ближе подойти к пониманию механизма развития эффекта погружения, возникающего при восприятии человеком VR. Последовательность событий, приводящих к развитию эффекта погружения такова:

1. На сенсорные системы человека начинает воздействовать потоки искусственной афферентации. Число этих потоков равняется числу модальностей, доступных конкретной установке виртуальной реальности. Как правило, модальностей две – визуальная (зрительная) и аудиальная (слуховая).

2. Потоки искусственной афферентации, связанные с восприятием объективной реальности, постепенно вытесняются потоками искусственной афферентации, связанными с ВР.

3. Происходит афферентный синтез информации, поступающей в головной мозг через сенсорные системы; внимание человека переключается с объективной реальностью на виртуальную реальность.

4. Заканчивается формирование психологических образов, порождённых ВР. Происходят процессы психического отражения.

5. Развивается эффект погружения. Формируется психологический образ (система психологических образов). Эти образы наделяются смыслом и значением (семантической мерой) с точки зрения воспринимающего субъекта.

Эффект погружения, который возникает при взаимодействии пользователя с виртуальной реальностью, включает в себя три компоненты [12]. 1) Тактическое погружение, которое достигается при выполнении человеком механических операций, требующих наличия определённых навыков. К примеру, захват клюшки рукой при игре в гольф, или способы взаимодействия с ракеткой при игре в теннис. При этом виртуальная реальность воспринимается подобно набору предложений из неоконченных и назывных предложений, описывающих качества среды, её характер и вид, а также способы взаимодействия с ней. 2) Стратегическое погружение, связанное с когнитивными процессами и формированием поведенческой стратегии, которая должна, по мнению человека, «погруженного» в ВР, привести к достижению цели [11]. К примеру, шахматисты испытывают стратегическое погружение, выбирая правильное решение из множества комбинаций дальнейших ходов. В данном случае психологически иммерсивная среда и взаимодействие пользователя с ней подобны набору законченных предложений, описывающих этапность действий человека в виртуальной среде. 3) Наконец, высшая степень погружения – это погружение в повествование, которое наблюдается, когда человек погружается в смысловые аспекты сценария компьютерной игры или виртуальной среды. Этот вид погружения подобен тому, что происходит с человеком при чтении книги или просмотре фильма [8, 12]. С точки зрения семантики в данном случае опыт взаимодействия человека с виртуальной средой может быть описан (и воспринят человеком) как последовательность предложений, являющихся завершённым текстом, имеющим начало и конец, «завязку» и «развязку», фабулу.

Трактовки понятия «иммерсивность» разнятся, но не вызывает сомнения то, что иммерсивность материально существует. Нередко под психологически иммерсивными средами, создающими эффект «погружения», априорно подразумеваются любые интерактивные компьютерные программы в виртуальной реальности [16]. В ряде отечественных исследований недавнего времени вводится понятие «виртуальной реальности высшего типа» – интерактивной среды, сгенерированной с помощью современных шлемов ВР с широкими углами обзора, обладающими возможностью воздействовать на зрительные, слуховые и тактильные анализаторы [10]. Общность этих

подходов заключается в том, что иммерсивность является эффектом, обязательно сопровождающим воздействие виртуальных сред на человека (разумеется, при отсутствия у него индивидуальной невосприимчивости VR). Согласно данным последних исследований, были установлены нейрофизиологические корреляты восприятия психологических иммерсивных сред – таких, как виртуальная реальность. Они имеют отношение к префронтальной коре больших полушарий. Лабораторные и экспериментальные данные, собранные независимыми исследователями, показывают нам материальность существования виртуальной реальности и объективность (материальность) существования эффекта присутствия.

АФФЕРЕНТНЫЙ СИНТЕЗ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Афферентация – это постоянный поток нервных импульсов, поступающих в центральную нервную систему от органов чувств, воспринимающих информацию. Эти импульсы поступают как от внешних раздражителей, так и от внутренних органов. Очевидно, что в случае виртуальной реальности речь идёт о том, что внешние источники информации заменяют естественную афферентацию на искусственную, созданную этими источниками. Это и порождает развитие психофизиологических эффектов виртуальной реальности, включая и эффект присутствия. Афферентный синтез – это анализ совокупности информационных сигналов, поступающих в центральную нервную систему и дающих основание принять решение о возможном поведении. Виртуальная реальность создаёт несколько потоков афферентации, количество которых зависит от числа модальностей, то есть от числа сенсорных систем человека, на которых воздействует VR. Эти информационные потоки подвергаются афферентному синтезу. В итоге этого синтеза развивается эффект присутствия и другие психофизиологические эффекты, связанные с восприятием VR [9]. Исходя из этого, эффект погружения – это психологическое явление, возникающее в процессе афферентного синтеза, при котором человек ощущает, что он присутствует в ином месте или даже другой реальности, несмотря на то что он находится физически в другом (реальном) месте. Этот эффект может быть вызван виртуальной реальностью, гипнозом, медитацией или другими способами. Он может быть полезен для устранения психологических проблем, лечения психических расстройств или для создания иммерсивного опыта при обучении конструировании тренажёрных систем, а также в играх и других формах развлечений.

Степень выраженности эффекта погружения зависит от числа модальностей воздействия виртуальной реальности – т.е. от числа каналов афферентации, порождённой техническими средствами VR, подвергающихся в процессе формирования психологических образов афферентному синтезу. В частности, в контрольной и в экспериментальной группах нами было выявлено, что при кратковременном сочетанном воздействии гипогравитации и VR был более выражен эффект погружения и положительные

микроизменения эмоциональной сферы, чем у этих же обследуемых с тем же контентом ВР без погружения в ванну «сухой» иммерсии, моделирующей воздействие на человека. Продолжительность сеансов ВР в сухой иммерсии росла по сравнению с сеансами без погружения. Можно сделать осторожный вывод, что дополнительная модальность (безопорное состояние моделируемой гипогравитации) повышает выраженность эффекта погружения и положительного воздействия ВР. Эти предварительные данные могут быть использованы при организации процедур релаксационной направленности (иммерсия, флоатинг), при создании тренажеров (симуляция внекорабельной деятельности космонавта с обезвешиванием тела, сочетанная с ВР в изоляционных экспериментах и др.).

Степень выраженности эффекта погружения является объективно измеримой величиной. В то же время пока что не существует единого объективного интегративного показателя, отражающего степень выраженности этого эффекта. Однако существуют как методы изучения субъективной оценки человеком степени выраженности психологического погружения, так и корреляты этого эффекта – объективные психофизиологические и психоэмоциональные критерии, которые могут быть объективно измерены.

Эффект погружения традиционно в литературе относят к сенсомоторной группе эффектов, возникающих при восприятии виртуальной реальности. Другие группы эффектов взаимосвязаны и обусловлены воздействием на психику искусственных потоков афферентации, а так же развитием эффекта погружения. Эти группы включают в себя: когнитивные эффекты (связанные с воздействием ВР на мыслительные способности [1] и операторскую деятельность [2]), эмоциональные эффекты [18, 19], психофизиологические эффекты (влияние ВР на биохимию крови, прежде всего кортизол и ДГЭА, на характер двигательной активности и сон) и вестибулярные эффекты (развитие кибер-укачивания, которое наступает лишь в ограниченном ряде случаев).

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА, ВОЗНИКАЮЩЕГО ПРИ ВОСПРИЯТИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Опыт изучения эффекта погружения, возникающего при восприятии виртуальной реальности, и изучение его психофизиологических коррелятов позволяют в первом приближении определить структуру психологических образов, формируемых под воздействием психологически иммерсивных сред. Мы можем предположить, что психологические образы, формирующиеся у человека при восприятии им виртуальной реальности, имеют структуру, состоящую из трёх компонент: 1) зрительная компонента, 2) знаковая компонента, 3) достраиваемая компонента.

Зрительная компонента психологического образа, формируемая у человека, погружённого в виртуальную реальность, обусловлена мощным воздействием технических средств порождения виртуальной реальности на зрительный анализатор. Отметим, что ключевое свойство установок виртуальной реальности, таких как шлемы ВР, заключается в их способности

вытеснять естественную афферентацию по зрительному каналу восприятия, постепенно заменяя её на искусственную, порождённую техническими цифровыми средствами.

При этом воздействии на зрительный анализатор отдельные графические структуры виртуальной реальности, без учёта всей новизны виртуальной среды, могут восприниматься человеком как символы и знаки с психологической точки зрения [6]. Это и есть знаковая компонента психологического образа, порождённого виртуальной реальностью. Таким образом, даже отдельные элементы виртуальной среды могут быть сразу «опознаны» человеком и наделены им значением и смыслом (т.е. семантикой).

Показано, что виртуальная реальность обладает качеством экологической валидности. Отдельные компоненты виртуальной среды соотносятся с соответствующими объектами и явлениями объективной реальности как карта и территория, как модель и оригинал [10]. Например, прорисованный в виртуальной реальности камин с пламенем будет «опознаваться» пользователем ВР как камин с пламенем, при условии если этот человек в ходе своего прежнего опыта чувственного восприятия уже сталкивался когда-либо с настоящим камином. Таким образом, анализируя предметы, объекты и явления в виртуальной реальности, сопоставляя их с накопленным опытом восприятия аналогичных объектов и предметов из объективной реальности, человек как бы «достраивает» систему психологического образа [6], порождённого виртуальной реальностью [15]. Достраиваемая компонента психологического образа, возникающего при восприятии человеком виртуальной реальности, может являться процессом переноса имеющегося опыта восприятия реальных предметов и объектов на объекты виртуальные. Этот «трансфер» реального опыта на виртуальный и обуславливает способы интерактивного взаимодействия человека с виртуальной средой. Например, увидев в виртуальной реальности дверную ручку, очень похожую на дверную ручку из объективной реальности, человек сопоставит реальный и виртуальный опыт, «достроит» виртуальный образ двери с ручкой и наверняка попытается открыть эту дверь, потянув за ручку [13]. «Достраивание» психологического образа виртуальной реальности накопленным опытом чувственного восприятия и взаимодействия с предметами из объективной реальности и делает этот психологический образ завершённым. Завершение построения психологического образа, порождённого виртуальной реальностью, позволяет, с точки зрения семантической интерпретации эффекта погружения, перейти от тактического погружения к стратегическому погружению и далее – к погружению в повествование.

Наличие нескольких компонент психологического образа, формируемого под воздействием виртуальной среды, может быть объяснено с позиций теории двойного кодирования памяти А. У. Пайвио [17]. Согласно этой теории, обработка визуальной и вербальной информации требует наличия разных систем в мозге, двух разных кодов [14]. Визуальный код обеспечивает решение задач одномоментного пространственного плана

(события разворачиваются здесь и сейчас, в конкретной точки времени). Вербальный код обеспечивает решение абстрактных задач, связанных с символиккой и расположенных по шкале времени [3]. Существует четыре уровня организации процессов памяти: первоначальная обработка сенсорной информации в оперативной памяти, обмен информации с долговременной памятью, построение ассоциаций с похожими образами из следов долговременной памяти, и, наконец, взаимодействие вербальной и невербальной системы [17]. Эта теория, которая находит своё экспериментальное и нейрофизиологическое подтверждение [14], может объяснять комплексную природу психологических образов, формируемых у человека в виртуальной реальности, а также может быть полезна для понимания взаимоотношений между компонентами этого образа.

Пришедший из гештальт-психологии принцип завершения образа (замкнутости или закрытия) гласит, что человек будет заполнять «пробелы» в воспринимаемом им объекте, чтобы воспринимать целостный объект, всякий раз, когда внешний стимул частично совпадает с этим объектом [17]. Данный принцип подходит к третьей компоненте психологического образа, формируемого у человека в виртуальной реальности. Даже при дефиците информации об объекте (в частности, об объекте в психологически иммерсивной среде), человек стремится разобраться в окружающей среде, содержащей этот объект, заполняя «пробелы». Это необходимо для того, чтобы увидеть объект целиком. Это «распознавание» (или «достраивание») образов происходит автоматически. Принцип завершенности описывает склонность человека воспринимать сегментированные визуальные элементы как законченные или целые объекты, даже в условиях фрагментарности информации. Этот принцип, как мы полагаем, следует учитывать и при разработке виртуальных сред (прежде всего дидактических), так и при анализе поведения человека в виртуальной среде.

Отметим, что завершенность этапов развития погружения в виртуальную реальность и комплексность порождённых виртуальных сред психологических образов зависит от качеств самой среды. Согласно В.В. Селиванову, существует три уровня виртуальной реальности: первичный (без электронных носителей), вторичный (с электронными носителями, но со слабой иммерсивностью), высший (искусственная информационная реальность, максимально приближенная к обычной реальности с помощью электронных носителей, специальных программ, с высокой степенью иммерсивности) [10]. Эти три уровня можно условно связать с описанными выше тремя компонентами психологического образа, формируемого виртуальной реальностью. Виртуальная реальность первого типа приводит к развитию преимущественно зрительной компоненты образа, а виртуальная реальность второго типа способствует развитию и зрительной, и знаковой компоненты психологического образа. Резонно предположить, что виртуальная реальность высшего типа при интерактивном взаимодействии человека с ней будет приводить к формированию комплексного психологического образа (системы образов) и развитию выраженного эффекта

погружения третьего этапа – этапа погружения в повествование.

ВЫВОДЫ

1. Развитие эффекта погружения при восприятии человеком виртуальной реальности включает в себя следующие этапы: на сенсорные системы человека начинает воздействовать потоки искусственной афферентации; потоки искусственной афферентации, связанные с восприятием объективной реальности, постепенно вытесняются потоками искусственной афферентации, связанной с ВР; происходит афферентный синтез информации, поступающей в головной мозг через сенсорные системы и внимание человека переключается с объективной реальностью на виртуальную реальность; происходят процессы психического отражения; развивается эффект погружения и формируется психологический образ (система психологических образов). Взаимосвязь между этапами, приводящими к развитию эффекта погружения при восприятии ВР, осуществляется с помощью афферентного синтеза.

2. Психологический образ (или система психологических образов), возникающий при восприятии ВР, включает в себя три компоненты: зрительная, знаковая, достраиваемая.

3. ВР высшего типа при интерактивном взаимодействии человека с ней будет приводить к формированию комплексного психологического образа (системы образов) и развитию выраженного эффекта погружения третьего этапа – этапа погружения в повествование.

4. Степень выраженности эффекта погружения зависит от количества модальностей виртуальной реальности, то есть от числа потоков афферентации, суммирующихся в процессе афферентного синтеза. Было установлено, что дополнительная модальность (безопасное состояние моделируемой гипогравитации) повышает выраженность эффекта присутствия и положительного воздействия ВР; предварительные данные могут быть использованы при организации процедур релаксационной направленности (иммерсия, флоатинг), при создании тренажеров (симуляция внекорабельной деятельности с обезвешиванием тела, сочетанная с ВР в изоляционных экспериментах и др.).

Литература

1. Аверин В.А., Маликова Т.В., Кириллов Д.С., Земских Ф.В. Развитие когнитивных навыков с помощью технологий виртуальной реальности // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017 Т.7. Вып. 2. С. 154-169. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.205

2. Белозеров С.А. Виртуальные миры: анализ содержания психологических эффектов аватар-опосредованной деятельности // Экспериментальная психология. 2015. № 2. С. 94-105.

3. Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л. Мозговые коды психической деятельности. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 65 с.

4. Браславский П.И. Технология виртуальной реальности как феномен культуры конца XX – начала XXI веков: дис. канд. культурологии. Екатеринбург, 2003. 163 с.
5. Браславский П.И. Театр и виртуальная реальность: предпосылки и перспективы конвергенции // Исследовано в России. 2003. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatr-i-virtualnaya-realnost-predposylki-i-perspektivy-konvergentsii> (дата обращения: 15.01.2024).
6. Завалова Н.Д., Пономаренко В.А. Специфика психического образа, регулирующего действия человека в условиях искажений афферентации // Вопросы психологии. 1984. №2, С. 26–35.
7. Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войкунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. №1. С. 54-62.
8. Игнатьева М.Б., Никитин А.В., Войкунский А.Е. Архитектура виртуальных миров // Вестник Московского университета. 2008. №1. С. 22-36.
9. Кирик Т.А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. 134 с. 12.
10. Селиванов В.В. Психология виртуальной реальности. Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 152с.
11. Сильченко В.Ю. Формы реализации аватара в виртуальном пространстве // Вестник МГУКИ. 2021. №6. С. 82-88.
12. Baños R.M., Botella C., Garcia-Palacios A. et al. Presence and reality judgment in virtual environments: a unitary construct // Cyberpsychol Behav. 2000. V. 3 (3). P. 327-335.
13. Bjork S. Patterns in game design // Computer games - Programming. 2005. <https://archive.org/details/patternsingamede0000bjor>
14. Dubrovski D.I. The Decipherment of Codes: Methodological Aspects of Problem// Journal of the Theory of Social Behaviour. 1987. №17 (1). PP. 1-19.
15. Lewin Kurt. Grundzüge der topologischen Psychologie. Posthume deutsche Ausgabe, hrsg. von R. Falk & F. Winnefeld. Bern: Huber. 1969.
16. Mahmoud K., Yassin H., Hurkxkens T.J. Does Immersive VR Increase Learning Gain When Compared to a Non-immersive VR Learning Experience? // Learning and Collaboration Technologies. Human and Technology Ecosystems. 2020. July. P.480—498. DOI: 10.1007/978-3-030-50506-633.
17. Paivio A. Mental representations: a dual coding approach. Oxford Press, 1986.
18. Rozanov I.A., Ryumin O., Karpova O., Shved D., Savinkina A., Kuznetsova P., Diaz Rey N., Shishenina K., Gushin V. Applications of methods of psychological support developed for astronauts for use in medical settings. Front. Physiol. 2022.V 13.
19. Shved D., Kuznetsova P., Rozanov I., Lebedeva S., Vinokhodova A., Savinkina A., Gushin V.. Effects of isolation, crowding and different psychological

Саркисова Е.И.

ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения психической устойчивости комбатантов. Дается определение понятия "психическая устойчивость". Рассмотрены аппаратные, фармакологические и психологические технологии повышения психической устойчивости. Подчеркивается необходимость дальнейших исследований и активного практического внедрения данных технологий.

Ключевые слова: психическая устойчивость, военная психология, психологическая поддержка, боевой стресс.

Annotation. The article deals with the problem of ensuring mental stability of Russian servicemen. The author analyzes the state of the issue and notes the absence of a comprehensive system of formation of stress resistance of combatants in Russia. The definition of the concept of "mental stability" is given. Hardware, pharmacological and psychological technologies for increasing mental stability are considered. The necessity of further research and active practical implementation of these technologies is emphasized.

Key words: mental stability, military psychology, psychological support, combat stress.

Введение. Война - это переломное и трагическое событие в жизни не только отдельно взятого человека, но и целых народов. Именно война ставит вопросы жизни и смерти, заставляет кардинально менять систему ценностей, оказывая неимоверное давление на личность. Война представляет собой экстремальный стрессогенный фактор, способный привести к глубоким личностным изменениям и расстройствам психики у комбатантов. Согласно исследованиям в области военной психологии, у 30-40% военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, развиваются стойкие пограничные психические расстройства [Караяни, 2016]. В силу высоких психоэмоциональных и физических нагрузок у военных в зоне боевых действий происходит истощение адаптационных ресурсов организма, что приводит к снижению психической устойчивости и боеспособности.

Таким образом, проблема поддержания и восстановления психического здоровья и стрессоустойчивости военнослужащих является чрезвычайно актуальной как с гуманитарной, так и с оборонной точки зрения. Однако комплексный и системный подход к ее решению до сих пор отсутствует. В данной статье на основе обзора российских и зарубежных источников рассматриваются перспективные методы повышения психической

устойчивости комбатантов - аппаратные, психофармакологические и психокоррекционные.

Цель. Рассмотреть существующие технологии повышения психической устойчивости военнослужащих и классифицировать их.

В первую очередь следует дать определение термину «психическая устойчивость». В отечественной и зарубежной литературе интерпретации данного понятия разнообразны, однако, как правило, под психической устойчивостью понимается интегральное свойство личности, характеризующееся способностью выдерживать значительные психические нагрузки, сохраняя адекватную поведенческую регуляцию и эффективность деятельности [Жожикашвили, 2021; Майорова, 2015, с. 83-90].

К основным составляющим психической устойчивости военнослужащих относят:

- эмоционально-волевою регуляцию [Рытенкова, 2015, с. 106-116];
- стрессоустойчивость [Рытенкова, 2015, с. 106-116];
- сформированность механизмов психологической защиты [Фомина, 2020, с.69];
- мотивацию военно-профессиональной деятельности [Сысоев, 2022, с.183].

Согласно исследованиям Китаева-Смыка, признаками нарушений психической устойчивости являются: дезорганизация поведения, нарушения сна, повышенная раздражительность и агрессивность, проблемы с концентрацией внимания, падение мотивации, склонность к злоупотреблению ПАВ [Китаев-Смык, 2016, с. 500].

Как подчеркивают исследования Н. В. Зелениной и др. в области военной психологии, подавляющая часть российских военнослужащих – более 55% - относятся к категории психически устойчивых личностей, тем не менее, остальные 45% принадлежат к группе риска [Зеленина, 2022, с. 77-83]. По разным данным, от 10 до 25% всех самоубийств совершают ветераны войн, при этом более 30% всех ветеранов испытывают суицидальные мысли [Ruiz, 2023].

Целенаправленное повышение стрессоустойчивости и адаптационных возможностей военнослужащих позволит значительно снизить число аутоагрессивных инцидентов среди них. Для этого существует несколько технологий повышения психической устойчивости.

Первые из них – аппаратные методы – основаны на использовании различных технических устройств и приборов, с помощью которых осуществляется целенаправленное физиологическое и психоэмоциональное воздействие на организм человека. Это позволяет активизировать естественные механизмы саморегуляции, улучшить работу мозга, оптимизировать психические процессы.

К аппаратным методикам относятся различные виды электростимуляции мозга, воздействие магнитными полями

(транскраниальная магнитная стимуляция), свето-звуковая стимуляция, электросон и другие. В их основе лежит применение слабых физических раздражителей (электрический ток, магнитное поле, световые импульсы и т.д.) для индуцирования нервных импульсов в структурах головного мозга.

За счёт стимуляции определённых зон коры головного мозга можно добиться активации соответствующих отделов мозга и нейромедиаторных систем. Это помогает скорректировать нарушенные физиологические и психологические процессы, повысить нейропластичность, улучшить регуляцию стрессового ответа организма.

Несение службы в экстремальных условиях приводит к перегрузкам и истощению адаптационных ресурсов организма у военных. Это проявляется в снижении внимания, нарушениях сна, повышенной тревожности, ослаблении самоконтроля.

В таких условиях применение аппаратных методик позволяет эффективно восстановить психофизиологический статус военнослужащих и повысить их стрессоустойчивость. С помощью технических устройств осуществляется стимуляция ключевых отделов мозга, отвечающих за регуляцию эмоций, когнитивных функций, мотивационных и волевых процессов.

Наиболее перспективными для применения в полевых условиях являются методики транскраниальной магнитной стимуляции. Транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) основана на создании быстроменяющихся магнитных полей, которые проникают через кости черепа и вызывают электрические токи в определенных участках мозга [Никитин, 2003, с. 378]. Это приводит к деполяризации нейронов и модуляции мозговой активности.

Считается, что ТМС оказывает тонизирующее и стимулирующее действие за счёт активации систем мозга, отвечающих за выработку "гормонов стресса" - норадреналина, дофамина, серотонина. Это способствует повышению физической и умственной работоспособности, улучшению настроения. Продолжительность сеанса ТМС составляет 15-20 минут, курс - 10-15 процедур. Проводится стимуляция префронтальной и височной коры головного мозга - областей, отвечающих за когнитивный контроль, регуляцию эмоций и формирование ответа на стресс.

Такие аппаратные воздействия различной стимуляции (от 1 до 20 Гц), согласно зарубежным эмпирическим исследованиям более 800 военных, позволяют ускорить восстановление боеспособности и выносливости у уставших военнослужащих, снять последствия стресса и предотвратить развитие более серьёзных расстройств [Exley, 2022].

Кроме того, как подчеркивают зарубежные исследования, ТМС также эффективна при лечении контузии военнослужащих и сложных посттравматических стрессовых расстройств (ПСТ) у ветеранов [Oberman, 2020; Shenasa, 2023]. Тем не менее, данные технологии слабо изучены, что означает необходимость их исследования для подтверждения эффективности этого инструмента.

Не менее благоприятными являются различные варианты электросна (электростимуляция головного мозга во время сна), аудиовизуальная стимуляция с помощью пульсирующих световых и звуковых сигналов. Такие методики, как газовые ванны, оксигенотерапия (лечебное применение кислорода под давлением), гальванизация (стимуляция кровотока постоянным эл. током) могут применяться для восстановления психологической устойчивости у военнослужащих с ПТСР [4].

Другим методом является медикаментозный метод [Дьяконов, 2018, с. 239], или фармакологическая коррекция, которая представляет собой применение лекарственных препаратов для восстановления функционального состояния и работоспособности военнослужащих, повышения их психологической устойчивости [4].

Как подчеркивается в научной литературе, фармакологическая коррекция эффективно применялась для купирования боевого стресса, коррекции астено-депрессивных состояний, адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности у комбатантов разного боевого опыта - Вьетнам, Афганистан, Чечня [Караяни, 2021, с. 259]. При этом важную роль играет плацебо-эффект – субъективная установка пациента на ожидаемое действие препарата, которая может либо усилить, либо ослабить его терапевтический эффект.

Для коррекции психоэмоциональных нарушений и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) используются транквилизаторы (анксиолитики), антидепрессанты и метаболические средства.

Транквилизаторы обладают успокаивающим и противотревожным действием, нормализуют сон и вегетативные функции, повышают настроение и работоспособность. Они подразделяются на препараты с преимущественно седативным (феназепам, нитразепам, лоразепам) и стимулирующим (гидроксизин, диазепам, тофизопам) действием [4]. Курс лечения транквилизаторами составляет от 1 до 2 недель.

Применение сбалансированного курса транквилизаторов (бензодиазепинового ряда), как показывают отечественные исследования, повышает в 1,6 раз долю комбатантов с высокой нервно-психологической устойчивостью, со средней – в 1,2 раза; при этом данная фармакологическая коррекция более, чем в 2 раза, уменьшает количество военнослужащих с низкой психологической устойчивостью и личностной тревожностью [Малашенко, 2008, с. 83-90].

Антидепрессанты воздействуют на сниженное настроение и апатию, восстанавливают нормальный сон, активность и психическую функциональность. По характеру действия они делятся на препараты с дополнительным седативным), сбалансированным) и стимулирующим) компонентами [4].

Согласно исследованию С. Г. Сукиасяна и др., в ходе которого была применена программа лечения антидепрессантами участников боевых действий в Карабахе, в совокупности с образовательными семинарами, консультированием, психотерапией и мероприятиями по реабилитации в

семье и обществе психическая устойчивость ветеранов повысилась в несколько раз [Сукиасян, 2010].

К метаболическим средствам относятся поливитамины, антигипоксанта, ноотропы, аминокислоты и адаптогены растительного происхождения (настойки женьшеня, элеутерококка) [4]. Они применяются короткими курсами до 2 недель. их положительный эффект – повышение психической устойчивости после боевых травм, ранений и заболеваний комбатантов [Дьяконов, 2018, с. 239].

Таким образом, существует широкий арсенал фармакологических технологий, позволяющих эффективно повышать психическую устойчивость и восстанавливать боеспособность военнослужащих с учетом индивидуальных особенностей состояния каждого пациента.

В отличие от аппаратных и фармакологических методов, психологические технологии являются наиболее действенными и результативными. Это связано с тем, что они позволяют воздействовать непосредственно на психоэмоциональную сферу военнослужащих, выявлять и анализировать особенности личности, прорабатывать уязвимые зоны и формировать стрессоустойчивые паттерны поведения.

Ниже отображена подробная таблица с технологиями повышения психической устойчивости военнослужащих на основе изученной литературы в области военной психологии (табл. 1) [Караяни, 2016; 4; Корчемный, 2023, с. 285-295; Дьяконов, 2020, с. 69].

Таблица 1

*Психологические технологии повышения психической устойчивости
военнослужащих*

Технология	Описание	Применение и повышение психической устойчивости
Рациональная психотерапия	Метод психологического воздействия, основанный на логическом убеждении и переубеждении пациента. Проводится в форме директивной беседы, в которой психолог разъясняет механизмы возникновения ПТСР, убеждает в нормальности и распространенности такой реакции, а также в неизбежности выздоровления при правильном поведении и мышлении. Используются	Применяется при ПТСР, когда необходимо скорректировать неправильные представления пациента о своем состоянии. Позволяет нормализовать отношение к болезни, убедить в возможности выздоровления, что повышает стрессоустойчивость.

	<p>средства убеждения, разъяснения, ободрения. Продолжительность сеансов небольшая.</p>	
Аутотренинг	<p>Метод самовнушения в состоянии релаксации (низшая ступень) или легкого гипнотического транса (высшая ступень). Включает стандартный набор упражнений по самовнушению тепла, тяжести, регуляции дыхания и сердцебиения. Также может включать визуализацию. Курс - около 3 месяцев.</p>	<p>Применяется для снижения тревожности, нормализации вегетативных функций, развития стрессоустойчивости. За счет восстановления гомеостаза позволяет повысить общую психическую устойчивость.</p>
Систематическая десенсибилизация	<p>Метод, основанный на постепенном в воображении приближении к вызывающим страх ситуациям на фоне мышечной релаксации. Предварительно составляется иерархия страхов. Каждая ступень проигрывается до исчезновения тревоги.</p>	<p>Применяется при фобиях, панических атаках. Позволяет постепенно привыкнуть и перестать реагировать страхом на травмирующие ситуации, что повышает психическую устойчивость.</p>
Иммерсия	<p>Метод поведенческой терапии, заключающийся в реальном предъявлении объектов или ситуаций, вызывающих страх, без предварительной релаксации. Может использоваться иерархия страхов.</p>	<p>Применяется при фобиях легкой и средней степени выраженности, позволяет привыкнуть к вызывающим страх объектам и ситуациям, снижая их влияние на психику.</p>
Парадоксальная интенция	<p>Метод, заключающийся в преднамеренном повторении действий, вызывающих страх, но с юмором и в необычном контексте. Пациент сам выбирает, когда и как</p>	<p>Применяется при навязчивых страхах, фобиях. Позволяет взять под контроль свой страх, перестать его бояться, что повышает психическую устойчивость.</p>

	осуществлять эти действия.	
Аутогенная нейтрализация	Методы отреагирования и вербализации психотравмы в состоянии аутогенной релаксации. Происходит "проигрывание" травмирующих воспоминаний с эмоциональной разрядкой.	Применяется при возникновении болезненных воспоминаний, кошмарах. Приводит к нейтрализации психотравмы и улучшению состояния.
Нервно-мышечная релаксация	Метод, основанный на сознательном чередовании напряжения и расслабления различных мышечных групп. Выполняется поэтапно от мышц конечностей до мышц лица. Курс - 3-6 месяцев.	Применяется при повышенной тревожности, страхах. За счет выработки "привычки к расслаблению" снижает возбудимость, повышает стрессоустойчивость.
Аутогенная терапия памяти	Метод многократного проигрывания психотравмирующих воспоминаний в состоянии аутогенной релаксации до эмоциональной разрядки и ослабления их влияния.	Применяется при навязчивых воспоминаниях, "вспышках" памяти. Приводит к нейтрализации травматического опыта и улучшению состояния.
Когнитивная психотерапия	Метод, направленный на выявление и изменение негативных установок, искаженных представлений, связанных с психотравмой. Использует приемы переубеждения и коррекции мышления.	Применяется при ПТСР для коррекции неадаптивных мыслей и реакций. Позволяет оптимизировать когнитивные процессы и повысить психическую устойчивость.
Поведенческая психотерапия	Метод коррекции поведения, основанный на принципах обусловливания. Направлен на выработку новых адаптивных форм реагирования вместо дезадаптивных. Использует методы	Применяется при ПТСР для коррекции избегающего, агрессивного или другого неэффективного поведения. Позволяет оптимизировать формы реагирования, повышая адаптацию и устойчивость.

	моделирования, подкрепления желаемого поведения.	
--	--	--

Кроме того, большое значение имеет групповая психокоррекционная работа, позволяющая сформировать чувство принадлежности, поддержки и осознания общности проблем. Таким образом, комплексный подход с использованием различного психологического инструментария является наиболее оптимальным для укрепления стрессоустойчивости военнослужащих, переживших психотравмирующие события.

На основании проведенного в статье анализа можно сделать вывод о том, что проблема психической устойчивости военнослужащих требует пристального внимания и комплексного подхода. Это подтверждается статистикой распространенности ПТСР и дезадаптивных форм поведения среди комбатантов. В статье был представлен широкий обзор аппаратных, фармакологических и психокоррекционных методов повышения психологической устойчивости, которые необходимо активно внедрять и исследовать в российской армии. Особое внимание следует уделить комплексному психологическому сопровождению военнослужащих на всех этапах несения службы с использованием современных психотехнологий. Только системная работа в этом направлении позволит кардинально улучшить психическое здоровье и боеспособность российской армии, способствуя достижению целей СВО.

Список литературы

1. Жожикашвили Н.А., Малых А.С., Девятерикова А.А. ПСИХИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskaya-ustoychivost> (дата обращения: 18.01.2024).
2. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. – М. : ВУ, 2016. – 500 с.
3. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса, - М. Академический Проект, 2009. – 943 с.
4. Коррекция и профилактика хронической психоэмоциональной напряженности и посттравматических стрессовых расстройств у личного состава Вооруженных сил Российской Федерации: учебнометодическое пособие. Санкт-Петербург, ВИКУ, 2000. – 64 с.
5. Корчемный, П. А. Деятельность психолога по преодолению отрицательных психических состояний военнослужащих методами саморегуляции в мирной и боевой обстановке / П. А. Корчемный, С. Я. Алиева, Г. В. Гнездилов // Человеческий капитал. – 2023. – № 11-1(179). – С. 285-295. – DOI 10.25629/НС.2023.11.28.
6. Личностные особенности, значимые в оценке устойчивости к боевому психическому стрессу / Н. В. Зеленина, Ю. Л. Старенченко, Е. А. Чернявский, В. В. Юсупов // Психофизиология профессионального здоровья

человека : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры военной психофизиологии Военно-медицинской академии, Санкт-Петербург, 30 ноября 2022 года / Под редакцией В.Н. Сысоева. – Санкт-Петербург: Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова, 2022. – С. 77-83.

7. Майорова, Е. А. Устойчивость психики или психическая устойчивость человека / Е. А. Майорова // Живая психология. – 2014. – Т. 2, № 2(2). – С. 83-90.

8. Малашенко О. И. Эффективность лечения и возможность ее объективной оценки при посттравматических стрессовых расстройствах у комбатантов в условиях гарнизонного госпиталя // ВНМТ. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-lecheniya-i-vozmozhnost-ee-obektivnoy-otsenki-pri-posttravmaticheskikh-stressovyh-rasstroystvah-u-kombatantov-v-usloviyah> (дата обращения: 18.01.2024).

9. Никитин С. С., Куренков А. Л. Магнитная стимуляция в диагностике и лечении болезней нервной системы. Руководство для врачей. М.: САШКО, 2003. — 378 с.

10. Психофизиология профессионального здоровья человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры военной психофизиологии Военно-медицинской академии, Санкт-Петербург, 30 ноября 2022 года / Под редакцией В.Н. Сысоева. – Санкт-Петербург: Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова, 2022. – 183 с.

11. Рытенкова, Ю. Н. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и эмоционального выгорания военнослужащих / Ю. Н. Рытенкова // Социальная и личностная безопасность и защита человека: эволюция форм и современные парадигмы : материалы международной заочной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Амурского государственного университета, Благовещенск, 30 января 2015 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. – С. 106-116.

12. Сукиасян Самвел Грантович, Чшмаритян Самжел Сергеевич, Бабахаян-Гамбарян Анна Ашотовна, Киракосян Арпине Липаритовна. Терапия больных с посттравматическим стрессовым расстройством в результате боевых действий // Российский психиатрический журнал. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terapiya-bolnyh-s-posttravmaticheskim-stressovym-rasstroystvom-v-rezultate-boevykh-deystviy> (дата обращения: 18.01.2024).

13. Технологии медико-психологической реабилитации военнослужащих / И. Ф. Дьяконов, С. Е. Маркосян, В. Ю. Тегза, О. П. Резункова // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 237-244. – EDN YTUEWL.

14. Фомина, Ю. И. Психологическая подготовка как способ повышения психической устойчивости военнослужащих -участников боевых действий / Ю. И. Фомина, И. Л. Фельдман // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6. – С. 69. – EDN GEDYOG.

15. Exley SL, Oberman LM. Repetitive Transcranial Magnetic Stimulation for the Treatment of Depression, Post-Traumatic Stress Disorder, and Suicidal Ideation in Military Populations: A Scholarly Review. *Mil Med.* 2022 Jan 4;187(1-2):e65-e69. doi: 10.1093/milmed/usab187. PMID: 33993267.

16. Oberman, Lindsay & Exley, Shannon & Philip, Noah & Siddiqi, Shan & Adamson, Maheen & Brody, David. (2020). Use of Repetitive Transcranial Magnetic Stimulation in the Treatment of Neuropsychiatric and Neurocognitive Symptoms Associated With Concussion in Military Populations. *Journal of Head Trauma Rehabilitation.* 35. 388-400. 10.1097/HTR.0000000000000628.

17. Ruiz F, Burgo-Black L, Hunt SC, Miller M, Spelman JF. A Practical Review of Suicide Among Veterans: Preventive and Proactive Measures for Health Care Institutions and Providers. *Public Health Rep.* 2023 Mar-Apr;138(2):223-231. doi: 10.1177/00333549221085240. Epub 2022 Apr 9. PMID: 35403486; PMCID: PMC10031829.

18. Shenasa MA, Ellerman-Tayag E, Canet P, Martis B, Mishra J, Ramanathan DS. Theta Burst Stimulation Is Not Inferior to High-Frequency Repetitive Transcranial Magnetic Stimulation in Reducing Symptoms of Posttraumatic Stress Disorder in Veterans With Depression: A Retrospective Case Series. *Neuromodulation.* 2023 Jun;26(4):885-891. doi: 10.1016/j.neurom.2023.02.082. Epub 2023 Apr 2. PMID: 37015842.

Синякина Е.Г.

РУССКОЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОСНОВА НАРОДА

Аннотация: в данной статье исследуется роль русского дореволюционного крестьянства в формировании менталитета народа и традиционной русской культуры: отечественной истории, родного языка, литературы, живописи, музыки, искусства, государствообразующей религии, его значение в социально-экономической жизни России. Описаны созидательная, укрепляющая и сберегающая функции русского дореволюционного крестьянства как основы русского православного народа.

Ключевые слова: русское дореволюционное крестьянство, русский народ, основа, фундамент, ментальность, традиционная культура, формирование и сохранение российской ментальности, значение русского крестьянства, роль народа

Annotation: Russian pre-revolutionary peasantry's role in the formation of the mentality of the people and traditional Russian culture: national history, native language, literature, painting, music, art, Orthodoxy, its significance in the socio-economic life of Russia and the world as a whole is investigated in this article.

Russian Russian pre-revolutionary peasantry's creative, strengthening and preserving functions as the basis of the Russian Orthodox people are described.

Keywords: Russian pre-revolutionary peasantry, mentality of the Russian people, traditional Russian culture, formation and preservation of the Russian mentality, the significance of the Russian peasantry and the Russian people

Целью нашего исследования является изучение роли русского дореволюционного крестьянства как коллективного творца отечественной культуры и субъекта исторического процесса в формировании менталитета народа и созидании социально-экономической жизни России. Изучение и учет менталитета народа является важным фактором, определяющим эффективность развития и совершенствования всех сторон жизни в условиях современных общественных преобразований.

Менталитет, или психология народа, складывается веками и, являясь консервативным образованием, сохраняется и продолжает существовать в основных своих базовых характеристиках и проявлениях в рамках разных социальных систем. Корни его возникновения уходят в глубокие пласты истории.

Особая роль в формировании менталитета русского народа принадлежит нашему крестьянству, которое на протяжении многих веков являлось народообразующей социальной группой российского общества, согласно К.С. Аксакову и Л.Н. Толстому, его основной «жизненной силой». По словам К.С. Аксакова, Россия – это «мужицкое царство», поэтому сила России – в крестьянстве, в русской деревне. Если деревня пустеет, Россия беднеет. Мир русской деревни – это та среда, в которой развивалась и сохранялась душа русской нации на протяжении всей многовековой истории России, складывались психологические характеристики русского народа.

В истории России крестьянство играло ключевую роль. Вплоть до середины XX столетия Россия была страной с преобладанием сельского населения. Крестьяне в этот период представляют собой основу русского народа: в середине XIX – начале XX вв. в Российской Империи они составляли около 90% от общего числа разносословного населения страны (А.И. Куприн, А.И. Солженицын, С.Г. Кара-Мурза). Об этом образно и ярко пишет А.И. Куприн: «Когда говорят “русский народ”, я всегда думаю – “русский крестьянин”. Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это я не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность?..» (Куприн, 1934, с. 398).

Говоря о роли народа в жизни дореволюционной России, писатель Г.И. Успенский отмечал, что крестьянин «держат на своих плечах всех и вся». Поэтому мы любим его и «идём к нему за исцелением от своих душевных мук» (Успенский, 1987, с. 479).

В своём «Дневнике» Ф.М. Достоевский писал: «Я лишь за народ стою, прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто из нас ещё не

знает во всём объёме и величии их, – как в святыню верую!» (Достоевский, 1995, с. 496). Согласно мнению писателя, всемирная христианская роль русского народа, главное «предызбранное назначение» его состоит в том, чтобы «сохранить у себя... божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои» (Достоевский, 1994, с. 70–71).

Н.О. Лосский также считал, что одним из основных свойств русского народа является мессианизм, суть которого состоит в пророческом предвосхищении счастья всех народов через счастье русского народа, основанном на любви к Богу (Титаренко, 1991, с. 17).

По словам русского философа В.В. Розанова, «истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш за его смирение и терпение, за его невидность и неблистанье в союз с Собою: и этим народом Он покорит весь мир Своей Истине, которая есть именно смирение, безвидность, простота, ясность, доброта» (Розанов, 1994, с. 184–185).

Русские философы и писатели: К.С. Аксаков, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, П.А. Флоренский и др., российские духовники и прозорливцы, московские митрополиты и патриархи, оптинские старцы, были глубоко убеждены, что «без Православного Рима, без Рима Христова земля не может стоять, невозможно миру быть без народа-богоносца. А этот народ Божий какими чертами отличается? Жертвенностью, состраданием, неотмирностью. ... Значит – не от мира сего, то есть иной народ, народ-инок» (монах Салафиил (Филипьев), 2016, с. 217).

«Жертвенность, жалость, сострадание и любовь. Вот, что я увидел в глазах нищенки. Бедный простой русский народ. Народ-страдалец и страстотерпец. Неужели мы так и забудём его, так и выморим голодом, не разглядев и не услышав его глубинной почвенной правды?..», – говорит Ф.М. Достоевский (там же, с. 206).

Писатель-историк Р.А. Балакшин просто уверен, что именно «...в провинциальной тишине проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. Именно в провинции, в несуетной жизни захолустья, в деревне или маленьком провинциальном городе, рядом с земледельческим, почвенным, трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твёрдость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неутомимость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные, силы, а не на помощь со стороны» (Балакшин, 2007, с. 9–10).

«Крестьянство на Руси неизменно проявляло свои лучшие психологические черты в больших и малых делах, в которые включали его и повседневная жизнь, и многоплановые исторические события. Крестьяне

проявляли патриотизм и во время знаменитых суворовских походов, и во время героической Отечественной войны с наполеоновскими захватчиками, и во время русско-турецкой освободительной кампании. Тогда во всём величии явился миру не только несгибаемый героический характер русского народа и в первую очередь его армии, состоящей в подавляющем большинстве из крестьян, но и способность к взаимовыручке, бескорыстному служению добру», – писала Е.В. Шолохова с её соавторами (Зотова и др.; 1983, с. 53–54).

На протяжении многих тысячелетий наше крестьянство являлось главной производительной силой общества, создателем основных материальных ценностей, обеспечивало своим трудом экономическое развитие и процветание России. С момента зарождения русского государства именно благодаря крестьянству после самых тяжёлых испытаний возродилась Россия, обретая силы для дальнейшего своего развития. Крестьянство с его **природным консерватизмом** являлось опорой государства. Русский народ-труженик, способный переносить любые трудности и лишения, обладающий мужеством, выносливостью и жизнестойкостью, восстанавливал разрушенное французским, литовским и немецким вторжениями экономическое хозяйство страны.

Крестьяне столетиями формировали жизненный уклад нашей страны, отсекая от него всё, «что было лишним или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, российским климатическим условиям» (Белов, 1989, с. 5).

Деревня питала «живой силой» город. Большинство рабочих предприятий русских городов были выходцами из деревни, горожанами преимущественно в первом, реже – во втором – поколениях. Даже бывшие сельские жители, которые перешли в иные сословия, обладая **тесной связью с землёй**, в сокровенной родовой глубине души не утратили «крестьянского духа» и «сладостно томительной тяги к земле» (Байбородин, 2008, с. 94).

Русское крестьянство, аккумулируя в себе всё лучшее, что было издревле присуще русскому народу, создавало и укрепляло **народные традиции и обычаи, идеалы и ценности, нормы и духовные ориентиры** жизнедеятельности. По сути, русские национальные традиции после реформаторской деятельности Петра I **продолжали развиваться** лишь в крестьянской среде, где на протяжении веков сохранялся исконно русский образ жизни и самоорганизации⁷.

Интересно вспомнить саму этимологию дореволюционного крестьянства как основной народообразующей социальной группы российского общества. Крестьянин – общеславянское слово, производное от греческих слов «christianos» и «Christos», т.е. «христианин» и «Христос». Исходно – это «последователь Христа», затем, в древне-русскую эпоху – «православный вообще» и далее – «крестьянин». Замещение букв «х» и «к» происходит под воздействием существительного «Крест». В формировании этимологии этого слова история была сложна и необычна. Вместе с верой в

⁷ <http://www.rus-obraz.net/magazine/3/1>

Христа из Византии пришло на Русь греческое слово «христианин» («христианос»). Постепенно новая религия стала главной отличительной особенностью, по которой осёдлые пахари-русичи отделяли себя от соседей: «нехристей»: язычников или «поганых». Название «христианин» стало постепенно синонимом слов «мирный русский землепашец», так как его соседи могли быть как скотоводами-кочевниками, так и охотниками. Форма его изменилась на «хрестьянин»; а, так как христианам был свойствен обычай «креститься», поклоняться «кресту», оно звучало как «крестьянин» – «крещёный человек». Потом первое значение его забылось; крестьян стали понимать уже по-иному, просто как «земледельцев» и «хлеборобов». А затем оно превратилось в наименование целого общественного класса, и стало в глазах дореволюционных представителей высшего общества равнозначным несколько пренебрежительному слову «мужик».

Русские крестьяне, как истинные последователи Христа – «христиане», стремились воплотить в своей жизни основные нравственные ценности, христианские качества, проходя в своём бытии путь, предначертанный им в истории. Они всей душой приняли и свято хранили христианские заповеди и нормы бытия. Само слово «крестьянин» является ничем иным, как несколько видоизменённым словом «христианин». Этот лингвистический факт свидетельствует о глубоком взаимопроникновении народной и православной традиций и огромной роли крестьянства в формировании духовного ядра русской культуры и менталитета русского народа. Во многом под влиянием русского крестьянства складывались и определялись мировоззрение русского народа и культура России в целом, а также особый путь исторического развития нашей страны.

Русская традиционная культура, как «матерь» русской культуры вообще, основывалась на крестьянской общине. И этот дух общинности, соборности, взаимопомощи в труде и борьбе с внешним врагом распространился на всю русскую культуру, становясь стержневой характеристикой менталитета русского народа.

О своей «первой школе жизни – самой важной и мудрой», связанной с простым русским народом, с общением с русским мужиком, говорил и Иван Сергеевич Шмелёв в «Автобиографии»: «Ранние годы дали мне много впечатлений, и получил я их “на дворе”, – пишет о своём раннем детстве И.С. Шмелёв – В нашем доме появлялись люди всякого калибра и общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, было много ремесленников – бараночников, сапожников, скорняков, портных. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Многого повидал я на нашем дворе и весёлого, и грустного. Я видел, как теряют пальцы, как течёт кровь из-под сорванных мозолей и ногтей, как натирают мертвецки пьяным уши, как бьются на стенках, как метким и острым словом поражают противника, как пишут письма в деревню и как их читают. ...Здесь я впервые почувствовал тоску русской души в песне, которую пел маляр. Именно здесь я проникся любовью и уважением к народу, который мог всё. Он делал то, чего не могли

сделать такие, как я, как мои родные. Эти лохматые на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали брыкающихся лошадей, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали захватывающие сказки... Они дали мне много слов, много неподражаемых чувствований и опыта. Двор наш явился для меня первой школой жизни – самой важной и мудрой. Здесь получились тысячи толчков для мысли. И всё то, что тёплого бьётся в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребёнка, глазами...» (Шмелёв, 1973, с. 142–143).

Бесспорным является влияние крестьянского творчества на развитие русской литературы, живописи, музыки. К нему обращались лучшие деятели нашей культуры, черпая в нём новаторские идеи и оригинальные художественные находки. Характеризуя русскую литературу, Ф.М. Достоевский подчёркивал, что всё вековечное и прекрасное, представленное в ней в образах героев произведений А.С. Пушкина, А.И. Гончарова и И.А. Тургенева, взято из народа. Писатели заимствовали у него простодушие, честность, искренность, чистоту, кротость, широту ума и незлобивость в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному (Достоевский, 1994, с. 49–50).

Вместе с тем, письменные труды по истории Государства Российского запечатлели в основном историю великокняжеских и царских дворов, высших сословий, войн, смут и кровавых бунтов, религиозных преобразований и т.п. Крестьянству в ней отводится крайне незначительная роль. Его тысячелетняя повседневная жизнь, история развития народного духа не получила должного отражения. Не случайно писатель-этнограф М. Забылин, создатель труда «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», отмечал: «Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своём прошлом почти потеряна для нас». Автор с сожалением отмечал, что **судьба сельской Руси** оказалась незапечатлённой полтора века назад, когда в крестьянстве ещё «цвела и красовалась исконная обрядовая культура, а несметные самородные ремесленники дивили мир своим художественным творчеством и мастерством» (Байбородин, 2008, с. 94).

По словам Ю.Ф. Самарина, многие авторы XIX – XX вв. сознательно затемняли светлые стороны деревенской жизни и отрицали добрые чувства в простом народе, которые могли бы привить к нему уважение и сочувствие. Большинство же исследователей крестьянства, порой искреннее ратуя за его освобождение от гнёта крепостничества, акцентировало внимание лишь **на тяжёлой доле простого русского народа**, игнорируя при этом **светлые стороны** его жизни.

В советской литературе крестьяне изображались как тёмная, невежественная, пассивная масса, социально незрелый, не готовый к самостоятельной, сознательной революционной деятельности слой общества,

как некий антипод пролетариата. В лучшем случае умалчивались, а, чаще – критически оценивались патриархальные устои жизни русской деревни, рассматриваемые лишь как источник пассивности, безынициативности и несвободы личности.

Ф.А. Абрамов по этому поводу писал: «Сегодня все, кому не лень пинают патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, **все народы мира вышли из деревни**. А Россия деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня – это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык. Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Ведь патриархальный крестьянин – это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество» (Абрамов, 1993, с. 21).

И сегодня продолжает сохраняться тенденция выведения многих бед нашей социальной жизни – пассивности, пьянства, лени, отсутствия инициативы, антидемократических настроений – из векового крепостнического рабства и патриархальных устоев жизни народа. Подобные заявления приходят в явное противоречие с бесспорными фактами интенсивного экономического развития России в начале XX столетия. Но кем же обеспечивался этот экономический взлёт, если не крестьянством, составляющим в то время основную часть населения страны и рекрутирующим из своих рядов как пролетарские массы, так и зарождающийся новый класс российского общества – купечество?! И чем же, как не творческой мощью русского народа, можно объяснить необыкновенный взлёт культуры России с её огромным духовным потенциалом?

Отсюда следует важность и актуальная необходимость воссоздания объективного психологического портрета русского крестьянства дореволюционного периода времени. Нельзя не согласиться с М.М. Громыко, отмечающей, «что благожелательное слово о каждом народе, открывающее лучшие его качества и культурные ценности его истории, способствует тому, чтобы максимально развернулись положительные возможности этого народа» (Громыко, 1991, с. 7).

Всё сказанное приводит к выводу, что, изучая истоки и основные характеристики менталитета русского народа, исследуя присущие ему воззрения, установки, ценности, обычаи и традиции, необходимо обращаться, прежде всего, к психологии русского крестьянства дореволюционного периода, являвшегося на протяжении многих тысячелетий основой материальной и духовной силой российского общества. Именно оно наиболее полно и ярко воплощало в себе и отражало те свойства, которые присущи русскому народу вообще, являлось создателем и хранителем исконно русских норм жизни и национальных традиций.

Как пишут М.М. Громыко и А.В. Буганов, «“русскость” более открыто выражена в так называемом простом народе... В массе народной воззрения

выражаются в самой жизни, а не в специально написанных трактатах. В этом их достоверность, подлинность. Они не выдуманы искусственно – **ими живут**. Они устойчиво проявляются **в повседневности**, входят в самые основания разных областей деятельности» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

И хотя XX столетие с его лихолетьем социальных катаклизмов привело к утверждению новых форм экономических и общественных отношений, в корне изменивших традиционный уклад жизни народа, повлекшим к «раскрестьяниванию» крестьянства, частичной утрате его веками накапливаемого опыта, но всё же не уничтожило ядерные образования русского менталитета (Балакшин, Буганов, Воробьёв, Громыко, 1991, с. 5 и др.). Он сохранился и продолжает существовать в духовной сфере, мировосприятии народа, системе его базовых ценностей и отношений, скрываясь за внешними проявлениями образа жизни. Увидеть за этими внешними, порождаемыми требованиями времени, слоями жизнедеятельности **«устойчивые воззрения, присущие народу**, можно только опираясь на предшествующий период: тот, кто изучал, как они проявлялись в старину, узнает их и под покровом современной одежды» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

Таким образом, актуальность исследования менталитета русского народа, являющегося и сегодня титульной нацией в нашем многонациональном государстве, ставит перед необходимостью изучения этой проблемы на материале, позволяющем проследить её **в наиболее яркой, не затемнённой социальными наслоениями форме** – на примере изучения психологии русского крестьянства дореволюционного времени.

Этим и определяется основное направление и цель нашего исследования.

При всём разнообразии черт русского менталитета, выделяемых разными исследователями, все они сходятся в том, что основой его формирования являлась глубокая религиозность народа. Так, согласно Ф.М. Достоевскому, все народные начала, вызывающие восхищение, «сплошь вышли из православия» (Достоевский, 1994, с. 133). Такой же точки зрения придерживается Н.В. Гоголь: «Хорошо взлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере» (Гоголь, 1984, с. 78). По мнению Н.О. Лосского, все социальные (и высшие, и низшие) слои России усвоили христианство настолько, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а «Святая Русь» (Лосский, 1991, с. 171). Религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра определяется им как «основная, наиболее глубокая черта русского народа» (там же, с. 238). Отсюда, как из единого мощного ствола, проистекает комплекс свойств русского народа и, прежде всего, вызывающих восхищение практически у всех, кто когда-либо соприкасался с русскими, - духовно-душевные свойства русских людей (Лебедева, 2001, 2002). «Доверчивое смирение с судьбой, сострадательность: готовность помогать другим, делаясь своим насущным; способность к самоотвержению и самопожертвованию; готовность к самоосуждению, раскаянию – и публичному, даже преувеличение своих слабостей и ошибок; вера как главная опора характера; лёгкость умирания, эпическое спокойствие

в приятии смерти; непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком» (Солженицын, 1998, с. 161–162).

Н.О. Лосский в своей книге «Характер русского народа» упоминал такие удивительные черты русского народа, проистекающие из его духовного мировосприятия, как способность к высшим формам опыта (религиозного, мистического и молитвенного), к чуткому отклику на чужие душевные состояния (эмпатия), к страстному исканию смысла жизни и абсолютной правды, его свободолюбие (свобода духа, прежде всего), страстность и могучую силу воли, даровитость, мессианизм и миссионизм, удивительную доброту и незлопамятность (Лосский, 1991, с. 15).

Следует отметить, что Православие довольно органично «легло» на те свойства характера, которые «прирождённо, отродно» (по выражению А.И. Солженицына) присущи восточным славянам: «открытость, прямодушие, естественная непринуждённость, простота в]1234поведении (вплоть до изрядной простоватости), несуетность, юмор, великодушие, уживчивость, лёгкость человеческих отношений... отзывчивость, способность всё понять; широта характера, размах решений (“чем с плачем жить, так с песнями умереть”), открытость опыту» (Солженицын, 1998, с. 163).

В то же время, по мнению философов и писателей (Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, А.П. Чехов, А.И. Солженицын и др.), у русского народа есть один серьёзный недостаток – это его пассивность, бездейственность, беспечность, лень, мечтательное легкомыслие, отсутствие равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины.

Итак, мы видим, что русские писатели и философы, анализируя черты русского менталитета, отмечают их двойственность и противоречивость: с одной стороны, духовность, тягу к справедливости, доброту и милосердие, с другой – лень, бездеятельность, безответственность, легкомыслие, социальную пассивность.

Полонез "Прощание с Родиной" на стихи М.К. Огинского в русском переводе белорусского поэта В.В. Шарапова (1794) также выражает народную религиозность подрастающего поколения и вновь подтверждает мысль М.В. Ломоносова о том, что «лишь тот народ ждёт великое будущее, который чтит своё прошлое»: «... Там, на холме – высокий храм, / К нему я в детстве бегал сам, / Любил смотреть в глаза святым на образах, / И ангелы, летая, улыбались в белоснежных куполах. / И слышались под сводами чарующие звуки Благовеста... / Боже, храни мой край от бед и от невзгод храни, / Не дай забыть, / Куда идём мы и откуда шли: / И от сохи, и от земли, / И от лугов и от реки, / И от лесов и от дубрав, / И от цветущих спелых трав. / К своим корням вернуться мы должны. / К спасению души обязаны вернуться...» (Шарапов, 1794, Электронный ресурс).

Само слово «русский» обозначает не национальность, но принадлежность к России тех, кто считает её родиной, а её культуру – своей культурой. Так, были уничтожены миллионы крестьян, сотни тысяч казаков. Расстреляны тысячи священнослужителей, офицеров, учёных, инженеров, купцов,

государственных служащих. И, несмотря на это, наш народ вновь смог создать армию, построить экономику и вывести свою страну на передовые позиции в мире. Глядя сегодня на наших героев, мы вспоминаем о достижениях русского народа и в области науки, техники, военного дела, и в области искусства, музыки, литературы, культуры (прот. Димитрий Смирнов, 2014, с. 116).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Ф.А. Работа – самое большое счастье // Ф.А. Абрамов. Собр. соч.: В 6-и тт. Т. 5. Очерки. СПб.: Художественная литература. Санкт-Петербургское отделение, 1993. С. 20–26.

Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1981. С. 263–281.

Байборodin А.Г. Блаженны кроткие // День и ночь. 2008. № 4. Красноярск: Редакционно–издательский центр “День и Ночь”. С. 94–96.

Балакшин Р.А. Родной город // И в жизнь вечную: Повести и рассказы. М.: изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 5–27.

Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1989.

Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.

Громько М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 год // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и тт. Т. 12. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1994.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и тт. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский – ред.-сост. С.В. Супрунова. Калининград: Янтарный сказ, 2005.

Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее. М.: Наука, 1983.

Патриарх Кирилл. Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла по окончании Литургии в храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине // Троицкий листок. 2014. № 32. М.: Издательство Московской Патриархии. С. 1-4.

Прот. Димитрий Смирнов. Спасение русского народа. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С.115–126.

Розанов В.В. Возле "русской идеи" // Опавшие листья. М.: Современник, 1994.

Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. Составитель Балакшин Р.А. М.: изд-во Сретенского монастыря, 2004.

Сохряков Ю.А. Розанов Василий Васильевич: мыслитель, писатель, публицист. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=321> (Дата обращения: 21.04.2021).

Титаренко А.И. Классическая этика абсолюта // Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат. 1991. С. 5–21.

Шарапов. В.В. Полонез Огинского, «Прощание с Родиной». 1794. URL: <https://rus--songs-ru.turbopages.org/turbo/rus-songs.ru/s/tekst-pesni-hortureckogo-polonez-oginskogo/> <https://martyr.ru/?limitstart=0> (дата обращения: 20.05.2022).

Шмелёв И.С. Лето Господне. М.: Правда, 1989. С. 283-671.

Филиппьев, мон. Салафиил. Начальник тишины. Повесть-притча. Рязань: Зёрна, 2016.

**Спирин А.В., Федоришин М.И., Перевозкина Ю.М.
СТАТУСНО-РОЛЕВАЯ ПОДСИСТЕМА, КАК ПРЕДИКТОР
ОБЩНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ**

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме взаимосвязи общности коллективной ментальной модели и компонентами статусно-ролевой подсистемы военнослужащих Росгвардии. Дается обзор командных ментальных моделей, под которыми понимаются упрощенные схемы окружающей действительности. Отмечается, что общие ментальные модели облегчают взаимодействие между курсантами одного подразделения и, соответственно, повышают эффективность военно-профессиональной деятельности. Приводятся данные исследования подсистемного уровня, в котором рассмотрели лишь одну подсистему (статусно-ролевую). Полученные данные подтверждают положительные взаимосвязи между общностью коллективной ментальной модели, ролями и социометрическими статусами демонстрируют, что такая статусно-ролевая является важной и необходимой в успешном функционировании коллективной ментальной модели военнослужащих. Делается вывод о том, что коллективные ментальные модели выступают неотъемлемой частью воинского подразделения для эффективного выполнения служебно-профессиональных задач, как мирное время, так и в период проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: ментальные модели, статусно-ролевая подсистема, воинский коллектив, метасистема, курсанты.

Annotation. This article is devoted to the problem of the relationship between the commonality of the collective mental model and the components of the status-role subsystem of the Russian Guard military personnel. An overview of team mental models, which are understood as simplified schemes of the surrounding reality, is given. It is noted that common mental models facilitate interaction between cadets of the same unit and, accordingly, increase the efficiency of military professional activities. Data from a study of the subsystem level are presented, in which only one subsystem (status-role) was considered. The data obtained confirm the positive relationship between the commonality of the collective mental model, roles and

sociometric statuses and demonstrate that such status-role status is important and necessary in the successful functioning of the collective mental model of military personnel. It is concluded that collective mental models are an integral part of a military unit for the effective performance of service and professional tasks, both in peacetime and during a special military operation.

Key words: mental models, status-role subsystem, military team, metasystem, cadets.

Актуальность работы обусловлена тем, что в течение последних десятилетий исследования в области военных наук были сосредоточены на адаптации военнослужащих к различным трансформациям, которые происходят в войсках [7; 9]. Однако в представленной научной литературе не ставится вопрос о том, как рассматривается и концептуализируется организация военнослужащих с точки зрения их взаимодействия при выполнении служебно-боевых задач. В настоящей работе авторы осуществляют попытку проблематизации подобной организации военнослужащих в контексте такого концепта как ментальные модели, что позволит улучшить понимание проблемы взаимодействия военнослужащих во время выполнения ими служебно-боевых задач, с которыми сталкиваемся в повседневной жизнедеятельности.

Взаимосвязанные дискурсы и обмен знаниями между военнослужащими в процессе их взаимодействия в небольших формированиях имеют долгую научную историю [16]. Недавний научный «поворот» к командным ментальным моделям является еще одним примером таких взаимосвязей, хотя и более радикальным [10]. Таким образом, если в военной науке использовать концепции и теоретические наработки из социальных и гуманитарных наук, чтобы добиться более эффективных результатов, изучение командных ментальных моделей позволяет достичь стратегических научных и практических целей в области социального взаимодействия военнослужащих и механизмов образования военных формирований [4;5;6].

Благодаря командным ментальным моделям в исследовании социального взаимодействия военнослужащих, можно комплексно изучить такие компоненты как роли и статусы заданные определенной вводной, знания, необходимые для ее успешной реализации, а также ценности, мотивы и эмоционально-волевые аспекты, выступающие определяющими эффектами для выполнения служебно-боевых задач [5]. Это касается военной эпистемологии – того, как военнослужащие активизируют и используют знания в военных операциях [12], которые появились в основном благодаря опыту, полученному во время войн начала 2000-х годов в Афганистане и Ираке [15].

Таким образом, успешное внедрение концепции коллективных ментальных моделей в военно-профессиональную деятельность направлено на изучение формирования отделения, военнослужащие которого имеют профессиональные, специальные и должностные знания. Они разделяют одну

или несколько общих целей, социально взаимодействуют и демонстрируют взаимозависимость в ходе выполнения служебно-боевых задач [11].

Теория общей ментальной модели – это хорошо зарекомендовавшая себя теория в той области психологии, которая связывает командное познание с успешной командной производительностью [14]. Десятилетия эмпирических данных свидетельствуют о том, что командные ментальные модели являются важным предиктором функционирования команды и производительности, особенно для групп, работающих в динамичных, сложных и экстремальных условиях, а прямой диалог не всегда возможен. Командные ментальные модели позволяют членам команды очень быстро решать задачи и действовать последовательными и скоординированными способами при выполнении взаимозависимых задач [13]. Кроме того, одинаковые ментальные модели облегчают адаптацию в изменяющихся условиях, позволяя участникам группы прогнозировать действия членов своей команды. И наоборот, разные ментальные модели создают путаницу среди членов команды и могут препятствовать внедрению командных вмешательств [2]. Таким образом, теоретические изыскания относительно командных ментальных моделей показали, что они являются эффективным методом изучения механизмов и закономерностей социального взаимодействия военнослужащих в формированиях, которые могут иметь непродолжительный статус. Проведенные авторами исследования продемонстрировали, что наиболее конструктивным подходом при концептуализации теории ментальных моделей может выступать метасистемный подход [3;5;6]. В рамках данного подхода определяется, что системы могут взаимодействовать между собой, встраиваясь друг в друга в виде компонентов системы, образуя метасистему. Теоретический анализ командных ментальных моделей показал, что авторы используют для их классификации случайные критерии без попыток свести их в единую систему [6]. В то же время любое научное исследование предполагает привлечение критериев, позволяющих дифференцировать входящие в систему компоненты. В результате исследования содержания ментальных моделей нами были выделены четыре критерия эффективности общих ментальных моделей военнослужащих: общность, координация, централизация, точность. Кроме того, применительно к военной деятельности необходимо отметить, что понятие «группа» или «команда» не употребляется. Чаще всего образование и взаимодействие нескольких военнослужащих обозначается термином «воинский коллектив», под которым понимается высокоорганизованное подразделение военнослужащих, объединенных на основе воинской обязанности, способных автономно выполнять служебные, боевые и другие задачи. В этой связи нами было предложено понятие коллективных ментальных моделей.

Для улучшения исследований и практики командной работы в воинском коллективе необходимо исследование содержания ментальных моделей как общих для образовавшейся воинской формации, так и индивидуальные. В большинстве исследований командных ментальных моделей изучается

взаимосвязь между сходством ментальных моделей и эффективностью работы команды с использованием количественных методов [14]. Эти исследования подтверждают, что общие ментальные модели предсказывают производительность команды. Однако акцент на производительности и количественных методах оставил пробел в научной литературе относительно содержания и влияния ментальных моделей в конкретных условиях и для конкретных видов задач, особенно это касается военнослужащих. В этой связи цель данной статьи является углубление понимание того, как реализуются командами компоненты коллективных ментальных моделей с использованием метасистемного подхода. Применяя углубленные качественные и количественные методы, мы определяем содержание компонентов коллективных ментальных моделей, которые члены команды демонстрировали при служебно-боевых задач. В этой статье мы ограничились одним из уровней системы коллективных ментальных моделей – подсистемным, в котором рассмотрели лишь одну подсистему (статусно-ролевою). Кроме того мы сузили критериальный ряд до одного критерия – «общность», который демонстрирует степень совпадения знания, военно-профессионального опыта, мотивов (потребностей), ценностей, эмоций у военнослужащих, включенных в создание общей ментальной модели. Таким образом, мы определяем качественное ролевое наполнение и выраженность индекса социометрического статуса военнослужащих, которые могут быть более эффективными при выполнении служебно-боевой задачи воинским формированием [1].

Было проведено эмпирическое исследование с использованием авторской карты коллективных ментальных моделей. Карта содержала 9 вводных, которые военнослужащим необходимо было решить. Кроме того, им нужно было написать, какие знания и им необходимы для решения каждой вводной, также нужно было отметить какие потребности и эмоции у них возникают при решения вводной. Общность рассчитывалась посредством выявлением количества соотношения одинаковых ответов военнослужащих из каждого отделения по карте коллективных ментальных моделей по каждой вводной, а затем результаты суммировались для каждого военнослужащего. Еще военнослужащие заполняли бланк по опроснику Р.М. Белбина «Командные роли» и проходили диагностику по методу «Социометрия» (Я. Морено). Исследование проводилось на курсантах 3 года обучения двух военных институтов Росгвардии в количестве 510 респондентов (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации – N=203 курсанта и Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации – N=307). Возрастной диапазон варьировался 18-21 год. Статистических различий в группах курсантов, относящихся к разным институтам не было обнаружено (критерий t-Стьюдента для независимых групп $p > 0,05$), в этой связи мы рассматривали исследуемую выборку как однородную и рассчитывали корреляцию по критерию r-Пирсона на всей выборке. В результате проведения корреляционного анализа было обнаружено

пять положительных статистически значимых взаимосвязи (табл. 1).

Таблица 1 – Статистически значимые корреляции между критерием общности, командными ролями и индексами социального взаимодействия

Взаимосвязанные переменные	r	p
Общность & Генератор идей	0,15	0,00
	7	0
Общность & Творец	0,10	0,01
	4	9
Общность & Исследователь	0,10	0,02
	2	1
Общность & Индекс социометрического статуса	0,29	0,00
	4	3
Общность & Индекс психологической взаимности	0,40	0,00
	4	0

Анализ полученных корреляций демонстрирует, что наиболее эффективными для достижения такого критерия как общность коллективных ментальных моделей для военнослужащих являются три командных роли: генератор идей ($r=0,157$ при $p=0,000$), творец ($r=0,104$ при $p=0,019$) и исследователь ($r=0,102$ при $p=0,021$). При анализе функционала данных ролей необходимо отметить, что роль творца подразумевает эффективное руководство членами команды, генерируют необходимые действия, кроме того они способны подавить негативные эмоциональные проявления мешающие успешному выполнению служебно-боевых задач. Командная роль генератора идей заключается в том, что он накидывает большое количество идей необходимых для реализации вводной, но при этом может вступать в конфликт с другими членами команды, отстаивая свои собственные идеи. Командная роль исследователя определяется реализацией новых идей и разработок, при этом он может изыскивать ресурсы не только в самой группе, но и за ее пределами. Таким образом, в ролевом секторе вырисовывается довольно логическая картина. Так для того, чтобы коллективная ментальная модель была эффективной по критерию общности и предполагала совпадение знаний, потребностей, эмоций и пр., важными командными ролями в микрогруппе выступают три роли, которые обеспечивают генерацию новых идей и разработок (генератор идей), их реализацию и нахождение ресурсов (исследователь) и осуществление контроля за выполнением решения и руководства всеми членами группы в ходе выполнения вводной (творец). Кроме того, повышение эффективности достигается лидерским потенциалом курсантов ($r=0,294$ при $p=0,003$), т.е., чем выше социометрический статус курсант, чем он более предпочитаем и имеет уважение от своих сослуживцев, тем в большей степени он способен определить знания, потребности, эмоции и роли, которые необходимы при решении вводной и схожи с другими членами группы. Еще одна статистически значимая корреляция, демонстрирует, что чем выше индекс групповой сплоченности, тем выше у него показатель общности коллективной ментальной модели ($r=0,404$ при $p=0,000$). Следовательно, чем выше количество военнослужащих с

благоприятным статусом (звезды и предпочитаемые), тем более сплоченным является воинский коллектив, у которого наблюдаются схожее понимание таких компонентов вводной как знания, потребности, эмоции и роли.

Выводы.

Таким образом, выявленные положительные взаимосвязи между общностью коллективной ментальной модели, ролями и социометрическим статусами демонстрируют, что такая статусно-ролевая является важной и необходимой в успешном функционировании коллективной ментальной модели военнослужащих.

Коллективные ментальные модели являются важным предиктором функционирования воинской формации, особенно для тех групп, выполняющих служебные задачи в боевых и неформализованных условиях, в которых они позволяют военнослужащим даже сводного подразделения быстро решать задачи и действовать последовательными и скоординированными способами при выполнении служебно-боевых задач

Следовательно, коллективные ментальные модели выступают неотъемлемой частью воинского подразделения для эффективного выполнения служебно-профессиональных задач, как мирное время, так и в период проведения специальной военной операции. В этой связи, изучение и развитие коллективных ментальных моделей имеет особое теоретическое и практическое значение в малых группах воинского формирования в экстремальных условиях в ограниченном временном диапазоне.

Список источников

1. Большунова Н.Я., Федоришин М.И. Индивидуально-психологические особенности личности как факторы саморегуляции курсантов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2018. № 4 (46). С. 105-116.
2. Козлов В.В., Новиков В.В. Проблема коллектива в современной социальной психологии // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т 2. №20. С. 148-150
3. Мекебаев Н.С., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Конфигурации коллективных ментальных моделей при решении служебно-боевых задач курсантами Росгвардии // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 2. С. 50-59.
4. Мекебаев Н.С., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих // СМАЛЬТА. 2021. № 3. С. 65-76.
5. Мекебаев Н.С., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих в ситуации боевых действий // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 3 (9). С. 138-148.
6. Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Федоришин М.И. Ментальные модели социального взаимодействия в служебной деятельности

// электронное учебное пособие / Новосибирск: НГПУ, 2023.URL
<https://elibrary.ru/item.asp?id=53845694>

7. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

8. Bergström O., Styhre A., and Thilander P., Paradoxifying organizational change: cynicism and resistance in the Swedish Armed Forces // Journal of change management. 2014, Vol. 14, No. 3, Pp. 384-404.

9. Holmberg A. A. demilitarization process under challenge? // The example of Sweden. Defence studies. 2015, Vol. 15, No. 3, Pp. 235-253.

10. Klimoski R., Mohammed S. Team mental model — construct or metaphor // J. Mgmt. 1994, Vol. 20, No. 2, Pp. 403-437.

11. Kozlowski S. W. J., & Ilgen, D. R. Enhancing the Effectiveness of Work Groups and Teams // Psychological Science in the Public Interest. 2006, Vol. 7, No. 3, Pp. 77-124.

12. Lezaun J. Limiting the Social: Constructivism and Social Knowledge in International Relations // International Studies Review. 2002, Vol. 4, No. 3, Pp. 229-234.

13. Mathieu J., Maynard M. T., Rapp T., & Gilson, L. Team Effectiveness 1997-2007: A Review of Recent Advancements and a Glimpse Into the Future // Journal of Management. 2008, Vol. 34, No. 3, Pp. 410-476.

14. Mohammed S., Ferzandi L., & Hamilton, K. Metaphor No More: A 15-Year Review of the Team Mental Model Construct // Journal of Management. 2010, Vol. 36, No. 4, Pp. 876-910.

15. Strachan H. Making Strategy: Civil-Military Relations after Iraq // Survival. 2002, Vol. 48, No. 3, Pp. 59-83.

16. Weizman E. Walking through Walls: Soldiers as Architects in the Israeli-Palestinian Conflict // Radical Philosophy Review. 2006, Vol. 136, Pp. 8-22.

Терентьева Т. С.

ПОНЯТИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ, КАК ФАКТОРА ВЛИЯЮЩЕГО НА СОСТОЯНИЕ СЧАСТЬЯ

Аннотация: Данная статья исследует важность самоидентификации в контексте общего состояния счастья и удовлетворенности жизнью. Она рассматривает понятие самоидентификации и представляет практические стратегии и методы способствующие формированию позитивной и устойчивой идентичности.

Ключевые слова: самоидентификация, счастье, идентификация, благополучие личности, удовлетворенность жизнью, модель Мультиролевая личность

Annotation: This article explores the importance of self-identification in the context of overall happiness and life satisfaction. It examines the concept of self-identification and presents practical strategies and methods that contribute to the formation of positive and stable identity.

Keywords: self-identification, happiness, identification, personal well-being, life satisfaction, Multifrole Personality Model

Введение:

Данное исследование направлено на изучение важности самоидентификации в контексте общего состояния счастья и удовлетворенности жизнью. В современной психологической науке все больше внимания уделяется роли самоидентификации в формировании общего состояния счастья и удовлетворенности жизнью. Самоидентификация, как процесс восприятия и понимания собственной личности, играет важную роль в развитии индивида и его отношениях с окружающим миром. Данный обзор сфокусирован как на теоретическом исследовании, так и на изучении практических стратегий и методов, способствующих формированию позитивной и устойчивой идентичности, что в конечном итоге может способствовать повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью.

Целью данной статьи является рассмотрение понятия самоидентификации и представление практических стратегий и методов, способствующих формированию позитивной и устойчивой идентичности.

Исследовательские задачи: проанализировать концепцию самоидентификации в психологии, изучить влияние самоидентификации на общее состояние счастья и удовлетворенности жизнью, представить практические стратегии и методы, способствующие формированию позитивной и устойчивой идентичности.

Методология и методы исследования: для достижения поставленных целей был проведен анализ академической литературы, а также рассмотрены результаты современных исследований в области психологии личности и счастья.

Понятие самоидентификации в психологии представляет собой комплексный процесс, включающий осознание и восприятие собственной личности, ее особенностей, характеристик, ценностей, желаний и целей. Понятие идентичности, происходящее от латинского слова "identificare", что означает "отождествлять", можно трактовать как постоянное взаимоотношение человека с собственным "я", несмотря на его переменчивость. [Дряева, 2014. с. 1] Этот психологический механизм играет важную роль в формировании личности, определяя ее поведение, мысли, эмоции и отношения с окружающим миром.

Первоначально понятие "идентичность" ввел З. Фрейд, поскольку психоанализ, созданный им, направлен на выявление настоящего "Я" человека

– его идентичности. З. Фрейд исследовал внутренние конфликты и механизмы защиты личности, стремясь к пониманию того, что определяет уникальность индивида. Его работы по анализу сновидений, сознания и подсознания раскрывают сложность процессов формирования личности и влияние внутренних конфликтов на самопонимание человека. Таким образом, психоанализ Фрейда оказал существенное влияние на развитие понятия "идентичность" в психологии и сформировал основу для дальнейших исследований в этой области [Фрейд, 2017].

Американский психолог и философ Абрахам Маслоу считал, что потребность в самореализации является третьей основной потребностью человека, после удовлетворения физических потребностей и потребности в социальной защищенности. Э. Эриксон, в своей концепции, уделял большое внимание процессу формирования идентичности личности. Он представлял идентичность как нечто постоянное и устойчивое, что не прерывается во времени и признается окружающими людьми. Важно отметить, что Эриксон выделял ключевое понятие "эго-идентичность", которое означает целостность личности, выраженную в том, что "Я" остается неизменным и непрерывным в процессе жизни. Это позволяет нам сохранять свою индивидуальность и признавать себя как субъектов собственной жизни. Расширив эту концепцию, можно выделить важность взаимодействия между внутренней идентичностью и внешними факторами, такими как социальное окружение, культурные и исторические контексты. Таким образом, идентичность рассматривается как результат сложного взаимодействия между внутренним "Я" и внешним миром, формирующим наше самосознание и понимание себя в контексте общества. [Эриксон, 1996]

Р. Баумайстер в своей работе "Identity. Cultural Change" исследует широкую перспективу исторического развития понятия идентичности. Он демонстрирует, как идентичность человека формируется из ценностей и норм, характерных для определенного исторического периода [Баумайстер, 1986]. Однако в данной статье мы не фокусируемся на этом аспекте идентичности. Мы не отрицаем влияние эпохи, общества и окружающей среды на самоидентификацию человека, однако наш интерес сконцентрирован на современности и сложностях данной эпохи. Мы рассматриваем самоидентификацию как общечеловеческое понятие и субъективное восприятие. Независимо от того, каким образом она формируется - через отражение в эпохе, через взаимодействие с другими людьми и их мнениями о нас или через внутреннее определение себя самого - мы рассматриваем самоидентификацию как конструкт из всех этих факторов вместе взятых.

После всего вышесказанного нам захотелось развести понятия идентичности и самоидентификации. "Идентичность (англ. *identi* < лат. *identitās*) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым,

политическим, религиозным, культурным, гендерным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств” [Википедия]. Есть и более короткое определение из Викисловаря: “осознание индивидом себя как личности, отличной от других” [Словарь Википедия]. При чем самоидентификация по мнению Викисловаря это “соотнесённость себя с собой, восприятие собственного сознания как самотождественного, а себя самого как уникальной, онтологически целостной и самостоятельной личности [Словарь Википедия]

Идентичность и самоидентичность взаимосвязаны в том смысле, что они оба связаны с пониманием личности и ее места в мире. Идентичность представляет собой общую концепцию личности, которая включает в себя социокультурные, эмоциональные и психологические аспекты. Она может быть сформирована внешними факторами, такими как культура, общество, религия и традиции. Самоидентичность, с другой стороны, касается внутреннего самоосознания и самовосприятия личности. Она определяется индивидуальными переживаниями, убеждениями, ценностями и восприятием себя. Таким образом, идентичность и самоидентичность взаимосвязаны через процесс формирования и восприятия личности, где внешние факторы влияют на формирование самоидентичности, а самоидентичность в свою очередь влияет на восприятие и понимание идентичности личности.

Самоидентификация начинается с осознания собственного "Я" и различия между собой и другими. Этот процесс включает в себя самопонимание, самовосприятие и самооценку. Человек формирует представление о себе на основе своего опыта, взаимодействия с окружающим миром, обратной связи от других людей и собственных внутренних ощущений и мыслей. М.М.Бахтин считал, что самоидентификация начинается там, где мы начинаем осознавать, чем мы НЕ являемся [Бахтин 2000, с. 46]. “Самоидентификация это способность понимать свою индивидуальность, жить сообразуясь с ней, способность принимать себя таковым, каков есть, а не таким, каким должен быть, способность рационально относиться к своим недостаткам.” [Психология, электронный источник]

Самоидентификация также связана с формированием собственной идентичности – ощущения принадлежности к определенной социальной группе, культуре, обществу, а также осознания своих ролей и места в них. Этот процесс может быть динамичным и изменчивым, поскольку личность постоянно развивается и адаптируется к новым условиям жизни. И. А. Латыпов правильно подчеркивает, что личность является сложным социальным конструктом, включающим в себя процессы самоосмысления, самоутверждения и самореализации в контексте общественной жизни. Эта идея указывает на важность взаимодействия между внутренним миром индивида и внешним социокультурным окружением. Личность формируется

под влиянием множества факторов, включая культурные нормы, социальные структуры, личный опыт и взаимодействие с другими людьми. Понимание себя и своей роли в обществе играет ключевую роль в становлении личности каждого человека [Латыпов, 2005, с. 21].

К. З. Кеидия представляет самоидентификацию как процесс, в ходе которого индивид соотносит себя с самим собой, что способствует формированию представления о себе как о цельной и уникальной личности. Этот процесс отражает внутреннюю интроспекцию и поиск самопонимания, позволяя человеку распознать и принять свою собственную идентичность. Он обозначает важность внутреннего диалога и взаимодействия с собственными убеждениями, ценностями и уникальными чертами личности для формирования чувства самотождественности [Кеидия, 2012]. Так что определений самоидентификации много и нельзя сказать, какой правильный, а какой нет, они все имеют место быть, потому что процесс самоидентификации это сложносочиненный конструкт и даже у одного человека идентичности могут быть очень разнообразны и даже противоречить друг другу [Гоффман, 1959].

В контексте состояния счастья, не менее сложного конструкта, самоидентификация играет важную роль. Когда человек осознает свои сильные стороны, ценности и жизненные цели, когда он чувствует себя уверенно и удовлетворенно своей личностью и жизненным путем, это способствует возникновению состояния счастья. Напротив, неопределенность, конфликты в самоидентификации, несоответствие между внутренними убеждениями и внешними ожиданиями, а также недостаток самопонимания могут привести к чувству неудовлетворенности и даже депрессии.

Исследования показывают, что работа над самоидентификацией через различные методы, такие как коучинг, психотерапия, самопознание, медитация, может помочь человеку обрести более глубокое понимание себя, укрепить свою личностную целостность и достичь более высокого уровня счастья и удовлетворенности жизнью [Изотова, 2022, с.70; Полуэктов, 2021, с. 26]. Кроме того, важно отметить, что процесс самоидентификации может быть влиятельным фактором в формировании психологического благополучия [Богданова, 2021]. Поддержание гармонии между внутренними убеждениями и внешними ожиданиями, а также стремление к достижению личностной целостности, способствуют укреплению психического здоровья и повышению общего уровня жизненного удовлетворения. Дополнительно, процесс самоидентификации может быть представлен как путь к осознанию своего уникального пути и призвания. Размышления о собственной идентичности могут помочь человеку выявить свои страсти, ценности и цели, что в свою очередь может вдохновить на поиск смысла и направления в жизни. Таким образом, важно понимать, что самоидентификация является не только ключом к личностному росту и счастью, но и фундаментом для

создания более осознанной и удовлетворительной жизни. Для достижения личностной целостности может понадобиться анализ внутренних ролей, чтобы понимать, что именно, какие части себя, мы хотим интегрировать. По словам П.М. Пискарева “интегративная целостность личности в социальном ее аспекте понимается нами также и как единство элементов ролевого репертуара мультиролевой личности, их вписанность во внешний социальный топос, а также - во внутренний психологический (социально-психологический) топос личности человека” [Пискарев, 2021, с. 107].

Здесь хотим уточнить, что вопрос о влиянии состояния самоидентификации на общее чувство счастья является весьма актуальным и требует глубокого анализа. Самоидентификация проходит через несколько этапов и может изменяться в зависимости от жизненного опыта и взаимодействия с окружающим миром. Однако, наличие кризисов самоидентификации или периодов моратория не обязательно свидетельствует о несчастье или ухудшении психологического благополучия. Важно отметить, что в каждом периоде жизни человек сталкивается с различными вызовами и задачами, в том числе и в области самоидентификации. Например, переориентация и переидентификация, таких внутренних ролей, как роль матери или роль специалиста при получении новой профессии, могут быть сложными, но не обязательно приводят к ухудшению состояния счастья. Фактически, процесс самоидентификации может быть стимулирующим и приводить к личностному росту и развитию.

Состояние счастья, вероятно, зависит от общего отношения к жизни и к самому себе, а также от ощущения своей ценности и удовлетворенности своей жизнью. Это может включать в себя и общее чувство позитивной идентичности, когда человек ощущает себя уверенно и удовлетворенно своими основными ролями и целями. Имея основу из ролей, которыми человек удовлетворен, ему не составляет труда проходить кризисы идентичностей, когда это требуется [Пискарев, 2019]. Для создания внутренней опоры основных ролей по модели Мультиролевой личности “целенаправленно формируется желаемый набор ролей, определяется содержание каждой из них” [Абу-Талеб, 2021, с. 137]. Таким образом, важно не только проходить через кризисы самоидентификации, но и активно стремиться к формированию позитивной и устойчивой идентичности, которая будет способствовать общему чувству счастья и удовлетворенности жизнью.

Формирование позитивной и устойчивой идентичности, способствующей общему чувству счастья и удовлетворенности жизнью, может быть достигнуто через ряд практических стратегий и методов: *самопонимание и саморефлексия* - осознание своих сильных сторон, ценностей, увлечений и целей помогает уточнить свою личностную идентичность и понять, что действительно важно для себя. *Поддержка социальных связей* - взаимодействие с поддерживающими и позитивными людьми может помочь укрепить

самооценку и уверенность в себе. *Личностный рост и развитие* - постоянное стремление к развитию и самосовершенствованию, освоение новых навыков и знаний способствуют укреплению личностной идентичности. *Практика позитивного мышления* и повторение утверждений о собственной ценности и способностях может помочь изменить отношение к себе и укрепить позитивную идентичность. *Забота о своем физическом и психическом здоровье* - регулярное занятие спортом, здоровое питание, практика медитации и релаксации способствуют поддержанию баланса и повышению общего чувства благополучия. *Принятие себя и своих эмоций* - важно научиться принимать себя таким, какой вы есть, и разрешить себе чувствовать и выражать свои эмоции без страха или суда. *Определение собственных ценностей* и придерживание их в повседневной жизни помогает выстраивать свою идентичность в соответствии с личными убеждениями и принципами. Эти стратегии, применяемые систематически и осознанно, могут способствовать формированию позитивной и устойчивой идентичности, что в свою очередь будет поддерживать общее чувство счастья и удовлетворенности жизнью [Лапухина, 2005].

Выводы:

В результате анализа концепции самоидентификации выявлено ее важное значение для формирования личности и общего состояния счастья. Были представлены практические стратегии и методы, которые способствуют укреплению позитивной идентичности, обсуждались возможные пути применения предложенных стратегий и методов в практической деятельности, а также их потенциальный эффект на общее состояние счастья и удовлетворенности жизнью.

Самоидентификация представляет собой сложный циклический, в каком-то смысле, безначальный и бесконечный процесс, в котором основным стремлением может стать формирование позитивной и устойчивой идентичности, что, в свою очередь, влияет на общее состояние счастья и удовлетворенности жизнью. Это как выстраивание внутренней опоры на основе ценностей, чем прочнее эта опора, тем проще пройти кризис идентификации. И сам этот кризис схож с состоянием удовлетворения от преодоления препятствий, когда человек идет в препятствия из состояния интереса, азарта, воспитания духа и ради внутреннего психологического приключения, из которого он выйдет улучшенной версией себя. По итогу исследование подтвердило важность самоидентификации для достижения общего состояния счастья и удовлетворенности жизнью. Предложенные стратегии и методы могут быть полезны для индивидуального и коллективного развития личности.

Литература

1. Абу-Талeб, Д. В. Коучинг как парадигма интегрального образования: коммуникативный аспект : - дис. ... канд психол. наук. – Ярославль, 2021. – 294 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой. Спб., 2000, 40-125.
3. Богданова В. Л. Результаты исследования взаимосвязи самоактуализации, субъективного благополучия и идентификации личности// Проблемы современного педагогического образования. 2021. №71-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-issledovaniya-vzaimosvyazi-samoaktualizatsii-subektivnogo-blagopoluchiya-i-identifikatsii-lichnosti> (дата обращения: 05.04.2024)
4. Википедия, электронный источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идентичность> - (дата обращения: 04.04.2024)
5. Дряева, Э. Д. Основные концепции самоидентификации личности в социокультурном контексте: генезис и развитие / Э. Д. Дряева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 672.
6. Изотова, И. Ю. Взаимосвязь самопонимания себя счастливым и идентичности / И. Ю. Изотова // Материалы Ивановских чтений. – 2022. – № 1(36). – С. 69-71.
7. Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник ОГУ. 2012. №1 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-ponimanie-samoidentifikatsii-v-bytiynoy-strukture-lichnosti> (дата обращения: 04.04.2024)
8. Козлов, В. Личность и бытие / В. Козлов. – Ярославль : РПФ "Титул", 2024. – 242 с. – ISBN 978-5-00202-447-6.
9. Лапухина М. В. Счастье как программа нового духовного бытия современного человека // Аналитика культурологии. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/schastie-kak-programma-novogo-duhovnogo-bytiya-sovremennogo-cheloveka> (дата обращения: 05.04.2024)
10. Латыпов, И. А. Самоидентификация личности: философские аспекты / И. А. Латыпов // Вестник Удмуртского университета. Серия Искусство и дизайн. – 2005. – № 12. – С. 21-30.
11. Пискарев, П. М. Интегративная целостность и Нейрогештальт в современной практической психологии / П. М. Пискарев // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования : сборник статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции, Москва, 28 мая 2021 года. Том 5 (47). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2021. – С. 105-110.
12. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... Д-ра психол.наук. — Яр., 2019 — С. 469.
13. Полуэктов Д. А. Счастье как интегрирующий фактор человеческого бытия (в контексте коучинговой практики) // Universum: психология и

образование. 2021. №11 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/schastie-kak-integriruyuschiy-faktor-chelovecheskogo-bytiya-v-kontekste-kouchingovoy-praktiki> (дата обращения: 04.04.2024)

14. Психология, электронный источник: [samoidentity.html](#) - (дата обращения: 04.04.2024)

15. Словарь Википедия, электронный источник: <https://ru.wiktionary.org/wiki/идентичность> - (дата обращения: 04.04.2024)

16. Словарь Википедия, электронный источник: <https://ru.wiktionary.org/wiki/самоидентичность> - (дата обращения: 04.04.2024)

17. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд; пер. с нем. – М. :Эксио; СПб: Мижгард, 2017. - С. 360.

18. Эриксон Э., Идентичность: юность и кризис = Identity: Youth and Crisis : перевод с английского / – Москва : Прогресс, 1996. – С. 344.

19. Baumeister R. Identity. Cultural Change and Struggle for Self. N. Y., Oxford, 1986, С. 710

20. Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life, N-Y, 1959

Токарев Я.В.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ. МЕТАНОЙЯ.

Аннотация

В статье проанализировано понятие «метанойя» в психологическом контексте. Раскрыта тема влияния стереотипов на жизнь индивида. Приведены аспекты биологического и психологического циклов.

Ключевые слова: ум, стереотип, цикл, биогенез, ноогенез.

Abstract

The article analyzes the concept of "metanoia" in a psychological context. The topic of the influence of stereotypes on the life of an individual is revealed. The aspects of biological and psychological cycles are given.

Key words: mind, stereotype, cycle, biogenesis, noogenesis.

ВВЕДЕНИЕ

«Метанойя»: постижение запредельного в уме, изменение ума, постижение там, где ум интенционирует свою конечную цель, или же улавливание той трансцендентности, которой ум наделяет каждый свой объект. Ум схватывает и конституирует свой объект и затем его превосходит. «Ум» означает: действующее начало меры, оценивающий принцип, критерий измерений.

Каждый из нас улавливает ум, исходя из его следствий, то есть от измеренного. Понятие разума также предполагает функцию соединения элементов согласно предустановленной соразмерности. Суждение — это

законченный акт разума. Ум — это то, что определяет пропорцию, меру вещи. Так понимаемый ум отсылает к тому, кто устанавливает порядок вещей. Всякая совокупность, предстающая как порядок, предполагает действие ума. Он устанавливает свою власть над истинным, поскольку проявляет себя одновременно с первым самодвижением вещей.

Всякая психология претендует на обсуждение действия психики. В действительности же она всегда выбивается из своего русла в смежные области, разбавленные животными эмоциями или законами о предшествующем и последующем, не имеющими причинной связи. Сама же психика остается неведомой, прежде всего, в психологии.

К сожалению, говоря о человеке, мы вынуждены констатировать, что он находится в железных тисках стереотипов. *Стереотип* - это модуль конструкции, используемый «Я» без изменений, вопреки новизне исторических стимулов. Сердцем многих традиций, идеологий, всех системных и семейных рациональных установок является господствующий стереотип, вокруг которого затем скапливаются другие. В результате онтопсихологического исследования человек предстает усеченным, сведенным к совокупности двух-трех стереотипов. Даже если изначально стереотип должен быть модулем, функциональным для жизненной экономики субъекта, под воздействием рефлексивной матрицы он замедляет личностное становление.

Стереотипы можно размножать по тем чертам или образам, которые идентифицируют стиль жизни и индивида, и коллектива. Их немного — около десяти-двенадцати. Выделив эти стереотипы, можно проникнуть вглубь любой культуры — деревенской или городской, индивидуальной или коллективной, древней или современной, патологической или нормальной. Зная стереотипы и используя минимум алфавита слов и жестов, можно контролировать любую существующую антропологическую типологию этой планеты. Понимание языка и поведения племенного стереотипа позволяет общаться, не используя себя, то есть личной ценности. Речь идет лишь о простом прикосновении к смысловым пусковым механизмам местного доминирующего стереотипа. Это срабатывает в любой области (политической, законодательной, религиозной, сентиментальной, артистической, коммерческой, эротической).

Фактически, стереотипы представляют собой бегущую строку, прокручиваемую в подкорке. *Это ключевые точки опытного переживания и реакции, привитые к мнемоследам синапсов.* Поэтому для коммуникации не имеет значения семантическая опосредованность личности. Мудрец знает эту технику и использует ее всякий раз, когда кажется, что он синхронизируется с другими людьми.

Обычно стереотипы парапатологичны. Мифы также являются стереотипами. Человек живет и умирает из-за своих мифов. Сущность стереотипа состоит в том, что он является инструментом психической причинности. Благодаря рефлексивной матрице, приводимой в действие монитором отклонения, модуль основной конструкции приживается в первые годы детства (до шести лет), и в дальнейшем субъект строит свое

существование, определяя собственную типологию контакта согласно этому модулю. Возбуждение стереотипных образцов препятствует реализации онтической интенциональности субъекта, который вследствие этого оказывается на грани экзистенциального поражения, что является нормой в человеческом обществе. Индивиды проходят чередой как непрерывное перевоплощение ведущих к атрофии стереотипов.

Различные объединения, социальные, экономические, политические интересы, семейные или культурные группы, контрасты поколений, страстные психодрамы, юридическое, законодательное оформление, вспомогательные ассоциации, структуры и информационные системы и т.д., — все это, вместо того чтобы сделать опорой в диалектике открытой эволюции индивидуальные и социальные отношения, загоняют в замкнутый круг, обрекая человеческую историю на вечное повторение, вызывающее стресс.

По завершении основного процесса обучения, предусмотренного высшими институтами системного знания, для любого человека сохраняется возможность постижения своей личной истины, позволяющей ему реализовать себя и несущей удовлетворение. Несмотря на то, что наше социальное «Сверх-Я» всячески пытается скрыть эту возможность, личность по-прежнему несет ответственность за внутреннее самооткрытие и поиск окончательного выхода из состояния экзистенциальной тоски.

Усвоив модели минимального понимания социально-юридического устройства, субъект создает предварительные модели максимального понимания, вплоть до постижения неразрывности существования и Бытия. Субъект начинает самостоятельно использовать модели метафизического понимания.

Для этого незаменима *онтопсихологическая аутентифицирующая терапия*, которая, в свою очередь, требует *длительных временных затрат, постоянной решимости и рациональной способности*. Это нелегко, поскольку невозможно просто лишить субъекта усвоенных им стереотипов, чтобы он не потерял способность реагировать и ассимилировать, так как у него отсутствует какая-либо структура, позволяющая ему самоидентифицироваться.

Поэтому психотерапия должна подвести пациента, прежде всего, к пониманию нынешнего безжизненного состояния, чтобы затем помочь ему осознать заторможенный потенциал, а также устранить — с его сознательного согласия — отдельные коды, заменив их более открытыми и прогрессивными. По прошествии приблизительно трех лет толковый и активно действующий клиент постигает искусство быть учителем себе самому, постепенно перестраивая все модели поведения.

Таким образом, постоянно перестраивая собственные смысловые структуры и структуры опосредования реальности, он создает стереотипы, пригодные для использования в качестве эгоистических регуляторов между своей индивидуацией и реальностью. Тем самым, разумный и активный пациент с самого начала постепенно перестраивает собственное сознание, то

есть перед его логико-историческим «Я» открываются все более широкие возможности.

Невозможно заранее идентифицировать субъекта, совершающего метанойю, поскольку он пребывает в творческом приключении. Его можно сравнить с прозрачной речной водой, в которую никогда нельзя войти дважды.

Стереотип же, напротив, можно определить при первой же встрече, он идентифицируется по культурной памяти. К примеру, открывая «новый» роман, мне достаточно прочесть любую страницу, чтобы интуитивно понять построение всего текста целиком: точное определение стереотипа позволяет легко предугадать все возможные его виды, ассоциативно связанные согласно динамической механике комплекса. Роман всегда представляет собой внутреннее путешествие от данного индивида к его ограниченной реальности, которую можно свести к перфокарте, действующей в рамках совокупности структур. Поэтому, определив перфокарту, мне достаточно просто установить, с чем она совместима. Эта перфокарта всегда стандартна, она не может служить средством, открывающим доступ ко всему. Это один и тот же галстук, меняющий лишь фасон и цвет.

Беда в том, что несколько стереотипов фиксируют и ограничивают весь горизонт Бытия и становления.

Все может стать благоприятной возможностью метанойи, если только человек начнет понимать состояние сознания о себе самом — сознания, чьи остатки практически целиком сводятся к нескольким привычкам. Эти привычки, зачастую неосознаваемые субъектом, более заметны для окружающих. *Привычка — это феноменология стереотипа*, но она неразличима в качестве структурного модуля существования.

Афоризм «будь самим собой» приемлем в трех значениях.

1) Подкрепляющее соответствие собственному стереотипу;
2) Свое соответствие идее, или роли в системе. Субъект отождествляет себя с персонажем, предусмотренным той системой, которой он принадлежит: вор, полицейский, судья, банкир, мать, преподаватель вуза и т.д. Он — живая перфокарта, действующая клеточка системы;

3) Обновление или же изобретение специальных действий для того, чтоб практиковать совершение метанойи. Каждый из нас является самим собой, когда в истории сбывается та изначальная, метафизическая мотивация, в силу которой каждый из нас есть, несмотря ни на что. В этой третьей модели, от возможности, представившейся в существовании, актуализируется счастье в универсальном.

Некоторые аспекты биологического и психического цикла

Наблюдая за человеком с должным вниманием, мы видим в нем непрерывно проектируемую силу. В этом есть своя притягательность, возможность соучастия и необходимость инициативы.

Несмотря на данную предпосылку, то есть на бесконечность проектирования незавершенного человека, человеческое существо являет собой также поражение, регресс и повторение. Зачастую создается

впечатление, что большая часть человечества пребывает в биологическом цикле. Большинство людей рождается и непроизвольно для себя вырастает. Происходит так, будто существует нечто вроде «потолка» природы, которая поддерживает людей до окончания их развития (то есть природа поддерживает постоянный предпосылочный потенциал, сырье), чтобы обеспечить дальнейший прирост рода. Эти люди служат сырьем и, как кажется, кроме того лишь поддерживают постоянство своего цикла, биологического здоровья, и им не удастся совершить *скачок*. *Скачок* означает переход от ситуации биологического состояния в измерение психического действия.

Биологический цикл, или биогенез, это нечто предустановленное, гарантированное самой жизнью. Таково и цикличное развитие растений, животных. При нем все инстинкты исчерпываются функцией поддержания вида и самой особи, которая не идет дальше воспроизведения вида. Это один оборот опыта, который определяет человека к рождению, достижению физиологической зрелости, обзаведению потомством и смерти по исполнению функции продолжения рода. Это подчинено *высшей экзистенциальной иерархии* и составляет неотъемлемую часть порядка жизненного инстинкта. Биологический цикл возобновляет повторяемость: живой человек работает, чтобы сохранить жизнь такой, какой он ее застал, и передать неизменной следующему поколению.

С моей точки зрения, большинство людей не дотягивает даже до биологического цикла. Человек в биологическом цикле не испытывает экзистенциальной тоски. Он ощущает некоторую ограниченность, связанную со здоровьем, телом, питанием, одеждой, имуществом, но ограниченность его бытия ему неведома. Он понимает только то, что представляет значение в масштабе «иметь» (обладания), и, кажется, что он не осознает параметры «бытия».

Психический цикл, или ноогенез, раскрывает мир причин, от которых развиваются системы. Человек приходит к постижению внутреннего единства всех мифов. Используя силы своего разума, субъект выходит за пределы биологической цикличности и обнаруживает «центр управления», где программируются различные системы, действующие на нашей планете. Человек, достигший психического цикла, начинает равняться на координаты, превосходящие его самого и окружающую его среду: ему имманентна трансцендентная деятельность. Психический цикл будет таковым, если обнаруживает постоянное развитие. Ноогенез влечет за собой изменение стереотипов.

Куда бы ни направился человек биологического цикла, он всегда повторяет то, что заранее установлено биологическим видом; человек же психического цикла должен продвигаться в точно известном направлении. Его цели образуют *энергетические центры с широким радиусом действия*, которые из раза в раз разворачиваются во все больших масштабах.

Над человеком биологического цикла нависают проблемы аффективности, сексуальности, обладания людьми и владения вещами. А для человека психического цикла все они не имеют значения; для него важна лишь

способность ума освобождаться от всего, дабы практиковать высшие функции.

Человеку биологического цикла требуется только гарантированное пропитание и надежный кров: рабская природа превращает его в системный винтик замкнутого цикла. Человек психического цикла для самоидентификации постоянно стремится к преодолению границ возможного и живет штурмом метафизических вершин.

Индивидом биологического цикла является тот, кто испытывает потребность в повторении и подтверждении собственного вида. Человек психического цикла нуждается в самоидентификации на несравнимо большем, без конца расширяющемся пространстве, и так — пока он существует. Самоидентификация человека биологического типа определяется *субстанциальностью обладания*. А человеку, достигшему психического цикла, необходима *трансцендентная субстанциальность*. Он испытывает потребность в том, чтобы привести в соответствие свою психическую интенциональность и актуальное состояние жизни. В психическом цикле происходит эволюция по направлению к Бытию.

Из-за монитора отклонения и закостенелых устоев семейной среды биологический цикл перекрыл творческую интенциональность человеческой расы. Постоянная ориентация на один и тот же заданный маршрут семьи и системы с течением времени приводит к тому, что даже ранее открытый потенциал замыкается в виде наглухо закрытой структуры. То состояние, которое мы определяем как болезнь, дистонию, ненормальность, означает, что не была достигнута даже зрелость биологического цикла и отсутствует точность в плане здоровья.

Субъект, способный к трансцендентному действию, со временем может деградировать, поскольку его стабильная обращенность к воспитанию других людей приводит к существенному регрессу для него самого.

Мне неоднократно приходилось анализировать прошлое людей, которые во многом преуспели и долгие годы провели за преподаванием. Я заметил, что в молодости (от 25 до 45 лет) этих людей, преумножавших универсальные ценности, отличало величие, которое находило свой конец в регрессе и утрате генетической идентичности метафизического. На мой взгляд, это происходит потому, что когда человек высокой культуры слишком увлекается преподаванием, он перестает заботиться о самом себе и забывает об источнике собственной деятельности.

Постоянное пребывание в психическом цикле равнозначно проникновению в царство причин, в котором маленький человек на протяжении своего существования принимает сознательное участие в духовном акте. Это психическое измерение, где интенциональность протекает в своей суверенности и совершенствует свой акт актом, где душа наполняется содержанием истории, и человек становится участником всех проявлений акта творения.

В своем биологическом состоянии растения и животные обнаруживают определенную разумность, которая превышает, в среднем, экономику

человеческих существ. Основательно проанализировав среднего человека, мы раскроем его глупость: он не использует все датчики своих чувств, свое поле во всей его протяженности, он постоянно теряет равновесие, не заботится о самом себе, оставляет себя как объект на попечение других объектов. Животные, напротив, нацелены на здоровый эгоизм, постоянно настороже, всегда бдительны и доверяются только после изучения обстановки.

Человек часто полагается на беспочвенное представление о том, что все должно происходить само собой, и едва сбившись с курса, он немедленно обвиняет других. Тогда как животное, едва столкнувшись с угрозой своей жизни, уходит от опасности и вновь принимается за практическое обеспечение своих нужд. Я заметил, что животные в своем биологическом цикле в большинстве случаев значительно выше человека. Они никогда не забывают о самих себе. Человек же настолько пренебрегает собой, что больше не может к себе вернуться, теряет свою идентичность.

Тот, кто забывает о себе и не принимает мер предосторожности, связанных с взаимодействием семантических полей, остается в биологическом цикле и не может претендовать ни на что другое, поскольку он сам закладывает фундамент той ошибки, которая оборачивается для него адом. «Ад» — это ум, поставленный ниже, спущенный вниз, ставший объектом собственных последствий. У животных нет монитора отклонения, но они фиксируют некоторые воспоминания и руководствуются ими в функциональном поведении. Сознание животного всегда ориентировано на настоящий момент. А человек биологического цикла *прочитывает настоящее, непременно используя прошлое*. Этот аспект можно считать отличительным признаком, проводящим грань между биологическим и психическим циклом.

Человек биологического цикла всегда обусловлен монитором отклонения. Он хранит верность воспоминаниям, какими бы они ни были: этот человек — неизменный исполнитель. Он составляет часть исполнительного плана, и ему недоступно поле творчества, в котором столь хорошо ориентируется человек психического цикла. В своем опыте человек психического цикла воспринимает себя постоянно открытым и всегда иным, при непрерывном трансцендировании достигнутого. Все мы сначала рождаемся биологически. Но рождение в психическом цикле нарабатывается в дальнейшем. Если человек стремится к точности психического цикла, внешних законов недостаточно. Их следует рассматривать как норму цикла биологического, социальной биологии, и, несомненно, никакой закон никакого государства не может стать питательной основой психического цикла.

В каждый момент, изо дня в день человек может определить, живет ли он в биологическом или психическом цикле, по следующим результатам: в биологическом цикле субъект обнаруживает себя объективированным, в том числе на уровне рациональности, становится вещью среди вещей; в психическом цикле человек ощущает, что все сделал правильно, и подтверждением этого становится расширение его трансцендентности. В

биологическом цикле имеют место вещи, имущество. В психическом цикле все вещи становятся ступеньками, трансцендентным стартером к постоянному акту бесконечного рождения: открываются различные удовольствия и приводится в исполнение трансцендентная эстетика.

Человек биологического цикла может ставить перед собой экзистенциальные вопросы, но он не делает ничего, чтобы лично участвовать в решении экзистенциальных проблем. Многие обсуждают экзистенциальные вопросы, но не действуют.

Через принесение жертв, пройденное обучение и непрерывную сосредоточенность мы выходим к *потенциалу, готовому* для совершения креативного акта. Если открытый потенциал не инвестируется, по прошествии некоторого времени он приводит к повторяемости, при которой природа вырабатывает привыкание. Это означает регресс, субъект спокойно и безболезненно дряхлеет. Остаться в биологическом цикле — для многих уже достижение, которое означает попасть в цикл природы.

Для становления в сфере психического цикла необходимы творческие решения, ведущие к поступательному развитию. Подлинное историческое самосозидание — это творческое самоустановление. «Творить» — означает полагание новизны Бытия, то есть нового позитивного, всегда исходя из виртуальности субъекта. Для индивида психического цикла полнота, обретаемая им по мере достижения очередной ступени, является не самоцелью, а промежуточным этапом. Пиковый опыт на каждой стадии должен расцениваться как дар и дальнейшее расширение горизонтов бытия. Если мы ограничиваемся чистым созерцанием, мы обусловим тот же биологический цикл, с его стагнацией в прахе. Пиковый опыт — это переживание полноты, соответствующее способу существования субъекта, но это не последняя возможная полнота данного субъекта в ходе исторического процесса.

Изнутри незначительного или же великого пикового опыта, а значит из переживания самих себя с удовлетворенной всеохватностью, следует попытаться уловить связанную с ним настоящую потребность — эту форму новой векторной направленности, пребывающей в поиске своей исторической реализации. А именно, от достигнутой наполненности следует открыть новый путь, то есть необходимо дать самому себе новую историю. Если человек испытывает потребность в иных, великих ценностях, он должен превзойти стереотипы, не останавливаясь на них. Нет необходимости бороться со стереотипами или же их разрушать: их нужно просто преодолевать, изменяясь самому и по мере необходимости пользуясь существующими моделями для реализации своей цели, на данные модели непохожей.

Настоящий человек психического цикла поддерживает неприкосновенность доступа, как в собственный ум, так и в новую тотальную реальность. Он постоянно совершает акт метаноии. Функциональный ответ на требования собственного исторического самосозидания служит критерием для определения того, когда стоит сохранять данную модель и когда пора ее оставить, или же какую модель изобрести. Необходимо выбирать стереотипы,

которые больше всего приближают нас к ноогенезу. Это те стереотипы, которые предоставляют наибольшую функциональность для деятельности ума.

Из приспособления, корректируемого под функции роста, образуется метафизический автогенез. Основание - предназначение человека состоит в изобретении моделей усвоения реального до тех пор, пока он не проберется в онтическое видение, где каждое существующее исчерпывается своей удачностью.

Стратегия метаноии состоит в том, чтобы постоянно ставить себя дальше и выше собственных достижений. Это конституирует власть прирастать бытием: каждое достижение служит началом большего бытия. Данная стратегия состоит в обновлении моделей с прогрессирующей функциональностью, чтобы выступать проводниками максимально возможного смысла в историческую данность.

Литература

1. Менегетти, А. Тезаурус: словарь онтопсихологических терминов / А. Менегетти, М: БФ «Онтопсихология», 2007. 300 с.

2. Менегетти, А. Учебник по онтопсихологии. – 3-е изд., доп. / А. Менегетти, – М: БФ «Отнопсихология», 2010. 640 с.

3. Козлов, В. В. К 85-летию Антонио Менегетти - реализованного мастера психологии / В. В. Козлов, Я. В. Токарев // Методология современной психологии. – 2022. – № 15. – С. 5-21. – EDN MFWOEQ.

4. Козлов, В. В. Духовная психология: в поисках изначального / В. В. Козлов. – Москва : Издательство Трансперсонального Института, 2000. – 112 с. – ISBN 5-93509-001-5.

5. Козлов, В. В. Психология буддизма: четвертое колесо Дхармы / В. В. Козлов. – 2-е изд.. – Вологда : Древности Севера, 2016. – 343 с.

6. Козлов, В. В. Основы психологии духовности: высшие состояния пробуждения / В. В. Козлов. – Москва : МАПН, 2018. – 328 с.

7. Козлов, В. В. Психология жизненных сценариев : монография / В. В. Козлов, А. В. Пузырев. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. – 514 с. – ISBN 978-5-4263-1321-7. – DOI 10.31862/9785426313217.

8. Козлов, В. В. Психология творчества : свет, сумерки и темная ночь души / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. – (Международная академия). – ISBN 978-5-902396-06-2.

9. Мазилев, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В. А. Мазилев ; Международная Академия психологических наук. – Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2002. – 68 с.

10. Социальная психология : Учебник / В. В. Козлов, С. А. Трифонова, Т. М. Панкратова, Л. А. Николаева. – Москва : Гардарики, 2021. – 501 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14090-3.

11. Токарев, Я. В. Онтопсихологическая культура / Я. В. Токарев, В. В. Козлов // . – 2023. – № 17. – С. 307-315.

12. Труды Ярославского методологического семинара, Ярославль, 15–17 апреля 2004 года. Том 2. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Международная Академия психологических наук", 2004. – 336 с.

Толочек В.А.

СПОСОБНОСТИ: «ИЗМЕРЕНИЯ» ФЕНОМЕНА КАК ЕГО ЦЕЛОСТНОЕ ОПИСАНИЕ

(Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений»)

Аннотация. Анализ работ зарубежных и отечественных ученых показал наличие как важных достижений в изучении феномена способности, так и методологических и теоретических затруднений. На пути поиска путей целостных описаний феномена, («системоцентрического»), предлагается комплекс взаимно дополняющих систем описания - «измерений». «Горизонтальная» эволюция отражает континуум изменений: задатки, способности, специальные способности, профессиональные способности, профессионально важные качества, компетенции, «Вертикальная» - задатки, способности, одаренность, талант, гениальность. «Продольная» эволюция — возрастные изменения. «Самореференция систем» - механизмы самоуправления.

Ключевые слова: способности, феномен, измерения, методология, описания

Annotation. An analysis of the works of foreign and domestic scientists showed the presence of both important achievements in the study of the phenomenon of ability, as well as methodological and theoretical difficulties. On the path of searching for ways of holistic descriptions of the phenomenon (“system-centric”), a complex of mutually complementary systems of description - “measurements” is proposed. “Horizontal” evolution reflects a continuum of changes: inclinations, abilities, special abilities, professional abilities, professionally important qualities, competencies, “Vertical” - inclinations, abilities, giftedness, talent, genius. “Longitudinal” evolution—age-related changes. “Self-reference of systems” - mechanisms of self-government.

Key words: abilities, phenomenon, measurements, methodology, descriptions

Введение. «Исследование способностей человека является одной из центральных в психологическом знании задач, ее решение носит явно выраженный фундаментальный характер. Разработка проблемы способностей является важнейшим условием эффективного социально-экономического

развития общества и государства на всех уровнях их функционирования. ...если на уровне изучения эффективности деятельности конкретного человека феномен способностей позволяет раскрыть факторы и условия управления и проектирования его активности, то в аспекте изучения больших социальных групп, всего общества и государства должно быть использовано более конструктивное понятие человеческого капитала. ... развитие способностей конкретного человека выступает необходимым условием развития человеческого капитала в масштабах всей страны» [Мазилев, Слепко, 2020, с. 211]. Принимая и соглашаясь с такой оценкой высокой социальной значимости разработки проблемы, обратим внимание и на формирование двух «полюсов» оценок исследований. Проблема способностей, широко изучаемая более столетия в русле разных научных подходов, остается открытой и до конца не разрешенной «проблемой». Наряду в основном с позитивными оценками работ психологов в этой области [Кибальченко, Эксакусто, 2021; Шебланова, 2022; Шебланова, 2023; др.], ученые выражают и тревогу в отношении теории, методологии и достигнутых практических результатов [Мазилев и др., 2023; Шадриков, 2007; Шадриков, 2019].

Признавая действительную сложность проблемы, как и ее перманентную актуальность, одним из путей решения множества методологических, теоретических и практических задач, нам видится переход к описанию феномена посредством системы «измерений» (т.е., системы координат, в которых анализируются разные проявления феномена), образно — системы систем описания. Одним из оснований такого видения можно назвать неудовлетворенность настоящим состоянием реализации психологами системного подхода. Последний уже давно выступает объектом критики ведущих ученых [Зинченко, 2001; Карпов, 2015; 2024; др.]. Приведем одно из хронологически последних суждений: «... он нередко уже не приводит к ощутимым результатам — таким, которые соответствовали бы его масштабу и уровню обобщенности. Причем, трудности и проблемы его реализации связаны не только, а зачастую и не столько с недостатками — так сказать, с ошибками применения системного подхода, сколько с собственными ограничениями самого системного подхода (точнее — его традиционных и ставших классическими и каноническими его вариантов). ... эти причины обусловлены тем, что системный подход — в его современном виде, как мы уже отмечали, не является чем-то полностью сформировавшимся и окончательно развившимся» [Карпов, 2024, с. 5]. Далее автор статьи отмечает, что «наиболее конструктивной является его трактовка как развивающегося принципа, подхода» и предлагает вариант решения: «системный подход, несмотря... на свою очень высокую степень обобщенности, также должен быть рассмотрен как одна из возможных «призм видения», фиксирующая исследование не на всех реально представленных «измерениях» объекта, а на его так называемом «системоцентрическом» познании» [Карпов, 2024, с. 5].

Наша версия «концентрации» условий целостного описания психологических феноменов о том же — нужно находить и выделять

взаимосвязанные и взаимодополняющие «измерения», понятно, что они должны быть «системоцентрическим» описанием. В последних НИР цель нашего исследования определяется так: «поиск оптимальных измерений описания особенностей эволюции феномена способности и одаренность в процессах онтогенеза и субъектогенеза; методы: историко-теоретический анализ; предметно-категориальный анализ; обсуждение вероятных траекторий эволюции феномена способности» [Толочек, 2022, с. 78].

Возможные измерения феномена «способности»: варианты, аспекты, открытые вопросы

Присматриваясь к проявлениям феномена, размышляя об этой сложной научной проблеме, оптимальным на данном этапе исследования, нам видится его экспликация в четырех из множества возможных измерений, согласованных со сложившимися в психологии подходами на протяжении XX ст. «*Первое.* «Горизонтальная» эволюция феномена: изменения человека как личности и как субъекта в процессах его социализации и индивидуализации. Разные качественно-количественные преобразования в направлении (пространстве) «горизонтальной» эволюции феномена способности могут быть представлены как континуум проявлений: Задатки □ Способности □ Специальные способности □ Профессиональные способности □ Профессионально важные качества (ПВК) □ Компетенции □...»; «*Второе.* «Вертикальная» эволюция феномена: изменения и различия масштаба результатов деятельности человека как творца (субъекта), как личности, отраженные в продуктах его деятельности. Качественно-количественные преобразования феномена в плане «вертикальной» эволюции также представлены последовательными стадиями: Задатки □ Способности (способы действий, операции) □ Одаренность (действия) □ Талант (деятельность в целом) □ Гениальность (профессия, культура, историческая эпоха)» [Толочек, 2022, с. 78].

Два выделенных «измерения» согласуются с традиционными подходами к пониманию феномена способности, более или полно разработаны в русле разных научных традиций. Первый из них ранее получил операциональную разработку и в наших НИР [Толочек, 2020; 2024]; второй также может быть представлен в подобных процедурах.

«*Третье.* «Продольная» эволюция феномена: возрастные изменения человека как личности и как субъекта, структурные преобразования его способностей в процессах приобретения социального опыта, овладения новыми профессиональными функциями и социальными ролями. Подобные преобразования феномена особенно ярко проявляются в спорте, в театральной, в музыкальной сфере, когда ординарный спортсмен, актер, музыкант позже становится выдающимся тренером, режиссером, педагогом»; «*Четвертое.* «Самореференция психологических систем»: мера представленности системы «внешнему наблюдателю» как некоторая целостность и «внутреннему наблюдателю», самой себе. Можно предположить, что именно мера такой представленности (самореференции и

референции, позволяющей так или иначе использовать системой «обратные связи», проявляемые в процессах ее функционирования и эволюции)... Эти аспекты функционирования и эволюции феномена до настоящего времени остаются наименее изученными, при том, что в научный обиход уже давно вошли такие понятия, как саморегуляция, самосохранение, самоконтроль, самоизменение, метаспособности, метафункции и т.п.» [Толочек, 2022, с. 79].

В отношении дальнейшего изучения феномена названных выше «измерений» достаточно, чтобы, с одной стороны, сверять их с накопленным фактуальным базисом, с другой — намечать пути интеграции материала независимых исследований. Они также хорошо согласуются как с исторически сформированными подходами в изучении способностей [Кибальченко, Эксакусто, 2021; Шебланова, 2022; 2023; др.], так и с развивающейся методологией метасистемогенетических и метасистемных исследований в разных областях дисциплины [Карпов, 2021; 2023; Карпов, 2015, 2024; Карпов, Карпов, 2022; Кашапов, 2017; др.].

Заключение. Проблема способностей перманентно актуальна и многогранно «отражается» в различных социально-психологических явлениях [Кашапов, 2017; Кибальченко, Эксакусто, 2021; Толочек, 2019; 2021; Шебланова, 2022; 2023; Шадриков, 2007; 2019; др.]. Обращение к системе дополняющих друг друга «измерений» условно названо *эволюционно-системное описание феномена*. Принимая аргументированное утверждение В.А.Мазилова, что «со второй половины XIX столетия предмет психологии был задан слишком узко» [Мазилев, с. 9], будем считать, что переход от моно-описаний психологических явлений в парадигме одной научной традиции к более развернутым методологиям, позволит не только описывать эти явления как отдельные и особенные, но и как части целого, обозначая тем самым и указывая на контуры этого целого.

Библиографический список:

1. Зинченко В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии //Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Том 1. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2003. С. 98-134.
2. Карпов А.А. Филогенетическая эволюция психики: монография. В 2 томах. Т. II. Ярославль: Филигрань, 2021. 376 с.
3. Карпов А.А. К началам психики: монография. Москва: Изд-во Моск.ун-та, 2023. 423 с.
4. Карпов А.В. Психология деятельности. В 5 т. Т.1: Метасистемный подход. М РАО, 2015. 546 с.
5. Карпов А.В. Виртуальные качества в генезисе субъективного времени //Ярославский психологический вестник, № 1 (58), 2024 С. 5-17.
6. Карпов А.В., Карпов А.А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2022. 816 с.
7. Кашапов М.М. Психология творческого мышления. М.: ИНФРА-М, 2017. 436 с.

8. Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. Психология креативности, одаренности и гениальности. Таганрог: Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2021. 237 с.
9. Мазилев В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
10. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Человеческий капитал и способности человека: постановка проблемы // Методология современной психологии. Вып. 11 / Под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, 2020. С. 211 – 215.
11. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н., Ушаков Д.В., Шадриков В.Д. Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 5-14.
12. Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 195 – 213.
13. Толочек В.А. Континуум «задатки-способности-профессионально важные качества-компетенции»: открытые вопросы // Психологический журнал. Т. 41 № 4. 2020. С. 32–45.
14. Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2021. 496 с.
15. Толочек В.А. Четыре «измерения» психологического феномена: способности и одаренность как научная проблема // Психология способностей и одаренности: сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции (24-25 ноября 2022 г.) / под науч. ред. В.А.Мазилова – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 76-80.
16. Толочек В.А. Возможные измерения феномена «способности»: открытые вопросы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 144–166. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-144-166
17. Щепланова Е.И. Исследования проблемы одаренности в Психологическом институте: концептуальные истоки и современность // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 83–99. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-83-99
18. Щепланова Е.И. Концепции и модели интеллектуальной одаренности детей: мировые тенденции и перспективы в XXI веке // Теоретическая и Экспериментальная Психология 2023. № 2. С. 23-35.
19. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007. 284 с.
20. Шадриков В. Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 15-26.

Юмкина Е.А., Гуриева С.Д., Постанина А.В.
АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ «ШКАЛЫ
ПРОАКТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РАБОТЫ»: АНАЛИЗ
ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

Аннотация. В статье представлены результаты первого этапа адаптации Шкалы проактивного конструирования работы (Job Crafting Questionnaire) Г. Слэмп и Д. Велла-Бродрика на выборке в 800 человек. Анализ психометрических свойств показал высокую надежность субшкал и близкую к исходной версии структуру их взаимосвязей. Выявлены положительные связи всех компонентов крафтинга работы с субъективным благополучием личности.

Ключевые слова: проактивное конструирование работы, крафтинг смыслов, крафтинг задач, крафтинг отношений.

Abstract. The purpose of this article is to present the results of the first stage adaptation of the Job Crafting Questionnaire by G. Slamp and D. Vella-Broadrick on a sample of 800 people. The analysis of psychometric properties showed high reliability of the subscales and the structure of their interrelationships close to the original version. Positive relationships of the job crafting components with the parameters of subjective well-being of personality were revealed.

Keywords: job crafting, work design, cognitive crafting, task crafting, relationship crafting

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00452. https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00452 в Санкт-Петербургском государственном университете

Специалисты кадровых служб компаний часто сталкиваются с задачей повышения удовлетворенности, субъективного благополучия и производительности сотрудников. Классическим путем решения этой задачи является изменение рабочей среды организации [Kluger, DeNisi, 1996; Parker, Chmiel, Wall, 1997]. В последние 20 лет активно разрабатывается иной подход, основанный на изменении уровня осмысленности и поведения сотрудников в отношении своей работы [Black, 2001; Seligman, Steen, Park, Peterson, 2005]. Этот подход зарекомендовал себя как многообещающий не только потому, что оно может привести к улучшению самочувствия каждого конкретного сотрудника, но и потому, что довольный собой и своей работой человек приносит большую пользу своей компании [Hodges, Clifton, 2004].

Проактивное конструирование работы (или джоб-крафтинг) – понимается как совокупность способов, с помощью которых человек активно меняет физические, когнитивные или социальные характеристики своей работы. Главная мишень этих изменений – структурирование своего рабочего процесса таким образом, чтобы он максимально соответствовал его интересам и ценностям. Следовательно, джоб-крафтинг – это форма проактивного поведения, движимая сотрудником, а не руководством [Grant, Ashford, 2008].

В своей первоначальной концептуализации этого понятия А. Вжесневски и Дж. Даттон [2001] приводили доводы в пользу существования трех форм проактивного конструирования работы: крафтинга задач, крафтинга смыслов и крафтинга отношений. Тот же конструкт джоб-крафтинга был обоснован и в рамках ресурсной модели [Tims, Bakker, Derks, 2012]. В ней поведение сотрудника рассматривается как баланс между стремлением максимизировать свои трудовые ресурсы и минимизировать рабочие требования. Был создан первый диагностический инструментарий (Job Crafting Scale) для оценки четырех параметров описанного баланса. Признавая большую практическую ценность этого инструмента, стоит отметить, что в нем все же не был учтен когнитивный аспект проактивного поведения человека на своей работе. Более того, М. Тимс, А. Беккер и Д. Деркс говорили о том, что когнитивный аспект работает только тогда, когда человек не в силах что-либо реально изменить в своем положении [Tims, Bakker, Derks, 2012, с. 174].

Основоположники идеи джоб-крафтинга подчеркивали, что когнитивное творчество является тем аспектом, который наиболее тесно связан с «рабочей идентичностью», т.е. тем, как люди определяют или воспринимают себя на работе [Wrzesniewski, Dutton, 2001]. По мнению А. Вжесневски и Дж. Даттон, большая часть рабочей идентичности реализуется в ментальной сфере и функционирует как часть целостной Я-концепции личности. Хотя свою рабочую идентичность нельзя просто изменить по своему желанию, сотрудник вполне может заявить о том, кем он воспринимает себя в структуре компании и какой смысл имеет для него работа.

Эти идеи близки понятию личностный смысл в теории деятельности А.Н. Леонтьева: «... смысловые связи – это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею. Процесс их образования и есть тот чрезвычайный процесс, в результате которого возникает психологическое содержание поведения» [Леонтьев, 1994, с. 101]. Иными словами, смысл предстает конкретным содержанием, раскрываемым в деятельности и, более того, личностный смысл выступает также структурной единицей сознания. Развитие смыслов происходит в развитии мотивации человеческой деятельности, а последняя развивается через включенность в разнообразные реальные отношения человека с окружающим миром (прежде всего с миром социальным). Теория Д.А. Леонтьева углубляя эти положения, говорит о смысловой регуляции «... как об одном из главных компонентов психологической архитектоники человеческой жизнедеятельности...» [Леонтьев, 2003, с. 251]. Таким образом, мы полагаем, что проактивное конструирование человеком внутренних смысловых связей «Я-моя работа», «Я-моя компания», «Я-общество» (что входит в крафтинг смыслов) является отправной точкой общей проактивной направленности личности (в противовес невротической реактивности) [Гуриева, Юмкина, Таусенева, Марарица, 2023].

В последние годы в рамках компонентной модели Г. Слэмп и Д. Велла-Бродрик [Slemp, Vella-Brodrick, 2013] создали диагностический

инструментарий, который позволяет проверить эвристический потенциал данных теоретических утверждений. Он широко используется в прикладных исследованиях, не уступая по своим психометрическим характеристикам шкале джоб-крафтинга из ресурсного подхода.

Цель настоящего исследования состоит в реализации первого этапа адаптации русскоязычной версии Шкалы проактивного конструирования работы (JCQ) Г. Слэмпа и Д. Велла-Бродрика.

Процедура и методы. В исследовании приняло участие 800 человек. Для привлечения участников использовались, в том числе, массовые сервисы по рекрутингу испытуемых и каналы коммуникации в социальных сетях. Выборка состояла на 33% из мужчин и на 67% из женщин. Средний возраст – 39 лет. Из них 63% - сотрудники частных компаний, 24% - государственных, 9% - корпораций с государственным участием, 4% - отказались отвечать.

Перевод опросника на русский язык был осуществлен и согласован группой экспертов со степенью магистра (n=1), кандидата (n=3) и доктора (n=1) психологических наук по специальности социальная психология, свободно владеющих английским языком, ознакомленных с содержанием шкал и структурой «Шкалы проактивного конструирования работы» (Job Crafting Questionnaire, JCQ) Г. Слэмпа и Д. Велла-Бродрика (2013). Процедура обратного перевода не проводилась, поскольку в нашу задачу входило достижение смыслового соответствия пунктов, а не их точный перевод.

Шкала проактивного конструирования работы состоит из 15 вопросов, образующих три субшкалы по пять вопросов в каждой:

1 субшкала – крафтинг задач (Task Crafting) – пример вопроса «насколько часто Вы внедряете новые способы, приемы для улучшения своей работы»;

2 субшкала – крафтинг смыслов (Cognitive Crafting) – пример вопроса «насколько часто Вы напоминаете себе о значимости вашей работы для общества в целом»;

3 субшкала - крафтинг отношений (Relationship Crafting) - вопроса суждения «насколько часто Вы дружите на работе с людьми, имеющими схожие навыки или интересы».

Предлагается оценить степень частоты выполнения описанных действий по 6-балльной шкале, где 1 – «крайне редко»; 6 – «очень часто».

Для первичного анализа психометрических свойств методики применялись шкалы: «Удовлетворенности жизнью» Э. Динера и др. в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; «Индекс общего хорошего самочувствия ВОЗ-5» (WHO-5); социально-демографическая анкета.

Процедура обработки данных. Для расчета согласованности шкал опросника использовался коэффициент α -Кронбаха. Анализировалась корреляционная структура шкал с использованием коэффициента r -Пирсона. Проводился анализ средних значений с помощью критерия t -Стьюдента. Расчеты осуществлялись в программе IBM SPSS Statistic 20.0.

Результаты и их обсуждение.

В таблице 1 представлены средние значения по субшкалам методики для совокупной выборки, а также для мужчин и женщин (статистически значимых различий по полу обнаружено не было).

Таблица 1
Описательные статистики для субшкал ПКР (n=800)

Параметры	Совокупная выборка (n=800)		Мужчины (n=263)		Женщины (n=533)	
	М	SD	М	SD	М	SD
Крафтинг задач	3,78	1,06	3,77	1,11	3,79	1,03
Крафтинг смыслов	3,78	1,20	3,70	1,28	3,83	1,15
Крафтинг отношений	3,60	1,18	3,56	1,16	3,62	1,18
Крафтинг_общий	3,72	1,00	3,67	1,04	3,75	0,97

Стоит отметить, что средние схожи с данными Г. Слэмп и Д. Велла-Бродрика (2013). С учетом того, что максимально возможное значение по шкалам составляет 6 баллов, полученные показатели указывают на средний уровень выраженности каждого из измеряемых параметров.

В таблице 2 содержатся данные по внутренней согласованности субшкал и общего показателя крафтинга работы (α Кронбаха).

Таблица 2.
Статистики надежности субшкал ПКР и сравнение с оригинальной версией

Шкала	Альфа Кронбаха	N элементов	Альфа Кронбаха исходной версии	N элементов исходной версии
Крафтинг задач	0,83	5	0,87	5
Крафтинг смыслов	0,89	5	0,89	5
Крафтинг отношений	0,83	5	0,83	5
Крафтинг_Общий	0,92	15	0,91	15

Для всех субшкал значение α соответствует хорошему уровню внутренней согласованности ($\alpha > 0.80$). Для субшкалы крафтинга смыслов оно приближается к 0,9. Совокупная согласованность методики составляет 0,92. Сопоставление с оригинальной англоязычной версией показывает схожие результаты.

В таблице 3 показана структура корреляционных связей как между субшкалами, так и со сторонами субъективного благополучия.

Таблица 3.
Корреляционные связи субшкал методики JCQ с психологическим благополучием

Параметры	Крафтинг задач	Крафтинг смыслов	Крафтинг отношений	Крафтинга работы (общ)
-----------	----------------	------------------	--------------------	------------------------

Крафтинг смыслов	0,655**			
Крафтинг отношений	0,651**	0,623**		
Крафтинга работы (общ)	0,871**	0,875**	0,872**	
Индекс хорошего самочувствия	0,404**	0,431**	0,445**	0,489**
Удовлетворенность жизнью	0,387**	0,431**	0,366**	0,453**
Примечание: в таблице приведены значения коэффициента корреляции r-Пирсона ** - $p < 0.01$				

Субшкалы методики имеют умеренные прямые взаимосвязи друг с другом. Что говорит о том, что они измеряют близкие, но нетождественные стороны проактивного поведения человека на работе. Все компоненты крафтинга положительно связаны как с индексом хорошего самочувствия, так и с удовлетворенностью жизнью. В целом, картина связей отражает тот факт, что чем в большей степени человек осмысливает свою работу в контексте более глобальных перспектив жизни, чем лучше он структурирует свои задачи и коммуникации, тем лучше он себя чувствует и доволен течением своей жизни. Справедливо и обратное, меньшая проактивность человека в отношении своей работы сопряжена с ухудшением его самочувствия. Мы можем также отметить, что крафтинг смыслов в одинаковой степени связан как с самочувствием, так и с удовлетворенностью жизни. В то же время сила связей крафтинга задач и крафтинга отношений меньшая для удовлетворенности жизни. При этом проактивность в социальных связях сильнее опосредует хорошее самочувствие человека. Отмеченные статистические особенности позволяют нам предполагать, что крафтинг смыслов – это действительно важная составляющая общего самоощущения человека. Можно утверждать и обратное: человек скорее готов инициировать изменения в своей работе, когда он хорошо себя чувствует и доволен собой. Вопросы влияния здесь остаются открытыми.

Нами не было обнаружено связей компонентов проактивного конструирования работы с возрастом респондентов. Можно предполагать, что это некая общая направленность личности. При этом, была выявлена слабая отрицательная связь ($r = -0,134$, $p < 0,05$) субшкалы крафтинга смыслов с количеством компаний, которые сменил человек на момент прохождения исследования (такой вопрос содержался в анкете). Получается, что чем в большем количестве компаний поработал человек, тем ниже показатели осмысленности им работы в общей стратегической логике его жизни. Вероятно, такой человек находится в поиске своего места в социальной

структуре, либо он мотивирован иными целями (к примеру, заработком или меньшей обременительностью труда).

Обнаружилось также достоверное отличие ($t=-1,97$; $p<0.05$) в показателях крафтинга отношений у сотрудников государственных и частных компаний. Так, у работников государственного сектора выше значения по этому параметру ($M=3,77\pm 1,2$), чем у работников частного ($M=3,52\pm 1,2$). Вероятно, в государственных компаниях сильнее направленность на развитие и укрепление внутрикorporативных связей.

Заключение.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что проактивное конструирование человеком своей работы имеет много значимых как для сотрудника, так и для организации последствий. В данном исследовании была проверена внутренняя согласованность и общая структура русскоязычной версии шкалы проактивного конструирования работы Г. Слэмп и Д. Велла-Бродрика. Анализ показал, что шкала обладает высокой внутренней согласованностью. Корреляционная структура схожа со структурой в исходной версии. Перспективой исследований в рамках адаптации данной методики является ее дальнейшая валидизация с анализом факторной структуры, сопоставлением со шкалой крафтинга работы, разработанной в рамках ресурсного подхода, а также с ценностными ориентациями личности.

Список литературы:

1. Гуриева С. Д., Юмкина Е. А., Таусенева М. С., Марарица Л. В. Содержательные компоненты концепта «джоб-крафтинг»: подходы к операционализации и механизмы функционирования // Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – Т. 4. – № 72. – С. 122-133.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
3. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 287 с.
4. Black В. The road to recovery // The Gallup Management Journal. – 2001. – V. 1. – №4. – P. 10-12.
5. Grant A. M., Ashford S. J. (2008). The dynamics of proactivity at work // Research in Organizational Behavior. – 2008. – V. 28. – P. 3-34.
6. Hodges T. D., Clifton D. O. Strengths-based development in practice // Positive psychology in practice. Hoboken, NJ; John Wiley & Sons, Inc, 2004. – P. 256-268.
7. Kluger A., DeNisi, A. (1996) The effects of feedback interventions on performance: A historical review, a meta-analysis, and a preliminary feedback intervention theory // Psychological Bulletin. – 1996. – V. 119. – №2. – P. 254-284.
8. Parker S. K., Chmiel N., Wall, T. D. (1997). Work characteristics and employee well-being within a context of strategic downsizing // J. of Occupational Health Psychology. – 1997. – V. 2. – №4. – P. 289-303.

9. Seligman M. E. P., Steen T. A., Park N., Peterson C. Positive psychology in progress: Empirical validation of interventions // American Psychologist. – 2005. – V. 60. – № 5. – P. 410-421
10. Slemp G. R., Vella-Brodrick D. A. The Job Crafting Questionnaire: A new scale to measure the extent to which employees engage in job crafting //International Journal of wellbeing. – 2013. – V. 3. – №. 2.
11. Tims M., Bakker A. B., Derks D. Development and validation of the job crafting scale // J. of Vocational Behavior. – 2012. – V. 80. – №1. – P. 173-186.
12. Wrzesniewski A., Dutton, J. E. (2001). Crafting a job: Revisioning employees as active crafters of their work // Academy of Management Review. – 2001. – V. 26. – № 2. – P. 179-201

Список авторов

Баяхметова А.С. (Астана, Казахстан) - студентка 3 курса Евразийского Национального университета им. Л.Н.Гумилева

Бугайчук Т.В. (Ярославль, Россия) - доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Вайсман С.Е. (Екатеринбург, Россия) - доктор психологических наук, Действительный член МАПН, психолог, бизнес-наставник

Верещагина А.А. (Калининград, Россия) - доктор психологических наук, доцент кафедры гуманитарных, естественнонаучных дисциплин Западного филиала РАНХ и ГС, действительный член МАПН,

Власов Н. А. (Москва, Россия) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет

Володичева Е.В. (Уфа, Россия) - гештальт-терапевт, магистр клинической психологии, аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Уфимского университета науки и технологий

Габбасова А.А. (Астана, Казахстан) - магистр психологии, старший преподаватель кафедры психологии Евразийского Национального университета им.Л.Н.Гумилева,

Гуриева С. Д. (Санкт-Петербург, Россия) - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор, заведующая кафедрой социальной психологии.

Дмитриева Л. Г. (Уфа, Россия), доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Уфимского университета науки и технологий

Дьяченко Е.Н. (Санкт-Петербург, Россия), аспирант Института психологии творчества Павла Пискарева

Журавлев А.Л. (Москва, Россия) - доктор психологических наук, профессор, действительный член РАН, научный руководитель ИП РАН

Евдокимова Н.В., (Санкт-Петербург, Россия), аспирант Института психологии творчества Павла Пискарева

Капарова З.Б. (Алматы, Казахстан), психолог, директор Центра по психосоматике

Карпов А.А. (Ярославль, Россия) - ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, доктор психологических наук, доцент, действительный член МАПН, профессор РАО.

Карпов А.В. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии, член-корреспондент РАО, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», действительный член МАПН

Кашапов М.М. (Ярославль, Россия) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии,

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
действительный член МАПН

Китаева М.П., (Москва, Россия) - кандидат биологических наук,
соискатель ученой степени доктора психологических наук Института
психологии творчества

Китова Д.А. (Москва, Россия) - доктор психологических наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИП РАН

Клещенко А.Д. (Москва, Россия) - студентка 3 курса, Российский
государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн.
Искусство)

Ковалев А.В. (Санкт-Петербург, Россия) – практикующий психолог,
ведущий тренингов личностного роста.

Козлов В.В. (Ярославль, Россия) – президент Международной Академии
Психологических Наук, доктор психологических наук, профессор кафедры
социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова,
действительный член МАПН.

Коллонтай Г.А. (Санкт-Петербург, Россия) - соискатель ученой степени
кандидата психологических наук АНО ДПО Институт психологии творчества
Павла Пискаревёва

Корнев С.А. (Иваново, Россия), кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет, кафедра
непрерывного психолого-педагогического образования

Корнеенков С.С., (Владивосток, Россия), кандидат психологических
наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Костригин А.А. (Москва, Россия), кандидат психологических наук,
доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Мазилов В.А. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского, действительный член
МАПН.

Макарова К.В. (Москва, Россия), доктор психологических наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет, зав. кафедрой
психологии младшего школьника

Меркульев М. Ю. (Иркутск, Россия), директор по учебному процессу
Школы Открытого диалога, ведущий эксперт рабочей группы EduNet НТИ

Меркульева Т. А. (Иркутск, Россия), к.псх.н., методолог Школы
Открытого диалога

Миროнова Т.И. (Кострома, Россия), доктор психологических наук,
профессор, профессор кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской
государственный университет

Пантюшина С.В. (Иваново, Россия), кандидат психологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет, кафедра
непрерывного психолого-педагогического образования

Перевозкина Ю. М. (Новосибирск, Россия) - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

Постанина А. В. (Санкт-Петербург, Россия) - ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», аспирант кафедры социальной психологии

Просекин М. Ю. (Иркутск, Россия), к.ф-м.н., директор ООО "Инситилаб"

Ратникова В.Ю., (Москва, Россия), бакалавр 4-го курса Института экспериментальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета

Рожкин А.В. (Москва, Россия), соискатель кафедры психологии Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского

Розанов И.А., (Москва, Россия), канд. мед. наук, научный сотрудник Центра изучения и профилактики эффектов долговременной изоляции и лаборатории психологических и психофизиологических исследований профессиональной деятельности, виртуальной реальности и компьютерных психотехнологий, ГНЦ РФ – Институт медико-биологических проблем РАН; старший преподаватель кафедры Общей психологии Института экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет

Саркисова Е.И. (Москва, Россия), аспирант 2го года обучения, младший научный сотрудник ИМБП РАН

Синякина Е.Г. (Москва, Россия), кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского Гуманитарного Университета

Слепко Ю.Н. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, действительный член МАПН.

Спирин А.В. (Москва, Россия) - кандидат психологических наук, член-корреспондент Международной Академии Психологических наук, полковник, начальник отдела организации высшего профессионального образования – заместитель начальника управления образования, Главное управление кадров Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

Сумнительный С.В. (Кострома, Россия), аспирант кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственной университет

Терентьева Т.С. (Кампо -Турес, Италия) - соискатель на звание кандидата психологических наук, Институт психологии творчества

Тетерина Д.Е. (Астана, Казахстан) - студентка 3 курса Евразийского национального университета

Токарев Я.В. (Магнитогорск, Россия) - кандидат психологических наук, член-корреспондент МАПН, Генеральный директор ООО «Управляющая компания «Фаэтон»

Толочек В. А. (Москва, Россия) - доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, Федеральное государственное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук (ИПРАН)

Федоришин М.И. (Новосибирск, Россия) - кандидат психологических наук, майор, преподаватель кафедры военной педагогики, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

Шаменков Д. А. (Иркутск, Россия), директор НОЦ «Информационные и социальные технологии в медицине» Сеченовского университета

Шепелева С.В. (Кострома, Россия), кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственный университет

Юмкина Е. А. (Санкт-Петербург, Россия) - кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», старший преподаватель кафедры социальной психологии.